

МОРИС ШАМИС (СИМАШКО)

A black and white portrait of Moris Shamis (Simashko), a middle-aged man with receding hair, looking directly at the camera with a serious expression. He is wearing a dark, textured jacket.

100 *ЛЕТ* СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

**ЧЕТВЁРТЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЧТЕНИЯ,
посвящённые творчеству
Народного писателя Казахстана**

Ассамблея народа Казахстана
Евро-Азиатский Еврейский Конгресс
Объединение юридических лиц Ассоциация «Мицва» РК
Институт литературы и искусства
имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК

100 **ЛЕТ** **СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ**

МОРИС ШАМИС (СИМАШКО).

Четвертый международные литературные чтения,
посвящённые творчеству Народного писателя Казахстана

***Издание осуществлено
при спонсорской поддержке
семьи Алекса Гильмана***

Алматы
2024

УДК 821 (574)
ББК 84 (5Каз-Рус)
М79

Руководитель проекта А.И. Барон

Редакционная коллегия:

А.А. Арцишевский, М.М. Ауэзов, С.В. Ананьева (ответственный редактор), А.И. Барон, К.Н. Галай, А.Н. Карлюкевич, М.А. Кулкенов, К.С. Матыжанов, И.А. Чугайнова

Морис Шамис (Симашко). Четвертые международные литературные чтения, посвященные творчеству Народного писателя Казахстана Март 2024 г., Алматы, 2024 г. – 372 стр.; Язык – казахский, русский, английский.

Типография «VESTA»

ISBN 978-601-06-9442-2

Научные статьи и публикации, включенные в данный сборник, составленный по итогам Международной научно-практической конференции «Поэтика литературного текста и художественный перевод», посвящены культурному смыслу художественных произведений М. Симашко и коммуникативным стратегиям известного писателя. Литературоведы, театроведы, критики, преподаватели вузов, общественные деятели, писатели прослеживают трансформацию архетипических мотивов, сюжетов, образов в творчестве М. Симашко в русле мифопоэтики литературы Казахстана. Проза казахстанского автора с мировым именем определяется как лиро-эпическая и историко-хроникальная, сравнивается с произведениями Ф. Достоевского, Л. Толстого, Г. Уэлса, Л. Украинки, поэзией М. Лермонтова и Н. Коржавина, сказками П. Бажова, с прозой белорусского автора В. Короткевича и А. Гайдара, современных писателей Казахстана В. Михайлова, Е. Турсунова и многих других.

Сборник адресован филологам-литературоведам, специалистам-гуманитариям и широкому кругу читателей, любителей художественной словесности.

ISBN 978-601-06-9442-2

© Объединение юридических
лиц Ассоциация «Мицва»
Республики Казахстан, 2024 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Барон Александр. Приветственное слово</i>	7
Приветствие	
<i>Азильханов Марат.....</i>	9
Пленарное заседание	
<i>Ауэзов Мурат</i>	
Он из истории пришёл в наш мир... ..	10
<i>Астанькович Дмитрий</i>	
Нити дружбы и памяти	11
<i>Габдуллин Бигельды</i>	
Эпические тексты по законам короткой прозы	12
<i>Карлюкевич Алесь</i>	
Проникая в глубины истории	14
<i>Кулкенов Мереке</i>	
Он остаётся нашим писателем навсегда	15
<i>Матыжанов Кенжехан</i>	
Поэтика художественного слова и перевод	16
<i>Мамраев Бейбут</i>	
Его переводческое мастерство	17
<i>Прокопенко Леонид</i>	
Его творчество – неотъемлемая часть казахской культуры	18
<i>Смагул Елубай.</i>	
Первопроходец «бейбарсоведения»	20
<i>Сулейменов Олжас</i>	21
<i>Тамендаров Фархат</i>	
Любовь родине его не покидала никогда	21
Научные публикации	
<i>Алмухан Риза</i>	
Философия жизни М. Симашко (о «Четвертом Риме»)	23
<i>Ананьева Светлана, Сагинтаев Эмиль</i>	
Евразийство Мориса Симашко	27
<i>Ананьева Светлана, Бурцева Алина</i>	
Картина литературной жизни: осмысление творчества М. Симашко в трудах Б. Мамраева.....	33
<i>Арцишевский Адольф</i>	
Незабываемое.....	40

<i>Ахметова Лайла</i>	
Первый исторический роман об эпохе Сасанидов.....	43
<i>Багоцкий Сергей</i>	
Россия, история и любовь	48
<i>Весоловски Томаш</i>	
«Штрафники» – кадры Красной Армии 1940-1945 годов.....	61
<i>Винник Розалинда</i>	
Человек в трагических испытаниях эпохи в повести	
М.Д. Симашко «Гу-га».....	62
<i>Галай Карина</i>	
Исторические романы М. Симашко сквозь призму	
времени (культурологический аспект).....	68
<i>Галай Карина</i>	
Морис Симашко: по следам французских изданий	75
<i>Демченко Лариса</i>	
Художественный мир Мориса Симашко	78
<i>Джолдасбекова Баян, Баянбаева Жадыра,</i>	
<i>Таттимбетова Куралай</i>	
Архетипический мотив воды в мифопоэтике М. Симашко.....	84
<i>Джумагалиева Узим</i>	
Книга как предмет материальной культуры	
в прозе М. Симашко и В. Михайлова	91
<i>Джумагельдинова Дария</i>	
Человек, в котором жила история	97
<i>Жаксылыков Аслан</i>	
Шелковый путь в литературе Казахстана	102
<i>Қалиасқарова Айнұр</i>	
Көркем аударма саласының майталманы – Морис Симашко.....	104
<i>Калиева Альмира, Маткеримова Раушан</i>	
Геопоэтика художественного текста	110
<i>Кацев Александр</i>	
Исторический роман как метафора	116
<i>Кацман Юлия</i>	
Специфические особенности переводческой	
интерпретации прозы М. Симашко	118
<i>Каштелюк Юрий</i>	
Путь к своим корням	124
<i>Кемельбаева Назгуль, Демченко Алена, Ананьева Светлана</i>	
Историко-биографический роман М. Симашко «Колокол»	
в аспекте семиотики культуры	129
<i>Кривошапова Татьяна</i>	
Наследие Мориса Симашко в курсе русской	
литературы Казахстана	140

<i>Мукан Амангельды</i>	
Театрально-драматургическое движение как социокультурное явление	147
<i>Mun Olga, Vegvari Valentina, Ananyeva Svetlana</i>	
Maurice Simashko: from the hungarian travel Vambery to influence on Central Asian historical prose.....	151
<i>Мурадов Руслан</i>	
Как же хорошо он писал!	157
<i>Оразбекова Зейне, Жанабаева Айнур</i>	
Морис Симашко и переводческие трансформации в казахстанской прозе	158
<i>Оразбекова Фатима</i>	
Проводник духовного согласия	162
<i>Орда Гүлжаһан</i>	
Әдебиеттегі тарихилық пен жанрлық ізденістер	167
<i>Рақыш Жұмашай</i>	
«Емшан» повесіндегі фольклоризмдер	182
<i>Рыбченко-Демьяненко Евгения</i>	
Трансформация образа камня в повести М. Симашко «Хадж Хайяма» и в романе Ф.М. Достоевского «Подросток»...	190
<i>Рыбченко-Демьяненко Евгения, Долгушева Татьяна</i>	
Нравственный выбор в повести М. Симашко «Искушение Фраги».....	198
<i>Сабыржанова Мереке</i>	
Концепт <i>Родина</i> в художественных произведениях казахстанских авторов о султанах Бейбарсе	207
<i>Садвокасова Айгуль, Светлана Ананьева</i>	
Образные миры Мориса Симашко.....	212
<i>Салыкова Эльмира</i>	
«Он пришел к нам из истории...»	216
<i>Косыбаев Сагымбай</i>	
«Давар»	218
<i>Хамраев Алимжан, Нурагунова Гунчан</i>	
Бейбарс в произведениях «Емшан» М. Симашко и «Мамлюк» Е. Турсунова: национальный дискурс.....	220
<i>Чернова Надежда</i>	
Повороты сюжетов Симашко.....	228
<i>Шагимолдина Маржан</i>	
Қазіргі қазақ әдебиетінің даму тенденциялары мен бағыттары	238
<i>Шашкина Гульжан</i>	
Повесть М. Симашко «Емшан» в школьном изучении	242
<i>Шмидт Александр</i>	
Жрец Солнца и Слова	248

<i>Щеголева Людмила</i>	
Посвящается 100-летию М. Симашко	253
Эстафету принимает молодежь	
<i>Бобко Ирина</i>	
Читая эссе школьников	258
<i>Цой Светлана</i>	
Уроки классики	260
<i>Саутова Мехрибан</i>	
Слово, победившее человека	261
<i>Касымова Зере</i>	
Прочитать и задуматься	264
<i>Lee Alina</i>	
The essay based on the narrative of M. Simashko «Emshan»	265
<i>Куттыбек Ансар</i>	
Обращаясь к основам основ	267
<i>Tsoy Svetlana</i>	
Maurice Davidovich Simashko and his creativity	279
<i>Арцишевский Адольф</i>	
«Емшан» в потоке времени	280
Публикации в СМИ	
<i>Шашкова Любовь</i>	
Морис Симашко. «История перед нами не виновата...»	284
<i>Ананьева Светлана</i>	
Диалог через века	290
<i>Брусиловская Елена</i>	
Приоткрывая завесу времени	296
<i>Ананьева Светлана</i>	
Феномен Мориса Симашко. К 100-летию писателя	318
<i>Брусиловская Елена</i>	
История как познание мира	329
<i>Каשתлюк Юрий</i>	
Роман с историей	335
Түйіндеме / Резюме / Summary	342
Сведения об авторах	348
Информационное письмо	357

ПРЕДИСЛОВИЕ

БАРОН АЛЕКСАНДР

100-летие со дня рождения Мориса Давидовича Симашко, отмечаемое в этом году, придает нашим Чтениям значение особое. В Доме-музее М. Ауэзова мы провели Международную научно-практическую конференцию «Поэтика литературного текста и художественный перевод», подчеркнув вклад М. Симашко в теорию и практику художественного перевода как области современной компаративистики.

Исследователь и художник М. Симашко создал свой сверхтекст, включающий *другой* взгляд на происходившее. Видел он и *иную* перспективу. Время было для него понятием, соотносимым с теорией относительности: «То, что случилось две тысячи шестьсот лет назад, и случившееся вчера находятся в одном ряду», – напишет автор «Четвертого Рима» и добавит: «Истинная культура – основание всему остальному».

Слово первично и творяще... Слово объединяет единомышленников и представителей разных гуманитарных наук, молодых исследователей и читателей, кому интересны художественные и публицистические тексты М. Симашко. Признанный мастер художественного слова построил свой, собственный мир, понять и осознать который – задача нового поколения исследователей...

На протяжении последних лет под научным руководством Аслана Жаксылыкова, Сауле Абишевой и Светланы Ананьевой в Казахском национальном университете имени аль-Фараби, в Казахском национальном педагогическом университете имени Абая и в Восточно-Казахстанском университете имени С. Аманжолова защищены докторские Р(h)D и магистерские диссертации по прозе М. Симашко. Талантливая молодежь принимает активное участие в ежегодных литературных Чтениях.

Расширяется и география участников, охватывая Казахстан, Великобританию, Венгрию, Беларусь, Германию, Израиль, Кыргызстан, Польшу, Россию, Турцию, Узбекистан...

Прошлой осенью в Астане, в Национальной академической библиотеке Республики Казахстан мы провели презентацию научного сборника «Морис Шамис (Симашко)», изданного по итогам Третьих Международных литературных чтений. Приветственные слова руководства Ассамблеи народа Казахстана и Научно-экспертного совета АНК, членов АНК и НЭС АНК, известных деятелей культуры, науки, прозвучавшие на презентации, и некоторые доклады мы включили в новый сборник.

Институтом литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК изданы научные сборники «Литература Казахстана в зарубежных источниках / Шетел дереккөздеріндегі Қазақстан әдебиеті» (2021) и «Қазақстан әдебиетінің шетелде қабылдануы / Зарубежное восприятие литературы Казахстана» (2023), на страницах которых опубликованы статьи о творчестве М. Симашко в переводах с польского и французского языков.

Впервые мы предлагаем вниманию наших читателей лучшие эссе старшеклассников средней школы №95 города Алматы, победителей конкурса школьных сочинений о художественных произведениях Народного писателя Казахстана М. Симашко.

ПРИВЕТСТВИЕ

АЗИЛЬХАНОВ МАРАТ

Дорогие друзья! В этом году отмечается 100-летие одного из основателей жанра исторической прозы, мастера литературного перевода, Народного писателя Республики Казахстан Мориса Давидовича Симашко.

Морис Давидович был удивительным человеком. Он был частью истории нашей страны со всеми ее трагедиями и достижениями.

У него был свой, особенный путь писателя, который привел его в литературу через историческую науку. Он был и остается выдающимся прозаиком. Его многогранная личность и сейчас привлекает внимание литературоведов многих стран.

Морис Симашко основал школу нового исторического романа в Центральной Азии. Был автором двадцати книг. В одной из своих книг «Дорога на Святую Землю» Морис Давидович вспоминает своих друзей – Аскара Сулейменова, Калтая Мухамеджанова, Фаризу Онгарсынову. Он дружил с Николаем Ровенским, Шериазданом Елеукеновым, Герольдом Бельгером и был самым переводимым казахстанским писателем. По его сценариям поставлено около 10 фильмов.

Морис Давидович по-особенному относился к своей второй Родине – Казахстану. По его словам, «Казахстан – поистине зеркало мира, представляя из себя сердцевину континента. Мировые религии и сопутствующие им конфессии в той или иной мере представлены здесь и мирно соседствуют».

Мы чтим память выдающегося писателя Мориса Симашко. Нам остаются книги и добрая память о нем как историком-романисте, сценаристе, наследие которого представляет большую духовную ценность для молодого поколения и почитателей его таланта.

Он из истории пришёл в наш мир...

Стало доброй традицией в день рождения писателя проводить литературные чтения в его честь! Наша встреча – возможность еще раз соприкоснуться с Морисом Давидовичем. Выразить благодарность судьбе за то, что у нас был Симашко. Он из истории пришел в наш мир... Первым открыл феномен Шелкового пути.

История жила в писателе: Морис Симашко не только обладал уникальным даром передавать атмосферу эпох, но и являлся живой энциклопедией. Его произведения побуждают к познанию. Повесть «Емшан» – начало, дерзость прорыва. «Четвертый Рим», который я читал в рукописи, считаю главной книгой М. Симашко. Это редкая, исповедальная литература.

У Семена Липкина есть стихи о народе И – особом племени, идущем впереди. Так вот, Морис Симашко – достойный представитель народа И. Он обладал редчайшим даром входить в иные миры, просто и убедительно через горький запах полыни рассказывая нашу историю. Отсюда – абсолютная достоверность характеров от времен Бейбарса и персидского средневековья до современности.

Желаю новых открытий и новых прочтений художественных произведений М. Симашко!

АСТАНЬКОВИЧ ДМИТРИЙ

Нити дружбы памяти

Уважаемые участники презентации, представители этнокультурных центров, писатели, преподаватели вузов!

Казахскую и белорусскую литературы, как известно, связывают нити дружбы и памяти. Год назад мы имели честь присутствовать на премьере художественного фильма Бекболата Шекерова «Лето 1941 года...» о партизанской юности Ади Шарипова, у которого, как говорил сам писатель, две родины – Казахстан и Беларусь. Великую Отечественную войну Ади Шарипович встретил в Беларуси, став комиссаром партизанского отряда на Могилевщине. Об этом его художественные произведения, публицистика... Министр иностранных дел и просвещения Казахской ССР, депутат Верховного Совета СССР и КазССР, председатель Союза писателей Казахстана, директор Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова ... Таков его славный послевоенный путь.

Писатели-фронтовики Казахстана и Беларуси свято берегли память о прошлом. В Алматы в средней школе имени Ади Шарипова открыт музей писателя, где среди экспонатов бережно хранятся письма, переписка, в том числе, и с белорусскими прозаиками и поэтами.

Сотрудничество с писателями Беларуси продолжается и в наши дни. В рамках Договора о сотрудничестве Союза писателей Беларуси и Издательского дома «Звезда» с Союзом писателей Казахстана, Институтом литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, литературно-художественным журналом «Простор» издан первый литературный альманах «Казахстан – Беларусь», осуществлены новые переводы на казахский и белорусский языки текстов литераторов двух братских стран. В коллективных монографиях Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова представлены разделы о белорусской литературе.

За активное участие в исследовании творчества Народного писателя Казахстана Мориса Симашко, популяризацию его творчества в Беларуси медалью «Морис Симашко» награждены председатель Союза писателей Беларуси, главный редактор парламентской газеты «Звезда», директор Издательского дома «Звезда» Александр Карлюкевич и заместитель председателя Союза писателей Беларуси, главный редактор литературного альманаха «Літаратураі мастацтва» Алексей Чарота. В своих статьях исследователи из Беларуси проводят интересные параллели между творчеством Мориса Симашко и белорусскими авторами.

Позвольте выразить благодарность за участие в сегодняшней презентации и пожелать успешного проведения в 2024 году Четвертых Международных литературных Чтений, посвященных творчеству Народного писателя Казахстана Мориса Симашко.

ГАБДУЛЛИН БИГЕЛЬДЫ

Эпические тексты по законам короткой прозы

Уважаемые коллеги, уважаемые друзья! Я хочу искренне поздравить всех от имени казахского ПЕН-клуба с юбилеем Мориса Давидовича Симашко. Мы уже четвертый год в этот день встречаемся и начинаем вспоминать творчество Мориса Давидовича, чтить его память. И в этом смысле господин Александр Барон и наша неутомимая Светлана Ананьева делают все, чтобы память о нем оставалась в нашей памяти и в наших сердцах.

М. Симашко был выдающимся писателем современности. Об этом говорили не только литературные критики Казахстана, не только российские и советские критики, но об этом говорили и французы, немцы, итальянцы и скандинавский мир. Живущий сейчас Михаил Веллер (помните его имя?) говорит о том, что в Казахстане был великолепный писатель, которого мы, к сожалению, не чтим... Надо знать его имя – Морис Симашко. Из творческого наследия М. Симашко он выделяет романы «Маздак»

и «Искушение Дабира». Последний «написан по законам очень короткой прозы. Написано это алмазным резцом! Вот кому попадется, прочитайте – не пожалеете. Морис Симашко звали его».

Литература проходит, но человеческие отношения остаются. Эти слова А. Адамовича, как никакие другие, подходят к литературному творчеству М. Симашко. Для него литература была превыше всего! Ни религия, ни социальные связи, никакие литературные разговоры, для него не имели особую ценность. Для него самой главной была литература.

Написав свои бесценные произведения «Емшан», «Семирамида» и другие, он с поразительным мужеством сохранял верность литературе. И в этой верности чувствуется аристократическая гордость, мужество человека, прошедшего суровое горнило войны военным летчиком. Он был смелым военным летчиком и имел боевые награды.

Мне сегодня не хотелось бы останавливаться подробно на анализе и творчестве Мориса Давидовича, для этого есть симашковеды, великолепные литературоведы. Они это все расскажут. Это лучше сделает специалист. Скажу лишь, что творческий и гражданский подвиг Мориса Давидовича ярко характеризуют строки великого поэта:

Никому отчета не давать,
Себе лишь самоуслужить и угождать;
Для власти, для ливреи ни гнуть ни совести,
ни помыслов, ни шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданиями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиления.
Вот счастье! вот права...

Морис Симашко был счастлив вот именно потому!
Спасибо за внимание!

КАРЛЮКЕВИЧ АЛЕСЬ

Председатель Союза писателей Беларуси

Проникая в глубины истории

Дорогие участники Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Мориса Симашко!

Рад приветствовать всех вас от имени Союза писателей Беларуси, а также от Издательского дома «Звезда», у которого сложились давние, многолетние партнерские связи с казахстанскими литературоведами, писателями, прежде всего – с Институтом литературы и искусства имени М.О. Ауэзова.

Историческая проза, проникающая в самые глубины человеческого мироздания, проза, в которой проявляется философское осмысление планетарного пути в течение многих столетий, занимает особое место не только в читательском сознании. Историческая проза – не только часть художественной литературы, она является частью мировой культуры.

Не случайно всегда или почти всегда путь настоящих произведений, связанных с рассмотрением истории нашего общества на разных этапах, непросто, со многими сложностями выстраивался в поиске своего читателя. Не случайно литературно-художественная критика, стремящаяся обслужить современный ей литературный процесс, часто оказывалась в растерянности перед большими величинами, перед большими художниками слова, сумевшими создать яркие произведения, показать яркие художественные образы и символы.

Чем больше мы будем обращать к творчеству Мориса Симашко, тем больше мы сделаем по существу в деле сохранения гуманистических устремлений и казахской, и других национальных литератур, и вообще мировой литературы в целом.

В белорусском художественном пространстве давно завоевал свое прочное место классик национальной литературы Владимир Короткевич. Его можно смело называть побратимом, фронтовым побратимом Мориса Симашко на передовой линии художественной литературы. И Морис Симашко, и Владимир Короткевич, и другие их масштаба исторические писатели

по-прежнему открывают наши глаза на многие события и явления, учат нас тому, как выстраивать отношения с действительностью, как точно ощущать дыхание завтрашних преобразований.

Желаю всем участникам конференции плодотворной работы и новых открытий в осмыслении творчества Великого Мориса Симашко!

КУЛКЕНОВ МЕРЕКЕ

Он остаётся нашим писателем навсегда

Сегодня день рождения Мориса аға. Он был прекрасным переводчиком. Есть расхожие фразы: перевод начинается там, где кончается словарь. Я бы добавил, что перевод начинается там, где начинается настоящий, не уступающий автору талант переводчика и обязательно истинное желание донести на языке перевода не только смысл произведения, но и всю красоту и мощь языка первоисточника. Для этого нужно не только знать психологию и традиции народа – носителя языка, но и любить его.

Государственную премию М. Симашко получил за перевод романов Ильяс Есенберлина и Габита Мусрепова. Первый писатель, который за перевод получил Государственную премию! Мы этим тоже гордимся.

Этим и отличался Морис Давидович, и мы гордимся им. Его переводы Габита Мусрепова, Ильяс Есенберлина и многих других казахских прозаиков получили широкое признание. Видимо, это одна из причин того, что не поощренный в советское время писатель нашел истинное признание в Независимом Казахстане. Удостоившись всех высоких государственных литературных званий, а самое главное – завоевав настоящую любовь и благодарность читателей, через два года после получения Государственной премии, он стал Народным писателем. Первым из казахстанских писателей он стал Народным. Почему? Потому что он был достоин этого.

Он дружил со всеми писателями, почти со всеми писателями Казахстана. С А. Нурпеисовым были настоящими друзьями.

Стал вице-президентом Казахского ПЕН-Клуба. Был членом комиссии по присуждению Государственной премии Республики Казахстан в области литературы и искусства. Всегда выступал, говорил хорошие слова. Знал всех хорошо, потому что долгое время работал в издательстве «Жазушы».

Дружил с М. Ауэзовым, Д. Снегиным, Г. Бельгером. С Г. Бельгером они были как родные братья. Поэтому мы чуть-чуть всегда сожалеем, что он уехал туда, куда не надо было. Но все равно он остается нашим писателем навсегда.

МАТЫЖАНОВ КЕНЖЕХАН

Поэтика художественного слова и перевод

Уважаемые участники Международной научно-практической конференции «Поэтика литературного текста и художественный перевод», посвященной 100-летию со дня рождения Народного писателя Казахстана Мориса Симашко!

Четвертый год в Алматы, в городе, где жил и создавал художественные и публицистические произведения Лауреат премии мира и духовного согласия, номинант на Нобелевскую премию Морис Симашко, мы проводим Международные литературные Чтения, посвященные его творчеству. Многие интересные сюжеты о далекой и не столь отдаленной истории воплотились в литературных текстах. Родной Казахстан стал местом творческого вдохновения, реализации творческой мысли, задумок, планов.

Признанный переводчик на русский язык произведений Ильяса Есенберлина, Габита Мусрепова, Утебая Канахина, Токена Алимкулова, Дукенбая Досжанай тонкий стилист Морис Симашко прекрасно понимал важность научного подхода к проблемам художественного перевода и продумывал оптимальные пути его развития.

Проза Мориса Симашко известна далеко за пределами Казахстана, переведена на более сорока языков народов мира.

У писателя были свои, особые отношения со временем и историей, которую он как бы чувствовал, и она обступала его со всех сторон. Люди и события в «Повестях Черных и Красных песков», «Емшан», «Хадж Хайяма», «Искушение Фраги», романах «Колокол», «Маздак», «Комиссар Джангильдин», «Семирамида», в книге «Четвертый Рим» воплощают дух определенной исторической эпохи. Жанры произведений разнообразны: пьесы, повести, романы, очерки, этюды, орнаментальная проза, публицистика. Произведения Мориса Симашко экранизированы, по ним осуществлены театральные постановки на подмостках театров многих стран.

Литература – сложный процесс, тысячами нитей связанный с состоянием общества. «В литературе не бывает других путей, кроме прямого», – был убежден казахстанский писатель, который продолжает свой диалог с читателями и исследователями своего творчества уже XXI века, оставаясь одним из лучших русских писателей века XX-го.

Искренне желаю участникам Международной научно-практической конференции «Поэтика литературного текста и художественный перевод» из Казахстана, Беларуси, Великобритании, Венгрии, Израиля, России, Кыргызстана, Турции интересной и результативной работы, новых научных открытий в результате современного прочтения художественных произведений Мориса Симашко!

МАМРАЕВ БЕЙБУТ

Его переводческое мастерство

Уважаемые коллеги, участники Международной научно-практической конференции «Поэтика литературного текста и художественный перевод»!

Проблема познания в творчестве М. Симашко – одна из центральных. Об этом я говорил в своем докладе на Третьих Международных литературных чтениях, посвященных наследию

М. Симашко. Творчество М. Симашко сыграло большую роль в развитии психологического, философского анализа в литературе. Помимо поэтики художника важно всесторонне и глубоко изучить его переводческое мастерство. Практически, это тема сегодняшней конференции. Благодарю организаторов за то, что учли мое мнение.

Когда мы говорим и вспоминаем Мориса Давидовича, то всегда возникает перед нами тема и мы к ней обращаемся – художник и время. Можно быть прекрасным художником, написать читаемые, популярные произведения... А к произведениям М. Симашко всегда будут возвращаться, чтобы сверить себя со временем. Морис Давидович сумел древние времена приблизить к нам, показал, что человечность, интеллектуальность, преданность своим идеям вне времени.

Мир меняется ежеминутно, но его основа, стержень не меняются. Человек должен оставаться человеком в любое время, в любых условиях, и тогда у мира есть шанс.

Главное у М. Симашко – преемственность времен в передаче и сохранении основополагающих и неизменных человеческих ценностей, константы человеческого бытия.

Международные Чтения М. Симашко ждет интересная дорога – дорога познания человека...

ПРОКОПЕНКО ЛЕОНИД

Его творчество – неотъемлемая часть казахской культуры

Уважаемые участники презентации сборника статей «Морис Шамис (Симашко)» по итогам Третьих Международных литературных чтений, посвященных творчеству Народного писателя Казахстана.

Прежде всего хотел бы сказать, что для меня большая честь принимать участие в знаковом событии Казахстана в области истории, культуры, литературы, филологии, которое убедительно

и наглядно отражает огромный культурный потенциал наших этносов. Их вклад в культуру Казахстана.

И лучшего примера, чем Морис Симашко в данном случае найти трудно. Его жизнь и биография завораживают своей драматургией, которая свойственна только сильным людям.

Когда я читал о нем, меня подспудно преследовала мысль, что в каком-то смысле по духу своему и насыщенности жизни, внутренней энергии и стремлению к новизне Морис Симашко очень напоминает мне Джека Лондона, его неумное стремление жить и тягу к приключениям, а также его героев.

И тот, и другой не были писателями кабинетного типа.

И если Дж. Лондона притягивал Дикий запад и Север, то М. Симашко очаровал Восток, а конкретно, Казахстан. Именно здесь на благодатной казахской земле раскрылся его талант, получивший всенародное признание.

И от этого выиграли все. От большого культурного явления всегда выигрывают все, кто находится в его орбите.

М. Симашко для многих народов и культур удивительно свой в своем творчестве. Его творчество стало органичной и неотъемлемой частью казахской культуры. Точно также, как и русской, и еврейской.

А это значит, что М. Симашко стал точкой сборки в культурной идентичности граждан Казахстана. Сегодня об этом будут говорить на профессиональном языке культурологи, филологи, писатели.

Но если говорить о значении его наследия сегодня с точки зрения реальной политики, то продвигая парадигмы новой общественной этики «Әділетті Қазақстан – Адал Азамат», всегда можно и нужно помнить о творчестве М. Симашко и о нем самом как воплощении высоких человеческих и моральных качеств.

Нам всем очень важно говорить и доносить сегодня до молодого поколения суть творчества М. Симашко, сберечь его для следующих поколений нашей страны. И труд авторов сборника, раскрывающего творчество М. Симашко, сегодня очень важен для всех нас, для тех, кому не довелось общаться с ним лично.

Безусловно, презентация сборника статей «Морис Шамис (Симашко)» по итогам Третьих Международных литературных чтений, посвященных его творчеству – это значимое событие и в культуре, и в науке Казахстана. Подчеркну это еще раз. И очень отраднo, что происходит оно на площадке Научно-экспертного совета Ассамблеи народа Казахстана – института, главной задачей которого является консолидация граждан страны в единую нацию.

Позвольте выразить огромную благодарность автору проекта Александру Иосифовичу Барону – председателю Совета Ассоциации «Мицва», члену Ассамблеи и ее Совета. А также Евро-Азиатскому Еврейскому Конгрессу, Институту литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, Институту прикладных этнополитических исследований, редакционной коллегии и лично Мурату Мухтаровичу Ауэзову, Светлане Викторовне Ананьевой, Айгуль Какимбековне Садвокасовой и всем, благодаря кому состоялось издание и презентация этого замечательного сборника.

Я поздравляю вас всех с этим весомым вкладом в культурную копилку Казахстана и желаю Вам успехов в ваших трудах и поисках.

Благодарю за внимание.

СМАГУЛ ЕЛУБАЙ

Первопроходец «бейбарсоведения»

Дорогие друзья!

Помню первое впечатление от чтения повести Мориса Симашко «Емшан», автор которой впервые поведал об истории мамлюка кипчака Бейбарс. До этого мы почти ничего не знали об этом великом полководце –нашем предке, правившем Египтом.

Морис Симашко был первопроходцем «бейбарсоведения» в Казахстане.

Это был его большой поступок гражданина, писателя.

Мы никогда не забудем этот его подвиг, Морис аға!

СУЛЕЙМЕНОВ ОЛЖАС

Мы помним Мориса Симашко, безусловно. Мы тесно общались в 70-е годы. Во многом это было счастливое время для творчества, издания произведений, но и непростых моментов тоже хватало, и о них с Морисом Симашко можно было говорить – он умел слушать, давал выговориться. Морис Симашко был вдохновенным человеком. Его глаза светились, когда он находил интересную тему. И, как-то невзначай, на одной из встреч я подал ему идею повести «Емшан». Я тогда изучал историю Средневековья, влияние тюрков на культурные процессы в Евразии и наткнулся в украинском архиве на материал о молодых кыпчаках, которых продавали на невольничьих рынках в Крыму на юго-запад Азии, на Ближний Восток, в Северную Африку. Этих парней помещали в военные школы, нечто вроде средневековых суворовских училищ, и там воспитывали в строгости. После нашего разговора Симашко погрузился в изучение этой темы, так родилась его повесть «Емшан», которая фактически открыла миру султана Бейбарса. Симашко был напичкан знаниями. И другие писатели, общаясь с ним, начинали ощущать тот творческий порыв, который был у него. Он мог вдохновлять на творчество других. М. Симашко был редким человеком еще и в том смысле, что никогда не проходил мимо чужой проблемы. Если нужна была его поддержка – всегда помогал. Произведения Симашко раскрывают пласты истории Казахстана, истории Востока и воспитывают читательский интерес к истории.

ТАМЕНДАРОВ ФАРХАТ

Главный редактор журнала «Простор»

Любовь к родине не покидала его никогда

Приветствую всех участников конференции!

Посмотрите на лицо этого человека, оно излучает свет и как будто он присутствует сейчас здесь, с нами. У меня ощущение близости с писателями той поры наступило только тогда, когда

я пришел работать в этот журнал и сел в кабинет, который наполнен собранным за 90 лет литературным материалом. Какая это фантастика!

Я каждый день окунаюсь в это. Беру подшивки, которые сохранили редакторы, работающие до меня. Читаю и вижу, что немало работ Мориса Симашко. Когда он творил, я был еще школьником... Все вы знаете, какое впечатление на всех произвел написанный им «Емшан».

Я считаю, что Бейбарс заговорил именно голосом М. Симашко. Благодаря ему мы узнали, о чем он думал. Когда-то еще А. Майков написал об этом сюжете... Морис Давидович глубоко знал историю, все расписал. Я с удовольствием напечатал в третьем номере журнала эту повесть... И я думаю, что современный читатель снова окунется и с удовольствием прочитает. Великолепно передан не простой образ Бейбарса. Он шел к власти... А его любовь к родине выразилась в том, что этот запах, запах травы емшан и интересное слово «куке». Оно оказалось волшебным. Слово волшебное и понятно, любовь к родине его не покидала никогда. Здесь должны прозвучать слова и самого Мориса Давидовича.

Я хочу воспроизвести цитату из статьи Светланы Ананьевой: «Воссоздавая путешествие с друзьями по Центральной Азии, М. Симашко остается верен себе, наполняя документальную повесть “Великий Шелковый путь или анабазис с иностранцами” глубокими раздумьями о прошлом, об истории и роли Великого Шелкового пути, его достопримечательностях, о творениях духа и рук человеческих. Описывая Хорезмский оазис, автор размышляет о том, что чудеса света не обязательно должны быть огромными, как Родосский колосс или пирамиды. “Здесь это был небольшой по сравнению с другими куб усыпальницы Саманидов. Но великая соразмерность и отточенность линий, первородная, гениальная скупость средств выражения заставляли вспомнить, что именно тут рождались алгебра и поэзия дари”»...

Философия жизни М. Симашко (о «Четвертом Риме»)

У каждого человека есть своя философия по поводу того, как прожить эту земную жизнь. У Мориса Давидовича Симашко философия особенная. Читатель воспринимает его как человека с большим сердцем, с доброй душой, отзывчивого. Родился он в Одессе. В Майкопе закончил девятый класс, с университетами и институтами за полдня до прихода немцев был эвакуирован через Закавказье в Среднюю Азию. Обосновались в Туркменистане, в Байрам-Али (старый Мерв). М. Симашко поступает в двухгодичный учительский институт и подает заявление, чтобы его отправили в действующую армию. Осенью сорок третьего в военкомате удовлетворили его просьбу. Но его отправили не в авиацию, куда он стремился, а в снайперовскую школу. Но в «Четвертом Риме» о военных годах он не пишет, об этом он рассказывает в повести «Гу-га».

Где бы он ни был: в Туркменистане или в Казахстане его узнавали по добрым поступкам, отзывчивому сердцу, по активной гражданской позиции. В казахском языке есть слово «Азамат»! В переводе на русский язык – гражданин, а в широком смысле – человек, который достоин высоких похвал и почестей. Пример для всего общества.

«...Десять лет он жил и работал в Туркмении – в Мерве, потом в Ашхабаде... Он из советского времени, но мне казалось, что он из другой исторической эпохи. Он любил так историю, что мог свободно входить в пространство прошлого, и делился с нами не только своими мироощущениями, ценными сведениями, но и такими подробностями, какие мог знать только очевидец.

... Живя в Туркмении, Морис Шамис часто общался с юным активистом комсомола Сапармурадом Ниязовым. Позже, когда Ниязов стал Туркменбаши, он поручил одному известному

туркменскому писателю передать приглашение М. Симашко жить в Туркмении... Ответ тоже ясен. Лучшие кинокартины на “Туркменфильме” поставили по произведениям М. Симашко» [1], – вспоминает Ильга Мехти.

Когда он работал в редакциях местных газет, его основным, близким по душе жанром был фельетон: «...писал я, в основном, фельетоны. И все, созвучные сегодняшнему разоблачающему времени, что мне в пору бы этим гордиться» [2, с.48]. Но «строители» «Четвертого Рима» не дали полного расцвета этому жанру, требуя от сотрудника редакции «положительного фельетона». Смешно или, можно назвать, грешно. Таким людям писатель дает иронический ответ: «Честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой» [2, с.48].

«Четвертый Рим» М. Симашко можно назвать исповедью, открытым разговором, осмыслением истории. Рассказывая о тех годах, когда он работал в редакциях газет «Туркменская искра», «Советская культура» и специальным корреспондентом по Средней Азии и корреспондентом «Учительской газеты» по Средней Азии и Казахстану он задается вопросом: «”Делал ли я что-нибудь полезное в те годы?”. Можно ведь и писание колхозных очерков оправдать философией жизни». И сам признается, что выбрал трудоемкий и беспокойный жанр – фельетон. «Я был потрясен. До меня не доходило, до какого падения нужно дойти, чтобы обворовывать детей-сирот... Можно ли настолько не любить свой народ?!». Далее автор пишет: «Не мешает подумать и о том, что скажут потомки» [2, с.173].

М. Симашко открывал Восток: жил в Туркменистане, Таджикистане, Казахстане, был в Киргизии. Он не просто отрабатывал свои часы в редакциях, дружил с учеными, писателями, с которыми ему довелось ступать на барханы Каракума, увидеть своими глазами раскопки.

Вспоминая детские годы, автор пишет: «Сколько помнится, в детские годы не слышал я слова “жид”. ... лишь в войну услышал я слово “жид”, произносимое вслух, без оглядки. Ничего, кроме чувства гадливости, это у меня не вызывало. И никогда не ощущал я по этому поводу собственной

ущербности» [2, с.141]. Но ради исторической справедливости он отмечает имевший место, к сожалению, антисемитизм.

Метафорично назвав свое произведение «Четвертый Рим», автор не забыл вспоминать добрыми словами хороших людей, с кем ему довелось жить на одной Земле. «Долголетняя, самая близкая человеческая дружба и поныне связывает меня с Абдижамилем Нурпеисовым, казахским писателем с мировым именем.

...Всю жизнь дружу с ученым-литературоведом Шерйазданом (именно так писал имя Ш. Елеукунова М. Симашко и настаивал на том, что так правильно. – *Р.А.*) Елеукуновым, драматургом и остроумнейшим человеком Калтаем Мухамеджановым, великим знатоком казахского языка, ученым и переводчиком Герольдом Бельгером, поэтом Олжасом Сулейменовым....». Вспоминает Алексея Белянинова, Николая Ровенского, Ануара Алимжанова, Аскара Сулейменова [2, с.103-104].

Переводчик на русский язык «Кочевников» Ильяса Есенберлина отмечает: «Русский читатель (а когда книга стала переводиться с русского на другие языки, не только русский) как бы открывал для себя то, что именуется ныне Евразией. ...Нелишне добавить, что впервые в ней реабилитирован образ чингизида Кенесары Касымова, внука хана Аблая, возглавившего в девятнадцатом веке национально-освободительную войну казахов против экспансии Российской империи. Мне самому пришлось ехать в Москву и “пробивать” там роман “Хан Кене”. В Казахстане никак не решались его издать.....» [2, с.102-103]. Это важный поступок: стоять горой за тех, с кем он живет и отстоять память о национальном герое Кенесары-хане.

О. Сулейменову простить «не могли высказанное им предположение, что написать “Слово...” мог и обрусевший кипчак. Я тогда отправил письмо в ЦК КПСС, где по пунктам опровергал обвинения в его адрес» [2, с.113]. Вспоминая об «Аз и Я» О. Сулейменова, писатель приводит еще один эпизод, который раскрывает одно важное качество Д.А. Кунаева, сумевшего защитить от выстоявших органов из Москвы поэта:

«Восемьсот тысяч коммунистов Казахстана сами разобрались в данном вопросе. Это было уже нечто новое в отношениях национальных республик с центром... Здесь уже знали это как запал. Если бьют евреев, то на очереди грузины, армяне, казахи, узбеки, татары и прочие. Может быть, осечка в Казахстане с книгой Олжаса предотвратила новый Сорок девятый год...» [2, с.114].

За повесть «Емшан» также особая благодарность М. Симашко.

«Ксенофобия, как я уже писал, несвойственна казахам. Проявляется она лишь в ответ на провоцирующую ее идеологию. Ни один народ не хочет чувствовать себя “младшим братом” по отношению к кому бы то ни было.... Казахы очень чутки в этом отношении. Кроме двух-трех спекулятивных выступлений по поводу “сионизма” где-нибудь на пленуме Союза писателей, я не слышал плохого слова о евреях от простого казаха и тем более от казахского интеллигента. Это наложило свой отпечаток на все казахстанское общество» [2, с.148].

Интересный случай приводит писатель о Калтае Мухамеджанове. В период его правления «Казахфильмом» к нему были претензии. Критиковали за то, что собрал вокруг себя казахов-родственников.«К. Мухамеджанов остроумно дал ответ: “Все это не правда, поскольку единственным его кровным родственником в Казахстане является Морис Симашко”» [1, с.187]. И провожали М. Симашко прямо к трапу самолета, как он сам пишет, «и казахи, и русские, и чеченцы, и евреи...» [2, с.187].

В «Четвертом Риме» проведен анализ, осмысление времени. И как гражданин Мира, М. Симашко дает осознанное понимание истории человечества. «У меня были еще неоплаченные счета со временем» [2, с.100], – резюмирует автор. И, как умный человек, он верил в светлое будущее, возлагая надежды на новое поколение: «Сквозь какой-то сырой болотный туман вырисовываются контуры Пятого Рима. ...Только не бывать этому сегодня в России. Выросли два поколения и подрастает третье, которые не боятся. Прежде всего не боятся лумать...» [2, с.182].

Итак, философия жизни М. Симашко опиралась на:

- Благородство (жить правдиво, честно).

- Умение ценить хороших людей (мир не без добрых людей).
- Умение творить добро (не унижая других).
- Понимание национальности и государственности в русле демократии.

Литература:

1. <https://www.hronikatm.com/2014/06/horoshcho-cto-klio-ne-uchilas-v-partshkole-chitaem-horoshie-knigi/>
2. Симашко М. Четвертый Рим. –Алматы: Балалар әдебиеті, 2013. – 308 с.

**АНАНЬЕВА СВЕТЛАНА
САГИНТАЕВ ЭМИЛЬ**

Евразийство Мориса Симашко

Существует давняя и глубокая культурная традиция взаимодействия этносов, диалога крупных культур на территории Казахстана и Евразии в целом. Ренессанс евразийской идеи, возникшей в двадцатые годы XX века и заявившей о себе на исходе XX века, предопределяет необходимость комплексного научно-теоретического анализа проблематики евразийства: ее философского, исторического, филологического, социокультурного, политологического аспектов.

Лейтмотивом научных публикаций является мысль о том, что евразийская интеграция как исторически обусловленный путь устремлена в будущее. Исторические и историко-филологические аспекты евразийства представлены в сборнике «Евразийский талисман» [1]. В нем, в частности, отмечается, что евразийство – это не только и не столько сфера геополитики. Зафиксированная историей и не свойственная тогдашней Европе веротерпимость на стыке Европы и Азии как раз и является основанием того духовного, нравственного сродства, исповедуемого евразийской идеей. Она, в первую очередь, нашла благодатную почву в художественной литературе.

Авторами сборника М. Симашко, Ш. Елеукеновым, Н. Ровенским, С. Сагалович, С. Ананьевой и С. Акашевой прослежены развитие и эволюция идеи евразийства с момента ее

возникновения. Духовное родство культур, сложившееся здесь за многие века, отлично как от западно-европейской, так и от восточно-азиатской культур. Славянская и тюркская культуры испокон веков развиваются в тесном общении, сохраняя вместе с тем и свою самобытность. Эти связи освящены именами императрицы Екатерины II, Державина, Пушкина и Абая, Достоевского и Чокана Валиханова, Блока, Мережковского, Бальмонта, Гребенщикова и Магжана Жумабаева, Потанина и Ахмета Байтурсынова. Они имели непосредственное отношение к тому, что связывало славянство с туранством. В сборнике идея евразийства рассмотрена на основе изучения гуманизма и «вселенской отзывчивости», представленных в творчестве В. Даля и М. Пришвина.

Открывается научный сборник статей М. Симашко «Время собирать камни». Текст имеет уточнение «Вместо Предисловия».

Лауреат Президентской премии мира и духовного согласия М. Симашко придерживается «теории в большинстве случаев автохтонного бытия народов на занимаемой ими территории. Они меняли способ жизни, верования, смешивали языки, вбирали в себя другие этнические элементы, часть их уходила в другие пределы, но основа оставалась» [2, с.3]. Все это представляет интерес с точки зрения идеи евразийства.

Писатель – историк доказателен, приводя топонимы Москва, Цна, Мста, Ока, Муром, «угро-финские языковые понятия, естественно вошедшие потом в великорусскую цельность. Так же в западном степном Приднепровье мы вдруг обнаруживаем местечко Бершадь – прямо производное от древнего могучего праказахского, хазарского рода Берш. Того самого, к которому причислял себя знаменитый египетский султан Бейбарс» [2, с.4]. Евразийские традиции уходят в этом регионе в древность. «Эта зафиксированная историей и не свойственная тогдашней Европе веротерпимость на стыке Европы и Азии как раз и является основанием того духовного, нравственного единения, которое представляет ныне идея евразийства. Она как бы пробивается к нам, – делает вывод М. Симашко, – из глубины веков» [2, с.5].

Еще одно очень важное наблюдение делает Народный писатель Казахстана: «Здесь, в Хазарии, Великий Шелковый путь

пересекался с другим великим волжским путем – из варяг в Индию. Таким образом, столица Хазарии – Итиль представляла собой политический, экономический и духовный центр Евразии. Три века доминировало здесь это государство» [2, с.5].

Цитируемая статья М. Симашко написана 12 ноября 1995 года. В ней содержится определение художественной литературы: «Литература это не одни лишь звучные имена, это сложный процесс, тысячами нитей связанный с состоянием общества» [2, с.6].

Евразийская основа литературных взаимоотношений между Казахстаном и Россией развита самоотверженной, поистине подвижнической деятельностью русских ориенталистов. Забота об укреплении взаимосвязей славян и туранцев стала смыслом и принципом их деятельности. Ее суть замечательно выразил, в частности, А.Е. Алекторов – деятель и русской, и казахской культуры: «Просвещение родилось на Востоке, озарило Запад и теперь снова пробирается на Восток, где было заглушено» [3, с.105].

Авторы научного сборника «Евразийский талисман» отмечают, что к началу 20-х годов XX века можно говорить о двух направлениях в подходе к казахской тематике и ее разработке. Первое – созерцательное отношение к историческому прошлому казахского народа, стремление к идеализации старины в традиционно-романтическом плане. Второе – прогрессивное восприятие и освещение всего, что связано с жизнью казахов. Такой подход базировался на позициях гуманизма и интернационализма, поскольку новые формы быта, морально-этические моменты уже имели большой общественный смысл. Это время в литературе – период роста, накопления эстетических и духовных ценностей. Дореволюционные источники по библиографии Казахстана позволяют сконцентрировать внимание на важнейших проблемах русского литературоведения, историографии, в свою очередь, способствуя глубокому исследованию движения евразийства как течения литературной мысли. Региональная русская культура, связанная корнями со славянской, способствовала развитию и взаимообогащению литературных связей между Казахстаном и Россией.

Таким образом, в «Евразийском талисмане» обобщается и поднимается на новый уровень изучение проблемы евразийства

на основе анализа исторического сродства славян и туранцев. Внимание ученых-обществоведов привлекли исторический и историко-филологический аспекты проблемы, генезис и эволюция евразийской идеи, ее актуальность в современных условиях, реализация идеи евразийства в контексте интеграционной политики Казахстана.

С 2001 года в Казахстане издавался общественно-политический и литературно-художественный журнал «Евразия», главным редактором и идейным вдохновителем которого был доктор философских наук, профессор, заместитель председателя ВАК Республики Казахстан М.Ш. Хасанов. В 2003 году на страницах журнала была начата публикация «Четвертого Рима» М. Симашко. Честное, беспристрастное повествование М. Симашко на многое обращало внимание читателей, заставляло переосмысливать известное. «Вся богатейшая история большей части Евразийского континента со ста его народами аккумулировалась в историю государства Российского» [4, с.3].

О возникновении могучей хазарской державы – в «Четвертом Риме» М. Симашко. «Каспийское море, омывающее ее берега, именовалось Хазарским... <...>... Двадцать пять народов входили в состав или находились в разной степени зависимости от Великой Хазарии, доминировавшей на огромной территории от Тобола до Дуная» [4, с.13-14].

Важнейшим оставался культурный обмен.

Переключку евразийских мотивов в статье М. Симашко «Время собирать камни» мы видим и в романе «Семирамида». «В толстых тетрадах Коробова подпоручик Ростовцев-Марьин читает: “А Русь, как по всему видать, имеет корни в разных народах. Главный из них славянский, а по северу срастился он с финским племенем, так что язык сделался один и видом уже не разобрать. Отсюда Москва, Ока, Цна да Муром в российском языке (В «Евразийском талисмани» этот ряд названий дополнен еще одним географическим названием: Мста. – С.А.). Сюда же и варяжский княжеский корень примешался, поскольку веками ходили через славян, оседали тут, да и имя принесли, ибо Русь означает дружину воинскую, сделавшуюся наименованием сему народу. А еще сопрягались с ним печенеги, да половцы, да татары,

воевавшие его. Затем и немцы разных земель, что покорялись или шли сюда на службу, и многие прочие другие. Так что даже сейчас еще этот народ образуется, и в том великая его будущность, что без усилий и спесивости принимает в себя племена и народы, обновляясь всякий раз, богатея телом и духом...». Цитируемые подлинные исторические документы удачно встроены в текст романа, их вспоминают действующие лица, читают, сами пишут письма, цитируя труды известных ученых, упоминая имена Ломоносова и Сумарокова, Вольтера и многих других» [5, с.191].

В степном пейзаже на страницах «Семирамиды» «выплывают из пыли верблюды, старшины кайсацких отрядов ведут разговоры на привалах с офицерами, с обязательным угощением, просят «продвинуть пост дальше в степь, чтобы обезопасить их кочевья от хивинских набегов» [6, с.131]. Уезжая к родителям за благословением, поручик обращает внимание на то, что люди, живущие рядом, перенимают привычки друг друга: «Конвойные казаки скакали по-кайсацки, опустив поводья. Дул ровный свежий ветер...» [6, с.139]. И он понимает, что ему одинаково близки «мудрый старик со своей яростной любовью к родине, пашущий бурую землю мужик, пастух в переломанном картузе, его солдаты... Ярko возникли в памяти не имеющие края кайсацкие дали, теснящиеся к валам крепости избы и юрты. Люди разного виду: татары, хивинцы, киргизы, башкирцы, неизвестно кто еще, – жили в них. Вниз по Волге плыли расшивы, и в теплую ночь на корме, говоря каждый по-своему, понимали друг друга парень и девица... Он любил их всех и жалел одинаково...» [6, с.266].

Тема евразийства звучит и во внутренних монологах императрицы в контексте звездного мотива и преемственности политики Петра Первого: «Звезду сего народа ясно обозначил великан (М.В. Ломоносов. – С.А.). То священный завет Петра Великого, и в этом направлении движется цивилизация. Так расчислен исторический ход, что в Европе только оборонительную войну назначено вести России, и в сохранении там равновесия ее задача. Главное же приложение ее потенции – на юг и восток, и никакому другому народу не дано совершить тот подвиг» [6, с.210].

Она уверена, что сарматы и скифы, славяне и чудь были древними обитателями лесных и степных просторов российских. И норманны через век все сделались русскими.

В романе М. Симашко «Семирамида» ярко проявляется умение писателя так конструировать сюжет и выстраивать композицию, что чтение становится не только интересным и захватывающим, но и высоко интеллектуальным. Жизнеописание Михайло Ломоносова – могло бы стать отдельным художественным произведением, новеллой, повестью, романом.

«Морис не был нашим современником, поскольку он не отсюда пошел в историю, а из истории пришел в мир. И отсюда абсолютная достоверность произведений, которые он писал, будь то XI век – времена Бейбарса или персидское средне-вековье, XIX-ый, XX-ый века. Формула возвращения – это единственная формула, которая определяет настоящего творца. Он уходит, а потом обязательно возвращается», – размышляет М.М. Ауэзов.

Сколь бы стремительно не менялась современная геополитическая, экономическая, социокультурная реальность, Казахстану исторической судьбой предназначено быть центром пересечения многих узловых проблем Евразийского континента, становящегося наиболее притягательным во многих отношениях громадным геополитическим и экономическим пространством (недаром известнейший политолог З. Бжезинский определил Евразию как «центральную арену мира»).

Евразийство, по-прежнему, является важнейшим концептом литературы Казахстана.

Литература:

1. Евразийский талисман / Под редакцией Ш.Р. Елеукунова. – Алматы: Білім, 1996. – 184 с.
2. Симашко М. Время собирать камни // Евразийский талисман / Под редакцией Ш.Р. Елеукунова. – Алматы: Білім, 1996. – С.3-6
3. Ананьева С. «Родилось на Востоке, озарило Запад...». А.Е. Алекторов и тенденции духовной взаимосвязи // Евразийский талисман / Под редакцией Ш.Р. Елеукунова. – Алматы: Білім, 1996. – С.89-136
4. Симашко М. Четвертый Рим // Евразия. – 2003. – №3. – С.3-16
5. Ананьева С. Морис Симашко. Опыт филологического прочтения. – Караганда: Ekozhan, 2014. – 220 с.
6. Симашко М. Семирамида // Симашко М. Семирамида. Гу-Га: Роман, повесть. – Москва: Советский писатель, 1990. – С.3-372

**Картина литературной жизни: осмысление
творчества М. Симашко в трудах Б. Мамраева**

Национальные литературы на современном этапе развития расширяют сферы влияния, воздействуя друг на друга. Сравнительное литературоведение, представленное в научных исследованиях доктора филологических наук, профессора, действительного члена Международной экономической академии Евразии и Академии педагогических наук Казахстана Б. Мамраева, основано на сравнительной рецепции, развивающейся в двух формах: сближение и расхождение. Велика роль в сближении национальных литератур Народного писателя Казахстана, первого вице-президента Международного Казахского ПЕН-клуба М.Д. Симашко.

Значительный вклад в литературоведческое перечитывание и переосмысление прозы, публицистики, драматургии М. Симашко внесли и продолжают вносить участники четырех Международных литературных чтений в Алматы, посвященных его многогранному наследию. Международная научно-практическая конференция «Поэтика литературного текста и художественный перевод» приурочена к 100-летию М. Симашко, так как «великолепный переводчик и тонкий стилист прекрасно понимал важность научного подхода к проблемам художественного перевода и продумывал его оптимальные пути» [1, с.27].

Организаторы Международной научно-практической конференции «Поэтика литературного текста и художественный перевод» учли предложение и рекомендации профессора Б.Б. Мамраева, озвученные в научном докладе на Третьих Международных литературных чтениях: «Новому поколению критиков и литературоведов предстоит всесторонне и глубже изучить, помимо поэтики художника, его переводческое мастерство, творческую дружбу и взаимоотношения с корифеями национальной и мировой литературы. Поэтому международные чтения М. Симашко ждет интересная дорога во времени и пространстве – дорога

познания человека» [2, с.17]. Художественный перевод выполняет сегодня одну из существенных коммуникативных функций.

Внимание к литературной герменевтике, сопоставительно-типологическим аспектам художественного перевода в научных трудах профессора Б. Мамраева базируется на связи переводческого и литературного процессов. Понятие «теория перевода» в определенной степени противопоставлено термину «практика перевода». Хороший перевод, порой, лишь относительно равенценен источнику.

В современном литературоведении выделяют пять видов перевода: дословный (буквальный), свободный, авторизированный, подстрочный (перевод «при посредстве») и авторский, сделанный автором оригинала. М. Симашко перевел на русский язык трилогию И. Есенберлина «Кочевники», вторую часть дилогии Г. Мусрепова «Пробужденный край», художественные произведения У. Канахина, Т. Алимкулова и других казахских писателей. Его прозу издавали ведущие издательства мира «Фольк унд Вельт», «Сирена», «Миллитарферлаг», «Пив», «Читальник», «Европа», «Народна култура», «Галлимар», «Алиф» и другие. За перевод романа М. Симашко «Маздак» в серии «Библиотека мировых шедевров» Ежи Литвинюк удостоен Государственной премии Польши.

Проза М. Симашко переведена более сорока языков мира: английский, французский, немецкий, арабский, португальский, польский, японский, хинди, урду и т.д.

Личное знакомство литературоведа и прозаика придает статьям и выступлениям известного дипломата, общественного и государственного деятеля Б.Б. Мамраева особый смысл, искренность и сердечность. Оба были в рядах Казахского Международного ПЕН-клуба, создал и возглавил который патриарх казахской художественной литературы А.К. Нурпеисов. Организовывались и проводились интересные мероприятия, выездные заседания ПЕН-клуба, поездки в приграничные области с Россией, встречи.

Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова занимал особое место в жизни М. Симашко. В Институте работали его друзья и единомышленники – Ш.Р. Елеукенов и Н.С. Ровенский, которые высоко ценили разносторонний талант писателя,

публициста, сценариста, драматурга. В октябре 1996 года на Ученом совете Института к 70-летию со дня рождения Н.С. Ровенского, вел который заместитель директора по науке Б.Б. Мамраев, лауреат Государственной премии Республики Казахстан М. Симашко предложил переименовать улицу Заломова, где жил и работал писатель, в улицу Н. Ровенского. В итоге, мнение научной и литературной общественности «было услышано. Улица Николая Ровенского есть на карте Алматы» [3, с.459].

В коллективной монографии Института «Литература народов Казахстана» лауреат Государственной премии Республики Казахстан, доктор филологических наук, профессор Ш.Р. Елеуенов размышлял: «В последнее десятилетие XX века заметно ослаб процесс взаимовлияния культур. В кризисном состоянии находится переводческое дело» [4, с.42]. Одной из актуальных в литературе Казахстана этого периода была евразийская проблематика. Ученым советом Института в 1996 году рекомендован к изданию научный сборник «Евразийский талисман». Разработка темы евразийства начиналась в отделе литературных связей Института под руководством Ш.Р. Елеуенова и при активном, непосредственном участии Н.С. Ровенского.

О диалоге эпох и цивилизаций, истории мировых религий, о писательском мастерстве шла речь на встрече ученых, представителей культуры и искусства с М.Д. Симашко в Доме ученых НАН РК осенью 1995 года. Морис Давидович говорил о своем творчестве, отвечал на вопросы, делился планами... Участники встречи стремились лично поговорить с писателем, выразить свое мнение о его романах и повестях, вновь и вновь убеждаясь в важности и необходимости подобных встреч для творческой интеллигенции. Они согревают своей удивительной атмосферой, дарят радость общения, устанавливают живые, творческие контакты между читателями и писателем, в прозе которого «ярко воплотилась идея о духовно-интеллектуальной общности лучших представителей казахского и русского народов, независимо от их классовой и национальной принадлежности (“Колокол”, “Комиссар Джангильдин”))» [5, с.174].

Б.Б. Мамраев беседовал с М.Д. Симашко во время визитов писателя в Институт, на встречах в ПЕН-клубе о древней

Хазарии, объединившей двадцать пять народов. Увлеченно Морис Давидович рассказывал о том, что первая христианская церковь и первая мечеть в пределах нынешней России построены были на нижней Волге, в столице Хазарии – Итиле, политическом, экономическом и духовном центре Евразии. Три века доминировало это государство, во главе его, как уточнял Б.Б. Мамраев, «находилась тюркская династия, которая опиралась на финансовое могущество родственников матерей из еврейской общины. Многие этносы и этнические группы начали свой исторический путь из Хазарского каганата. Великая Хазария сумела сохранить политические институты и территориальные завоевания великих тюрков и, в свою очередь, стала основой для последующих тюркских государств» [1, с.33-34].

Символично, что научный сборник «Евразийский талисман» открывался статьей М. Симашко «Время собрать камни. Вместо Предисловия». «На территории Хазарского каганата действовала полная христианская митрополия, объединявшая семь епархий», – пишет Морис Давидович. – ... Дело еще в том, что здесь, в Хазарии, Великий Шелковый путь пересекался с другим великим волжским путем – из варяг в Индию. Таким образом, столица Хазарии – Итиль представляла собой политический, экономический и духовный центр Евразии. Три века доминировало здесь это государство. А во главе его номинально находилась тюркская династия, чье родовое название, как и имя ряда других родов и племен, прослеживается у современных казахов. К этому следует лишь добавить, что и другие многие народы региона имеют свои корни в Хазарии. Здесь, кстати, и первооснова донского казачества, сохранившего в быту, обычаях и воинском деле уходящие в евразийскую древность традиции» [6, с.4-5]. Так возникшее могучее государство в седьмом веке н.э. Великая Хазария оставила свой след в истории мировых цивилизаций.

Выявленная Ш.Р. Елеукиным тенденция к созданию эссеистской историко-документальной прозы набрала силу на рубеже XX-XXI веков: «Интеллектуальной насыщенностью, остротой актуально поднятых тем, исследовательским духом, аналитизмом современного бытия в его исторической перспективе отличаются повествование Мориса Симашко “Дорога

на Святую землю”, Ивана Щеголихина “Хочу вечности”, цикл воспоминаний Дмитрия Снегина о Баурджане Момышулы “Открытый всем”, Константина Гайворонского “Коронованный Гамлет”, Герольда Бельгера “Тихие беседы на шумных перекрестках”» [4, с.43].

Позже будет издан «Четвертый Рим» М. Симашко, книга – исповедь с элементами автобиографичности. Писатель «обращается к нам со страниц своих произведений и словно ведет неторопливый разговор о себе, о судьбе народов в XX веке и древнейшей истории, проводя интересные и глубокие параллели. ... Образность, – читаем в Резюме научного сборника по итогам Вторых Международных литературных чтений, посвященных творчеству М. Симашко, – неотъемлемая составляющая структуры его художественных текстов. Прозаик видит нравы многих людей, что переплавляется в дальнейшем в сложные композиционно-семантические конструкции прозы» [7, с.263].

Мы разделяем концепцию Ю. Минералова о поэтике стиля, исходящей из филологической традиции В. Гумбольдта, Ф.И. Буслаева и А.А. Потебни, в современной филологии соотнесенная со взглядами А.Ф. Лосева. Теоретическая поэтика «есть лишь перевыражение на языке понятийного знания той реально существующей поэтики (системы художественных средств), которая непосредственно растворена в субстанции литературных произведений» [8, с.21]. Ю. Минералов поэтику индивидуально-стиля считает «явлением внутренней формы» [8, с.350].

Поэтика прозы и публицистики М. Симашко построена во многом на чередовании картин прошлого и настоящего. Это отличительная особенность стиля автора-повествователя. Великий Шелковый путь, который отражен в его прозе и публицистике, таит много загадок.

С.А. Каскабасов и Б.Б. Мамраев во «Введении» к коллективной монографии «Литература народов Казахстана», выдержавшей два издания («Литература народа Казахстана», издание второе, дополненное, 2014), констатируют: «Процессы культурного обмена, уникальные транзитные особенности Казахстана проявились наиболее отчетливо и ярко с открытием Великого Шелкового пути. Уже в средние века мощно развивались тюркская,

казахская, античная, арабская и китайская литературы и культуры, они приносили каждая свое и обогащали друг друга».

По Великому Шелковому пути отправились в путешествие М. Симашко и деятели культуры, писатели, журналисты Франции и Польши, что нашло отражение в новелле «Великий Шелковый путь или анабазис с иностранцами, открывающей книгу публицистики М. Симашко «Дорога на Святую землю».

Коллеги из Польши режиссер Ян Лясковский и Народный поэт Эрнс Брыль прилетели с наметками сценария и желанием выбрать натуру для съемок фильма по повести «Емшан». Но с постановкой фильма ничего не вышло. «Человек на вершине власти, – резюмирует М. Симашко, – рвал с нею, ставя превыше всего Родину. Манкурт поднимался с колен...» [9, с.18]. Неутомимым переводчиком и публикатором Ч. Айтматова и А. Нурпеисова во Франции называет М. Симашко Лили Дени: «В ее переводе вышли Юрий Трифонов, Виктор Некрасов, Паустовский, Казаков, поздний Катаев, Распутин и другие» [9, с.19]. Через несколько лет профессор Б. Мамраев, «будучи в гостях у Лили Дени в ее уютной квартире на Монмартре в Париже, обсуждая проблемы литературного перевода, услышал многие детали поездки Лили и М. Симашко по Казахстан» [1, с.25].

Согласимся, что разница между индивидуальным стилем и его «отпечатком» в опубликованных текстах «данного автора аналогична также разнице между живым существом и его статуей (или, допустим, его муляжом)» [8, с.352]. Признанный переводчик и тонкий стилист М. Симашко понимал важность научного подхода к проблемам художественного перевода. В дороге по странам Центральной Азии планировался перевод «Глиняной книги» О. Сулейменова. «Я буду, – уточняет М. Симашко, – переводить с его образного языка на русский, Лили – с русского на французский, а Лоран затем снова претворять все в образы» [9, с.22]. Многое должно было реализоваться...

Новое перечитывание публицистических и художественных книг неповторимого мастера слова, каким был и остается для нас и последующих поколений читателей и исследователей М. Симашко, воссоздает картину литературной жизни Казахстана во второй половине XX века и начала XXI-столетия, приводит

к нахождению нового художественного смысла, новых эстетических достоинств.

Литература:

1. Мамраев Б., Ананьева С. Из прошлого в будущее: Великий Шелковый путь. История как искусство в творчестве М. Симашко // Морис Шамис (Симашко). Вторые Международные литературные чтения, посвященные творчеству Народного писателя Казахстана / Отв. редактор С. Ананьева. – Алматы: Мицва, 2022. – С.24-34
2. Мамраев Б. Философия как искусство: проблема познания в творчестве Мориса Симашко // Морис Шамис (Симашко). Третьи Международные литературные чтения, посвященные творчеству Народного писателя Казахстана / Отв. редактор С. Ананьева. – Алматы: Мицва, 2023. – С.15-17
3. Ананьева С. «Не быть прохожим на Сенатской площади...» // Ананьева С. Встречи, которые выбрали нас. – Алматы: Школа XXI века, 2004. – С.458-459
4. Елеукенов Ш. Казахская литература (период Независимости) // Литература народов Казахстана / Отв. редактор С. Каскабасов. – Алматы: НИЦ «Гылым», 2004. – С.18-44
5. Ананьева С. Встреча в Доме ученых // Ананьева С. Встречи, которые выбрали нас. – Алматы: Школа XXI века, 2004. – С.174
6. Симашко М. Время собирать камни // Евразийский талисман / Под редакцией Ш.Р. Елеукенова. – Алматы: Білім, 1996. – С.3-6
7. Морис Шамис (Симашко). Вторые Международные литературные чтения, посвященные творчеству Народного писателя Казахстана / Отв. редактор С. Ананьева. – Алматы: Vesta, 2022. – 270 с.
8. Минералов Ю.И. Теория художественной словесности (поэтика и индивидуальность. – Москва: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1999. – 360 с.
9. Симашко М. Великий Шелковый путь или анабазис с иностранцами // Симашко М. Дорога на Святую Землю. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 1996. – С.5-58

АРЦИШЕВСКИЙ АДОЛЬФ

Незабываемое

*...Душа от суеты устала,
От всепрощения и лжи —
В душе остались стойкость тала
И несгибаемость лозы...*

Однажды в детстве я держал в руках ежа, ежонка, живое, ошестинившееся свирепыми иглами испуганное существо. Не знаю, каким чудом удалось мне заполучить, а главное удерживать в руках это странное создание, но чудо действительно было. В какой-то миг я вдруг почувствовал, что непримиримая ожесточённость исчезла, я держал в руках живой комочек плоти. В исподней части ежа, где игл не было, прощупывалась тёплая шёрстка, и ладони ощутили не пульсирующую боль, а сердцебиение малышки. То ли ёж почувствовал, что я не излучаю опасность, то ли почуял родственную такую же, как и он, смятённую душу, но агрессия иголок на какой-то миг исчезла, они почти утратили колючесть, ежа можно было даже погладить, без опасения уколотся.

Вот так же у человека, тем более творческого, складываются порой взаимоотношения с собственной судьбой. Бывают ситуации, которые надо бы вычеркнуть, забыть. Как наваждение, как сон дурной. Но если ты не дашь обстоятельствам вытоптать это зерно боли, оно прорастёт сюжетом из категории вечных. Тех самых, о которых сказано «над вымыслом слезами обольюсь». Но в основе вымысла та самая бередящая душу живая, пульсирующая боль.

...Опять Шопен не ищет выгод,
Но, окрыляясь на лету,
Один прокладывает выход
Из вероятья в правоту...

В сущности, всё это я говорю о повести «Гу-га!», она стоит несколько особо в текстах Мориса. В ней нет того вязкого, завораживающего своей магией историзма, что присущ неповторимой творческой манере Симашко. Здесь есть почти обнажённая плоть молодости, нерассуждающе прекрасной, но таящей опасные глубины, чреватые неожиданными бедами. Я не ставлю своей целью анализировать повесть, у неё своя удачливая судьба. Достаточно сказать, что по ней даже снят фильм. Мне тут важна, так сказать, раблезианская составляющая, извините за прозаизм, «сопроводилочка». В лётном училище, где происходят события повести, в актовом зале (очевидно, то был неимоверных размеров глинобитный сарай) во всю ширину сцены красовался лозунг-призыв: «Главное в нашем деле – конь! Будённый». Подчёркиваю: в лётном училище. Об этом не преминул сообщить мне Морис, вручая на прочтение рукопись только что написанной повести. Всё объяснялось просто: до лётчиков здесь обучали кавалеристов. Вот это животворное зерно невольного юмора было органически свойственно Морису. В нём, истинном одессите, смеховая культура была неистребима. Он был по сути своей яростным жизнелюбом. Ну а эпоха шла и создавалась столь стремительно, что лозунги и написание их не поспевали за эпохой.

Вся эта история со штрафбатом едва ли была светлой полосой в жизни Симашко. Но мне, в связи с этим, вспомнилась притча о Микеланджело Буонаротти. Он шёл как-то по рынку, где каменотёсы продавали мрамор, и чуть в стороне увидел, как бы бесхозную глыбу.

– Сколько это стоит? – спросил он хозяина.

– Бери даром. Этот кусок мрамора ни на что не пригоден.

Так в мастерской великого мастера появилась ни на что не пригодная мраморная глыба. Он трудился над ней год, два, три...

...Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...

И вот однажды в его мастерскую зашёл тот самый каменотёс. И, в восхищении замерев перед очередным шедевром скульптора, спросил, поражённый:

- Откуда у тебя этот изумительный мрамор?
– А помнишь ту ни на что не пригодную глыбу...

У Заболоцкого есть поразительное стихотворение «Некрасивая девочка». Оно, в сущности, о гадком утёнке, которому суждено превратиться в крылатого лебедя. Не каждому дано в глыбе камня, в косной материи разглядеть сокрытую в них красоту.

А если это так, то что есть красота
И почему её обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

Когда пытаешься осмыслить жизнь Мориса Симашко, поражает её почти классическая завершённость. И это не смотря на ту сумятицу в душе, которая была неизбежна, когда он решил покинуть наш город, нашу страну. В сущности, здесь, у нас, в Алматы – назовём вещи своими именами – так или иначе к нему пришла всемирная известность и даже всемирная слава. Всей своей корневой системой он врос в эту почву, она питала его своими материнскими соками.

Ему был отпущен год жизни в Израиле. У него был цейтнот, он не знал об этом, но, быть может, чувствовал это. Он успел уложиться в сроки. Он успел сделать главное, он написал Книгу-Аманат, книгу-завет. Завет нам с вами. И тем, кто придёт после нас.

«Не стану здесь акцентировать внимание на личностных переживаниях, хотя без них не обойтись, – пишет он в предисловии. – У каждого свои «Былое и думы». Но пусть будет эта биография лишь отражением многоцветной мозаики, характеризующей воздух эпохи. Мы дышали им без противогазов, дышали полной грудью. И, может быть, именно этот опыт представит наибольший интерес для читателей. Противогазы, как я понимаю, нужны каждой эпохе. Основной вопрос этой книги: что же с нами случилось, была ли наша вера просто заблуждением или это нечто другое, более сложное на путях истории?».

Вопрос поставлен. Мы должны, обязаны искать на него ответ. Чтобы снова не наступить на те же грабли завтра. Или даже сегодня.

Так что – Бог нам в помощь.

А мы – что ж, мы верны памяти Мориса Давидовича. В день его юбилея прошли очередные теперь уже Четвёртые Международные литературные чтения, посвящённые его творчеству. Они и на этот раз прошли ON-LINE, но теперь уже в конференц-зале Дома-музея Мухтара Ауэзова.

АХМЕТОВА ЛАЙЛА

Первый исторический роман об эпохе Сасанидов

Морис Симашко... Человек – легенда. Наш современник. Он ходил по тем же улицам, что ходили и ходим мы. Он общался с друзьями, коллегами по перу. Они думали, размышляли, делились своими мыслями о том, что было, что происходит сейчас, что будет в будущем...

Писательство – самый сложный труд, а в эпоху цензуры советского времени тем более. Темы у друзей и у него были разные, но вопрос был один. Как обойти цензуру.

Взять тему и написать исторический роман и повесть, как идея привлекала многих, но за них опасно было браться. События в отношении литераторов далеких 20-50-х годов XX века знали все. И был страх того, что не поймут, осудят, накажут, и даже могут книгу изъять, уничтожить. Это останавливало развитие исторического романа в уже более благополучные и сытые времена последней трети XX века.

Однако история, наше прошлое очаровывали писателей и историков. И в СССР так не хватало исторических романов и повестей, также, как и научного изучения прошлого нашей страны. Несмотря ни на что, находились смельчаки, которые начали прокладывать путь научный и художественный в далекое прошлое тех земель, на которых находится наша страна сегодня.

Первооткрывателем стал М. Симашко, чей юбилей сегодня мы празднуем.

В марте прошлого года в прекрасной кампании литераторов мы говорили о 100-летнем юбилее М. Симашко. И вот этот день наступил, мы снова здесь уже в более многочисленной кампании любителей слова. Я выполнила свое данное себе обещание и вновь летом прошлого года перечитала ряд книг М. Симашко. Не скрою, именно прошлогодняя встреча меня к этому подтолкнула, навевая столько воспоминаний прошлого: советского и более давних веков. В отпуске с большим удовольствием я вновь взяла книги М. Симашко и стала читать. Читала залпом, с удовольствием, быстро и даже с некоторым разочарованием закончила читать, хотелось бы продолжения. Продолжения прошлого... Окунуться в истории далекую и совсем близкую. Потому что эта связь у меня тесная и прочная. Именно в советскую эпоху могли быть написаны такие замечательные книги, именно этот период отражает и наше давнее историческое прошлое. Попробую объяснить почему.

Мысль перечитать книги возникла, когда я, как наяву, ощутила связь прошлого советского и того далекого, более давнего, которое, на мой взгляд, сохраняет генетическая память, потому что я всегда ощущала то, что я это видела, я это знаю, я это понимаю... Мысли были разные, ведь в советское время мы росли атеистами, и вот это знание меня всегда удивляло и заставляло прислушиваться к тому, что я вдруг ощущала полностью, растворялась в нем и понимала, что такое не должно быть, но со мной происходит.

Объясняя сама себе причины, думала о том, что много читаю, часто перечитываю книги, и это все откладывается в запасах моей памяти и всплывает при необходимости. Иногда мне снились разные сны, и даже цветные, где я в далеком прошлом, в разных эпохах, но всегда почему-то в Азии или Египте. У меня разное социальное положение, разные обязанности, я живу и работаю там, как и все живущие в том времени.

Удивительно, я пробовала записывать, но я не смогла этого сделать, хотя сны были не обрывочны, а составляли разные сюжетные линии.

Поэтому, выступая в 2023 году на Третьих Международных литературных Чтениях памяти великого писателя М. Симашко, я сначала перекинула мостик в советское прошлое, как я там жила, и, читая замечательные романы, повести и рассказы писателя, реально оказалась в той эпохе милого детства и окруженная любовью родителей, всегда приносящих нам новые книги в эпоху их дефицита. Я всегда первая их читала. Именно мир советского прошлого подростка, девушки, студентки... И в нем, естественно, было больше радости, энергии, жизни, влюбленности, любопытства. Замечательное время, когда родители рядом, никаких забот, и все в жизни прекрасно!

И вновь перекинутый мостик в далеко-далекое прошлое, в удивительный мир М. Симашко. Он прекрасен своими историями, одновременно сложен для понимания, отрывочен эмоциями и линиями судеб, интересен деталями того жестокого и страшного далекого. Описанием крови и смерти, безразличия к этому, совершенно спокойными убийствами как рядовыми событиями жизни, болью и страданием. И радости там вроде совсем мало, но есть желание выжить в любых невероятных условиях, много непонятного и страшного, касающегося каждого человека.

Роман «Маздак» – первое в советской литературе художественное произведение, посвященное эпохе Сасанидов. Так считал доктор исторических наук В. Луконин.

В романе поражают детали, подробное описание дворцов, домов, местности, одеяний, драгоценностей и украшений, мебели, всего того, что окружает человека. А главное – мысли людей. Ты окунаешься в ту жизнь с первых же строк чтения и начинаешь вникать в страсти и действия разных сословий жителей и даже, о Боги! – императора.

Путешествие каравана не только с целью продаж и обмена товаров, но и получения новых знаний и политики тех мест, осмотр владений и посольская работа по Персии. Это – разведка жизни и укреплений соседей с целью их порабощения, уничтожения или захвата земель.

Путешествие для Авраама длится долго. Уезжая из родных мест, он прекрасно понимал призрачность надежд на возвращение,

осознавая то, по чьему приказу и с какой целью он ехал. Оттуда не возвращаются...

– От дороги осталась песня, – пишет М. Симашко.

Путешественнику необходимо все видеть, знать, слушать, запоминать, откладывая в памяти огромное количество информации.

Пояснения даются в храме.

По древнему обычаю, обучение проводится с голоса, не должно быть никаких записей. По аравийскому закону, написанное слово теряло чистоту. И так из века в век, через голос передавались знания. И лишь много позже появились толкования, так как язык изменялся, и много становилось непонятным для современника иного периода времени. Поэтому в жизни утверждались восточные порядки: спокойствие, неторопливость, разговоры медленные, немногословные.

И, тем не менее, предпринимаются попытки и впоследствии осуществляются великими правителями описания событий сегодняшнего дня их жизни и деяний, доставляются книги из разных мест и стран, появляются переписчики и переводчики книг.

Прекрасно М. Симашко описан нелегкий труд тех, кто описывал современность (летописцев), переписчиков книг, их привилегии и ответственность, их незатейливый быт.

Через путешествия в разные страны и местности показана жизнь раба, простолюдина, охранника, состоятельного человека. Везде – незавидная жизнь женщины, зависящей полностью от мужчины и хозяина.

Страсть, желание, любовь и признательность. Но больше всего смерти. Смерть как жизнь, с ее описанием у разных народов и их религий. Просто убийства с равнодушным описанием боли и страданий, привычка всего этого в повседневности.

И в жизни этих людей появляется маг Маздак.

– О! Маздак. – прерывисто раздается возглас, слившийся в едином духе сотен людей. – О! Маздак, – повторяется снова и снова...

Внезапно возникший новый лидер наперекор властелинам мира? Тот, который смог повлиять на сотни людей и увлечь их

своими призывами и разговорами? Разве сильные мира сего могли это допустить?

Через века, через года, через летописи и мифы дошло это движение, названное маздакизмом.

Какое оно было в действительности, и вообще – что это было? Историки, поэты, акыны и писатели разных веков и разных стран пытались и пытаются нам объяснить.

Взял на себя эту миссию и писатель М. Симашко.

Мы, его современники, понимаем сложность темы и нашего советского периода, когда писалась книга. И самое главное здесь то, что книга написана и издана, а, значит, она одобрена цензурой. И не менее главным является то, что это сделано впервые.

Мои объяснения такого явления следующие.

Красная куртка, являющаяся символом шедших за Маздаком людей, в советском времени – это символ революции, несогласия того, что надо жить по жестоким законам времени, символ, который должен дать свободу и счастье рабам и обездоленным, обиженным и несчастным.

Это как далекий предвестник социалистической революции XX века. Это несогласие с неравноправным положением каждого человека. Каждый человек рождается свободным и должен иметь все при равных условиях для всех.

Не случайно издается «Спартак» в Советском Союзе. Аналог в советской Азии – «Маздак».

М. Симашко правильно уловил ту связующую нить, которая будет увлекательна и интересна читателю, и главное, может пройти все препоны и рогатки цензуры. И он не отошел от исторической правды, показав жестокий век прошлых времен. Ведь человечество шло именно так по своему «человеческому» развитию. От жестокости к «человеколюбию», и продолжает и сегодня идти по этому пути. А это и есть сострадание к ближнему живому существу, и не только к самому человеку, но и к своим малым живущим соседям на земле.

Мысли, мысли...

– Построенная великим магом система мирового движения проникла в плоть и кровь. Целиком захватила разум...

Осознанность веры была у этих людей, но не она поразила. Другое было неожиданным: бесконечность...

Свет побеждает тьму, и для полного торжества правды необходимы лишь самоотречение, чистота мысли слова и дела...

Если правда настоящая, люди примут ее.

Но как же спасти правду?

В чистоте ее сила...

Мысли, мысли... О мире, о жизни, о себе...

Ему несказанно повезло. Авраам через 20 лет вернулся на родину по приказу царя царей Кавада.

Царь царей позвал ровесника из всех оставшихся в живых, он звал свидетеля своего времени...

БАГОЦКИЙ СЕРГЕЙ

Россия, история и любовь

Так уже повелось в жизни, что значительную часть своих исторических познаний люди черпают из исторических романов. Это вполне естественно – хорошая художественная книга расскажет читателю значительно больше, чем десятки ученых и научно-популярных сочинений.

Роман «Семирамида», написанный живущим в Казахстане русским писателем Морисом Давыдовичем Симашко, был впервые опубликован в конце 1980-х годов в журнале «Простор». А в 1994 году издательство «Дружба народов» выпустило отдельную книгу.

Прежде чем говорить о романе, следует, по-видимому, сказать несколько слов о его авторе. Он родился в 1924 году в Одессе. Участник войны. Его повесть «Гу-га», по-видимому, единственное в нашей литературе произведение о штрафных батальонах и сражавшихся в них бойцах. После войны М.Д. Симашко жил и работал в Средней Азии, которой посвятил свои лучшие произведения. Умер писатель в 2000-м году.

Опубликованный на рубеже 1960-х – 1970-х годов роман «Маздак» сделал Мориса Давыдовича всемирно известным писателем.

Полторы тысячи лет назад, в 491 году, в Средневековом Иране произошло уникальное в мировой истории событие: одержала победу антифеодальная народная революция, вождем которой был зороастрийский священнослужитель Маздак. Около 40 лет продержалось революционное правительство у власти. Историю победы, перерождения и поражения революции и описал М.Д. Симашко в своем романе.

Герои романа легко узнаваемы. Узнаваем вождь революции Маздак с высоким лбом и картавящей речью. Узнаваем и его свирепый преемник рябой Тахамтан, что в переводе означает «Железнотелый». А чтобы у читателя, не дай Бог, не возникли какие-то нездоровые ассоциации, особо подчеркивается, что последний вождь Мардан – безбровый.

Роман «Маздак» вышел в отечественном издательстве достаточно приличным тиражом. И даже переиздавался. Ни комментариев в советской печати, ни ажиотажа в кругу свободомыслящей интеллигенции он не вызвал. Несмотря на актуальность темы! Ни власть предержащие, ни формирующаяся антикоммунистическая оппозиция не нашли в романе того, чего хотели: ни воспевания революции, ни обливания ее грязью. Впрочем, воспевание было, но отнюдь не лидеров. Воспевался совершивший революцию народ.

Роман оказался слишком глубоким и объективным для отечественной публики. А на Западе роман оценили очень высоко! Он был переведен на десятки языков и предисловия к нему писали Генеральные секретари ЦК Коммунистических партий.

Затем появились и другие произведения. Например, роман о том, как террористы готовят покушение на Великого Визиря, а Великий Визирь пишет мемуары, размышляя попутно о технологии власти и довольно-таки неблагоприятных деталях этой технологии. Оказывается, что и о средневековой жизни можно говорить таким образом, что это будет интересно и актуально для современного читателя.

Написанная в середине 1980-х годов «Семирамида» – первый роман Мориса Давыдовича, посвященный русской истории. Главная героиня романа – Екатерина II, чье правление стало вершиной русского абсолютизма. В ее царствование произошло много событий, послуживших вящему блеску Российской Державы. Впрочем, об этих событиях, а равно и о сопровождавших ее правление пикантных подробностях, можно прочесть во многих романах, например, в «Фаворите» В. Пикуля. Сила и уникальность «Семирамиды» в другом – в размышлениях автора и его героев по поводу происходящих событий.

Кем была по национальности Екатерина II? По своему национальному происхождению, она, как и ее незадачливый супруг Петр III, немка. Но если для Петра III наши соотечественники – это «руссише швайне», неспособные приобщиться к немецкому порядку, то Екатерина смотрит на русский народ по-другому. Императрица умна и наблюдательна, прекрасно видит все недостатки, свойственные нашим соотечественникам. Но она видит и другое. Видит силу и величие русского народа, его потенциальные возможности.

Живя в России, Екатерина II реально освоила русскую национальную культуру и, фактически, стала русской. Так же, как стал русским арап Петра Великого Ганнибал и его потомок А.С. Пушкин. В своей государственной деятельности Екатерина опиралась почти исключительно на русских политиков и военачальников. Да и в своей личной жизни государыня императрица имела дело, в основном, с русскими.

А для сына Екатерины Павла, выросшего в России, Россия навсегда осталась чужой страной.

Чем определяется национальная принадлежность человека? Как иностранец или представитель национального меньшинства становится частью народа, среди которого он живет? Эти проблемы активно интересовали писателя-интернационалиста. Общая судьба и служение своему Отечеству сделали персом христианина Авраама и русской – немецкую принцессу Софью Фредерику Августу. Поэтому наличие примесей и даже избытка «не той крови» вряд ли может быть кому-то интересным.

«Только рожденному в Гроссланде повинуется Колокол», – говорилось в «Плутешкиной сказке» В. Озерова. Не может иностранец вести за собой народ Великой страны. Но ведь Екатерина не была иностранкой. Россия для неё была не «эта страна», а «наша Родина». Хотя императрица и не была «рожденной в Гроссланде».

Любвеобильность государыни-императрицы общеизвестна. Но, с другой стороны, изобилие любовников появляется там, где невозможна жизнь с единственным по-настоящему любимым человеком. И силою своего писательского воображения М.Д. Симашко выводит этого человека на страницы романа.

Александр Ростовцев-Марьин – внук петровского солдата, мелкопоместный дворянин («Пахло ростовецким сеном, что складывали для коровы при дворе. От того двора, наверное, он и дворянин»). В начале романа юный гвардеец в составе почетного эскорта сопровождает немецкую принцессу; в конце книги смертельно раненый под Очаковым полковник едет домой умирать.

«Их, побитых под Очаковым офицеров, везли обозом, на усталых сеном телегах. По одной, по две всякий день сворачивали в сторону, пока не осталось их четверо. Теперь надо сворачивать было ему. Где его Ростовец, он видел по небу, но объяснить бы свое чувство не мог. Наверное, так птицы определяют путь домой...».

Ростовцев-Марьин – не только смелый офицер; он Интеллигент с большой буквы. Он очень похож на своего «старшего брата» – иранского интеллигента Авраама из «Маздака».

Слово интеллигент многозначно. Одно из его значений – «человек, принятый в интеллигентном обществе». И Авраам, и Александр Ростовцев-Марьин живут в те времена, когда интеллигентного общества, собственно, и не было. Этим они отличаются, например, от доктора Живаго, который интеллигент во всех отношениях. Но, тем не менее, и Авраам, и Александр для нас намного интереснее: их мысли – это результат их собственного стремления найти истину.

А еще раньше были Пьер Безухов и Константин Левин, которым Лев Николаевич Толстой подарил частицу себя.

Волею случая в руки А. Ростовцева-Марьиного попадает рукопись провинциального графомана Астафия Матвеевича Коробова с размышлениями о русской истории, о русском народе. Коробов – такой же интеллигент, ищущий истину и совершенно одинокий в своей среде. И умудренный опытом Александр продолжает труд своего предшественника. Надо думать, эту рукопись, в конце концов, прочтет внук героя, Александр Ростовцев-младший, будущий декабрист. Ибо рукописи не горят.

Случайная встреча в зимнем лесу навсегда осталась прекрасным воспоминанием и для Александра, и для Екатерины (тогда еще Софьи Фредерики Августы). Эту встречу они вспоминают в критические моменты своей жизни. И двадцать пять лет спустя встречаются вновь.

«Это случилось в Москве, когда до конца прочитан был “Наказ”. Она опустила взгляд к депутатам, и вдруг закружились черные ветки со снегом и с ними весь мир, сильные руки подняли и понесли ее, незащищенную, запутавшуюся в сугробах. Не было теперь падающей со лба пряди волос, но все равно она видела ее. Он стоял в мундирной, как большинство дворян, куртке. И через суровую возмужалость на лице, как и тогда, стала поступать краска. От того сделались белее шея и твердый широкий подбородок. А он продолжал смотреть на нее, как делал то всю жизнь: прямо и не отводя глаз.

Опять встал перед ней выбор. Не чувствовалось уже обязательной тяжести на плечах. Будто выпущенное из руки, радостно забило сердце, великая намеченная для женщин слабость стала разливаться по телу. Нужно было только продолжать смотреть, и жизнь, которая была предназначена ей, вступила бы в свои права. Но она уже смотрела мимо...».

У Г. Уэллса есть рассказ «Дверь в стене». Его герой, преуспевающий политик, увидел в детстве зеленую дверь в стене, зашел туда и попал в прекрасный мир. Как он потом ни пытался найти эту дверь – ничего не выходило. Правда, дверь иногда появлялась перед ним сама. Один раз она появилась перед экзаменом, в другой раз – накануне предвыборного собрания, где нужно было произнести речь. То есть, всякий раз, когда нужно было

сделать вывод между успехом и счастьем. Политик всякий раз выбирал успех. И, в конце концов, стал премьер-министром. Но в должность не вступил. В самый последний момент его труп был обнаружен где-то на стройке за зеленой дверью. Политик сделал свой последний выбор.

А. Ростовцев-Марьин для Екатерины – та же дверь в стене. Правда, на карте стояла не только карьера: для Екатерины государственная деятельность – это, выражаясь высоким штилем, дело всей жизни. Представить себе Александра в роли фаворита она не могла; единственный вариант отношений: Екатерина отрекается от престола, уезжает в Ростовец и становится офицерской женой. Позволить себе такое Екатерина не может: к своим служебным обязанностям она относится крайне добросовестно. И, кроме того, А. Ростовцев-Марьин – маленькая частица русского народа, которому служит Государыня Императрица. Работая на благо страны, она работает и для Александра. Поэтому приходится поставить крест на любви и ограничиться утехами с Григорием Орловым, Григорием Потемкиным и прочими государственными и околосударственными мужами.

В конце концов Екатерина все-таки открывает дверь в стене. О том, что она увидела за дверью, мы поговорим немного позже, а пока посмотрим, что представляет из себя Екатерина как политик.

Екатерина обладает качеством, которого напрочь нет у большинства наших соотечественников – чувством меры и чувством реальности. М.Д. Симашко неоднократно противопоставляет Екатерину русским государственным мужам и, в первую очередь, ее лучшей подруге Екатерине Воронцовой-Дашковой.

Воронцова-Дашкова – максималистка. А Екатерина II понимает, что политика – это искусство компромиссов. Важно лишь, чтобы за компромиссами не терялась генеральная линия. И кроме того, бескомпромиссность мешает понять позицию оппонента. Характерная деталь: императрица обсуждает с Воронцовой-Дашковой возможности отказа от крепостного права. И Екатерина младшая искренне не понимает проблемы, будучи совершенно неспособной представить себе жизнь без крепостничества. И по отношению к Радищеву Воронцова-Дашкова занимает куда более непримиримую позицию, чем императрица.

Те же черты видит Екатерина и у своего сына, будущего императора Павла I, зоологически ненавидящего Французскую революцию и призывающего к использованию пушек. «Разве не понимаешь, мой друг, что пушки не годны воевать с идеями!» – резонно отвечает императрица, замечая про себя, насколько ее сын похож на якобинца. Ибо «не в идее коренится смысл, а в способе действий».

Экстремистская психология наших соотечественников – главное, что беспокоит стареющую императрицу. С одной стороны, эмоциональное отношение к действительности не может не вызвать симпатий. Но, с другой стороны, сколько бед может натворить экстремизм на Руси! Особенно, если объединить склонность русских людей увлекаться идеями с немецкой педантичностью. Ибо российская расхлябанность в подобной ситуации окажется несомненным благом.

Екатерина старается использовать людей с разными взглядами, стремясь обеспечить равновесие между талантливыми и энергичными людьми из своего окружения. И действительно, «екатерининская команда» – наверное, самая сильная за всю историю России. Потемкин, Орловы, Суворов, Румянцев, Воронцова-Дашкова и многие другие талантливые люди обеспечивают расцвет России. Без Екатерины они бы наверняка перегрызлись между собой. И Императрица это очень хорошо понимает.

Никита Иванович Панин, благороднейший человек, подает Государыне проект о создании Императорского совета, ограничивающего самодержавную власть. Екатерина благосклонно отнеслась к проекту и попросила Панина назвать главнейшие добродетели, которыми должен будет обладать член такого Совета. Панин с готовностью перечислил: «...это должен быть муж твердый и неподкупный, чтобы был умен, правдив, некорыстолюбив, с добрым сердцем, ставящий чужое выше своего и паче блюдуший государственный интерес. К тому же не ласкатель и угодник. Не сластолюбец...

Она остановила его коротким движением руки:

– Ну, одного такого мы с тобой знаем, Никита Иванович. Назови кого второго!

И тут он запнулся.

– Разве что граф Григорий Орлов? – сказала она в раздумье, как бы помогая ему выбирать.

Он молчал.

– Или, может быть, граф Кирилла Григорьевич... Также Яков Шаховской... Еще Теплов, Чернышев, кто-то из Воронцовых...

У него дух захватило. Так и не понял он, вполне серьезно говорила она или смеялась над ним».

Вечером императрица вновь призвала Панина. Подписанный манифест лежал на столе. «Прямо и без утайки посмотрела она на него и сказала:

– А ведь и среди апостолов не было такого, каких предполагаешь членами моего совета.

Потом она встала и разорвала манифест на четыре части. Он стоял окаменелый. И тогда снова услышал от нее это слово:

– То все идеальность, мой друг!».

Вежливо выслушивает Екатерина и советы Дидро. Правда, не очень спешит их исполнять. Когда Дидро советует ввести конкурс на замещение государственных должностей, Екатерина улыбается про себя, представляя, как некий ассессор будет участвовать в конкурсе с Орловым и что будет с этим ассессором дальше. Ему, бедняге, не сможет помочь даже сама императрица.

Не может принять Екатерина и другой совет Дидро: о создании «государственной культуры», пропагандирующей политику просвещенного абсолютизма. По мнению Д. Дидро, русский народ нуждается в просвещении, о чем должно заботиться правительство.

Екатерина более высокого мнения о русском народе, так же, как и о любом другом. С ее точки зрения, культура создается народом и отражает стремления народа, а не высочайшие указания. «Парнас преобразовать в департамент – весьма прельстительное для власти дело, да только сразу заполнится свиньями».

Но, тем не менее, Екатерина стремится общаться с Дидро и приглашает в Россию философов. «Так же, как Петр I звал плотников и инженеров, от каковых она тоже не отказывается. Просто философы становятся когда-то материально необходимы как

мануфактуры и военные корабли. А для славы ее или России то делается, так разве это не одно и то же!».

Роман начинается прологом, описывающим последние дни Петра Великого. У порога могилы Великий Император понимает, что возможности насилия не беспредельны. С помощью насилия можно свершить быстрый рывок вперед, но для того, чтобы закрепить достигнутое, нужна другая политика. Он подписывает указ об амнистии. И в последнюю минуту, перед тем как навсегда потерять сознание, пишет на бумаге «отдайте все...». Что он хотел сказать, так и осталось неизвестным.

Только Екатерина, стремившаяся, по возможности, достичь национального согласия, сумела закрепить реформы Петра.

Это национальное согласие очень непрочное, что наглядно показало восстание Пугачева.

Емельян Пугачев появляется в романе несколько раз. Впервые – в конце первой части, когда Ростовцев-Марьин видит варварское наказание будущего вождя крестьянского восстания. Это было еще до воцарения Екатерины, но и при Екатерине нравы не слишком смягчились. Генерал-фельдмаршал Потемкин бил по физиономии не только солдат, но даже и полковников. А о простых людях и говорить не приходится.

Многозначительная деталь: Пугачев неизменно разбивал первоклассных полководцев; и тогда Екатерина вспомнила донос о том, что заслуженный подполковник Михельсон – на самом деле беглый крепостной. Михельсон был произведен в полковники и назначен командовать войсками против Пугачева. В два месяца все было кончено: мужик свершил то, что не смогли сделать дворяне.

Екатерина подписала смертный приговор Пугачеву, но приказала не мучить его перед смертью. «Потом говорили и в европейских газетах писали, что бунтовщику и разбойнику Емельяну Пугачеву палач по ошибке вначале отсек голову и четвертовал уже безжизненное тело...».

В центре романа размышления Екатерины и Александра Ростовцева-Марьина об истории и судьбе России. Екатерина не преувеличивает свой вклад; она просто ведет гигантский корабль

российской государственности в том направлении, куда дует исторический ветер. Императрица это понимает и трезво оценивает свои возможности. О внутренних закономерностях истории, ограничивающих наши мечтания, размышляет А. Ростовцев-Марьин и его немногие мыслящие друзья. «То жестокая и непреклонная дама – муза истории. В львицу превращается, у которой хотят отнять добычу, когда кто-то становится на ее пути. Можно идти осмотрительно за ней, при должном умении – идти рядом, но, не дай бог, забегать вперед. Также опасно тянуть сзади за хвост, стремясь задержать ее поступь. Эту опасность должны осознать всевозможные пророки, что плодятся ныне в Европе и норовят уловить ту львицу в свои рукодельные капканы...», – говорит мудрый поляк пан Людвиг Мураховский. И Александр соглашается с ним: «Где-то он уже читал про музу истории, о которой говорил старый шляхтич. Только ни он и никто в России не задумывается о том, что и их это касается. Будто по Европе только ездит та придуманная немцами муза, а у нас все идет своим чередом: убираются нивы, скачут фельдъегери, маршируют солдаты. Лишь когда на границы выходят, как он сейчас со своими солдатами, то имеют к той музе какое-то отношение...».

Прошли годы. И вот престарелая императрица подводит итоги своей жизни. И политической, и человеческой. Россия при Екатерине добилаь многого. Но революция во Франции показала, что троны неустойчивы и качаются. Не видит Екатерина и продолжателя своего дела. Сын Павел пошел в папеньку, а внук Александр слишком молод и передать ему трон не так просто.

Нет уже близких друзей и соратников. А молодым карьеристам, допущенным к постели Её Величества, императрица сама по себе не нужна. Нужны карьера и материальные блага. И с единственной подругой Екатериной Воронцовой-Дашковой общего языка найти не удастся.

И тогда старая одинокая женщина решает открыть дверь в стене. «Даже днем теперь закрывала глаза, и являлся к ней некий образ. Все до мелких подробностей видела она: даже иголки от хвой на обшлаге его рукава. Тогда позвала секретаря и велела сделать то, чего боялась сделать всю жизнь. Через месяц ей

принесли имя с отчеством и фамилией, что оказалась двойной. А также назвали место, которое с трудом нашла на карте. Там текла река и была такая же равнина, как и вокруг. Она велела приготовить приватную карету и никому о том не говорить...».

И вот Екатерина в Ростове.

А. Ростовцев-Марьин умер от ран, полученных под Очаковым. Но жива его мать, которая поняла незнакомую женщину без слов и отвела на кладбище. «Екатерина плакала горько, навзрыд, и Анастасия Меркурьевна, как звали мать полковника Александра Семеновича Ростовцева-Марьина, утешала, гладила ей плечи:

– Поплачь, Катенька. Оно всегда, душа моя: наплачешься и полегчает. Такая доля сиротская.

Вовсе как девочка жалась она лицом в теплый пуховый платок и никогда еще в жизни не испытывала такого счастья. Она чувствовала запах молока, печного дыма, хлеба, травы и леса. Никого в целом мире не было у нее, кроме этой старой женщины с теплыми руками, которая ни о чем не спрашивала и все как будто знала...

Вдруг пришла мысль, что может в одночасье дать им другой дом с мраморными колоннами, а капитана сделать генералом. Но устыдилась сразу того, даже посмотрела на них с извинениями, настолько здесь это было не к месту...».

Перед отъездом Екатерина делает свое главное открытие.

«Младший Александр Ростовцев-Марьин все смотрел от своего места, где сидел с книгой. Когда уезжала, то подошел, не отводя с нее глаз. Она положила руку мальчику на голову, почувствовала мягкую густоту и буйность волос. И вдруг произошло необъяснимое.

Раздвинулось время. Она увидела знакомое здание Сената и площадь перед ним. Войска что-то кричали, строились в каре и среди них впереди находился некий поручик. Был это тот самый мальчик, кому гладила сейчас голову. Навстречу им из проездов дворца выкатывали пушки. Ветер трепал у поручика выбившуюся прядь волос...

Когда ехала назад, то все не уходила из ума эта площадь с войсками, которую на мгновение увидела, коснувшись детской головы. Она вспомнила, что когда-то хотела угадывать будущее. Это умели люди с побережья, где море выбрасывает на берег легкий, наполненный древним солнцем камень. Мать ее была родом оттуда, и думала наследовать такую способность...

Какая же связь присутствует между временем, людьми и событиями в мире? Каково обойтись без лукавства и насильственности? Одно только она знала точно. Эта мятежная площадь перед Сенатом, которая показалась вдруг ей, прямо будет проистекать из ее жизни и действий. И кто будет судить ее за все, пусть сам будет судим тем же судом».

По внутренней логике романа Екатерина не должна была вернуться из Ростовца: человек, открывший дверь в стене, для окружающих умирает. Так же, как и её таинственным образом исчезнувший внук Александр I, Екатерина должна была навсегда остаться на просторах России. Но историки точно знают, что Великая Императрица умерла 6 ноября 1796 года в Зимнем Дворце. Поэтому поездка в Ростовец – это сон, который приснился Екатерине в последнюю ночь её жизни. Во сне она возвратилась домой, а в Зимнем Дворце просто не проснулась.

Моих исторических знаний явно недостаточно для того, чтобы оценить достоверность всех приведенных в романе фактов. Подозреваю, что Екатерина сильно идеализирована. Но искать фактические неточности и авторский вымысел не хочется. Роман правдив в главном – в понимании реальных исторических проблем. И в понимании психологии людей, вовлеченных в исторический процесс.

Роман М.Д. Симашко продолжает литературную традицию, которую мы в первую очередь связываем с именем Леси Украинки. История показывается через людей, в нее вовлеченных. И через столкновение жизненных позиций героев, у каждого из которых – своя правда. Подлинная мудрость состоит в том, чтобы понять правду и неправду каждого героя, каждой позиции.

Многие черты роднят Мориса Давыдовича Симашко с крупнейшим русским поэтом нашего времени Наумом Коржавиным, который волею судеб был вынужден жить вдали от России.

Рецензируемый роман прекрасен и в художественном отношении. Как и многие другие произведения М.Д. Симашко его можно отнести скорее к поэзии, чем к прозе. Автор видит мир глазами своих героев, и этот мир раскрывает внутреннее состояние человека. В нашей литературе на это способны были только Михаил Юрьевич Лермонтов, Лев Николаевич Толстой и Аркадий Петрович Гайдар. Лучшие произведения Гайдара все время вспоминаются, когда читаешь книги М.Д. Симашко.

Украшениями книги являются мудрые замечания о жизни и государственной деятельности, такие, например, как

«Он смотрел перед собой, а видел все по сторонам. Таковое качество вырабатывается при долгой службе государственной, и когда нет этого таланта, ни к чему все остальное».

«То был уже впитанный в ее плоть и кровь русский способ жизни. Начался он тогда, когда вместо нудных логических объяснений по поводу своих долгов она тихо сказала: “Виновата, матушка!”. Дочь Петра Великого даже испугалась такого ее проникновения в характер. Теперь она покорно слушалась Богом определенного ей супруга и делала все по-своему».

Подобные маленькие шедевры разбросаны по книге в огромных количествах.

В 1999 году Международный Казахский ПЕН-клуб выдвинул роман «Семирамида» на соискание Нобелевской премии по литературе. Однако автор вскоре умер, а после смерти присуждать Нобелевскую премию не принято.

К сожалению, отечественный читатель в массе своей предпочел «Семирамиде» «Фаворита» В. Пикуля. Что характеризует этого читателя не лучшим образом.

«Штрафники» – кадры красной армии 1940-1945 годов

В течение нескольких послевоенных десятилетий официальная советская историография и литература игнорировали существование штрафных частей во время войны. Предполагалось, что в СССР такого не было, как не было и преступлений, и карателей.

Радикальное изменение произошло в период перестройки благодаря М. Симашко. Молодой студент во время тренировочных полетов приземлился в соседнем с эскадрильей аэропорту, чтобы встретиться с девушкой. На виновника завели уголовное дело. Снисходительный командир спас его от военного трибунала, но наложил довольно суровое наказание – 1 месяц в штрафной роте.

Разжалованный штрафник с другими нарушителями под охраной был доставлен в Самарканд, где формировались штрафные части. М. Симашко изложил свои переживания во время пребывания в штрафной роте в повести «Гу-га», опубликованной в 1987 году. Повесть М. Симашко вызвала в СССР волну критики. Автора обвинили в фальсификации истории и клевете на доброе имя советского солдата. В то же время в советской прессе стали появляться робкие вопросы о «штрафниках», их вкладе в победу над Третьим рейхом.

В 1989 году на Одесской киностудии по произведению М. Симашко сняли художественный фильм (режиссеры Ирина Васильева и Александр Еремеев). В том же году издательством Министерства Народной обороны повесть опубликована на польском (в переводе Михала Ягелло). Несмотря на значительный тираж, книга осталась в Польше почти незамеченной.

Документальный фильм «Штрафники» режиссера Леонида Данилова привлек немного больше внимания, но полемика вокруг фильма, развернувшаяся в России, до Польши не дошла. Единственный подробный отчет, описывающий ужасные условия существования и борьбу «штрафников» – автобиографическая

повесть М. Симашко. Однако к этим воспоминаниям следует подходить со всей серьезностью и осторожностью, автор сознательно не позволяет читателю определить номер штрафной части, место, где она сражалась, и точное время. Кроме того, персонажи выступают в произведении под вымышленными фамилиями. Автор повести фигурирует как Борис Тираспольский.

Но, в целом, беллетризованные воспоминания М. Симашко являются ценным источником, так как штрафная рота изображена глазами включенного в нее «штрафника».

Перевод с польского языка Э. Сагинтаева

Литература:

1. Tomasz Wesolowski. «Sztrafniki» – jednostki karne armii i czerwonej w latach 1940-1945 // STUDIUM PODLASKIE. Том X. – 2020. – Р.110
2. Весоловски Томаш. «Штрафники» – кадры Красной Армии 1940-1945 годов // Литература Казахстана в зарубежных источниках / Шетел дерек-көздеріндегі Қазақстан әдебиеті / Отв. редактор С. Ананьева. – Алматы: PressCo, 2021. – С.61

ВИННИК РОЗАЛИНДА

Человек в трагических испытаниях эпохи в повести М.Д. Симашко «Гу-га»

Повесть М.Д. Симашко относится к прозе о Великой Отечественной войне, вобравшей в себя несколько направлений в русской литературе второй половины XX века.

Литературовед М.Г. Павловец отмечает несколько периодов в развитии «военной прозы»: «Первое из этих направлений – произведения художественно-документальные, в основе которых – изображение исторических событий и подвигов реальных людей. Второе – героико-эпическая проза, воспевавшая подвиг народа и осмыслявшая масштабность разразившихся событий. Третье связано с развитием толстовских традиций сурового изображения “негероических” сторон окопной жизни и

гуманистическим осмыслением значения отдельной человеческой жизни на войне» [4, с.341].

Повесть М. Симашко, с одной стороны, художественно-документальное произведение, основанное на личном опыте писателя, с другой стороны, это изображение окопной правды войны, данной с гуманистических позиций.

Повесть написана в начале 80-х годов и продолжила традиции «лейтенантской прозы». Писателей этого направления, многие из которых сами прошли дорогами войны, интересовали не перемещения войск, а мысли и чувства молодых людей, которые, став командирами рот и батальонов, впервые столкнулись со смертью, впервые ощутили бремя ответственности и за родную страну, и за живых людей, ждущих от них решения своей судьбы. М. Симашко, кроме того, поднял малоисследованную в отечественной литературе судьбу людей, попавших в штрафные батальоны. Пройдя сам трудную дорогу «штрафника» на войне, писатель представил главного героя Бориса Тираспольского – «alterego» автора как участника событий, определивших трудный путь победы над фашистскими захватчиками. Мы видим становление внутреннего мира героя от наивного юноши, столкнувшегося со всеми издержками службы в армии в конце 30-х годов в тоталитарном государстве периода сталинской диктатуры, до настоящего героя, принявшего на себя командование в решающий момент сражения с превосходящими силами врага.

В художественной ткани повествования сталкивается бесчеловечность сталинской административно-командной системы управления людьми и доброта обыкновенных людей, испытывающих сострадание к своему ближнему. Так, старик, купивший сапоги у отправленного в штрафбат Бориса, бесплатно угощает солдат кишмишем, а главный герой горячо сочувствует случайной попутчице в поезде, кормит ее продуктами из своего пайка, старается утешить в трагических жизненных обстоятельствах. Вот как писатель передает раздумья Тираспольского о судьбе девушки: «Она начинает есть, откусывая маленькими кусочками. Слезинка скатывается у нее по щеке, растворяя черную краску в уголке глаз. Мы молчим, уничтоженные. Нам стыдно,

хоть мы ни в чем не виноваты. Господи, как тяжело – видеть голодную девушку.»

Сталинская система распределения в штрафные батальоны ярко раскрывается в сцене прибытия Б. Тираспольского в пункт назначения. Шурка Бочков попал в штрафбат из-за драки с лейтенантом Кононенко, Кудрявцев – из-за продажи списанного парашюта, сам Тираспольский – из-за небольшого отклонения от заданного маршрута полета. Заключение в тюрьмах просто гнали на «мясные» штурмы: никто не считал их за людей. При том само начальство использует эвфемизмы, прикрывающие произвол военных начальников, вольных посылать людей на заведомую смерть:

«Теперь очередь танкистов. С ними то же самое:

– Непочтение родителей...

– По заповеди... месяц.

– Непочтение родителей...

– Непочтение родителей...

Это всё известное: непочтение – ссора с начальством, а по заповеди – кража, продажа казенного имущества. Отдельно – самоволка, если больше суток. Что еще может быть. Разве, как со мной...».

Штрафной батальон формируется не только из проштрафившихся военных летчиков, танкистов и артиллеристов, но и из уголовников, которые не умеют стрелять. Б. Тираспольский вынужден обучать стрельбе людей, далеких от военной службы, в то время как те, кто должен этим заниматься, игнорируют свои служебные обязанности: «Оба лейтенанта, Ченцов и Хайленко, появляются от случая к случаю».

Приехавший контролировать военную подготовку полковник обращает внимание только на то, что «штрафники» плохо маршируют и укоряет в этом капитана Правоторова. Капитан, имеющий боевой опыт и заслуживший восемь орденов, дерзко отвечает своему начальнику, и тот вынужден ретироваться.

Трагикомическое впечатление вызывает эпизод, когда в штрафбат пригоняют подростков Хрусталева и Рудмана. «Оба худые, в каких-то опорках. Старший совсем бледный, так что

синие жилки видны на лице. Другой – маленький, черный – всякий раз вздрагивает от вопросов. Вместо рубашки у него какая-то кофта с розовыми полосами, как видно, перешитая из женской одежды». Жестокая сталинская система не пощадила этих подростков, которые, испытывая страшный голод в эвакуации, украли торбу с мукой. Главный герой повести берет ребят под свое покровительство.

Отношение к солдатам из штрафбата пренебрежительное: им выделяют поношенные шинели, в таких прорехах, что через них видно небо, и старые винтовки «с обтершимися до голого дерева прикладами». А сзади штрафников «идет рота при полном снаряжении, с автоматами, пулеметами, с выдвинутым в обе стороны боевым охранением. Их бросают на самый опасный участок фронта, где зимой за неделю «положили целую дивизию».

Штрафной батальон отправляют на самый трудный участок фронта, на болота, где все заминировано, а сверху установлен вражеский дот, откуда поле простреливается пулеметной очередью.

Для главного героя повести Б. Тираспольского основная задача – преодолеть страх. В этом, по мысли автора, проявляется главное мужество героя: «Мне вдруг делается страшно. Только что я потерял себя. От смертного холода, идущего из глубины земли, или от липкого неотвязного запаха это произошло, но мне показалось на какое-то мгновение, что я уже умер. Чтобы снова сделаться живым, мне нужно было двигаться, стрелять. Наверное, я терял сознание...». Преодолеть страх смерти герою помогает чувство солидарности с товарищами по окружению: «Теперь я осознаю, что не один здесь в ночи, как показалось вдруг мне в какую-то минуту. Шагах в десяти от меня лежит Шурка Бочков, за ним Бухгалтер, Иванов, где-то лазает Даньковец. Я знаю их всех...».

Писателя, прошедшего дорогами войны, интересовали не перемещения войск и не планы ставки, а мысли и чувства молодых солдат, которые, став командирами рот и батальонов, впервые столкнулись со смертью, впервые ощутили бремя ответственности и за родную страну, и за живых людей, ждущих от них решения своей судьбы.

Автор нередко обращается к излишним натуралистическим описаниям страданий и смерти на войне, но эти «недостатки» порождены прежде всего болью за человека, оказавшегося в нечеловеческих условиях.

Штрафные батальоны брошены на самый опасный участок фронта, в болото, перед немецкими дотами. Самим себе они придумали боевой клич «гу-га», который как огромный гул несется над болотами, показывая кураж защитников передового участка фронта: «Гу-га, гу-га. Это раздается слева от нас, потом с другой стороны. Все делается так, как говорил Даньковец. Теперь и мы начинаем. Сначала глухо, едва слышно, сложив ладони перед губами, потом все громче: Гу-га, гу-га, гу-га.

Немцы, говорившие только что между собой, сразу умолкают. Напряженная тишина стоит над болотами. Лишь где-то из глубины его идет наше уханье.

И вдруг словно огненная стена рушится на нас. Бьют из автоматов, пулеметов, с ноющим звуком обрываются мины».

Писатель показывает произвол власти, организующей штрафные батальоны: «Что касается штрафной, то у нас несколько человек подзалетели туда за разные дела: грубость с начальством, длительная самоволка, продажа казенного имущества, да мало ли за что, если попасть начальству под руку. Особенно часто происходит это с тех пор, как стали наводить порядок. Правда, все обходится без суда, по приказу начальника школы, с правом возвращения в часть». Главный герой повести Б. Тираспольский проявляет незаурядное мужество в бою. Когда капитан Праваторов получает тяжелое ранение, он берет командование на себя. Штрафбату предстоит отбивать несколько атак немецких фашистов, находясь в торфяном болоте: «Я смотрю перед собой. Немцы идут ровной цепью, и автоматы не качаются у них в руках. Из леса, намного дальше первой, выходит вторая линия. Там что-то катят на руках, не то пушки, не то какие-то ящики на колесах. Гудят опять моторы, и желто-зеленые машины сдвигаются с места, переползают на черную полосу».

Истинное лицо войны, суть «трудной работы» солдата, цена потерь и самой привычки к утратам стали предметом раздумий

автора и его героя Б. Тираспольского: «С визгом ударяют и отлетают от бетона пули. Это от второго дота. Теперь они идут оттуда, серо-зеленые и черные попеременно. Во что бы то ни стало хотят они сбить нас. Мы ложимся тут же, у входа в дот. Теперь мне все видно. У нас один тяжелый пулемет, который вытащил из дота Кудрявцев. Там, где стоял другой пулемет, теперь воронка, еще ручной “Дегтярев” у Никитина, но он ни к чему – нет дисков. И автоматы. Бухгалтер таскает из дота гранаты, укладывает сзади. Никак не могу сосчитать, сколько же нас человек. И снова бегут к нам немцы, падают и бегут, за ними появляются другие. Уже не пригибаются они, идут в рост. Сверху, на доте, тоже, оказывается, они, и мы бросаем туда гранаты».

После тяжелого боя Борис подсчитывает количество бойцов, оставшихся в живых. Их всего восемнадцать из сорока штрафников. Писатель показывает истинные реалии войны, бесстрастно перемалывающей человеческие жизни: «Сапоги мои хлюпают в воде. Я вдруг задерживаюсь и смотрю себе на ноги. Вода эта красная, и какая-то догадка мелькает в голове. Слева и справа лежат убитые. Вспоминаю, как кто-то говорил, что не меньше, чем дивизию положили уже в этом болоте. Так вот откуда запах: торф пропитывается кровью, и она навсегда остается в нем, не делается прахом...»

Страшный результат лобовой атаки на немецкие доты штрафников приводит к непоправимым потерям. «Мясные штурмы» командования не считаются с жертвами, писатель изображает ужасающую жестокость войны, попирающую все представления о гуманности: «Наших лежат тут двадцать семь человек. И три связки коричневых мешков лежат тут же, одна из них неполная. Мы стоим, молча смотрим на своих. Никитин сапогом отбрасывает немецкие мешки. Мы снимаем шинели, кладем на них наших и, забросив на плечи автоматы, начинаем носить их вниз в болото. Солдаты, охранявшие немцев, глядят на нас издали и ничего не говорят...».

Одна из самых волнующих сцен повести похороны погибших. Живые стараются в условиях страшной войны достойно похоронить своих погибших. Гробы сделать невозможно,

поэтому хоронят, выстилая яму шинелями: «Длинную яму в торфе мы устилаем шинелями. Опускаем их туда по очереди, кладем рядом плечом к плечу. И сверху укрываем шинелями, с головой. Смотрим в серое небо. Потом лопатами и руками, коленями сталкиваем на них рыхлую бурую землю».

Военная тема в литературе не исчерпала и никогда не исчерпает себя. Есть в этом и огромная заслуга М. Симашко, принимавшего участие в битве с фашизмом. Живая память писателя помогла создать образы героев, попавших в штрафной батальон по произволу военного начальства, но сохранивших чувство собственного достоинства, моральное превосходство над врагом, проявивших беспримерное мужество при защите Родины, отстаивавших идеалы гуманизма в период тяжелейших испытаний своего времени.

Литература:

1. Русская литература XX века. 11 класс / Под ред. В.В. Агеносова. – М.: Дрофа, 2008. – 508 с.

ГАЛАЙ КАРИНА

Исторические романы М. Симашко сквозь призму времени (культурологический аспект)

Морис Симашко – народный писатель Казахстана, чье творчество занимает особое место в истории литературы страны. Именно он стал одним из основателей жанра исторической прозы не только в Казахстане, но и в Центральной Азии. Именно он возродил забытые имена исторических личностей Средней Азии. Главная тема его произведений – история культуры и социальных достижений народов Востока. Ряд произведений раскрывают темы истории республик Средней Азии и России. Не зря критика называла его «певец Востока». Так, например, его исторический роман «Маздак», вышедший в Казахстане в 1968 году, был первым художественным произведением русскоязычного автора об истории доисламского Ирана. Более того, и на

данный момент этот роман остается единственным произведением такого рода.

«Маздак» – небольшой по объему роман, в котором на исторической почве дается практически универсальная схема распространения тоталитаризма. Эта тема, конечно, не нова, но поражает отчетливость и понятность, с которой автор её преподносит.

Роман описывает исторические события середины эпохи правления династии Сасанидов (III–VII вв.) в древнем Иране. М. Симашко повествует о движении маздакитов, которое из религиозно-философского учения в рамках зороастризма переросло в революционное движение. Об этом времени известно не так много, так как арабы, захватившие Иран, старательно стирали память о Сасанидах. Как утверждают зороастрийские жрецы, хранители древнеиранского канона: Кто был истинным пророком, возвестивший благо роду человеческому? – Заратуштра. А кто был лжепророком, созданным на погибель человечеству? – Мани, а еще трижды проклятый Маздак. Такова ли историческая правда?

В исторических источниках говорится, что Маздак выступил со своей проповедью в V веке, и стал ненавидим и любим по одной и той же причине: он поднял знамя уравнилельного коммунизма. Он говорил, что по природе своей все люди равны, не должно быть богатых и бедных, и провозглашал распределение богатств на всех. Шах Кавад I Сасанид, испугавшись масштабного движения и желая использовать его для ослабления своих соперников в аристократических кругах, первоначально поддержал движение, но позже предпочел объединиться с феодальной властью и выступил против Маздака. Движение было потоплено в крови.

Но эта революция изменила ход исторических событий. Она уничтожила крупных землевладельцев, осуществила передел земли и имущества. Почти сорок лет держалось у власти революционное правительство, но законы истории перехитрить не удалось: маздакидское правительство было свергнуто, а их правление настолько ослабило страну, что она была завоевана арабами, принесшими в Иран ислам, который постарался стереть из памяти людей другую религию. Истории подъема, победы,

перерождения и гибели маздакидского движения и посвящен роман М. Симашко «Маздак».

Главный герой – интеллигент-христианин Авраам ведет летопись происходящих в средневековом Иране событий из самого пекла: он видит начало маздакидской революции, когда приходит сам Маздак, облаченный в красное, держащий факел, на слоне, и видит конец этой революции, когда при безмолвном согласии народа солдаты кроваво уничтожают переродившихся эпигонов маздакидской революции. В течение всего романа Авраам ищет ответ на один единственный вопрос – где добро, а где зло? Пытается ответить для себя, прежде всего, на вопросы о моральной стороне маздакской революции и теории Маздака, которая в итоге привела к страшным последствиям и кровавой бойне. Что лучше? Жить рабами или попытаться вырваться из рабства, но за эту попытку предстоит заплатить высокую цену. Авраам не находит ответы на вопросы, и сам М. Симашко и не дает однозначного ответа.

М. Симашко создает исключительно детализированный роман об исчезнувшей цивилизации: мы видим картины происходящего, чувствуем запахи и тактильные ощущения. Рисуя судьбы и переживания отдельных людей, М. Симашко стремился воссоздать историческую действительность со всем ее колоритом, картину материальной жизни, быта людей невозможно далекой истории. Однако книга поражает не только этим.

Это историческая драма – триллер о революции в Иране и о революции вообще. Еще Гегелем было замечено, что при реставрации прошлого всегда так или иначе учитывается современный взгляд на историю. Роман поражает аналогиями с Октябрьской революцией 1917 года, разделившей судьбы многих стран *надо* и *после*.

Сам М. Симашко в своей автобиографической книге «Четвертый Рим» писал: «Я пошел в ЦК, и там, в отделе пропаганды и агитации прочитали роман и дали добро. Как-никак, темой была революция, но они великолепно понимали, о чем там идет речь. Нет, не все было однозначно в самой партии.... Понимая, насколько необычен роман для чтения, я не ожидал его массового

издания. И вдруг в короткие сроки “Маздак” вышел в разных издательствах чуть ли не миллионным тиражом, не задерживаясь на полках книжных магазинов. Однако рецензии на него поначалу стали выходить во Франции, Германии, Польше, в других странах. У нас их, по-видимому, не решались писать, боясь скомпрометировать автора. Директор Института востоковедения Академии наук СССР Бободжан Гафуров передал мне через общих знакомых: “Скажите Морису, что я сразу узнал, где в его романе Ленин и где Сталин!”...».

В начале девяностых, на пике антикоммунистических тенденций М. Симашко даже пришлось доказывать, что это не диссидентский роман, а история Древнего Ирана и больше ничего. Но короткие картины, из которых состоит роман (голод, дискуссии иранской интеллигенции, жрец в красном с факелом, революция, а после убийств активных революционеров, героев войны, создание кумира) на данный момент являются слишком уж очевидными. Так, например, современный русский советский и эстонский писатель М. Веллер в книге «Перпендикуляр» в 2008 году писал: «Уже в 60-е годы, в конце, и в самом начале 70-х он написал несколько гениальных вещей. Я повторяю – гениальных вещей. А в частности, это роман «Маздак»– якобы о восстании маздакитов в 6 веке нашей эры, в Эраншахре, во времена Сасанидов. А на самом деле – это вообще про революцию. Про советскую революцию, про становление Советской власти, про борьбу и перерождение революционеров. В те времена такая книга появиться в общем не могла, но цензоры и редакторы были достаточно тупы, чтобы не видеть...» [1].

В 1979 году выходит второй исторический роман М. Симашко «Искушение дабира», также ставший популярным в советские годы. В романе автор осмысляет события конца XI века в империи турок-сельджуков, одной из величайших держав мусульманского Востока. Надо отметить, что тот период истории Ирана совершенно не был изучен в советской исторической литературе (в тот период, когда писалось это произведение). М. Симашко ярко и скрупулёзно изображает события далекого века.

В центре повествования – борьба за власть и политические интриги при дворе султана Малик-шаха параллельно с деятельностью террористов-ассасинов, готовящих убийство великого вазира Низам аль-Мулька. Структура романа необычна, особенно, если его рассматривать в рамках господствующего в литературе того времени соцреализма. Роман построен на внутренних монологах основных героев. Их четверо: великий вазир Низам аль-Мульк, старый уstad Наср Али (мастер цветов и руководитель подпольной ячейки террористов); молодой ученик уstadа Реза-шагирд и придворный имам – Омар Хайям. Более того, по мнению М. Веллера, структура романа поучительна: «Стиль вязок, плотен, ритмован, и каждую главу автор разбивает на подглавы длиной от одной до шести страниц, тем самым подавая текст порциями объема короткого рассказа, позволяя читателю отдохнуть в паузах» [2].

В романе мы видим мудрого и просвещенного визиря сельджукидского султана Низам-аль Мулька, который уже стар. Он готовится уйти в отставку и пишет книгу – как итог своей жизни – о том, как управлять государством. Его основная политика управления – равновесие. Он прекрасно понимает, что государством можно управлять, только исходя из чувства меры: немного поддерживать негодяев, но при этом не доводить ситуацию до народного бунта. Только так можно сохранить мир в государстве.

Сам Низам-аль Мульк не является негодяем или мошенником. Он, в общем и целом, неплохой человек. Не желает людям зла, не жаждет крови, но понятий правды и справедливости для него не существует. Он спокойно, цинично описывает не совсем справедливые приемы государственного управления. И несмотря на то, что М. Симашко симпатизирует герою, он аккуратно, тонкими линиями рисует его ущербность как человека, неправильность его политики.

Визирь мудрый и сильный, он стоит над народом, но при этом он чужд своему народу, люди для него – объекты, необходимые для спокойной жизни. Но народ хочет свободы, люди сами хотят творить свою судьбу согласно своим собственным убеждениям. М. Симашко показывает, как это стремление приводит

в тупик. Во времена Низам-аль Мулька эти стремления вели людей в секту исмаилитов, которые практиковали массовый и индивидуальный террор против своих политических и религиозных врагов. Действующий по приказу «горного старца» убийца-фидай (т.е. «жертвующий собой»), скрываясь под обликом купца, нищего, слуги, дервиша, умел проникнуть всюду: во дворец правителя, ставку военачальника, дом горожанина, городской базар и вонзить свой смертоносный кинжал в намеченную жертву. Исмаилиты готовили убийства в глубокой тайне, но совершали их всегда публично, сознательно афишируя, что убийство совершено именно исмаилитами. Они убивали в общественных местах, при большом стечении народа, нередко, в пятницу, в мечети, если намеченной жертвой был мусульманин, или в воскресенье, в церкви, если ею был христианин [3, с.207].

М. Симашко не сочувствует исмаилитам. Наср Али, конечно, ловкий и умный политик, который не смог сделать карьеру при дворе и упивается властью всемогущего вождя подпольной организации. Он покажет низкую суть, когда дорвется до власти. Но при этом у М. Симашко нет страшного обличения ни этого персонажа, ни других исмаилитов. Он как будто бы понимает, что эта страшная по своей сути организация является на данный момент единственной, которая может объединить революционные стремления людей. Надо отметить, что движение было глубоко противоречивым с самого начала своего возникновения. Это было, «с одной стороны, движение народных масс против новых феодальных порядков, с другой стороны – движение знати против центральной феодальной власти» [4, с.202]. М. Симашко вполне реалистично воспринимает основы и итог этого движения и не пытается вводить в иллюзии своего читателя.

Конец романа глубоко символичен. Низам-аль Мульк собирает военный поход против сектантов-террористов и гибнет от кинжала одного из исмаилитов. Но именно в этот момент умирающий визирь впервые счастлив. Он был обычным человеком, частью народа, а не всемогущим правителем, который стоит над народом. Таково отношение М. Симашко к просвещенным правителям, которые стоят над народом. Он дарит им чувство

кратковременного счастья, когда недостижимый правитель соприкасается со своим народом, становясь частичкой народа. И над ним не довлеет судьба правителя. Мы видим параллель с повестью «Емшан», когда великий мамлюкский султан Бейбарс наполняет чашу с ядом, из которой отравил Барата, и выпивает сам. Он уходит из жизни, чтобы присоединиться к своему роду.

М. Веллер неоднократно подмечал аллегоричность сюжета романа, его связь с современностью: «А потом он написал роман “Искупление дабира”. Условно – материал средневекового Среднего Востока, а на самом деле, опять же: крушение тоталитарного государства, которое создает благонамеренный и идеально умный человек. И написано это по законам очень короткой прозы. Написано это алмазным резцом! Вот кому попадетсЯ, прочитайте – не пожалеете. Морис Симашко звали его» [1].

Известный писатель и переводчик Г. Бельгер, которого связывали с М. Симашко долгие годы дружбы, высоко ценил его глубокое знание истории Востока: «Для Мориса Средняя Азия и Казахстан были таинственной и увлекательной книгой, которую он любил, читал и перечитывал, изучал и анализировал, по-своему излагал и блистательно проецировал на современность. Он глубоко вникал в историю арабов, персов, таджиков, туркмен, узбеков, в цивилизацию народов и знал, куда ведет течение жизни».

М. Симашко дает нам исторические художественные произведения «давно минувших лет», повествуя о жизни и событиях, о людях далеких эпох и ставит в центр те события, которые повлияли на судьбу целых народов и государств. Его исторический роман «вскрывает движущие силы, движущие пружины событий, показывает закономерности и взаимосвязи, которые имели решающее значение для того или иного исторического поворота» [5, с.145-146].

У М. Симашко был редкий дар объективности и умение чувствовать противоречия реальной действительности.

Литература:

1. Веллер М. И. Перпендикуляр. – М., 2008
2. Веллер М.И. Песнь торжествующего плебей. – М., 2006

3. A Literary History of Persia from Firdawsi ta Sa'di. Ed. Browne.— London, 1906
4. Гафуров Б.Г. История таджикского народа. — М., 1952
5. Злобин С. О моей работе над историческим романом. — М., 1957

ГАЛАЙ КАРИНА

Морис Симашко: по следам французских изданий

Морис Симашко известен французскому читателю как писатель Советской Азии. Если открыть каталог BNF (Bibliothèque Nationale de France) Национальной библиотеки Франции, то можно увидеть, что произведения М. Симашко представлены в следующем варианте:

1970 год — *Sables rouges et sables noirs* (traduit du russe par Lily Denis) — «Повести Красных и Черных Песков» (перевод Лили Дени);

1973 год — «*Mazdak*» (traduit du russe par Lily Denis) — «Маздак» (перевод Лили Дени). В этом же году вышел перевод повести «Емшан», опубликованный во французском журнале *Le Monde*, выполненный Anne Philipe (Анн Филип);

1992 год — *La Sémiramis du nord* (trad. du russe par Lily Denis) — «Семирамида» (перевод Лили Дени).

Французские исследователи восторженно отзывались о творчестве М. Симашко. Так, например, в журнале *Le Monde* 29 марта 1973 года вышло интервью Anne Philipe (Анн Филип) с четырьмя писателями Средней Азии, среди которых был и М. Симашко.

Анн Филип дважды ездила в Среднюю Азию в 1968 и в 1972 годах, где познакомилась с выдающимися писателями А. Нурпеисовым, М. Симашко, О. Сулейменовым и Ч. Айтматовым. Интерес вызывает именно вторая поездка, которую она совершила вместе с переводчиком Лили Дени и французским поэтом и врачом Лораном Гаспаром, директором тунисского журнала «Алиф». Вместе с М. Симашко они побывали в республиках Советской Азии (как называли эти регионы сами французы. — К.Г.)

и открыли для себя Алма-Ату, Ашхабад, Мерв, Бухару, Хиву, Самарканд и Ташкент. Советские писатели говорили не только о своем творчестве, но и о своей стране, о своих печалях и радостях. Все писатели разные по своему темпераменту, видению мира и по своей чувствительности, но объединяло их одно: страстный поиск своих корней. Чтобы найти свою потерянную цивилизацию, они обращаются к археологии, семантике, этнологии, истории и к своим корням [1].

Интервью Анн Филип с М. Симашко она назвала «Туркменские легенды и сказания». Оно проходило в городе Ашхабаде. Это интервью открывает для французского читателя таинственный мир Востока, его культуру и историю. В истории Востока, говорит М. Симашко, «я нахожу что-то, что мне нравится, что влияет на меня, с чем я совпадаю как по стилю, так и по мысли». Он кратко раскрывает смысл своих произведений: «"Емшан" повествует о кончине важной исторической личности – султана Бейбарса: "Я хотел ясно увидеть самые первобытные чувства восточного человека, который был великим вождем людей, хотя он был не королевских кровей, а рабом"».

«Искушение Фраги» рассказывает о великом туркменском поэте Махтум-кули, которым зачитывался сам М. Симашко: «Я влюбился в его творчество и читал его в библиотеках, я слышал его песни на всей территории Средней Азии, и я смотрел в глаза тем, кто их слушал...».

О самом «современном» сборнике рассказов он говорил: «Идея "Черных песков" навеяна самой страной и туркменской психологией, которая прямая, прямолинейная. Тут нет места фантазии, читайте Коран...».

Очередной исторический роман «Маздак» рассказывает о «полулегендарном персонаже, который был зороастрийцем, поэтому верил в равенство людей...».

Однако основным переводчиком произведений М. Симашко была Лили Дени (Lily Denis). Так, в Предисловии к переводу «Повести Красных и Черных песков» она писала: «Кызылкум и Каракум: волшебные названия среднеазиатских пустынь, которые заставили мечтать о путешествиях не одного школьника.

Для древних племен туркменов и узбеков это были просто названия мест. Земли, обагрённые кровью и засыпанные прахом, всегда были среди великих путей миграции народов. Растоптанные полчищами захватчиков, когда крови было больше, чем слез; земли, пройденные немymi когортами закованных в цепи побежденных, которых вели на невольничьи рынки, но это были и земли странствующих великих поэтов, воспевших сухие глаза искалеченных детей и право человека на свободу и любовь. В памяти народов все еще сохранились воспоминания о натиске крестоносцев, и приходе арабских завоевателей, и боевые кличи монгольских всадников. Так много королей и воинов пересекали эти места, и следы их поглотили пески.

М. Симашко в четырех повестях воссоздает величие и нищету, варварскую жестокость и варварскую любовь, которые выпали на долю султанов и обычных людей в этих засушливых местах. Никто не смог бы сделать это лучше него: в детстве и в подростковом возрасте он жил в этих цивилизациях советского ислама, выучил их языки, узнал их легенды, впитал в себя их культуру. Археолог и поэт, он терпеливо реконструирует эти судьбы прошлого, чтобы понять настоящее, и становится для французского читателя толкователем восточных чар, которые он испытывает сам» [2, с.227].

В 1973 году Лили Дени (Lily Denis) в статье о работе переводчика констатировала: «...М. Симашко – русскоязычный писатель, пишет замечательные романы и рассказы, посвященные древнему и исламскому миру, простирающемуся от Средней Азии до Испании. Главный редактор франко-арабского обзора был поражен красотой его сочинений, и теперь, благодаря переводу на французский язык, перед Симашко открывается мир арабоязычного издательства» [3].

В 1992 году в журнале *Le Monde* вышла статья «Зарубежные произведения мировой сокровищницы» (*Lettres étrangères Richesses du monde*), в которой вновь упоминается имя М. Симашко рядом с наиболее почитаемыми авторами не только русской, но и мировой литературы.

«Давайте поместим здесь представителей русской мысли, которых открыл нам Вердь: “Страницы истории” Сигизмунда Д. Кржижановского, писателя, умершего в 1950 году и недавно обретенного заново, “Демонтаж” Анатолия Злобина, “Шампанское с желчью” Фридриха Горенштейна, “Семирамида” М. Симашко, родившегося в Одессе в 1924 году...” [4].

Литература:

1. Le Monde. Publié le 29 mars 1973. Перевод Галай К.Н.
2. Sables rouges et sables noirs [Texte imprimé] / Maurice Simachko; traduit du russe par Lily Denis. Gallimard, 1970. 227 p. Перевод Галай К.Н.
3. Lily Denis. Publié le 03 mai 1973. Le Monde. Перевод Галай К.Н.
4. Le Monde. Publié le 10 janvier 1992. Перевод Галай К.Н.
4. Галай К. Морис Симашко: по следам французских изданий // Қазақстан әдебиетінің шетелде қабылдануы / Зарубежное восприятие литературы Казахстана / Отв. редактор С.В. Ананьева. – Алматы: Service Press, 2023. – С.239-242

ДЕМЧЕНКО ЛАРИСА

Художественный мир Мориса Симашко

Современный литературный процесс очень сложно представить без ярких имен, вошедших в золотую сокровищницу мировой художественной мысли. И в этом ряду следует назвать имя выдающегося писателя нашей современности М. Симашко.

Писатель не только возглавил целое литературное направление, стал своего рода открывателем орнаментальной прозы, с ее уникальной поэтикой словесного орнамента (узором), с особым композиционным решением, на что указывают многие критики, литературоведы, продолжатели традиций М. Симашко, но и блистательной темы – темы средневекового Востока.

Проза М. Симашко тем и привлекательна, что объединяет в себе и элементы восточной поэзии, построенной, в первую очередь, на соблюдении ритмики, свойственной поэтической речи, и, в то же время, красочной эпической формы с языком намека и реминисценцией. Прозу М. Симашко можем рассматривать как

лиро-эпическую, так и историко-хроникальную. В этом, на наш взгляд, и проступает уникальность художественного мира писателя, «отрывшего читателю средневековый Восток».

Яркая судьба Мориса Давидовича вписана не только в литературу, но и в историю XX века. Его экспедиции по Центральной Азии, участие в археологических раскопках – своего рода дань истории культуры Востока от Средневековья по настоящее время. М. Симашко выступает и исследователем литературы, самого литературного процесса, в контексте которого особо четко обозначилась идея евразийства. Следует привести слова писателя по этому поводу: «В разных формах и проявлениях веками вызревала она на огромных пространствах самого большого земного материка, омываемого с четырех сторон всеми четырьмя мировыми океанами. Мы называем ее сегодня евразийской идеей» [1, с.3].

Является актуальным определение концепции многонациональной литературы как доминирующей в литературе XX века [2]. Относительно этого вопроса можно рассматривать целый ряд научных исследований, включая научные работы по мировой и отечественной литературе. Особое место занимают научные труды по компаративистике [3], взаимосвязям и взаимодействию национальных литератур [4].

Творчество М. Симашко представляет собой яркий образец евразийского писателя, сочетающего в себе стилистику, идущую от восточной поэтики, и русскую классическую традицию. В его творениях представители разных национальных миров: казахи и персы, туркмены и египтяне. Притягательными являются и разножанровые формы его произведений. М. Симашко выступает романистом, сценаристом, драматургом, переводчиком, критиком, публицистом, мемуаристом. Исторический сюжет, уходящий в глубь веков, нравственные проблемы добра и зла, истины и лжи, свободы человеческой личности, ее взаимоотношений с властью объединяют художественную концепцию человека, разработанную М. Симашко.

С самого начала творческого пути, с середины XX века, когда М. Симашко вошел в литературу публикацией в журнале «Новый мир» повести «В Черных песках» (1956), которая

в дальнейшем стала первой повестью цикла «Повести Красных и Черных песков», объединившего «Искушение Фраги», «Хадж Хайяма», «Емшан», и до «Четвертого Рима», писатель удивлял читателя неповторимой красотой слога, стиля и творческой индивидуальностью.

В течение пяти лет М. Симашко собирал материал о Екатерине II, что нашло отражение в романе «Семирамида», в котором дан «точный портрет царицы, отличный от исторических традиций XIX века» [5, с.188]. Автор «художественно воссоздан духовный облик Екатерины с того момента, когда она еще ребенок, маленькая немецкая принцесса – и до углубленного и лиричного образа Екатерины Великой...» [5, с.188]. Роман «Семирамида», считает С.В. Ананьева, «многопланов, мозаичен, с четкими сюжетными линиями, пересекающимися в ткани повествования» [5, с.181].

М. Симашко немало внимания уделял и казахстанской теме, что отразилось в романах «Колокол» об И. Алтынсарине и в романе «Комиссар Джангильдин». Удачно воссоздан образ поэта XII века Омара Хайяма. Первое обращение к личности Омара Хайяма состоялось в повести «Хадж Хайяма», в дальнейшем появилось произведение «Искушение Дабира». Образ Омара Хайяма интересен тем, что фарсиязычный поэт своим творчеством провозглашал идею антропоцентризма как ведущую идею Восточного Возрождения, что так близка и М. Симашко. Он проводил ее через все творчество, как и идею гуманизма, зародившуюся в поэзии Рудаки, Фирдоуси, Саади и других средневековых поэтов Востока.

Особенности прозы М. Симашко характеризуются опосредованным изображением картины мира, вмещающей в себя персонажей, скрытые переживания, мир чувств и красок, звукообразов, вкусовых образов. Можем сравнить художественный язык М. Симашко с языком фарсиязычного поэта Хафиза. Тексты произведений М. Симашко требуют тщательного анализа и внимания. Более того, для изучения творчества писателя необходимо знание истории, культуры и традиций народов, национальных культур.

Тексты произведений М. Симашко сотканы из повторов, которые и представляют собой словесно-образную «плетенку», что говорит о доминировании орнаментальной прозы. Это – устойчивые повторы: усиливающие эффект ключевых элементов в описании персонажа: «И не хочет вставать кукле, потому что стрела с черными перьями прошла через его горло. А там, где вышла она, черные капли на красном песке...А когда снова краснеет трава, и начинает пахнуть, появляются откуда-то большие мохнатые ноги <...>. Кто-то трогает острым копьем открытые глаза кукле. – Тут мертвый кипчак! – ясно говорит чей-то голос <...>. И отрывают его руки от холодного кукле, и передают его человеку, сидящему на верблюде. И человек этот похож на Джакомо, а кожаные штаны его пахнут дорожной пылью и морем...».

Повтор «человек в кожаных штанах» встречается в тексте не раз, создавая своеобразный «рисунок». Приведенный фрагмент как бы завершает этот повтор, который можно обозначить как кольцевой. Подобные кольцевые повторы характерны для повести «Емшан». В начале повести «дверь в Розовый Дом была открыта» и в конце повести: «И Розовый Дом был красный, и дверь в него была открыта». Или в начале повести: «Она (девочка. – Л.Д.) лежала на широкой красной тахте, там, где ей приказали» и в конце – «Девочка была там, где утром».

Анафорические повторы не ограничены только лишь лексическими формами, в тексте часто используются и фонетической анафоры, что придает тексту ритмику. Предложения, как правило, начинаются с сочинительного союза «и»: «И он прижимается к большому холодному кукле, и тепло ему, и не страшно так... и трава белая, и только песок, на котором растет она, красный. И ничего больше нет. И кукле лежит, примяв горькую траву. И не хочет вставать кукле...» [6, с.40].

М. Симашко не случайно избирает ритмизированную речь, поскольку определяющим для него становится восточный средневековый текст, где фактически отсутствует эпическая форма, а преобладает лирическая, поэтическая. Таким образом, можно наблюдать некую стилизацию в произведении писателя, близость текста повести к восточной поэтической традиции.

Орнаментальность — это ключ к прочтению произведений М. Симашко. В повести «Емшан» размываются границы между поэзией и прозой, благодаря авторским изобразительно-выразительным приемам, среди которых выделяем особую роль анафоры, эпитетов, символики цвета и числа. Именно с позиции орнаментальной прозы и раскрывается нравственно-философская проблематика повести М. Симашко «Емшан». В этом случае следует сделать акцент именно на описании внутреннего мира героя.

Автор «Емшана» посредством намека и скрытого смысла выходит к значительной теме — теме человеческой памяти, сотканной из мельчайших оттенков истории жизни человека. «Культурный концепт “Вспомни имя свое” в творчестве Ч. Айтматова, А. Кекилбаева и М. Симашко призывает к незабвению, к пробуждению памяти героев» [7, с.305]. Правитель-отшельник, не имеющий корней, гибнет духовно под тяжестью смутных воспоминаний. Ничто не может погубить властного правителя кроме забвения как страшного наказания за его властность и жестокость. Имя Бейбарса осталось в веках, но мальчика-кипчака поглотило беспамятство правителя Египта.

Прозу М. Симашко можно определить и как ориентальную, и как историческую. Роман «Семирамида» есть художественное обращение к истории и судьбе великой императрицы — Екатерины Великой. Название романа уже определяет роль и значение этой женщины в истории государства российского. Хотелось обратиться к своеобразному прологу, где автор говорит о последних часах и минутах самой яркой царствующей личности — Петре Первом. Но раскрывается тема царствующей персоны по-особому, узнаваемо. Так подойти к теме, наверно, мог только М. Симашко, объединив несколько эпох. Ярчайший образ загадочной царицы Ассирии, который становится прообразом великой российской императрицы. И здесь же в прологе к роману М. Симашко воссоздает образ греческой музы истории — Клио, казалось бы, незаметный штрих к предстоящему обширному роману. Образ Клио служит предтечей ко всему повествованию, муза, рушащая миры и пространство, ничего не оставляя

на своем пути: «...возрастает великая держава, но без духа каменеет и рушится, обращается в песок, как всякий камень. Явившийся с нею народ погребается под прахом, и не остается даже имени его в мире» [8, с.14]. Как тут не вспомнить строчки Г. Державина о реке времен, которая «топит в пропасти забвенья / Народы, царства и царей...».

Память, традиция и забвение – главные постулаты современного мира. Именно через них человечество оценивает свою историю и свои корни. В них просматривается нравственная сторона мирового сообщества.

М. Симашко свои произведения, по сути, посвятил великим людям: правителям, писателям, философам. Он и сам является ярким писателем, мыслителем, ценителем высокой мировой мысли.

Литература:

1. Симашко М. Время собирать камни // Евразийский талисман / Под редакцией Ш.Р. Елеукенова. – Алматы: Білім, 1996. – С.3-6
2. Ибрашева А.Х. Историко-философская проблематика творчества М. Симашко //Поиск. – 2000.–№1. – С.38-44
3. Казахстан и мировое литературное пространство: компаративные исследования/ Отв. редактор С. Ананьева. – Алматы: SilverPress, 2022.– 174 с.
4. Культура в глобальном мире / Отв. редактор С. Ананьева. – Алматы: Printexpress, 2020. – 430 с.
5. Ананьева С. Морис Симашко. Опыт филологического прочтения. – Караганда: Ekozhan, 2014. – 220 с.
6. Демченко Л.Н. Литература народов Казахстана и стран ближнего зарубежья. Современный период: Учебное пособие. 2 изд.,дополн. – Алматы: ЭСПИ, 2021. – 212 с.
7. Ананьева С. Русская проза Казахстана. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 2010. – 356 с.
8. Симашко М. Избранное в трех томах. – Алматы: Жазушы. Т. 3., 1993. – 496 с.

**ДЖОЛДАСБЕКОВА БАЯН
БАЯНБАЕВА ЖАДЫРА
ТАТТИМБЕТОВА КУРАЛАЙ**

**Архетипический мотив воды
в мифопоэтике М. Симашко**

В современном мире все более актуальными становятся проблемы экологии. Связь человека с окружающей средой, природой доминирует. Авторы художественных произведений отходят от концепции «человек – центр Вселенной», «человек – царь природы».

Целостное осмысление жизни человека «предполагает создание образа того, что постоянно окружает его в пространстве. Потому любое условно-художественное сознание в стремлении выразить полный спектр человека рано или поздно приходит к образу природы, к образу родной земли как “точки отсчета”, с которой начинается построение национально-этнической модели мира» [1, с.12]. Экзистенциальное видение мира, философские идеи многих писателей позволяют многогранно изображать судьбу человека, героя или действующего лица художественного произведения, так как их судьбы воссоздаются, нередко, на фоне природы.

Человек – часть окружающего мира, частица Вселенной, у которой свои законы развития, диалектика формирования, эволюция. Обращаясь к архетипам и мифологии, символам и ассоциациям, писатель раскрывает проблематику духовно-нравственных поисков персонажей, а ими могут быть представители флоры и фауны. Сказочные и сказовые мотивы «работают» на обогащение пластов повествования.

Земля, вода, степное пространство или горные кряжи, небо и воздух – стихии существования живого на планете Земля. Говоря о творчестве Ч. Айтматова, исследователи не отделяют волчицу Акбару с голубыми глазами от Авдия и Бостона. Все живое на планете – в одной экосистеме. Прозаик и публицист, дипломат и общественный деятель Ч. Айтматов «посредством целостного охвата и осмысления тысячелетней истории, которая

всегда существует во временной, живой социальной памяти, сумел подняться до уровня общечеловеческих обобщений, обьявив тем самым новую точку отсчета в познании универсальной сути человека и мира, всего бытия, в том числе и его части – современной жизни» [1, с.12].

Миф, мифологема, символ, архетип, повторяясь и эволюционируя, придают литературному тексту в контексте общей теории его интерпретации особый смысл. Расширяя границы текста, они в то же время разнообразят его.

Архетип мы определяем как часто повторяющийся образ, сюжет, мотив в фольклорных и художественных произведениях. Литературный архетип (от древне-греческого первообраз) – «это “сквозная”, “порождающая модель”, которая, несмотря на то, что она обладает способностью к внешним изменениям, таит в себе неизменное ценностно-смысловое ядро» [2, с.189].

Наиболее изученными в литературоведении являются архетипы *дорога, путь, еда, сон*. Источником здоровья и эликсиром жизни считали в древности *молоко*, архетип которого вырастает до символа *Млечный путь*. Прасковья (по-гречески Параскева) являлась покровительницей *воды*. Ее образ появлялся на реке или в колодце, и тогда *вода* наделялась чудесной, исцеляющей силой.

В повести М. Симашко «Гу-Га» действующие персонажи и главный герой Тираспольский вспоминают мирную жизнь, труд колхозников, которые на топливо собирали сухую верблюжью колючку. Тираспольский наблюдателен. Перед отправкой в штрафную роту обращает внимание на то, что нары посыпаны галькой и смазаны глиной. И даже ракушки среди гальки встречаются. «Ну да, здесь было *море*. В школе мы про это учили. *Черное* соединялось с *Каспийским* и шло дальше...».

По дороге на фронт, ночью «вдруг пахнет *морем* и даже слышится *прибой*. Наутро все та же степь, и верблюды стоят у горизонта...» [3, с.409]. И «картины природы двойственны» [4, с.409].

Далее в повести появляется *болотная жижа*. Это уже другая вода, которая символизирует мир мертвых. Бурая торфяная жижа наливается в сапоги. В чахлом лесу от деревни, стертой с лица земли, остались плетни, приступки у домов, которых нет, *колодцы*. Одинокие и редко встречающиеся жители живут

«где-то в земле». Прием контраста, еще более делающий жутким картины увиденного: чистая, родниковая *вода* в лесных колодцах, болотная *жижа* и непрекращающийся *дождь*, спасение от которого под листом брезента.

Сухое горячее море пустыни противопоставляется стихии воды в книге очерков М. Симашко «Дорога на Святую землю» и в повести «Гу-Га». «Шах городов» древний и старинный Мерв возвышается «на серой, с невнятными очертаниями холмов равнины, утопающей в *волнах* сухого горячего *моря*» [5, с.38]. Так обыгрывается архетип воды на примере «пустынного» *моря*.

Самые известные колхозы были на Великом Шелковом пути. «Четкие контуры ухоженных полей, окаймленных полосками тутовника, видит автор повести из иллюминатора самолета. Историческое время начинает обратный отсчет. Хронотоп автора не совпадает с ним: “Ход жизни *потоков* вспять”. Время живое, оно течет, как *вода* в реке. Писатель словно видит его ход, потому что “сам не раз разбирал дела, когда рабы – должники по деду или прадеду – участвовали в социалистическом соревновании, а их трудодни и, соответственно, золотые звезды приписывались их владельцу”. О многом М. Симашко писал первым, художественно воссоздавая и переосмысливая трагическую историю столетия» [4, с.94].

В очерке «Великий Шелковый путь или анабазис с иностранцами», а позднее в «Четвертом Риме» М. Симашко переосмысливает историю XX века. «В земельно-водную реформу, перешедшую в сплошную коллективизацию, началось то, что называлось басмачеством». *Вода* играла особую роль в данном историческом регионе.

Путешествуя по странам Центральной Азии со своими французскими друзьями и коллегами, журналистами и переводчиками, М. Симашко наблюдает из иллюминатора самолета над земными пейзажами, над «расползающейся по песку ленте Амударьи» [2, с.35].

Легенды и предания, зарисовки событий древней истории (в долинах Рейна и Дуная), картины природных катаклизмов (Ашхабадское землетрясение) – такова поэтика литературного и публицистического текста М. Симашко, который пишет

о толерантности народов, населяющих земли на Востоке. Семантический объем инвариантов архетипа *вода* включает в его прозе конкретные географические реалии (океан, море, река, источник, колодец), водный путь. «Акбар Великий из индийских моголов, потомок Бабура, неукоснительно исполнял религиозные праздники всех народов, входивших в его огромный султанат от верховьев Аму-Дарьи до Индийского океана. "Дин-и илахи" назвал он такое понимание Божьего присутствия в мире» [4, с.102].

Аму-Дарья и Индийский океан, таким образом, – маркеры границы *свое* и *чужое*. Художественно-смысловые функции инвариантов архетипа *вода* направлены на маркирование пространства художественного произведения, обозначение его внутренних и внешних границ.

Первые подступы к древней теме Востока – в повести М. Симашко «В Черных Песках» о судьбе особого, интернационального отряда, под командованием латыша Пельтина и комиссара Савицкого. Сложны отношения между молодым туркменом Чары Эсеном и йомудом Мамедовым, уходящие истоками в прошлое народов. Особисты постоянно в пути: «Кони еле вытаскивали ноги из сыпучего *уплывающего* песка. Если бы не прошедший накануне *дождь*, то двигаться здесь вообще было бы невозможно» [6, с.378]. Это уже не первый пример, когда для характеристики песка, пустыни применяются глаголы и имена прилагательные, передающие движение. Еще: «Пустыня весной, насколько хватает глаз с высокой крепостной стены, превращается в бескрайнее зеленое *море*, шумит и волнуется»; «В одно голубое утро цвет степи меняется, как в сказке. Она становится багряной, кроваво-красной. И старая бабушка Аннагуль, кряхтя и охая, взбирается на крепостной вал и долго глядит вдаль неподвижным зорким взглядом. Отсюда кажется, что какой-то сказочный Див *вылил* в пустыню живую горящую кровь, *плеснул* ею на скаты кургана, *облил* горные склоны» [6, с.380]. Одновременно три глагола *движения воды* в одном предложении усиливают эмоциональное воздействие на читателя.

Вода не просто на вес золота в этих отдаленных краях. Она – ходовой товар, средство расплаты и уплаты. Мухамед-хан, отобрав у Эсена, фактически, за свои же одолженные в долг сто

пятьдесят рублей ту долю *воды*, которая была положена жене его старшего сына, щедро дает *свою* землю и *воду* в пользование Эсену: «А ты будешь сеять, что я скажу, и половина полученного тобой будет моя. Лет за пять подработаешь деньги и купишь лишнюю *долю воды*. И аллах не все создавал сразу...» [6, с.389].

Архетип *воды* и мотив вечного движения, объединенные вместе, приводят к неожиданным результатам. Бесконечно перемещается верблюд у *колодца*, глубина которого измеряется по узкой верблюжьей тропе. «Вот он идет от круглой дыры в песке: двадцать шагов, тридцать, сто, сто пятьдесят, пока не показывается из *колодца* пузатый кожаный мешок. *Булькая, течет прозрачная вода* в деревянный желоб. Верблюд знает, сколько нужно на это времени. Вот он уже идет обратно. Тонкая веревочная змея локоть за локтем исчезает в *колодезной* яме. И так все время: туда и обратно, туда и обратно...» [6, с.391].

Вода – символ дороги. Она возвращается в пустыню, где «разбросаны высохшие за лето *озера*. На дне тонким сверкающим слоем лежит белая соленая пудра». Отец Тагана, высокий мудрый старик, брат старого Аллаяра, «наперекор пескам, уже *хлынувшим* на заброшенный аул, очистил клочок своей земли, пробил в глине *узкий арык* и снова посадил здесь несколько лоз винограда. Они уже дали свежие побеги».

Чары, совершая акт возмездия за своих убитых родственников, настигает Шамурад-хана на берегу «того самого *озера*». Кончилась *вода*. Пленник «жадно *глотал воду*, а когда напился, выбил вдруг головой фляжку из рук Чары. Песок впитал остатки *воды*. Шамурад-хан радостно засмеялся. Чары, ни слова не говоря, подобрал пустую фляжку и снова пристегнул к поясу». Решив доставить живым в свой отряд классового врага, которому за многое придется держать ответ, Чары взваливает выбившегося из сил пленника на плечи и в *сыром* ночном тумане продолжает свой путь.

В русле современного неомифологизма «мифологические смыслы и семантический объем манифестаций воды не проецируются на литературное произведение из мифа, а напротив, вычитываются из смыслового объема разных художественных воплощений стихии воды в произведении» [7, с.2924]. Особую

роль играют географические пространства в повести М. Симашко «Емшан» и романе Е. Турсунова «Мамлюк», в которых реки, море являются границей *своего* и *чужого*.

Бейбарс, правитель Египта, распорядился создать в стране сеть многочисленных *каналов, водосберегающих* плотин, других ирригационных сооружений, построил плотину на *реке Шабрамант*.

На водных просторах, на берегах *рек* проходит действие в романе Е. Турсунова «Мамлюк». Учитель китаец, наставляя главного героя романа, говорит: «Твой путь – простой и неуловимый как след *волны*... <...> ... Будь *водой*. Холодных утопишь, горячих – потушишь... <...> ... Будь *водой*. У *воды* нет препятствий» [8, с.31].

У М. Симашко в повести «Емшан» первая победа будущего султана Бейбарса связана с *морем, синим морем*. Все подвластно ему, но это больше не радует правителя страны Миср. И тогда он видит перед собой *застывшее каменное море*. Жизнь замерла, остановилась, он должен принять решение, от которого зависит его дальнейшая судьба.

Бейбарс поворачивает коня туда, «где ломался горячий воздух», чтобы увидеть грязную *речную даль*. У самой *воды*, с низкого берега он видит *Остров*, похожий на спину медленно плывущей черепахи, с зеленым деревом, олицетворяющим родину для его воинов. «На Остров его тоже привезли Ниоткуда» [9, с.229].

Основные тона повести: красный, черный, синий. Начало переворота символизирует красный цвет: «*Красное* солнце легло в *Реку* (именно так, с заглавной буквы. – Б.Д., Ж.Б., К.Т.). И *красной* стала желтая мгла. Желтый песок и камни стали *красными*. И *красной* стала *Река*, и *синие* минареты Эль-Кахиры были *красными* от солнца»).

Мы можем выделить в исторических текстах М. Симашко *мотив* плавания и *мотив* испытания веры. Лейтмотив несет в себе несколько смыслов, дополняясь концептами *жизнь, книга*.

Изучая персонажей прозы М. Симашко в ракурсе мифопоэтики, следует вести речь об архетипических персонажах и персонажных архетипах в прозе и публицистике казахстанского автора. Ждет дальнейших научных исследований, на наш взгляд,

художественное пространство литературных текстов М. Симашко в контексте мифологической и архетипической образности. Топус, локус, как типы геопоэтики, так же как и мифопоэтические элементы, интересно отражены М. Симашко в его художественном мире.

Работая с архетипами, в том числе с исследуемым нами архетипом *вода*, М. Симашко опирался на мифы и мифопоэтику, на синтез разнообразных художественных методов, усиливал личное и личностное начало, исповедальность. Он разрабатывал реализм символический, писал в его ключе, соединяя символический реализм с магическим реализмом.

Литература:

1. Тогусаков О., Акматова Н. Культурфилософские идеи Чингиза Айтматова // Словесное искусство современных Кыргызстана и Казахстана в контексте культуры Евразии. – Бишкек: AvrasyaPress, 2017. – С.8-13
2. Глоссарий // Мировой литературный процесс: контент, направления, тренды / Отв. редактор С. Ананьева. – Алматы: Ғылым ордасы, 2017. – С.189-199
3. Симашко М. Гу-Га // Симашко М. Семирамида. Гу-Га. – Москва: Советский писатель, 1990. – С.373-506
4. Ананьева С. Морис Симашко. Опыт филологического прочтения. – Караганда: Ekozhan, 2014. – 220 с.
5. Симашко М. Великий Шелковый путь или анабазис с иностранцами // Симашко М. Дорога на Святую Землю. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 1996. – С.5-58.
6. Симашко М. В Черных Песках // Симашко М. Маздак. Повести Черных и Красных Песков. – Алма-Ата: Жазушы, 1974. – С.369-429.
7. Погребная Я.В. Семиотика архетипа *вода* в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Philology. Theory & Practice. – 2021. Том 14. Выпуск 10. – С.2922-2930
8. Турсунов Е. Мамлюк. Второе издание, переработанное. – Алматы: Кайрат, 2009. – 246 с.
9. Симашко М. Емшан // Симашко М. Повести Черных и Красных Песков. – Алма-Ата: Жазушы, 1974. – С.22-260

**Книга как предмет материальной культуры
в прозе М. Симашко и В. Михайлова**

Сокровища мировой культуры, традиции, память народов сохраняются в книге. Книга передает знания от поколения к поколению. Книга воспроизводит новые знания, поэтому так трепетно люди пера относятся к книгам в художественных произведениях М. Симашко, неповторимого прозаика, обладающего богатейшими «литературно-критическими, историко-культурными и философскими знаниями, общекультурным и философским подходом к изучаемым явлениям» [1, с.6].

Современный казахстанский автор В. Михайлов заново переосмыслил творческий путь М. Лермонтова, Е. Боратынского, Н. Заболоцкого, художников слова, создававших и издававших книги поэзии, переводных текстов. Для М. Лермонтова – поэтаромантика книга имела особое значение, ассоциируясь с внутренним миром ребенка. Мотив чтения постоянен в жизни поэтов и в их художественных произведениях. Но, отметим, что по мере взросления М. Лермонтова, Е. Боратынского и Н. Заболоцкого мотив чтения трансформируется, семантика мотива книги меняется, наполняясь мифологическими образами.

М. Симашко «вернул из небытия султана Бейбарса и Хазарский период нашей истории» [2, с.188], посвятил интересные повести классикам мировой литературы Омару Хайяму и Махтумкули Фраги. Это было немыслимо без обращения к историческим документам, старинным рукописям, фолиантам. Мотив книги имел метафорический смысл – сравнение книги с миром. Важна духовная сущность книги. Создавая образ главного героя в повести «Хадж Хайяма», прозаик, «не изменяя себе, употребил художественные средства, называемые ныне модернизмом или даже постмодернизмом. Но это было к месту. Речь шла о великом мыслителе, математике и поэте», – резюмирует Ш. Елеукинов [3, с.176].

Современный литературовед А. Жаксылыков поэзию О. Хайяма, «прославляющую немыслимую и неукротимую энергию

жизни», считает «действенным фактором сюжета романа» [4, с.88].

В центре повествования М. Симашко – «мировые языки, культуры и книги» [1, с.122]. Главный герой романа «Маздак» летописец Авраам наблюдает: «Книги лежат рядами, одна на другой, тяжелые, черные. Запах кожи и воска от них». Есть особые книги, которые не дают студентам. Даже библиотекарю их довелось читать только урывками: «Все языческие книги скупают для одного важного перса... Их все меньше, таких книг с розовыми, красными, сиреневыми переплетами, с золотыми и бронзовыми женщинами на застежках. Когда за истинную веру изгоняли академию из Эдессы, ромейские стражники зажгли костер. Все рукописи без знака крест бросили туда: латинские, греческие и еврейские...».

Под запрет попадает знание: «И пахнут они иначе: чем-то тревожным, волнующим. Он провел рукой по тусклому пергаменту и вздохнул. ... Самое красивое имя было у жены царя греков, про которого эта книга с обгоревшим углом. Неужели против бога такие прекрасные стихи. Господь любит поэзию, иначе лишил бы языка царя Соломона. Но ректор маар Нарсей тоже не позволяет их читать, а только логические и математические сочинения. Можно еще языческую историю в выдержках...» [5, с.37].

Работая со старыми рукописями («Следующую рукопись приходится подклеивать. Между строк расползлись бурые пятна...»), Авраам сравнивает языки: «Громовым и твердым был язык ромеев-латинян. Покорности учил Спаситель, и они распяли его...». Язык пехлеви у персов другой. «Слова кованые и звонкие, как из бронзы. Только произносят их по-разному». Будто «трогают струны чанга», солдаты из Ктесифона «проглатывают середину, и слова рвут на струны». Да и самого Авраама диперан Фаруд зовет с арийским выговором – Абрамом...

Язык арамейских греков «как из мрамора», нельзя ничего ни прибавлять, ни отсекать от фразы, но есть сходные звучания с пехлеви. На торжище «воркующее арамейское пение вплетаюсь в четкий язык пехлеви, слышалась и черная византийская

божба» [5, с.23]. Отрывисто, с арийским звоном в голосе говорит Светолицый.

«Языки, как и книги, пахнут по-разному. Одни – травой, другие – теплым молоком или морем. И цвет у каждого свой: синий, красный, золотой. Даже привкус от слов различный остается во рту. Спокойные и беспокойные бывают они...» [5, с.38]. В романе «Маздак» – особое отношение к мировым языкам. Несовершенно-прямая речь Авраама, удачно включаемая в ткань повествования, передает и этимологию слов. Это – отличительная черта стиля М. Симашко.

В сцене передачи книг знатному персу («перс был плох зрением и к самым усам тянул рукопись...») Авраам читает названия книг на латыни и переводит на пехлеви. В одном подзаголовке у историка Плиния Римского было обозначено свайное селение германцев-фризов, которое Авраам перевел, подумав, пехлевийским термином «дех» – деревня. «Перс смотрел на него сонными, как у птицы, глазами. Было непонятно, слышит ли он...». Какое-то время спустя, когда унесли книги, перс, направляясь во двор, обернулся у двери и негромко сказал: «Паган». И вопрошающе посмотрел на Авраама.

«Да, конечно же, “паган”, а не “дех!”. Термином “дех” нужно переводить селения, где жили свободные римляне. А поселения рабов-чужеземцев персы называют “паган”. От них и к ромеям пришло слово «поганий» ... Значит, все понимал перс, что читал он по латыни!..» [5, с.39]. В Ктесифоне Авраам с изумлением будет рассматривать стены зала, где «рядями шли ниши, и все были заполнены книгами, свитками, глиняными пластинами с письменами древних. У одной только стены было в пять раз больше книг, чем во всей библиотеке маар Бобовая».

Авраам постоянно в труде, он переписывает книги, запечатлевает историю походов. Развернув полоску египетской бумаги, записывает содержание песни: «Песня успокаивалась, послушно укладываясь ровными витыми строчками. Бронзовые удары языка пехлеви, гром копыт и буйный свист сгущались на светлой папирусной глади» [5, с.47]. Порой, приходит к мотиву отрицания книг как кладезя знаний, считая огромной книгой Вселенную.

Мотив звездного пути, Вселенной довольно распространен в поэзии В. Михайлова. Переосмыслению творчества М.Ю. Лермонтова, уяснению его судьбы и раскрытию многогранной личности посвящена книга В. Михайлова «Один меж небом и землей. Лермонтов», выдержавшая несколько изданий: «Мектеп» (Алматы), «ЖЗЛ» (Москва). В 2014 году рукопись о М. Лермонтове увидела свет в Москве, в серии «ЖЗЛ». Позже в серии «Великие поэты» вышли в свет «Пушкин» Н. Скатова, «Тютчев» В. Кожина и «Лермонтов» В. Михайлова.

В дневниковой записи 1830 года будущий поэт М. Лермонтов пишет: «Я помню один сон; когда я был еще восьми лет, он сильно подействовал на мою душу. В те же лета я один раз ехал в город куда-то; и помню облако, которое, небольшое, как бы оторванный клочок черного плаща, быстро несло по небу: это так живо передо мною, как будто вижу» [6, с.30]. Чрезвычайно важными считает для понимания характера главного героя книги эти дневниковые записи, которых не так много, В. Михайлов: «Закаты, облака... Небо явственно влечет юного гения, еще только начинающего догадываться о себе, о своих зреющих силах... Так зарождалось его художественное воображение. Так он начинал постигать себя» [6, с.31].

С детства заметны в мальчике счастливые способности к искусствам, но истинное дарование не подозревает никто из родных и близких, наставников, учителей, друзей. На протяжении романа-эссе «Лермонтов: Один меж небом и землей» показано взросление героя, формирование и становление его характера. В московской редакции романа важны дополнения и уточнения: «К двадцати шести годам написал несколько полновесных томов, достиг всех возможных высот в поэзии, в прозе и в драматургии – а кто его пишущим видел?! Будто бы между делом, меж учением и службой, разгулом и бешеным весельем – да всё прикрываясь от многочисленных друзей-товарищей смехом, шутками, барковщиной, а потом и от света – шалостями, салонными остротами, танцами, лишь бы не показать себя истинного, укрыть до времени ото всех своё святое. Только глаза выдавали его...» [7, с.5].

Лермонтов, несомненно, был человеком крайностей, его бросало от одного настроения в другое со всей страстью молодости, силой ощущений и дум, «и его безудержное школьничество, отмечаемое всеми, может быть, только одно и развлекало в тоске от “скучных песен земли”, давало передышку, отдых от страшной напряжённости и сосредоточенности мысли на себе, на своём я, страшной силе личного чувства, – именно эти качества Владимир Соловьёв назвал одной из главных особенностей его гения» [7, с.11].

В московских изданиях, как считает сам автор, дополняя текст, увидевший свет в Алматы, все большую роль играет божественное как предвидение: «Ум не в силах разгадать тайны бытия, обещанные Богом, и только сердце, в созерцании ночных звёздных небес, чует, как не пустячно то, недостижимое. Жизнь сулит лишь одно – нескончаемость печальных дум в этом бесконечном познании...» [7, с.26].

Поэзия М. Лермонтова прочитана В. Михайловым заново, доказательно и убедительно. Проведены интересные параллели.

Так, исследователи творчества М. Лермонтова заметили, что при всех внешних сходствах «Ночей» с байроновскими стихами «Тьма» и «Сон» «разница между ними существенная: картины гибели жизни на земле Байрон воспринимает как сторонний наблюдатель, у Лермонтова же авторское я – главное действующее лицо. И ещё: в отличие от английского поэта Лермонтов близок к бунту против земного существования и устроенного небом мирового порядка. Понятно, что чтение Байрона только подтолкнуло его к тому, чтобы высказать всё, что было в собственной душе, со всей откровенностью, прямоотой и правдивостью, не стесняя себя жестокостью выражений и по отношению к самому себе, и ко всему на свете» [7, с.26].

Творчество не только продлевает жизнь, но и делает поэта бессмертным. Душа Лермонтова «живет в наших душах, в нашей жизни. И навсегда останется жить» [6, с.399]. Так жизнеутверждающе завершает роман-эссе о М. Лермонтове поэт В. Михайлов.

Поэты и писатели прошлого и современности, их произведения, жизненный путь – в центре повествований М. Симашко и

В. Михайлова. Христианское понимание книги как *слова* прева-
лирует в романах-эссе В. Михайлова.

В романе М. Симашко «Колокол» мотив книги связан с творчеством Кобзаря, о котором говорят в доме учителя И. Алтынсарина – Алатырцева, и с судьбой украинского поэта. Ибрай понимает всю любовную боль Н. Гоголя на страницах «Мертвых душ». Мотив просвещения, образы педагогов-просветителей неотделимы от концепта *книга* на протяжении всего повествования. Знаком главный герой и с книгой действительного тайного советника Григорьева «Россия и Азия», и с герценовским «Колоколом». «И словно горящие угли, лежали в нижнем ящике шкафа книжки с муаровым титулом. Даже звон остался в ушах от их названий» [8, с.135].

Таким образом, книга как предмет материальной культуры уходит своими корнями и истоками к книге рукописной, непечатной, но сохранявшей, благодаря тем, кто переписывал ее, культ знаний и концепт *память*. Рукописность подчеркивает *единичность* и *оригинальность* текста как произведения искусства. «Книгу Владык» пишет Авраам.

Персонажи литературных текстов М. Симашко – люди, прочитавшие много книг, осознают, как далеки друг от друга сказки и история.

Литература:

1. Ананьева С. Морис Симашко. Опыт филологического прочтения. – Караганда: Ekozhan, 2014. – 220 с.
2. Елеуменов Ш.Р. Певец Востока // Елеуменов Ш.Р. Казахская литература: новое прочтение. – Алматы: Алатау, 2007. – С.187-189
3. Елеуменов Ш.Р. О творчестве Мориса Симашко // Елеуменов Ш.Р. Казахская литература: новое прочтение. – Алматы: Алатау, 2007. – С.172-179
4. Жаксылыков А. Развитие современной казахстанской литературы. Поиски, нарративы, архетипы, концепции, текст. – Алматы: Қазақ университеті, 2023. – 282 с.
5. Симашко М. Маздак // Симашко М. Маздак. Повести Черных и Красных Песков. – Алма-Ата: Жазушы, 1974. – С.13-228
6. Михайлов В. «Один меж небом и землей...». О Лермонтове. – Алматы: Мектеп, 2011. – 400 с.
7. Михайлов В. Лермонтов: Один меж небом и землей. – М.: Молодая гвардия, 2014. – 624 с.
8. Симашко М. Колокол. – Алма-Ата: Жазушы, 1982.

ДЖУМАГЕЛЬДИНОВА ДАРИЯ

Человек, в котором жила история

Морис Давидович Симашко был удивительным человеком, прошедшим, как говорил его друг Герольд Бельгер, огонь, воду и медные трубы. Симашко был частью истории большой когда-то страны со всеми ее трагедиями, метаниями, победами и поражениями. Все это вместе – голод 30-х годов, сталинские репрессии, война, послевоенная разруха – составило и его жизнь.

Когда-то мудрый Антуан де Сент-Экзюпери сказал: «Слова не имеют ценности, если они не родились из долгого пути под звездами». У Симашко был свой такой путь, который через историю привел его в литературу.

Когда Морис Давидович был рядовым корреспондентом газеты «Туркменская искра», он приезжал на раскопки к гениям археологии Массону и Толстову. Однажды, рассматривая извлеченный из земли старинный кувшин, Морис Давидович с удивлением заметил, что узор на одеждах работающих рядом в поле туркменок поразительно повторяет тот самый орнамент, что наносили на свои изделия древние мастера.

Этот орнаментальный повтор событий и стал для него ключом к прочтению истории, сделав М. Симашко одним из основателей школы нового исторического романа в Центральной Азии. Он был первым казахстанским автором, опубликовавшимся в Москве в популярном советском литературном журнале «Новый мир». Он был самым переводимым казахстанским писателем и на Западе. Не случайно во Франции его называли «Морис Симашко, открывший Восток». Он действительно открыл Восток, и не только Западу, но и нам.

Кстати, сам Морис Давидович в одном из интервью на вопрос, почему он работает в основном с историческим материалом, ответил: «Потому что история повторяется, потому что она учит жить».

М. Симашко действительно жил историей, а история жила в нем, говорила известная журналистка Людмила Енисеева-

Варшавская, хорошо знавшая и самого автора, и его творчество. История звучала в нем всеми голосами, перекликалась на языках древнего мира, представляла живыми картинами давно ушедших эпох и событий. Ему было дано заглянуть далеко в прошлое, осмыслить его, чтобы лучше понять настоящее, ведь именно там, за далью веков и таятся истоки всех сегодняшних социальных процессов. А еще он понял, что это переплетение времен и судеб цементирует мир.

Произведения М. Симашко культивируют поведенческие модели и ценности, которые заложены в исторической памяти казахского народа: уважение к старшим, терпимость к чужим верованиям, примат духовной культуры над материальной, любовь к родной земле. В этом заключается историко-генетический код казахов, который гениально описал Морис Давидович в романах «Комиссар Джангильдин» и «Колокол» – об Ибрае Алтынсарине, показав открытость казахских исторических личностей к прогрессивным изменениям при сохранении ими национального достоинства. Именно эти бесценные духовные ориентиры цементируют общую судьбу всех казахстанцев, объединив их в Нацию единого будущего.

М. Симашко был и остается выдающимся прозаиком, который, по словам Мурата Ауэзова, умел проникать в иные миры. Мировые цивилизации, древние, но в то же время современные, сошлись в его ярких художественных произведениях. Тут и «Маздак», где на материале сасанидского времени в эпоху зороастризма прослеживается природа нынешних катаклизмов Востока. И «Искушение Дабира» с его объяснением, откуда есть пошел терроризм. И «Емшан» или «Бейбарс», где впервые в истории поднимается тема манкуртства. И «Искушение Фраги», вскрывающее суть отношений творца с абсолютной властью.

Одной из основных тем его творчества была идея евразийства, – отметила автор книги о творчестве М. Симашко, заведующая отделом международных связей и мировой литературы Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова Светлана Ананьева. «Идея эта родилась с человечеством» [1, с.4].

О многом один из основателей Международного казахского ПЕН-клуба, его вице-президент писал впервые. Скажем, повесть «Искушение Фраги» была «первой повестью о поэте, философе, классике туркменской литературы Махтумкули» [2, с.8]. В «Литературных сюжетах» правдиво сказано о начале коллективизации «с реквизицией скота, обобществлением птицы, уполномоченных с наганами в руках. Завершалось это потоками бредущих по жидкой грязи людей: стариков и молодых, женщин, детей в сопровождении молчаливого, исполненного классовой непримиримости конвоя» [2, с.8].

А вот пример уже из другой истории, той, что отдалена от нас далью веков – роман о Бейбарсе, который, по словам М. Симашко, «появился из ничего». «Это был странствующий сюжет, но имел он определенные корни, – читаем мы в «Четвертом Риме». – Упомянут он был в Волынской летописи. Я знал его с детских лет по стихотворению “Емшан” Аполлона Майкова. Кое-что мне рассказал писатель Сергей Марков»[3].

В «Емшане» затронута одна из самых драматичных тем, которые волновали ученых и литераторов Казахстана – правление в Египте мамлюков кипчакского происхождения (1250–1382 гг.). Приходу мамлюков к власти предшествовала гибель кипчаков как этноса в результате монгольского завоевания, и только в Египте, в качестве сначала рабов, а затем правящей верхушки кипчаки на время продлили своё существование.

Известный казахский поэт Олжас Сулейменов в книге «Аз и Я» пишет, что именно по его совету М. Симашко взялся за «мамлюкскую» тему. «Емшан» стал первым из произведений М. Симашко, в котором изображена личность человека, облаченного властью, история возвышения раба-мамлюка до всемогущего султана. У Симашко власть не меняет человека к худшему, его герой поднимается на трон из невольничьего барака и корабельного трюма и приносит с собой своё мировоззрение и свои привычки, обретенные им в рабстве.

М. Симашко – «замечательный художник, мастер слова, обладающий особенной способностью сочно, образно живописать, создавать колоритную атмосферу, многообразно

передавать картины исторического бытия, как бы оживляя давно канувшие в Лету сцены жизни восточных и европейских народов. Эта способность, с моей точки зрения, связана с даром писателя глубоко вживаться в контекст исторической эпохи, воссоздавать психологию и живое чувство героев давно минувших дней», – говорил на Чтениях доктор филологических наук, профессор КазНУ им. аль-Фараби, член Союза писателей РК и Международного казахского ПЕН-клуба Аслан Жаксылыков.

Это «вхождение в историю» прекрасно представлено и в романе «Семирамида», за который Морис Давидович был выдвинут Международным казахским ПЕН-клубом на соискание Нобелевской премии в области литературы. «Излюбленный прием автора в романе “Семирамида” – раздвигание мглы, пространства, смешение временных пластов, – считает С. Ананьева. – Главная героиня произведения Екатерина II сама “сдвигает пелену со своих глаз” и понимает, что в России “все делалось по чужой воле. Ее любили по слову императрицы. Звезда, которую увидела она в дневном небе, стоила дорого...”. Духовный мир героини воссоздает автор романа»[1, с.194].

Кстати сказать, для романа о Екатерине II М. Симашко пять лет скрупулёзнейшим образом собирал материал. В Пушкинской библиотеке Алматы (ныне Национальная библиотека РК) Морис Давидович обнаружил 10-томник царицы на французском языке. Литератор Валерий Михайлов перевел ему ее записи, дневники, сочинения. Была там переписка с Вольтером, царственной рукою писанные пьесы, придуманные для внука Александра сказки. Много и тщательно работал Симашко в ленинградских библиотеках и архивах. Как тогда вспоминали знавшие писателя люди, у него даже стиль разговора стал петербургским.

А сам Морис Давидович говорил: «Семирамида» – это мой антиПикуль... Важно было опровергнуть подхваченное публикой утверждение о том, что движущей силой русской истории является фаворитизм. Но куда, извините, девалось тогда просвещение?». И он задался целью проследить его корни от

Петра Великого через верную исполнительницу предначертаний преобразователя.

Обидно, что Нобелевский комитет обошел казахстанца (как считают многие, несправедливо), отдав предпочтение немецкому писателю Гюнтеру Грассу. Но больше всего, конечно, Мориса Давидовича волновали судьбы Востока, способы государственного устройства, отношения политики и культуры, идея всечеловеческого братства и страшное зло всех времен – терроризм. Темы эти присутствуют едва ли не в каждом его произведении. Ими пронизан и «Четвертый Рим», начатая в Алматы и законченная в Израиле книга, в которой Морис Симашко как бы подытожил свою жизнь.

Сам он так писал о ней: «Просто биографией это все же не назовешь, для исторических заметок тут слишком много личностного, для политического исследования – мало серьезности, сатиру я тоже не собирался писать, назвать это “Повестью о жизни” – банально. Роман?»

Судьба книги оказалась непростой. Морис Давидович ушел из жизни, не успев ее издать. Будучи в Израиле, он прислал рукопись Леониду Гиршу. Первые главы книги с подачи классика казахской литературы Абдижамила Нурпеисова были напечатаны в журнале казахстанского ПЕН-клуба «Тан-Шолпан» в 2002 году с прекрасным Предисловием писателя Герольда Бельгера и в журнале «Евразия».

Полное издание «Четвертого Рима» вышло позже, и только благодаря усилиям Л. Гирша, для которого эта книга стала своеобразным прощанием с дорогим для него человеком, его последним «прости».

В 1999 году Морис Симашко уехал из Алматы в Израиль к детям и внуку. Ему было 75 лет, но прожил он на земле обетованной всего один год.

«Он очень скучал по Казахстану, – вспоминал Л. Гирш. – И умер, можно сказать, на ходу. Как написала мне в письме его дочь Римма, случилось это накануне нового, XXI века. У него в гостях был Марк Кабаков, известный российский литератор, который приехал из Москвы. С Морисом они были близкими

друзьями по писательскому цеху. Они долго сидели, потом Кабаков предложил сходить к жившему неподалеку художнику, тоже эмигрировавшему из России еврею. Прошло несколько часов, дома уже забеспокоились и решили пойти за ним. Подошли к дому художника, а тут как раз из подъезда вышли Морис Давидович с Кабаковым, попрощались. Морис пошел с дочерью и сыном Юрием домой, весело рассказывал о встрече, но, как вспоминала Римма, шел как-то тяжеловато, трудно дышал. Они уже почти пришли, когда Морис Давидович остановился, по-военному выпрямился и сказал: “Дети, дальше идти я не могу”. Упал – и умер».

Когда из жизни уходит большой человек, а тем более писатель такого масштаба как М. Симашко, с ним уходит и его Мир. Но нам остаются книги и память о нем.

Литература:

1. Ананьева С. Морис Симашко. Опыт филологического прочтения. – Караганда: Ekozhan, 2014. – 220 с.
2. Барон А., Ананьева С. История и время. Предисловие // Морис Шамис (Симашко). Первые международные литературные чтения, посвященные творчеству Народного писателя Казахстана. – Алматы: Мицва, 2021. – С.6-11
3. Симашко М. Четвертый Рим. – Алматы: Балалар әдебиеті, 2013. – С.12-190

ЖАКСЫЛЫКОВ АСЛАН

Шелковый путь в литературе Казахстана

Современная литература Казахстана, формирующаяся в условиях Независимости, весьма сложна и представляет собой уникальный объект для исследования, так как не имеет привычных нам по прежней эпохе стандартных методов, хорошо изученных жанров и стилей, узнаваемых мировоззренческих шаблонов и стереотипов. Эта сложность форм, новых ориентаций, поисков методов и стилей с учетом развития мировой литературы, литератур народов Евразии требует от исследователя

предельного внимания, навыков компаративного мышления и анализа, знания междисциплинарных и кросскультурных явлений (творчество М. Симашко, Г. Бельгера), понимания проявления гибридных форм в литературе, культурологии и философии.

Проза М. Симашко поучительна для современного исследователя, да и читателя, необычайно изысканной и изощренной формой повествования (нарративности), представляя собой особо плодотворное эстетическое поле.

Исторический термин Шелковый путь бытует уже давно. Он означает в своем первоначальном межкультурном значении путь из Китая, Индии в Византию и Египет через Иран и Туран. А. Алимжанов вкладывает в этот термин свои дополнительные смыслы, придавая ему значение художественного архетипа, то есть эстетического обобщения. Путь из Индии и Китая проходил через город Отрар – центр протоказахской цивилизации.

Если первоначальный смысл термина Шелковый путь имел конкретный аспект и означал одностороннее движение шелка и его провоз – контрабандный и легальный – из Китая в Византию, то в художественной концепции А. Алимжанова Шелковый путь – двустороннее движение культурной информации Китая в Сары-Арку и обратно.

Этот путь в свое время проходил и по Ирану, и по странам арабского Ближнего Востока. Это путь активного мирного сотрудничества, который развивает не только экономику стран, связанных этим путем, но и осуществляет обмен духовными ценностями: науками, философией, поэзией, культурными навыками, выработанными разными цивилизациями. Это движение с ценным культурным багажом, который можно показать другим народам, обогатить других людей духовно, дающим возможность познакомиться с таковыми в других странах, развить свой ум, память, утолить свою жажду познания.

Мечта аль-Фараби – найти социальный идеал для всех народов на Шелковом пути, модель города гармонических отношений, то есть это та же извечная мечта интеллектуалов-романтиков – обретение утопии на Земле. Путь великого протоказахского святого Кожа Ахмета Яссави – путь этического совершенства, путь Совести, согласно которой должны жить

люди. Путь Махамбета («Стрела Махамбета») – путь чести и достоинства народа сопрягается с путем Курмангазы – великого музыканта и борца за свободу. Архетип пути помогает писателю и в сюжетной организации произведений, и в символическом обобщении движущихся сквозь эпоху фигур, знаковых для истории казахского народа.

Шелковый путь в прозе и публицистике М. Симашко – тема отдельных научных исследований в сравнительном плане с текстами казахских писателей. Шелковый путь как путь через века и цивилизации у М. Симашко – постоянный контрапункт его литературных текстов, ждущий внимательного изучения в аспекте междисциплинарных и кросскультурных знаний.

ҚАЛИАСҚАРОВА АЙНҰР

Көркемаудармасының майталманы – Морис Симашко

Қазақстанның халық жазушысы Морис Симашко Одесса қаласында 1924 жылы туылып, Ұлы Отан соғысына қатысқан. Одесса педагогикалық институтын және Қазақ мемлекеттік университетінің филология факультетінің журналистика бөлімін сырттай оқып бітірген. Әуелі педагог, содан кейін республикалық және орталық газеттердің Орта Азиядағы тілшісі, «Простор» журналында және «Жазушы» баспасында орыс редакциясының меңгерушісі болған, Қазақстан Жазушылар одағында қызмет жасап, қазақ Пен-клубын басқарған.

Орта Азия туралы тарихи романдарымен танымал жазушының шығармалары 1948 жылдан жариялана бастады. 1958 жылы «Новый мир» журналында «Қарақұмда» повесін басып шығарды. Жазушы шығармаларының бас тақырыбы – Қазақстан, Ресей, Орталық Азия және Таяу Шығыстың тарихы мен ежелгі мәдениеті болды. Классик ақындар Мақтымқұлы мен Омар Хайямның өмірі жөнінде «Фрагидың арбауы» (1960), «Қажы Хайям» (1965), ортағасырлық Египет пен Мысыр патшасы Бейбарыс сұлтанның

өмірі жайында «Емшан» (1966), «Кавад патшаның тарихы» (1968) повестерін, «Маздақ» тарихи романын (1968) жазды. Симашко шығармаларының басты кейіпкерлері – нақты тарихи тұлғалар: сиқыршы-дуагер Маздақ, Кавад-патша, патшаның шежірегегі Авраам, т.б. оқиғалар Византия, Тұран, Иран жерлерінде өтеді.

Қазақстандағы төңкеріс тақырыбына арналған «Комиссар Жангелдин» (1978), Ы.Алтынсариннің ағартушылық қызметін сипаттаған «Қоңырау» (1982), 18 ғасырдағы Ресейдегі тарихи оқиғалар мен әйел патша Екатеринаның бейнесін суреттеген «Семирамида» (1988) романдары жарық көрді.«Дашкаладағы оқиға» (1964), «Қарақұмда» (1965), «Бейбарыс» (1989), «Гу-га» (1989) сценарийлері бойынша кинофильмдер түсірілді.

М. Симашко Қазақстан Республикасы Президентінің Бейбітшілік және Рухани Келісім сыйлығының лауреаты, 1986 ж. І. Есенберлиннің «Көшпенділер» трилогиясын орыс тіліне аударғаны үшін Абай атындағы Мемлекеттік сыйлықтың лауреаты, 1999 жылы «Семирамида» романы үшін Қазақстан Жазушылар одағынан Нобель сыйлығының әдебиет саласына үміткер болып ұсынылды.

Белгілі прозаик, публицист М. Симашко Орталық Азия тарихы туралы көптеген шығармалардың авторы ғана емес, ол сонымен қатар, «Көшпенділер» тарихи трилогиясы, «Оянған өлке» дилогиясының екінші бөлімі«Жат қолында» романы, «Жібек жолы» романы және тағы да басқа еңбектердің тамаша аудармашысы.І.Есенберлин, Ғ.Мүсірепов, Ө.Қанахиннің, Т.Әлімқұловтың, Д.Досжановтың, т.б. шығармаларын қазақ тілінен орыс тіліне аударуы арқасында бүкіл еуразия кеңістігінің оқырманы қазақ классиктерімен танысқан болатын.

І. Есенберлиннің тарихи трилогиясы «Көшпенділерін» қазақ тілінен орыс тіліне аудару барысында көрнекті қазақстандық жазушы Морис Симашко қарқынды жұмыс жасады. Қазақтардың өмірінен алынған материалдардағы жеке тұлғаның тарихтағы рөлі туралы терең түсінуге тырысты.«Көшпенділер» трилогиясы – кеңес дәуірінде жазылған қазақ ұлтының тарихы туралы алғашқы көркем шығармалардың бірі болғандықтан,

онда ХҮ-ХІХ ғасыр аралығындағы қазақ хандығы өмір сүрген бес ғасыр кезеңі суреттеледі.

М.Симашко өзінің аудармасы арқылы бүкіл әлемге қазақ халқының бес ғасырлық тарихын, қазақ даласының хандары мен тарихи тұлғалары туралы тарихты жеткізуші алтын көпір бола алды. Себебі, қазақ тілді әдебиеттің әлем әдебиетіне танылу жолының бірі – ол, орыс тіліндегі аударма. Сол себепті, өзге тілдердегі аудармалардың сапасы орыс тілді аудармашыларға тікелей байланысты болады. Көп жағдайда, орыс тіліне аударатын аудармашылардың кейбіреуі қазақ тілін білмейтін болғандықтан сөзбе-сөз аударманың көмегіне жүгінуге тура келген. Морис Симашко да қазақ тіліндегі түпнұсқаны орыс тіліне сөзбе-сөз аударма арқылы жүзеге асырып отырған болса керек.

М. Симашко І. Есенберлиннің трилогиясын орыс тіліне аудару барысында қиындықтар туындаған жағдайда өзінің достарының көмегіне немесе автордың көмегіне жүгініп отырған. Ол қазақ тілінің басқа түркі тілдеріне ұқсайтын, тілге жеңіл тұстарын түсінгенмен, қазақ тілінің таңғажайып бай, терең мағыналы сөздерін, құнарлылығын жеткізу оңай емес екенін айтады [1, 102].

Есенберлиннің тарихи шығармаларын орыс тілді оқырмандардың түсінуі үшін аударма сапасының рөлі өте маңызды. Өйткені, аударманың сәйкестілігі мен дәлдігі – қазақ халқының рухын сезінуге, қазақ хандығының қалыптасуының тарихын, қазақ хандарының кіндік тамған жерін жаулардан қорғап, туған жеріне деген патриоттылық пен сүйіспеншілігін түсінуге көмектеседі.

«Көшпенділердің» ең алғаш жазылған бөлігі «Қаһар» 1969 жылы «Жазушы» баспасынан жарық көрді. Орыс тілінде тұңғыш рет «Простор» журналының 1970 жылғы, 5,6 сандарында «Хан Кене» деген атпен жарияланған.

Трилогияның бірінші кітабы болып табылатын «Алмас қылыш» романы тұңғыш рет «Жазушы» баспасынан 1971 жылы қазақ тілінде жарық көрді. 1974 жылы Москваның «Молодая гвардия» баспасынан «Заговоренный меч» деген атпен орыс тілінде басылып шықты.

Тарихи трилогияның екінші бөлімі «Жанталас» романы бірінші рет 1974 жылы «Жазушы» баспасынан шықты. Роман орыс тілінде тұңғыш рет «Простор» журналының 1973 жылғы 7, 8, 10 сандарында «Отчаяние» деген атпен басылды. Москваның «Известия» баспасынан 1974 жылы орыс тілінде шықты.

Үш роман біріктіріліп «Көшпенділер» деген атпен алғаш рет 1976 жылы қазақ тілінде «Жазушы» баспасынан, ал орыс тілінде 1978 жылы Москваның «Советский писатель» баспасынан, кейіннен 1989 жылы «Жазушы» баспасынан жарық көрді.

Трилогия ретінде шыққан «Көшпенділер» романының орыс тіліндегі аудармасы кеңес кезінде 12 рет қайта басылып, жалпы таралымы 1,5 миллион данадан асқан болатын. Сондай-ақ, «Көшпенділер» трилогиясы 1983 жылы Польшада, 1986 жылы Венгрияда басылып шықты. Роман орыс тілінен әлемнің 30-дан астам тіліне аударылып, 50 рет қайта басылды.

Кеңес кезеңінде қазақ тіліндегі шығармаларағылшын, француз, қытай, үнді т.б. өзге де тілдерге осы орыс тіліндегі аудармалар арқылы аударылып келді. Сол себептен де, шет елдердегі аудармалардың сапасы орыс тілді аудармашыларға тікелей байланысты. Себебі, аудармашы орыс тілі арқылы аударған кезде негізгі қазақ тілді автордың емес, орыс тіліне аударған ортадағы аудармашының тұлғалық сипатын еріксіз қайталайды. Яғни, аудармашының қазақ тілін тілінжақсы меңгеруі, оның дүниетанымы, жазушылық шеберлігі мен аударма саласындағы тәжірибесі және т.б. басқа ерекшеліктері аудармада көрініс табады.

Трилогияның ең бірінші сөйлемін алсақ, «Ажал – үстемдігінді жүргізудің ең берік құралы емес пе?» [2, 4] дегенді орысша «Разве смерть не самое надежное оружие в твоих руках?» [3, 11] деп дәл әрі нақты аударған. Осындағы «оружие» сөзіне орысша аудармада көп басымдық берілген. Мысалы: «Иә, өлім себу – Шыңғыс бабаның ұлы саясаты» деген сөйлемдегі «саясат» сөзінде «оружие» деп аударған: «Да, да... Смерть – это прежде всего оружие» [3, 11].

Тарихтыкөркемдік пайымдаудың үздік үлгілерінің бірі болып табылатын «Көшпенділер» трилогиясын аудару барысында аудармашы автор стилін өз ыңғайына бейімдеп

әкетпей, қаз-қалпында сақтау керек. Дегенмен, аударманың қиындығын ескерсек, аудармашы еркін аудармаға да жүгініп отырғанын байқаймыз.

Әдебиеттанушы-ғалым Р. Әлмұхан аударма сапасының деңгейіне тоқтала отырып: «Чтобы более емко передать замысел автора, переводчик М. Симашко избирает метод художественный. Но заметно, что местами имеются пропуски. Возможно, это сделано для того, чтобы не быть многословным» [4, 27], – дейді. Бұдан М. Симашконың «аз сөзбен көп нәрсені жеткізе білу» принципін ұстанғанын байқаймыз.

Сонымен қатар, белгілі қаламгер М. Симашконың аудармашылық шеберлігін танытатын тұстарға да тоқтала келе: «С одной стороны, можно подумать о вольности переводчика. Однако учитываем и такой момент: когда роман переводился, автор произведения был жив. Знаток переводческого дела, И. Есенберлин достаточно хорошо владел русским языком, предполагаем, что перевод произведен при согласовании и поддержке И. Есенберлина... В годы создания переводного текста автор был жив и с большим уважением относился к М. Симашко», – дейді әдебиеттанушы-ғалым Р.Әлмұхан. М. Симашконың аудармашылық өнеріне сіңірген еңбегін зерттеу керек екенін, «Көшпенділердің» аудармасының сапасына әдеби талдау жасау керек екенін айтады [4, 26-27].

І. Есенберлин көзінің тірісінде қазақ жазушыларының шығармаларын орыс тіліне аудару сапасына үлкен мән берген. Ол «Жазушы» баспасында жұмыс істеген кезде аударма жұмысына талантты ақын-жазушыларды тартқан. Есенберлин М. Симашко мен Ю. Гертті жақсы көрді және олардың шығармашылығын жоғары бағалады [5, 46]. Сол себептен де, аударма автор тарапынан мақұлданған аударма деп қабылдағанмен, аударма сапасының деңгейіне, стилі мен мәнеріне, М. Симашконың аудармашылық шеберлігіне әлі талай арнайы зерттеулер жүргізілері анық.

Мақаламызды қорытындылайтын болсақ, М. Симашконың орыс тіліне аударған аудармасы арқылы әлі күнге дейін «Көшпенділер» трилогиясы өзге шет тілдерге аударылып келеді. 2012 жылы неміс, жапон тілдерін аударылса, 2015 жылы «Қазақ

хандығының 550 жылдығы» қарсаңында түрік және араб тілдеріне аударылған болатын. «Көшпенділердің» ғұмырының әлі де ұзақ болатыны, әлі де талай әлем тілдеріне аударылатыны ақиқат. Былтыр ғана алғаш рет 2023 жылывьетнам тілінде «Көшпенділеріміз» Ле Дык Ман мен Чан Бить Тхы деген аудармашылардың тәржімасында жарық көрді [6].

Оқырманға қажеті шығарманың жалпы мазмұнын білу емес, шығарманың және автордың ерекшелігін тану болғандықтан, аударманың сапасына аса мән берілу керек. Мәтін жүйесінің мейлінше сақталып, аудармашы өзінің аудармашылығынан гөрі, жазушылығына басып кетпей, автордың стилін, мәнерін, автордың көзқарасын, дүниетанымын, ойын, ой жеткізудегі, суреттеудегі ерекшеліктерін дәл жеткізілсе, соған баса назар қойылса деген талаптар туындайды. Көркем аударма жасағанда түпнұсқаның ойын, көркемдігін бұрмаламай дәл беруге тырысып, автордың рухына бойлап, ауытқымай жеткізуге жан салса екен дейміз.

Әдебиеттер:

1. Симашко М. Четвёртый Рим. – Алматы: Балалар әдебиеті, 2013. –С.12-190.
2. Есенберлин І.Алмас Қылыш (Көшпенділер – 1). – Алматы:І. Есенберлин атындағы қор, 2004. – 340 б.3. Есенберлин И. Кочевники / Перевод с каз.яз. М. Симашко. – Алма-Ата: Жазушы, 1986. – 672 с.
4. Алмухан Р. Перевод трилогии «Кочевники» И.Есенберлина // Третьи международные литературные чтения, посвященные творчеству народного писателя Казахстана. – Алматы: Vesta. 2023. – С.23-32
5. Косенко П. Силуэт по памяти // Писатель. Личность. Человек. – Алматы: Фонд имени Ильяса Есенберлина, 1993. – 88 с.
6. Huong Xuan. Изучение истории казахского народа через трилогию «Кочевники» // Радио «Голос Вьетнама» <https://vovworld.vn/ru>

**КАЛИЕВА АЛЬМИРА
МАТКЕРИМОВА РАУШАН**

Геопэтика художественного текста

Основная цель нашего исследования – выявление историко-научного и теоретического контекста геопэтики и художественного воплощения пространства в повести М. Симашко «Емшан». Геопэтика вносит значительный вклад в формирование ландшафта художественного произведения, придавая ему глубину и многогранность. Повесть «Емшан» служит примером того, как географическое пространство может быть символично воплощено в художественном тексте, открывая новые перспективы для литературных исследований и культурной географии.

Ключевым объектом изучения в геопэтике служит геопэтический образ, где содержание символизирует взаимодействие и единство земного пространства (гео) и организующей его культурной формы (пэтика) [1, с.143]. Семантическое поле, связанное с использованием термина геопэтика, представляется многослойным, многомерным и при этом достаточно фрагментированным. Взаимодействие геопэтики и «текстов культуры» формирует уникальную методологическую платформу, раскрывающую глубину и разнообразие исследований в области литературы и культурной географии.

Создание геопэтического образа региона становится своего рода вызовом проблеме культурной и природной идентичности. Природные и рукотворные памятники, закрепившиеся как устойчивые атрибуты данной местности, придают ей индивидуальные черты, формируя целостный смысловой образ региона. Сущность взаимодействия природы и культуры в формировании регионального облика проявляется в том, как культурные процессы трансформируют природное пространство, придавая ему ценностно-смысловое измерение. В литературе эта проблема получила концептуальное выражение, объединяя природные и культурные аспекты в мифопэтическую цельность.

Переходя к литературе Центральной Азии, рассматриваемой как единый культурный и литературный регион, мы

видим, что здесь также выделяются особенные образы национального пространства, включая локусы «степь» и «горы». Дополнительным уникальным пространственным образом является пустыня. Этот повторяющийся и стабильный образ находит свое отражение в произведениях казахских писателей, чьи сюжеты развиваются в пустынных ландшафтах. Обилие пустынных мотивов в литературе Центральной Азии проявляется в названиях произведений «Поющие барханы» О. Бокеева (Казахстан), «Колодцы знойных долин» А. Кекилбаева (Казахстан), цикла «Повести Черных и Красных песков» М. Симашко (Казахстан) и др. Это свидетельствует о тесной связи художников с предками и их глубокой интеграции в местную территорию. Образы пустыни в творчестве литераторов часто пронизаны философским и психологическим содержанием.

Частое упоминание «пустынных текстов» в литературе Центральной Азии находит свои корни в уникальной географии этого региона, который охватывает крупнейшие пустыни Евразии. Эти безграничные просторы, начиная от гор Памира и Тянь-Шаня и простираясь до Каспийского моря, представляют собой не только визуальное великолепие, но и разнообразие геологических и ландшафтных особенностей пустынь. В этом многообразии выделяются различные типы пустынь, каждая из которых обладает своим уникальным характером. Песчаные просторы, такие как Каракумы, Кызылкум, Мойынкум, Приаральские Каракумы, Большие и Малые Барсуки, создают неповторимые образы в литературе. Каменистые районы, вроде Бетпак-Дала, щебнистые уголки, как Устюрт, глинистые пространства в Голодной степи и солончаковые территории, такие как Келькор, Мертвый Култук и многие другие, формируют удивительный мозаичный ландшафт.

Уникальные географические черты становятся источником вдохновения для литераторов, отражаясь в их произведениях и создавая «пустынные тексты», богатые не только визуальными образами, но и философским и психологическим смыслом. Разнообразие «текстов о пустыне» в литературе Центральной Азии становится, таким образом, отражением уникальности этого региона, его культурных традиций и географических особенностей.

Геопозитический локус пустыни в текстах казахстанских писателей раскрывается в разнообразии форм. Художники не ограничиваются использованием пустыни как места действия или фона для романтических интриг, а представляют ее как суггестивный и символический образ. Безмолвие пустыни, ее магический взгляд становятся отражением сущности Востока, его традиций, культуры и менталитета. «Тексты о пустыне» отражают природные ритмы, взгляды этносов Центральной Азии на мироздание, время, жизнь и судьбу. В аспекте геопозитики, анализируя природу символа в литературном тексте, выделяются его ключевые черты, такие как повторяемость, инвариантность и способность трансформироваться. Образ пустыни в литературе казахстанских писателей является многоплановым и многозначным символом, полным сокровенной тайны. Исследование инвариантов этого символа в различных жанрах позволяет более глубоко понять, как облик пустыни отражается в литературе этого региона.

В литературоведении Казахстана повесть «Емшан» М. Симашко становилась неоднократно объектом научного исследования, преимущественно с точки зрения личности лидера в исторических, политических аспектах. В этой связи хотелось бы отметить, что А. Калиевой также был сделан сравнительный анализ разножанровых казахстанских произведений, посвященных образу султана Бейбарса [2]. На наш взгляд, необходимо еще глубже изучить образ Бейбарса в тесной взаимосвязи с образом степи.

Повесть «Емшан» М. Симашко, написанная в 1966 году, вводит читателя в мир XIII века, где мамлюкский султан Бейбарс правит Египтом [3]. Особое внимание уделено образу пустыни, которая служит не только фоном для событий, но и играет важную роль в психологическом и эмоциональном развитии главного героя. Пустыня в повести выступает как символическое пространство, в котором происходит внутреннее преобразование султана Бейбарса. Описание бескрайних просторов пустыни служит не только кулисой для действия, но и отражением внутренних переживаний героя. Пустыня становится метафорой его внутреннего пути и поиска смысла.

Бейбарс проводит целый день в седле, медленно прогуливаясь по пустыне. Этот образ долгой прогулки символизирует его внутренний поиск и размышления. Пустыня, хоть и суровая, становится для султана местом, где он обращается к событиям своей прошлой жизни, осмысливает свои поступки и пытается понять значение загадочного слова «куке». Путешествие Бейбарса по пустыне представляет собой эволюцию его характера. От безразличного и бесчувственного лидера он начинает осознавать свою собственную человечность и искать смысл в эмоциях, которые ранее казались ему чуждыми.

Пустыня также служит ироническим контекстом в жизни Бейбарса. Строгость и безжалостность этого пространства отражают черты характера султана, который в своей жизни видит только борьбу за власть и богатство. Тем не менее, именно здесь, среди необитаемых песчаных дюн, он начинает ощущать нечто новое – чуждые эмоции и слова.

Пустыня в тексте несет множество смыслов. Она становится отражением внутреннего мира султана, его внутренней борьбы, сомнений и стремления к самопознанию. В этом контексте каждый песчаный холм и ветер становятся зеркалом его души. Пустыня в повести «Емшан» выступает не только как географическое пространство, но и как символ, интегрирующий внешний и внутренний мир героя. В ней заключены тайны, которые он пытается разгадать, и в то же время она является свидетельницей его внутреннего преображения.

В повести М. Симашко «Емшан» образ пустыни несет множество смыслов, служа символом внутреннего преображения главного героя. Пустыня становится местом размышлений, где султан, кажущийся бесчувственным и беспощадным, начинает осознавать свою собственную человечность и внутренние стремления. Пустыня как символ внутренней борьбы и душевного странствия главного героя, султана Бейбарса, олицетворяет таинственность, неизведанность и непредсказуемость жизни, в которой султан ищет свое место, смысл и самого себя.

В начале повести Бейбарс, могущественный султан, выходит за пределы города, погружаясь в бескрайние песчаные

просторы. Это не просто физическое путешествие по пустыне, но и внутренний поиск истины, который невольно приводит к воспоминаниям о прошлом. Пустыня, словно зеркало, отражает его собственное внутреннее одиночество и суровость его пути от раба до султана. Символично, что султан начинает свое странствие утром, когда пустыня просыпается под лучами восходящего солнца, и его поиск истины сопровождается медленной прогулкой под жаркими лучами. Здесь, в этой необъятной геопозитической картине, каждая песчинка кажется освещенной внутренним светом, символизирующим тайное стремление Бейбарса разгадать смысл своей жизни.

В пустынных перипетиях повести проявляется внутренний конфликт султана. Столкновение его диктаторских убеждений с загадочным словом «куке» – это точка пересмотра ценностей. Пустыня, с ее бескрайним простором и молчаливой таинственностью, служит катализатором внутреннего преображения Бейбарса.

Также пустыня становится местом воспоминаний о детстве, рабстве и пути к власти. Она становится свидетелем драматичных событий, где мальчик, лишенный всего, находит силы внутри себя, чтобы выйти из песчаной клетки и стать султаном. Этот путь символизирует жизненную борьбу и бескомпромиссность в поисках собственной идентичности.

Пустыня в «Емшане» является не просто декорацией, а активным участником сюжета. Она влияет на героя, поддерживает его душевный поиск и становится своеобразным отражением его внутреннего мира. Геопозитика пустыни в этой повести наполняет текст глубоким символизмом, придающим ей особую атмосферу и значимость.

Геопозитика – это не просто абстрактная теоретическая конструкция, но активный инструмент, формирующий ландшафт в художественном произведении и наполняющий его символическим содержанием. Повесть М. Симашко «В Черных Песках» также символична в контексте раскрытия особенной геопозитики [4].

Повествование в «Емшане» предлагает читателю уникальный взгляд на геопозитику пустыни как многозначного символа.

Пустыня становится пластом, на котором разворачиваются драматические события жизни султана Бейбарса. Она выступает в роли не только физического пространства, но и зеркала, в котором отражаются внутренние стремления, конфликты и преобразования главного героя. Геопозтика пустыни в этой повести оказывается метафорой для внутреннего поиска смысла жизни и взаимодействия человека с окружающим миром.

Анализ повести позволяет утверждать, что геопозтика является неотъемлемой частью литературного творчества, активно взаимодействуя с мифопозтикой, символизмом и внутренней динамикой характеров. Символическое значение пустыни в произведении М. Симашко «Емшан» придает тексту глубину и позволяет читателю углубиться во внутренний мир героя, обогащая восприятие произведения.

Таким образом, геопозтика, как концепция, активно формирует ландшафт художественного произведения, делая его более глубоким и многогранным. Повесть «Емшан» становится примером того, как географическое пространство может быть воплощено в символах и метафорах, открывая новые перспективы для исследования в области литературного изучения и культурной географии.

Литература:

1. Абашев В.В. Русская литература Урала. Проблемы геопозтики: учебное пособие. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2012. – 140 с.
2. Қалиева А. Қазақстан әдебиетіндегі Бейбарыс Сұлтан бейнесі (салыстырмалы талдау) // Морис Шамис (Симашко): Третий международные литературные чтения, посвящённые творчеству Народного писателя Казахстана. – Алматы: VESTA, 2023. – С.119-123
3. Симашко М. Емшан // Простор. – 1966. – №9. – С.62-77
4. Симашко М. В Черных Песках // Симашко М. Маздак. Повести Черных и Красных Песков. – Алма-Ата: Жазушы, 1974. – С.369-429

Исторический роман как метафора

Исторический роман чрезвычайно популярен в обществе, где существуют различного рода запреты на трактовку современности. В этом случае исторический роман – одна из возможностей в истории, как в своеобразном зеркале, представить образные аналогии с современностью.

Мой пример: с 1971 года по 1992 год чуть меньше пятидесяти произведений, изъятых по разным причинам из литературного процесса, я представил в печати. Публикации в большей степени осуществлялись в местной кыргызстанской периодике.

Еще одно явление тех лет: чрезвычайно интересен процесс интеграции приехавшего в национальную республику извне писателя. Он начинал, как правило, переводить на русский язык по подстрочникам местных маститых авторов. Это была своеобразная визитная карточка. Далее следовало написание произведений на местном материале (героизация исторического деятеля, повлиявшего на события, важные для республиканской истории). Повествование сопровождалось воплощением национального колорита.

А уж затем возможен был переход к той эпохе, которая интересовала автора. Причем, могли появиться произведения разных писателей, трактующих историю по-разному. Такое случилось в центральной периодике, но редко. Пример: в 1930 году А. Толстой публикует роман о Петре. Трактовка главного героя понравилась на самом верху власти. Казалось бы, она определяющая. Но ... чуть позже Б. Пильняк выпускает сборник рассказов, среди которых имеется «Его Величество Кнеес Ритер Комондор». Уже в названии подчеркивалась «иностранность» Петра, подражательность Западу. И он противоположен Петру А. Толстого.

Позже Б. Пильняку и это вменяют в вину. Еще пример, когда повествование о современности, со временем, «провоцирует» создание исторического романа. В 1925 году, на больничной

койке, умер М.В. Фрунзе. Его смерть вызвала толки. И вдруг, в художественном журнале чуть не появилась повесть, прозрачно намекающая на произошедшее. (Молва донесла: Н. Бухарин поведал о трагедии А. Воронскому, а тот – Б. Пильняку). Последний бурно опровергал сходство командарма Гаврилова с Фрунзе. Никто не мог предположить, что Б. Пильняк, в кратчайшее время, напишет «Повесть непогашенной луны» и попытается ее напечатать в журнале. А. Воронский испугался и напечатал открытое письмо, обвиняющего Б. Пильняка в извращении истории.

Происходит мистика. Письмо А. Воронского напечатано, повесть Б. Пильняка – отсутствует. Мои разыскания показали, что в последний момент номер журнала с повестью был уничтожен. В конце 30-х годов этот эпизод трагически сказался на судьбах фигурантов. Этим история не завершилась.

Через почти 70 лет В. Аксенов публикует исторический роман «Московская сага», в котором повествует о том, что М. Фрунзе стоял во главе задуманного переворота..., а дальше произошло изображенное Б. Пильняком.

Если исследовать творчество М. Симашко, можно утверждать, что он прошел те ступени воплощения своего творчества, о которых написано в начале статьи. В его судьбе произошли два пороговых события: переезд из литературной Одессы в Алма-Ату и много позже отъезд в Израиль. Его небольшой (из-за кончины) период можно назвать «еврейским», в его творчестве воплощается авто национальная история. Мастер воссоздавать настоящее через прошлое сумел найти необходимый исторический контекст.

Понятно, что в творчестве М. Симашко отразились тенденции времени – возможность трансформировать в особой форме историю. Его произведения талантливы. Книги живы, читаемы и сегодня.

**Специфические особенности переводческой
интерпретации прозы М. Симашко**

Морис Давидович Симашко был вице-президентом Казахского ПЕН-клуба. Автор 20-ти книг, которые издавались рекордными тиражами на 40 с лишним языках мира. Это «Маздак», «Искушение Фраги», «Повести Черных и Красных Песков», «Искушение Дабира», «Комиссар Джангильдин», «Колокол» и др. По его сценариям создано около десяти фильмов. В их числе «Случай в Дашкале», «В Черных Песках», «Султан Бейбарс» и др. Им сделаны переводы трилогии И. Есенберлина «Кочевники», произведений Г. Мусрепова, Т. Алимкулова, Д. Досжанова и др.

М. Симашко был противником авторитаризма, шовинизма, ксенофобии и фундаментализма. Книги «Путешествие в Карфаген», «Падение Ханабада», «Дорога на Святую Землю» и «Четвертый Рим» были посвящены борьбе с ними. Номинант Международного ПЕН-клуба на Нобелевскую премию по литературе.

Отзывы на его прозу дала одна из самых солидных парижских газет «Монд», на «Маздака» прекрасно откликнулись Луи Арагон, Анн Филипп, Розмари Киффер, Лоран Гаспар.

«А Андре Стиль выступил трижды по поводу моих книг в “Юманите”, – вспоминал М. Симашко». Известно, что мировая историческая романистика обращается к теме политики, уходящей в прошлое. Когда в 1974 году в парижском издательстве «Галлимар» вышли «Повести Черных и Красных Песков» и роман «Маздак», правая французская газета «Фигаро» высоко оценила их и поставила в один ряд с «Персидскими письмами» Монтескье. То есть приняла как прямой политический памфлет на эпоху «культ личности».

В «Искушении Дабира» речь идёт о событиях конца XI века в империи турок-сельджуков, одной из величайших держав мусульманского Востока. В отличие от романа «Маздак», в котором события растягиваются на десятилетия и охватывают всю

Переднюю Азию, в «Искуплении Дабира» действие происходит в городе Мерв, старой столице династии Сельджуков, в течение примерно пятидесяти дней в конце лета – начале осени 1092 года. В истории – борьба за власть и интриги при политической деятельности при дворе султана Малик-шаха, происходящие вместе с деятельностью террористов-ассасинов, которые готовили убийство вазира Низам аль-Мулька. Обращает на себя внимание структура произведения.

Роман построен так, что чередуются внутренние монологи четырех главных действующих лиц: великого вазира Низам аль-Мулька; старого устада Наср Али –руководителя подпольной ячейки террористов в Мерве; его юного ученика Реза-шагирда и придворного имама Омара Хайяма. Каждая глава разбита на емкие подглавы, поэтому текст подаётся информативно, но маленькими порциями, «по законам очень короткого рассказа». М. Веллер неоднократно подмечал аллегоричность сюжета романа, его связь с современностью. Роман так назван, так как дабирьы – это писцы, и их роль при вазире была велика.

М. Симашко – автор исторических романов и повестей «В Черных песках», «Искушение Фраги», «Емшан», «Маздак», «Комиссар Джангильдин», «Семирамида», «Парфянская баллада», «Хадж Хайяма» и другие. С историей он обращался бережно, старался все документировать в книгах. Взять, например, его «Семирамиду» – роман о Екатерине II. Тема терроризма едва ли не в каждой его вещи. Ей пронизан и «Четвертый Рим» – который был начат в Алма-Ате и закончен в Израиле. Книга стала итогом жизни писателя. В ней, как и в других публикациях и интервью, много ценных мыслей, фактов.

Когда вышел роман «Маздак» и затем «Искупление Дабира», многие писатели недоуменно спрашивали, зачем М. Симашко углубился в столь далекую эпоху? Он отвечал изречением мудрых: «История есть наставница жизни». Подтверждением этого факта являются события, происходящие на нашей планете. Государство и революция – о них роман «Маздак». Роман о том, как в державе Сасанидов чуть не одержала верх мысль о первобытном равенстве, берущая свое начало в зороастризме. Роман

назван по имени Маздака, сына Бамдада (Mazdak) – руководителем маздакитского движения (хотя само учение возникло ещё в конце III века под влиянием распространявшегося манихейства). Религиозно-философское учение (маздакизм, маздекизм; зендицизм) распространилось в Иране и некоторых соседних странах в раннее средневековье.

Основателем учения является зороастрийский священник Зардушт-и Хурракан (Zaradust-e Khuragen) из города Фесы провинции Фарс, отсюда и другое название этого учения – «зардуштакан». В основу маздакизма легли идеи гностиков Карпократа и римлянина Бундоса, переселившегося в Иран в 300 году. Главный постулат маздакизма гласил, что в основе мирового процесса лежит борьба между светлым, добрым началом, действующим разумно и закономерно, и тёмным, злым началом, представляющим собой хаос и случайность. Эта борьба неизбежно завершится (уже в «этом мире») победой «добра» над «злом».

Охватив широкие массы, революция побеждала. Состоятельных людей казнили, богатства их, включая жен, распределяли поровну среди неимущих, имущества были разграблены. Уничтожая друг за друга, травили неугодных, пока царь царей не собрал маздакидов к себе на диспут. В то время как они съезжались, он приказал вырыть в своем саду три тысячи круглых ям будто бы для посадки деревьев. Диспутирующих выводили группами и закапывали головой вниз, присыпая так, что только ноги болтались снаружи. «Это был замечательный сад!» – с удовлетворением писал позднейший летописец.

Роман М. Симашко «Маздак» долго не печатали. Прочитав его, директор Института востоковедения Академии наук СССР передал через знакомых: «Скажите Морису, что я сразу узнал, где в его романе Ленин и где Сталин». Прозу М. Симашко отличает глубокое проникновение в быт, психологию и историческое своеобразие Востока. Воспетые Фирдоуси предания о восстании Маздака в Иранской империи Сасанидов звучат остросоциально. Его повести помогают читателю яснее представить исторический путь, в итоге которого произошли революции народов советского Востока.

При переводе бытовых реалий контекстными синонимами были воссозданы культура и быт, близкие французскому читателю (полати – *souper*; играть в городки – *jouer aux boules*). Сравним перевод на французский язык сказки П. Бажова «Золотой волос». «Приволье» в сказке П. Бажова «Золотой Волос» при переводе показывает разные ценностные ориентации двух народов: в русском тексте – это независимость, свобода, во французском – богатство и комфорт (*de grands espaces, la vie large*). Важную роль в создании выразительного, красивого языка бажовского рассказчика играют тропы: метафоры, олицетворения, сравнения. Гиперболизация, к ней часто обращается автор перевода, вносит в текст эмоциональность, движение. Русские герои показаны как неторопливые, сдержанные в выражении своих чувств («охота послушать» – *il mourait d'envie d'entendre*). Национальная ментальность наиболее ярко раскрывается в продолженных финалах переводных текстов.

Герой сказки «Огневушка-Поскакушка» *Théo* (Федюнька) показывает черты, которые не свойственны русскому характеру: собственничество, эгоизм. В финале сказки «Серебряное копытце» повзрослевшая Даренка становится хорошей и бережливой хозяйкой, ее рассудительность и экономия понятны французскому читателю. Транспозиция грамматических категорий, в частности замена формы числа единственного на множественное (обращение на «Ты» и на «Вы») показывает различия в характере общения героев: приверженность родственным связям, доверительность русских персонажей – и сдержанность, вежливость героев французских («слышь-ко» – *entendez-vous*, «вишь» – *voyez-vous*). В текстах на русском языке в основном преобладают глаголы настоящего времени, что позволяет рассказчику приблизить события прошлого. Возникает как бы доверие и достоверность. В переводе преимущественно глаголы прошедшего времени, и поэтому восприятие рассказа идет как легенда, сказка. Обилие императивных форм в прозе М. Симашко говорит о том, что лексика его героев категорична, в русском сознании присутствует максимализм, замена их формами индикатива либо сослагательного наклонения смягчает те моменты, где есть требование, и появляется компромисс.

При анализе лексико-синтаксических преобразований выявляется роль актантных трансформаций: в основном это использование безличных конструкций, что объясняется тем, что русский народ всегда верил в фатум, рок, судьбу. В переводных текстах всегда есть субъект действия, здесь торжествует разум, здравый смысл, вера человека в свои силы. Если анализировать перевод повести М. Симашко «Искушение Дабира» на немецкий язык, то важен грамотный перевод метафор в тексте, где показаны особенности национальной ментальности: «Мерв-аш-Шахиджан, город царей от сотворения мира, отдавался во власть безродного раба, чья сила лишь в извечной гаремной слабости» / «Merv-ash-Shahidzhan, die Stadt der Könige aus der Schöpfung der Welt, ergab sich der Macht eines wurzellosen Sklaven, dessen Stärke nur in der ewigen Haremschwäche liegt».

В переводном тексте грамотно подобраны тропы: «В красивых выкаченных глазах была наглость» / «In seinen schönen ausgestoßenen Augen lag Arroganz». Удачно переведены реалии в романе, к примеру, в данном случае использован прием транслитерации: «Сам Малик-шах обычно не придавал значения речам мустауфи. Но была Тюрчанка...» / «Aber da war Tyurchanka ...». Стилистически верен перевод реалий: «Ghulam– «гулам», «OsmanRais, der im gleichen Alter war, ging überhaupt nicht» / «К Осман-раису, приходившемуся ровесником, бывший гулам во все не зашел»; «Визир»– «der wesir». Метафоры точны в переводе: «Новоиспеченный эмир Кудан, опять получивший вне очереди высший знак “Опора Султана” и третий золотой пояс» / «“Stutze des Sultans“ und den dritten Goldgürtel»; «zerfall des reiches» также в значении– «упадок империи». Автором умело включен подтекст, который сохранен при переводе: «Неужто мустафи был способен предвидеть этот неосторожный кивок?...» / «Konnte der Mustafi dieses unvorsichtige Nicken voraussehen?».

Интересен перевод метафоры: «И старый казий пошатнулся от богопротивного запаха» / «des gottesläster –lichen Geruch». Реалия «Сарханги» означает «военноначальники», „Sarhang“. При переводе удачен прием транслитерации. Хороший перевод метафоры «костер греха», здесь подтекст, иной смысл «Freudenfeuer der Sünde».

М. Симашко признавался, что толчком для написания произведения послужило стихотворение А.Н. Майкова «Емшан», строчка из него стала эпиграфом к повести, а также его общение и разговоры с О.О. Сулейменовым и С.Н. Марковым о том, какое важное место занимали кипчакские ханы в истории средневековья. В основе стихотворения А.Н. Майкова «Емшан» лежит легенда казахского народа, которая осталась в строчках «Смерть в краю родном милей, чем слава на чужбине!», что соответствует казахской пословице: «Басқа елдесұлтан болғанша, өзелінде ұлтанбол» (дословный перевод: «Чем быть султаном на чужбине, лучше быть подошвой (т.е простым смертным) в родном краю»). Стихотворение создавалось, когда Майков общался с великим Ч.Ч. Валихановым, который, находясь в Петербурге и ведя крепкую дружбу со многими русскими учеными и писателями, подавал идеи поэтам для их стихотворений на восточные сюжеты. Так был создан «Емшан».

Сам А. Майков объяснял значение слова *емшан* так: «Емшан – название душистой травы, растущей в нашей степи, – наверное, полынец». Но, зная, что слово *емшан* казахского происхождения, как и сам сюжет поэмы, можно предположить другое толкование: ем–лечение, шан – искаженный вариант казахского слова шөп (травы). Поэтому, емшан – исцеляющая трава, что как раз лежит в основе произведения.

М. Симашко использовал в названии повести заглавие стихотворения А.Н. Майкова «Емшан». Он хотел подчеркнуть тождественность судеб двух героев – султана Бейбарса и батыра Отрока, которые оставили богатство и власть на чужбине и вернулись в родные степи.

Путь к своим корням

По своему духу Морис Симашко (1924–2000) был подлинным гражданином мира и настоящим казахстанцем. При этом он всегда помнил о своих еврейских корнях.

Близкий друг писателя, фронтовик, гвардии полковник, поэт и очеркист Леонид Гирш делился ранее воспоминанием о том, как в советские годы Симашко печалила невозможность открыто говорить о своем еврейском происхождении.

Однако, как одаренный прозаик, он нашел выход из этой ситуации: работавший в жанре исторической прозы М. Симашко использовал в своих произведениях эзопов язык. Этот тактический ход позволял как бы вскользь писать о древних городах Палестины, об Иерусалиме, где бывали его герои – правители ближневосточных государств, мыслители и философы. В свои произведения он вплетал Иерусалим и другие древние города Святой Земли в единый серпантин повествования, и такая тактика позволяла обходить цензурные ограничения советского времени. Это была маленькая победа Симашко как писателя и как человека, которому была важна историческая правда, историческая справедливость.

Писатель ждал того момента, когда о своем происхождении и о своем интересе к истории Израиля можно будет говорить открыто, – и такое время наступило в поздние перестроечные годы. Тогда ветер свободы развеял многие ранее действовавшие запреты, в частности было дано разрешение на организацию национальных культурных центров. Чуть позже, уже в период казахстанской независимости, в тогдашней столице Алма-Ате был открыт и культурный центр при посольстве Израиля.

Эти перемены писатель воспринял с воодушевлением. Он приходил в израильское посольство и в еврейское этнокультурное объединение пообщаться – ему было важно осознавать, что теперь это доступно и можно, не оглядываясь ни на кого, пользоваться израильскими источниками, проникать вглубь

еврейской культуры, сопоставлять ее с другими культурами, с традициями Центральной Азии и совершать открытия – делать это он умел виртуозно.

В ту пору, в конце 1980-х – начале 1990-х, в еврейском культурном центре проводились познавательные воскресные лекции. Главными темами были история и культура евреев, а также уклад жизни современного Израиля.

Эти лекции проходили с переменным успехом, бывало, что зал заполнялся лишь наполовину, а то и на четверть. Но когда на одно из воскресений была заявлена творческая встреча с М. Симашко, пришедшим не хватило мест в зале – настолько велик был интерес к писателю.

Он рассказывал о своих произведениях, о султане Бейбарсе, о котором, к слову, напомнил миру именно М. Симашко, написав повесть «Емшан».

Беседуя с аудиторией со сцены, писатель прокладывал исторические и культурологические мосты – от современности к далекому Средневековью и обратно. Он говорил о том, как с караванными маршрутами по всему Великому шелковому пути распространялись знания, технологии, культурные традиции разных народов. Именно поэтому, например, в казахском языке можно обнаружить древнееврейские и арабские слова, увидеть схожесть некоторые обычаев и традиций. Он говорил о том, как перекликаются тексты главных книг традиционных религий, древние комментарии святы текстов еврейскими, арабскими и персоязычными мыслителями.

М. Симашко обращал внимание аудитории на то, что пласты древней истории находятся рядом с нами и, когда человек начинает по-настоящему интересоваться прошлым, сама судьба помогает ему совершать открытия. В доказательство он привел случай из своей жизни. После войны М. Симашко работал заведомом литературы и искусства в «Туркменской искре» и уже начинал пробовать себя в художественной литературе. В годы его журналистской работы случилось в юго-восточных Каракумах уникальное природное явление: налетел в пустыне ветер-афганец и «в несколько часов сдвинул миллионы тонн песка». А под ним

обнажился «целый караван в сотни верблюдов с поклажей, погонщиками, охраной. Соль и йод пропитали их плоть, и лежали они в единой связке, засыпанные тысячи лет назад таким же внезапным ураганом». Эти уникальные артефакты ждали под песками не одно столетие, чтобы в один миг открыться людям XX века.

На это место съехались ученые и журналисты, среди которых был и М. Симашко. Находка поражала и очаровывала, она была реальным доказательством того, что история человечества насчитывает множество веков. Для Симашко тогда, по его признанию, как бы открылось окно в прошлое.

Вскоре после поездки журналиста к месту с уникальными артефактами в пустыне опять поднялась буря, вернув тонны песка на место и закрыв «историческое окно». М. Симашко воспринял это как посланный проведением знак: нужно продолжать свои искания в области истории, пробовать свои силы в исторической прозе и драматургии.

Возможно, как отмечал писатель на той встрече, этот караван шел с Ближнего Востока, проходил через города, возможно, даже через Иерусалим. Этого было узнать не дано, но, подключив фантазию писателя, можно было «додумать» маршрут этого каравана...

К слову, эта удивительная история была описана М. Симашко в автобиографическом романе «Четвертый Рим» и впоследствии изложена в документальном фильме о писателе «Миры Мориса Симашко», который снял режиссер Александр Головинский.

Во многих своих произведениях Симашко мысленно шел на Святую Землю, совершал этот путь вместе со своими героями, в том числе и со знаменитым султаном Бейбарсом. Этот маршрут был закономерным, потому что древний Ближний Восток был в то время мировым религиозным центром. Именно поэтому опаленный жгучими лучами солнца регион так привлекал к себе. Древний Восток был местом силы, местом открытий. Напитавшись здесь знаниями, люди шли в обратный путь, распространяя учения и открытия. Так все в мире взаимно обогащалось.

Во время того выступления писателя в еврейском культурном центре создавалось ощущение, что в чем-то жизнеописание Бейбарса стало парафразом биографии самого М. Симашко. Так же, как его героя, его забросила жизнь в далекие от дома края. Но на этом пути он не забыл о своих корнях, более того, ощущение корней давало силу в преодолении невзгод, вызывало радость и желание творить.

В обзоре написанных им произведений исторической прозы М. Симашко рассказывал о своем новом романе – «Семирамида». Роман, вышедший отдельной книгой в конце 1980-х, был своего рода революционным произведением с точки зрения осмысления личности Екатерины II. Писатель со свойственной ему доброй иронией называл свой роман «Антипикуль». Если в романе «Фаворит» Валентин Пикуль сделал главной темой фаворитизм двора Екатерины II, то Симашко показал просвещенную императрицу – его героиня ратовала за просвещение, она понимала ценность знаний, окружая себя выдающимися учеными своего времени. При этом в романе Симашко не забыл о своей главной теме – связи культур и взаимном проникновении цивилизаций евразийского пространства. Эту сюжетную линию писатель обозначил одним из эпиграфов произведения – строками Гавриила Державина о Екатерине II: «Богородица царева Киргиз-Кайсацкия орды!»

В романе Симашко также протянул историческую нить от Петра Великого к Екатерине Великой, прослеживая ее приверженность делу Петра.

Роман «Семирамида» был произведением нового времени, он показывал императрицу живым, любознательным человеком, что очень подкупало читателя.

По прочтении романа становилось очевидно, что государствам и народам совершенно нечего делить, так как у них очень много общего. Но, чтобы сохранить мировое культурное многообразие, каждый народ должен почитать свои корни, изучать свою традицию, свои литературные источники. Именно поэтому Симашко приветствовал открытие этнокультурных объединений как центров изучения и развития культур.

В конце 1990-х годов, по семейным обстоятельствам, М. Симашко переехал в Израиль. Он очень переживал, что приходится уезжать из Казахстана – республики, ставшей ему родным и любимым домом. Вместе с тем, как историку и писателю, ему был очень интересен этот путь: подобно султану Бейбарсу и другим героям, он – уже не в своем воображении, а в реальности – совершал путь из просторов Центральной Азии на Ближний Восток. Симашко уезжал в регион, который спустя тысячелетия продолжал оставаться манящим краем, одним из центров мироздания и духовного познания. Это был новый культурный мост М. Симашко, о котором он, в частности, писал в своем публицистическом сборнике «Дорога на Святую Землю».

В Израиле мастер исторической прозы активно включился в литературную жизнь новой для себя страны. Он вступил в писательское русскоязычное сообщество, предложил свои произведения израильским русскоязычным изданиям, и они начали его активно печатать. Таким образом, он успел внести свой вклад в развитие израильской литературы на русском языке.

В Израиле М. Симашко завершил работу над своим автобиографическим романом «Четвертый Рим». В этом произведении, через свою биографию и биографии близких, он описал историю XX века и рассказал о своем литературном пути.

Писателя не стало в 2000 году. Родившись в Одессе, раскрывшись как литератор в Казахстане, он окончил свой путь в Израиле. Это было уникальное творческое путешествие настоящего мастера прозы, пытливого исследователя эпох.

В память о замечательном прозаике именем М. Симашко названа Республиканская еврейская библиотека при Ассоциации «Мицва». К слову, в ее формировании он принимал активное участие. Четыре года назад по инициативе Ассоциации «Мицва», при непосредственном организационном участии Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, Ассамблеи народа Казахстана и Евро-Азиатского еврейского конгресса были учреждены Международные литературные чтения, посвященные творчеству народного писателя Казахстана М. Симашко. Эта литературоведческая конференция собирает исследователей

творчества М. Симашко из разных стран мира и проводится в день рождения прозаика – 18 марта.

На одной из конференций прозвучало сравнение Мориса Симашко с Антуаном де Сент-Экзюпери. Это сравнение было обоснованным, так как в годы Второй мировой войны М. Симашко был курсантом летного училища и поднимал в небо самолеты. Страсть к полетам он пронес через всю свою жизнь. Только в годы его писательской деятельности эти полеты стали литературными – это были путешествия между эпохами и цивилизациями, которые совершал М. Симашко, приглашая в увлекательный путь своих читателей.

Писатель ушел из жизни 24 года назад, но его повести и романы продолжают оставаться современными по духу и стилю литературными произведениями, которые при каждом новом прочтении открываются по-новому.

**КЕМЕЛЬБАЕВА НАЗГУЛЬ
ДЕМЧЕНКО АЛЕНА
АНАНЬЕВА СВЕТЛАНА**

**Историко-биографический роман М. Симашко
«Колокол» в аспекте семиотики культуры**

«Колокол» – историко-биографическое произведение М. Симашко, сюжет которого охватывает целый период русской истории, приходящийся на середину – вторую половину XIX века. На фоне сложной исторической ситуации (социальный конфликт, смерть Николая I, идеологическая борьба) показаны жизнь и деятельность выдающегося педагога-просветителя Ибрая Алтынсарина.

Сюжетная линия романа строится вокруг биографии И. Алтынсарина: автор сообщает о его детстве, учебе в школе Оренбурга. В текст включены воспоминания о семье (гибели отца и братьев, о спасении мальчика), о жизни у дяди и работе младшим толмачом, затем хорунжим при областном правлении,

общении с русской интеллигенцией и об открытии первой поселковой школы для киргизских детей. Действующие лица «Колокола» – представители казахской и русской интеллигенции, степные правители, а также сама История, образ которой складывается, как мозаика, из фрагментов – событий, исторических лиц, деталей.

Начало романа описывает кончину Николая I, перед которым воскресает фрагмент исторического пути России, приходящийся на период его правления. Такой композиционный прием – ретроспекция – типичен для прозы М. Симашко. В этой части произведения, которая рисует образ правителя, в контексте приводимого документального дискурса (московское издание «Русская быль», эпоха Николая I, 1910 год) возникают ключевые для русской государственности концепты «православие», «самодержавие», «народность» – «истинно русские качества сердца, души, поведения» [1, с. 13-14].

Начало романа демонстрирует основные приёмы стилистической манеры автора: рефлексия, показ исторического события через сознание (восприятие, воспоминание) героев. Установка на историческую достоверность реализуется посредством вкрапления в художественное повествование документального дискурса.

Название романа – «Колокол» – главный символ в границах писательского нарратива. Номинатив «Колокол» является сигналом интертекста: именно так называлась первая русская революционная газета, которую издавали в эмиграции А.И. Герцен и Н.П. Огарёв (1857-1867 гг.).

Колокол в романе М. Симашко – символ просвещения, символ России, символ самого просветителя – И. Алтынсарина. «Писатель создал правдивый образ великого просветителя, борца за новое и передовое. Крупный, медный колокол, подвешенный к столбу возле новой школы и возвестивший высоким звонком новую жизнь в казахской степи, стал наследником герценовского “Колокола”» [2, с.226-227]. Колокол также – символ начала школьной эпохи в степном крае и призыв к борьбе. Смыслы, заложенные в названии романа, трактует С.В. Ананьева: «В названии романа <...> «находят отражение и идеи “Колокола”, призывающего к борьбе, и звук первого школьного

звонка, огласивший степь... <...> ... Колокол – это и призыв к просвещению» [3, с. 49].

Многоуровневая символика образа колокола раскрыта на рисунке 1.

Рисунок 1. Колокол, как главный символ в романе М. Симашко «Колокол».

На наш взгляд, трактовка символики образа колокола может быть дополнена ещё одним важным смыслом, имеющим историко-культурное значение. Колокольный звон – символ русского православия, восходящий к осмыслению образа Русского государства. Колокол – один из культовых символов русской церкви, выразитель идеи христианства, народной русской души. В самом обобщенном понимании колокол – символ истории русского государства. Колокольный звон традиционно сопровождает крупные исторические события, поэтому образ колокола способствует трактовке исторического пути народа.

Композиция романа представлена Вступлением (повествование о кончине императора Николая Павловича, о его воспоминаниях, размышлениях о государстве), тремя частями: «Окоём», «Два мира», «Колокол». В названия частей вынесены ключевые символы произведения, объединенные идеей осмысления образа исторической эпохи, её пространственно-временной структуры, социально-культурологического содержания.

«Окоём» в лексикографической литературе трактуется как «пространство, которое можно окинуть взглядом; горизонт» [4], причем слово сопровождается пометой «устаревшее». Понятие «окоем» символически связано с графической формой геометрической фигуры – круга – части плоскости, ограниченной линией (окружностью).

В романе М. Симашко «окоём» – многомерный символ пространства: географического (за которым стоит пограничная зона Казахстана и России), ментального (символическое изображение социального, культурного, образовательного пространства эпохи просвещения, которое надлежит расширить главному герою). Окоём – это и круговая форма пространственной организации, пространство, доступное глазу, следовательно, имеющее границы, это и стремление к осмыслению и последующему преодолению внутренней пространственной ограниченности, ломка границ «круга».

Б. Джолдасбекова связывает образ окоёма с архитектурным принципом произведения, а именно – циклической организацией повествования: «В основе архитектоники романа “Колокол” лежит последовательно проведенный циклический принцип. Цепь сюжетных звеньев представляет собой систему замкнутых кругов, фактически являющихся ипостасями одного и того же круга – окоема. Образ окоема возникает неслучайно: неоднократно повторяясь и представая в различных вариациях, он вырастает до символа» [5, с.70].

Б.У. Джолдасбекова также дает глубокую философскую трактовку символики окоема применительно к культурологическому содержанию произведения, масштабируя этот образ-символ до уровня мироздания: «Окоем – символ другого мира. И начинается он в тот момент, когда возок бия Балгожи въезжал в школьный двор. Образ окоема определен, конкретен и одновременно пространен, планетарен и в силу этого символичен» [6, с. 50]. В восприятии героя (бия Балгожи) окоем (круг) – вечное движение, замкнутый цикл человеческой жизни, которая является составной частью движения Вселенной. Соответственно, учёный предлагает различать в символическом плане

содержания романа два «формата» окоёма: «микроокоем» и «макроокоем» [6, с.50].

В работах С.В. Ананьевой семантика «окоема» связана с областью познанного человеком и убедительно доказано, что мотив окоема может быть рассмотрен как интертекстуальный: «Тема “окоема”, ограничивающего человеческий разум, так мощно звучащая у М. Симашко в романе “Колокол” и у Ч. Айтматова в романах “И дольше века длится день...”, “Тавро Кассандры”, впервые появляется в повести “Хадж Хайяма”. Бабуров, изо дня в день ткавших полотно, сидевших за прилавками, переписывавших законы, “пугали откровения рванувшегося в бесконечность разума”. Только талантливые и яркие личности могут преодолевать границы и выходить свободными в мир» [7, с.8-9]. Как видим, смысловое наполнение понятия «окоём» выводит читателя за пределы символики конкретного авторского произведения, погружает нас в широкое пространство мировой художественной культуры, репрезентируя архетипические знаковые формулы, заставляя переосмыслить содержание «Колокола» на уровне большем, чем писательский текст, и сообщая ему масштабные философские, культурологические подтексты.

«Два мира» – название второй части романа. На наш взгляд, название этой части произведения также связано с архитектоникой текста, отмечая его «серединную часть» и составляя композиционный центр сложной авторской постройки. «Два мира», как и «окоём», в основе образа содержат авторскую установку на воссоздание некоторых границ, пространственных и непространственных. Однако если «окоем» акцентирует мотив ограниченности пространства, то образ «два мира» символически делит пространство на две части, каждая из которых дополняет вторую до целого (Казахстан – Россия, знание – незнание, интеллигенция – представители власти, власть – народ, учитель (взрослый) – ученик (ребенок), былое – грядущее и др.). Такие оппозиции формируют символично-содержательный план произведения.

Внутренне идея двух миров связана с символикой окоема, который представляет границы первого мира, но отсутствует во втором. Ибрай ставит перед собой задачу устранить ограничивающие факторы для народа, дать им свободу

действий и постижения мира, знания, а это возможно лишь при нарушении правил окоёма: «Частью мира узунских кипчаков был он от рождения. И другой мир – реальный, зримый, в котором жил он главную половину жизни, властно удерживал его в своих необъяснимых границах» [1, с.83].

Итак, символично-культурологическое пространство произведения «Колокол» формируется совокупностью знаков, участвующих в процессах текстового семиозиса (текстопорождения), являющихся ключевыми символами – носителями множества смыслов, которые закладываются автором на уровне формы и содержания. Эти знаки вынесены в названия частей («Окоём», «Два мира», «Колокол»). Один из них служит названием произведения в целом («Колокол»). Так, они обретают функцию авторских «сигналов» структурирования многомерного художественного мира, свойство бесконечности и многоплановости транслируемого культурологического содержания.

Важную часть культурологического пространства текста составляют образы-архетипы. Такими знаковыми символами, имеющими культурологическую ориентацию, являются образы красноглазой Смерти, образ акына Марабая, исполняющего древние кюи, пространственные образы гор, ветра, степи, дороги, образы жилищ – юрты, геометрических фигур – круга.

Историческое событие в жизни кочевых народов, сулящее им гибель, – джуг символизирует образ красноглазой Смерти, раздвигающей горы, за которыми жил «многорукий Идол». Образ Смерти появляется в песне акына: «Ужас, непонимание смерти бились в тонких пальцах акына, в синей жилке на его тонкой шее, в высоком детском плаче, в жесткой траве, вздрагивающей под порывами сухого, горячего ветра» [1, с.45].

Важное место занимает в повествовании национальное музыкальное искусство. Музыка представлена как авторская (исполняемая под аккомпанемент домбры акыном) и фольклорная (рождающаяся в степи, в воображении героя и не имеющая автора). В произведении носителем вековой музыкальной культуры является акын Марабай, исполняющий айтысы великих акынов, кюи, праздничные песни. Акын в романе М. Симашко «Колокол» – одна из фигур культурно-символического плана

произведения. Этот образ многогранен и несет в себе несколько значений. Его присутствие напоминает о высокой роли музыкального искусства в духовной жизни казаха. В содержании музыкального произведения, исполняемого акыном, запечатлена история народа.

Писатель точно изображает акына. Его образ – выражение народной скорби, собирательный образ простого казаха. В описании акына используются эмоционально-окрашенные слова, передающие психическое состояние человека, переживающего народные страдания и выражающего их в песенной лирике: «ужас», «непонимание смерти», бьющиеся в «тонких пальцах» и в «синей жилке» на шее. Песня (в романе этот лирический песенный жанр назван айтысом. – *Н.К., С.А.*) исполняется на фоне степи, образ которой воссоздается приемами художественного штриха: «жесткая трава», вздрагивающая под порывами «сухого, горячего ветра».

Акын у М. Симашко – вестник события, глас народа, носитель национального искусства. Через слово и музыку он выражает состояние народной души в тяжелое для страны время. Через лирическое слово поддерживает человека. В его устах звучит голос веков. Казах в песне акына слышит голос предков, звучащий в шелесте ветра и шепоте степных трав.

Символическое значение в произведении обретает геометрическая форма круга. Круг – фигура, олицетворяющая Вечность. Форма круга воспроизводится в «танце на скакунах» джигитов: «Кругами скакали джигиты. Буйно, подобно выпущенным к солнцу птицам, неслись они по всему окоему» [1, с.83]. Этот танец, скачка джигитов – часть казахстанской степи, часть родины Ибрая, символ вечного движения. Танец на скакунах показан через восприятие мальчика, пытающегося извлечь глубинные смыслы из наблюдаемого зрелища.

Ещё один символический смысл, рождаемый образом круга, – обозначение пространственных границ, при этом пространство – категория предметная и ментальная. Предметное пространство круга является наблюдаемым, ментальное пространство круга ненаблюдаемо. В конце первой части «Колокола» перед И. Алтынсариним стоит проблемный вопрос:

«Предстояло находить выход из круга» [1, с.94]. Герой по дороге в Россию размышляет о необходимости поиска правильных путей жизни и пытается решить: верной ли является та дорога, которую он избрал.

Круг – траектория движения скакунов. Круг – олицетворение Вечности. По кругу движутся планеты в космическом пространстве. Круг в символическом плане романа внутренне связан с окоем. Эти взаимодополняющие символы образуют неразрывное единство. Окоём – внешнее выражение круговой организации пространства, его наружная часть, воспринимаемая глазом, своеобразная «окантовка» круга, его граница. Установление связи этих образов – авторского «окоема» и круга – позволяет дополнить новыми смыслами содержание окоема как символа. Будучи частью круга, архетипического знака Вселенной, окоем представляет наблюдаемую его часть, дает читателю сигнал о присутствии вечных смыслов, сообщает тексту глубину, организует символический план произведения, выдвигаясь в центральный образ-символ.

Историческая достоверность произведения достигается посредством передачи типичных событий жизни казахского народа, обрисовки бытового поведения, способов ведения хозяйства, времяпрепровождения. Так, в первой части романа читателю сообщается сюжет об особенностях кочевой жизни казаха, о передвижениях по степи, перевозке и установке временных перемещаемых жилищ – юрт.

Юрта в мировосприятии казахского народа – символ микрокосма. На глазах читателя изготавливается и устанавливается традиционное казахское жилище, святая святых народной жизни – юрта. Автор последовательно описывает действия по подготовительной работе и установке жилища, словно приоткрывает нам некое таинство: «Прутья ивы очищались, принимали должную форму, пропитывались горьким соком степных трав и вновь прокаливались на огне. Потом они сглаживались до темного блеска железом, полировались сначала жесткой шкуркой от шеи верблюда, потом кошмой и, наконец, мягким пухом озерного тростника» [1, с.85].

«Готовая юрта лежала на обмазанной глиной площадке: небольшая стопка изящно изогнутых кереге, положенные друг на друга решетки, ровный круг шанырака. Все это легко и просто складывалось, словно сотворено было самой природой» [1, с.85]. Юрта изображается как творение природы, произведение искусства. Топограф Дальцев сообщает о тонкости постройки, по искусности сооружения конструкции, четкости пропорций уподобляя её собору: «Жилище киргиза до доли миллиметра построено по высочайшему инженерному расчету – в пору строителям собора святого Марка. С тем лишь отклонением, что собор не разберешь и не увезешь на одном верблюде!» [1, с.85].

Автор подчеркивает, что по своему содержанию, духовному наполнению, по затратам сил и мастерству исполнения юрта может быть уподоблена шедеврам мировой архитектуры.

Содержание произведения привлекает внимание читателя переплетающимися этническими мотивами. Красивая, исполненная тайны и изящества национальная одежда воссоздает давние традиции казахского народа. Саукеле – головной убор, неперменный атрибут свадебного обряда, символ волшебной мечты. Узорчатые браслеты, металлические бляшки на поясах, расписные конские уздечки – всё это выражение многовековой национальной культуры и отражение силы национального духа, единения с миром, неповторимой гармонии с природой. Через детали национальной одежды и украшения М. Симашко показывает состояние души, склад характера человека.

Стиль исторического документа проявляется в стремлении прозаика несколькими точными описательными деталями передать любое пространство, создать достоверный «портрет» эпохи, делая героев её непосредственными свидетелями.

Ценность детали в романе М. Симашко, отмечающей все смысловые уровни повествования, от предметно-бытового до символического, отмечает А. Жаксылыков: «Одним из первых признаков его прозы, репрезентирующей как бы подлинную социально-историческую реальность, является предметная плотность описания разнообразных сцен личного, коллективного или природного бытия» [8, с.91].

В тексте романа отражены особые черты поведенческой линии героя, выражающие его индивидуальность. Автор повествует о том, что с детских лет в И. Алтынсарине жило чувство «отстранения» (от мира, от знакомого пространства, от людей и близких), осознание нереальности обстановки, присущее в детстве людям с большим будущим.

Будущее народа виделось И. Алтынсарину в просвещении. Передавая размышления главного героя, нарратор применяет прием внутреннего монолога, построенного по модели несобственно-прямой речи: «Как же надо начать учить кипчаков?». На примере героев басни А. Крылова «Ворона и лисица» И. Алтынсарин анализирует: «Кто воочию видит их в своем окоме, не понимает, как это они разговаривают подобно людям» [1, с.145].

В открытой школе И. Алтынсарин вводит прогрессивные методики, такие, как Ланкастерская система, ее суть – в обучении сильными учащимися слабых.

Исторические события метафорически передаются М. Симашко через идею окомов, на которые дробится пространство, где происходят события, определяющие судьбу народа. Именно об этом поет акын Марабай: «Теснимые и направляемые желтым идолом пронеслись из края в край степи джунгарские хунтайчи, превращая тысячи малых окомов в единый оком смерти» [1, с.171]. В уста акына вложены строки, исполненные глубокого смысла, раскрывающие исторические события через их метафорическое осмысление. Акын – одна из ключевых фигур национальной истории. Это лирический «рупор» исторического прошлого и настоящего казахского народа. Содержанием его айтысов являются исторические сюжеты, которые «проживаются» самим исполнителем и его слушателями по много раз.

Роман «Колокол» высоко оценен современным казахстанским литературоведением. А. Жаксылыков отмечает бесконечность смыслового пространства романного творчества М. Симашко: «Впечатляющий характер его художественных миров несомненен, максимально убедителен и говорит о себе каждой сценой, каждым описанием буквально с первой же страницы» [8, с.91]. С. Ананьева и Т. Кривошапова отмечают, что в романе «Колокол» со всей полнотой проявилось авторское «глубокое и

всестороннее знание исторического материала, языка, культуры, быта казахского народа», которые помогли «художественно раскрыть характеры героев, воссоздать историческую обстановку, колорит того времени» [9, с.63]. К. Нургали в «Предисловии» к одному из последних изданий романа характеризует авторский «почерк» выдающегося казахстанского прозаика второй половины – конца XX века как повествование, построенное «на прочном фундаменте знаний мировой истории и цивилизации» [10, с.8].

«Колокол» – образец исторической прозы М. Симашко. Роман глубокий и семантически многоуровневый, богатый символами и архетипами, интертекстуальными связями.

Литература:

1. Симашко М. Колокол. – Астана: Аударма, 2011.
2. Акашева С.С. М.Д. Симашко // Творчество русских писателей Казахстана. Литературно-критические очерки / Под редакцией И.Х. Габдирова и Ш.Р. Елеукенова. – Алматы: Ғылым, 1992. – С.198-228
3. Ананьева С. Морис Симашко: Опыт филологического прочтения. – Караганда: Ekozhan, 2014. – 220 с.
4. Словарь русского языка (Малый академический словарь): В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rus-academic-dict.slovaronline.com/38323-окоём>
5. Джолдасбекова Б. Проза русских писателей Казахстана: учебное пособие. – Алматы: Қазақ университеті, 2015. – 118 с.
6. Джолдасбекова Б. Проблема текста в литературоведении (на примере прозы М. Симашко) // Морис Шамис (Симашко). Первые международные литературные чтения, посвящённые творчеству Народного писателя Казахстана. – Алматы: Мицва, 2021. – С.47-54
7. Калиева А.К., Ананьева С.В. Феномен русскоязычного писателя: на перекрестке традиций // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2021. – №26-1. – С.55-58
8. Жаксылыков А. Грани художественного мира Мориса Симашко // Морис Шамис (Симашко). Третьи международные литературные чтения, посвящённые творчеству Народного писателя Казахстана. – Алматы: Мицва, 2023. – С.90-96
9. Ананьева С.В., Кривошапова Т.В. Русская литература // Литература народов Казахстана / Отв. редактор С. Каскабасов. – Алматы: НИЦ «Ғылым», 2004. – С.45-125
10. Нургали К. Предисловие // М. Симашко. Колокол. – Астана: Аударма, 2011. – С.6-7

**Наследие Мориса Симашко
в курсе русской литературы Казахстана**

В последние десятилетия в Казахстанском филиале МГУ курс русской литературы Казахстана является нормативным. Более того, формообразующим началом пограничных явлений этого курса, включая фольклор и литературу, может служить ментальность, которая выступает как совокупность бессознательных комплексов, складывающихся в процессе адаптации человеческого коллектива (этноса) к окружающей природно-социальной среде и выполняющих в этнической культуре роль основных механизмов, ответственных за психологическую адаптацию этноса[1]. Эти бессознательные образы, включенные в систему этнических констант тем или иным образом, определяют характер действия человека в мире. Последний специфичен для каждой этнической культуры.

Почему именно ментальность как система этнических констант является той призмой, сквозь которую определяется, как писатель воспринимает мир? Характерно, что, хотя курс именуется *русской литературой Казахстана*, но этническая принадлежность многих авторов, чье творчество в нем изучается, принципиально различна. Это касается и Мориса Симашко, 100-летие со дня рождения которого отмечается в этом году. Учет этноса писателя всегда остро необходим при разрешении спорных вопросов, которые ведутся сегодня по поводу объема понятия «национальная литература», а это связано со стремлением к самоопределению и с ростом национального самосознания [2]. Эта ситуация актуальна и для интерпретации этнической составляющей фольклорных текстов, записанных от исполнителей иной, не русской этнической принадлежности, нежели их язык, и не всегда они могут совпадать с аналогичной (в данном случае русской) культурой.

Хорошо известны факты, когда тексты русского фольклора записывались от людей, практически не владеющих русским языком. Так, еще в 1977 году кафедрой русского устного народного творчества МГУ имени М.В. Ломоносова была организована

фольклорная экспедиция в Коми АССР, во время которой работать с исполнителями собирателям приходилось при помощи переводчика. Тем не менее, тексты (в основном песенные, исключительно традиционные) являли собой безусловную составляющую именно русского фольклора. Однако в этом случае достаточно трудно определить роль исполнителя, практически не являющегося носителем русской культуры и русской ментальности. Исполнитель в этом случае своеобразный тип проводника, представляющий собой феномен межкультурного взаимодействия.

Характерно, что формы приобщения к иноэтнической фольклорной традиции, особенно пограничной, нередко ограничиваются освоением песенной культуры. Русские часто пели украинские песни, а белорусы - русские. В Казахстане еще во времена моего школьного детства распространенными были случаи коллективного (неформального) исполнения казахских песен этническими русскими детьми. Причины этих фактов объясняются тем, что информация об окружающем мире хранится в сознании человека в виде определенной системы. Единицей этой системы является концепт, мельчайшая единица информации, основанная на предметных образах окружающего мира.

Как таковой концепт формируется и в так называемых «текстах культуры». Источником сведений для постижения концепта служат концепции, выработанные в том или ином произведении художественного творчества. Подобное следует отнести и к пониманию концепта в литературе, в этих случаях он может быть осознан как хранитель информации о народной и профессиональной культуре неродственных (нерусских) этносов. Его компоненты составляют как представления человека о мире природы как особой системе, так и предстают в виде универсальных художественных форм, способных передать сложную теоретическую и семантическую информацию. По мнению Д.С. Лихачева, «концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода... он может быть заместителем некоторых сторон предмета или реальных действий» [3].

Традиционно принято считать, что концепты адресованы той культуре, к которой принадлежит народный исполнитель или

писатель. Однако в XX веке стало очевидным, что соотносённость писателя с той или иной литературой зависит не только от его национальности или языка, на котором он пишет, но и от многих других факторов, таких, например, как религиозность определенного типа или ее отсутствие. Эти факты также предполагают включенность в поэтическую и культурную традицию той литературы, на языке которой создается произведение. В свое время В.Г. Белинский относил к национально-самобытной литературе «собрание художественно-словесных произведений и писателей..., выражающих и воспроизводящих дух того народа, среди которого они рождены и воспитаны, жизнью которого они живут и духом которого дышат». В последнее время этот в целом верный тезис потребовал конкретизации, привлечения таких понятий, которые часто используются в работах по семиотике культуры (память, граница, взрыв, бинарная и тернарная системы и др.). Они являются ключевыми в работах Ю.М. Лотмана, Д.С. Лихачева, В.Н. Топорова, Е.М. Мелетинского, И.П. Смирнова.

В частности, во вводной лекции курса русской литературы Казахстана всегда комментируется последняя работа Ю.М. Лотмана «Культура и взрыв», который утверждал, что развитие любой культуры включает эволюционные и взрывные явления, возникающие в результате как внешних воздействий (например, влияние другой культуры), так и вследствие имманентных сдвигов культурных парадигм. Однако при всей многоплановости, непредсказуемости и парадоксальности происходящих изменений культура сохраняет свою «национальную физиономию» (Белинский), опирающуюся на исторические традиции, на «память» самой культуры. Границы между ее национальными (и религиозными) типами весьма подвижны и прозрачны, но они легко улавливаются не только на теоретическом, но и на бытовом уровнях.

Характерным в этом отношении являются многие ранние стихотворения Иосифа Бродского, этнического еврея, который именовал себя атеистом, в том числе знаменитое «В деревне Бог живет не по углам» (1964), написанное во время его Норенской ссылки. Принципиально «городской» поэт, родившийся и выросший в Ленинграде, И. Бродский являет в нем иной,

«деревенский» тип лирического героя, равно как и русский тип творческой личности.

Общеизвестно, что именно в середине XX века многие поэты и прозаики Казахстана, воспитанные в сугубо антирелигиозной среде, осваивают тексты Библии и Корана, называя этот процесс сложным и одновременно одним из лучших периодов своей жизни. Конечно, вряд ли можно назвать их творческую и мировоззренческую эволюцию прямым путем от неверия к вере, ведь ортодоксальным верующим, к примеру, М. Симашко так и не стал. Но появление религиозного контекста позволяет говорить о том, что движение мысли и чувства в заданном направлении имело место быть. Определяя свою принадлежность к определенной национальной культуре, прозаик, в абсолютном большинстве своем писавший на русском языке, хотя и воспринимавший свою этническую компоненту в рамках еврейства, сохранил определенный эклектизм в качестве важнейшей черты своего мирозерцания.

С этой точки зрения М. Симашко, который до конца XX века принадлежит собственно русской литературе, в определенной степени сохраняет верность тому историческому типу, истоки которого – в литературе Киевской Руси. Она складывалась под влиянием адаптированного к коренной культуре православия, исторических условий и бытовых традиций. Не случайно художественное пространство его исторических произведений отчетливо проявилось в типах характеров, в наличии проповеднического пафоса, особого рода патриотизма и эмоциональности, в неоднозначной трактовке мотивов поведения человека. Однако постепенное и неизбежное расширение кругозора писателя привело его к частичной трансформации традиционной ментальности, в том числе и на уровне партикулярной культуры. С течением времени, меняя среду обитания, М. Симашко, лишаясь «исторических корней» и адаптируясь к новым социальным условиям, обретает качественно новый социальный отклик. Следовательно, можно прийти к выводу о том, что в условиях иноэтнического окружения любая литературная традиция постепенно трансформируется.

Но в случае с творческой эволюцией М. Симашко можно утверждать, что в его произведениях сложный процесс смены ментальности, который неизбежно приводит и к замене языка, а вследствие этого – к смене эстетической парадигмы литературного творчества, не произошел. А сохранение «своего первичного лица» даже при наличии современных тенденций к открытости общества было весьма проблематично.

Степень погруженности в иное культурное пространство отчетливо проявилось в «Искушении Фраги» (1960), в котором рассказана история выдающегося туркменского поэта XVIII века Махтумкули (1724-1807), который в преклонном возрасте взял себе псевдоним Фраги – «Разлученный»[4]. М. Симашко всегда была близка тема внутреннего мира поэта. Он словно пытался понять творцов, чьи произведения на протяжении столетий трогают душевные струны читателей, меняют их мировоззрение. Наиболее очевидны эти особенности и в повести Симашко «Емшан» (1966), которая входит в цикл его произведений на ближневосточно-среднеазиатскую тематику. Не случайно в «Четвертом Риме» автор говорит об этом сюжете как о странствующем, укорененном в фольклоре.

Эти наблюдения позволяют связать поставленную проблему с тем глобальным явлением, которое именуется русской литературой. Считается возможным оспорить тот факт, что любое произведение, написанное на русском языке, является принадлежностью исключительно русской литературы. Это происходит по той причине, что в поле зрения историков литературы сегодня все чаще находится так называемый этнический концепт, т.е. факт национальной принадлежности писателя. При условии доминирования языкового фактора в формировании границ этого понятия однозначно нельзя утверждать, что к русской литературе следует отнести все произведения, созданные на русском языке. Но с этой точки зрения творчество М. Симашко не следует считать и достоянием иной национальной культуры. Это обстоятельство сегодня принимается большинством ученых. При условии же постановки во главу угла этнической доминанты произведения, написанные писателем на русском языке, но в традициях другой национальной культуры,

воспринимаются, тем не менее, все же как факт русской литературы [5], [6].

Эти вопросы традиционно оставались дискуссионными, однако в течение длительного времени находились на периферии научных интересов филологов. В настоящее время они обрели особую остроту не только для русской литературы из-за ярко выраженного синтеза гуманитарных наук, в том числе приоритетности социокультурных подходов, состоящих в учете фактора ментальности, которая понимается как некое свойство традиционного этнического (а в последнее время и религиозного) сознания особым образом отражать (и выражать своим поведением) определенную картину мира. Именно по этой причине в литературной критике последних десятилетий, в том числе в казахстанской, актуализировалось такое понятие как «русскоязычные писатели». Только на первый взгляд это словосочетание является синонимичным понятию «русские писатели». На самом деле оно имеет отношение к писателям, пишущим на русском языке, но являющимся представителями иных, не русских, этносов, а, соответственно, демонстрирующим отличную от русской этническую картину мира. М. Симашко, достаточно серьезно обсуждавший эту проблему в своей эссеистике, именовал себя русским писателем.

Итак, в XX веке в Казахстане существует достаточно значительный пласт литературных фактов, национальная специфика которых не может быть определена однозначно – ни по языковому, ни по этническому принципу. В тех случаях, когда налицо синхронное сосуществование двух явлений, как это происходит с писателями иной этнической принадлежности, преобладающим становится фактор языка (русскоязычные писатели), в ситуации же, когда языковая культура является полностью утраченной, как это ни парадоксально, оказывается предпочтительным полный не только терминологический, но и фактический отрыв ее от древа русской культуры и переадресация в границы культуры этнической. А, следовательно, литературоведческий анализ в основном будет сосредоточен на поисках ментальной сущности этих произведений, равно как и ментальности их авторов, что неизбежно связано с привлечением инструментария

смежных наук, в том числе психологии, культурологии, социологии и др.

Конечно, преуменьшать роль представлений человека, в том числе писателя, о мире, сформировавшихся на основании определенных культурно-ценностных доминант, нельзя. Представления эти отчасти осознаваемые, отчасти бессознательные. Так называемая этническая картина мира в определенной степени создает у писателей-маргиналов предпосылки функционирования защитной реакции в ее психологическом аспекте, состоящей в стремлении к самоидентификации, несмотря на то, что творческая деятельность осуществляется в границах иной языковой субстанции. В советскую эпоху писатели, пишущие на русском языке, но активно использующие иную, отличную от русской, этническую картину мира, именовались двуязычными, несмотря на очевидную терминологическую уязвимость этого понятия. Фактор билингвальности применительно к литературному творчеству имеет место быть как в настоящем, так и в историческом прошлом.

Итак, границы понятия «русская литература», равно как и понятий любой другой национальной литературы, весьма подвижны, и в каждый исторический период должны определяться заново, неизбежно с учетом особенностей ментальности отдельной творческой личности. Следовательно, культурологические и историко-литературные границы русской, равно как и любой другой национальной литературы, должны определяться не только на основе языка, но и с учетом ментальности творческой личности. С начала XX столетия это понятие является многовекторным, оставаясь таковым и в современных условиях. Это обусловлено возникновением так называемых русских диаспор, которые на протяжении десятилетий были отторгнуты от метрополии и длительное время сохраняли традиционный тип ментальности, основанный на идеях исторической памяти.

В процессе анализа подобных пограничных явлений необходимо соединять понятия концепта и ментальности. Выявление культурных концептов, демонстрирующих соотнесенность с определенной национальной традицией, может быть проведено при помощи составляющих ментальности определенного этноса. Конкретно это может быть реализовано путем констатации в

текстах концептов материальных факторов быта, поведенческих стереотипов личности, религиозных и мировоззренческих особенностей. Соединяя и детализируя подобные концепты, можно выявить специфику ментальности народного исполнителя (это в основном возможно при интерпретации рассказов о прошлом) или писателя. Тем не менее, в исследованиях следует с осторожностью давать определения подобным фактам межкультурного взаимодействия, именуя их пограничными (маргинальными). К примеру, называть художественные произведения, созданные писателями Казахстана различной этнической принадлежности на русском языке, определять как «литературу Казахстана на русском языке», избегая прилагательных, констатирующих национальную парадигму.

Литература:

1. Гуревич П.С. Культурология: Учебное пособие. – М.: Знание, 1999. – 287 с.
2. Кассирер Э. Опыт о человеке: введение в историю человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. – М.: Издательство «Прогресс», 1988. С.3-30
3. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Изд третье. – Ленинград: Наука, 1979. – 360 с.
4. Гурбанова А.Т., Атаева Д.Б., Атаева Л. Образ Махтумкули в прозаических произведениях // Вестник науки. –2022. –Т.1. –№10 (55). –С.76-79
5. Ананьева С. Русская литература Казахстана: взгляд из XXI века // Patrimoniul spiritual și istorico-cultural al rușilor din Moldova. – 2016. – С. 148-153
6. Ананьева С. Морис Симашко. Опыт филологического прочтения.– Караганда: Ekozhan, 2014. –220 с.

МУКАН АМАНГЕЛЬДЫ

Театрально-драматургическое движение как социокультурное явление

Основные художественные тенденции в мировом искусстве, бесспорно, влияют на репертуар отечественных театров. Репертуарная стратегия драматических театров ставится в центр научно-исследовательских интересов театроведов страны. Были до настоящего времени отдельные статьи, рецензии, но комплексно данная проблема не ставилась и не решалась. Фундаментальными

в этом плане были и остаются труды Б. Кундакбаева, научные исследования сотрудников отдела театрального и киноискусства Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК.

Театр отражает жизнь общества во всех его аспектах, поэтому воссоздание действительности на подмостках сцены всегда интересно. Театральные постановки проходят путь от полного неприятия и критики зрителями и рецензентами до восхищения. В XX веке они создавались на «злобу дня». «Современная жизнь была призмой, через которую преломлялось время» [1, с.13].

Прозаик, эссеист, очеркист, драматург, публицист М. Симашко вписал запоминающиеся страницы в театральное и киноискусство Казахстана. Мотивы его произведений положены в основу экранизаций «В Черных песках», «Фраги – разлученный со счастьем», «Султан Бейбарс», «Гу-Га», «Случай в Даш-Кале» и других фильмов. На основе повести М. Симашко «Гу-Га» Одесской киностудией был снят двухсерийный художественный фильм.

Т. Весоловски в статье «"Штрафники" – кадры Красной Армии 1940-1945 г.г.» пишет: «М. Симашко изложил свои переживания во время пребывания в штрафной роте в книге "Гу-Га". Повесть, опубликованная издательством "Дружба народов" в 1987 году, вызвала в СССР волну критики, автора обвинили в фальсификации истории и клевете на доброе имя советского солдата. В то же время в советской прессе стали появляться робкие вопросы о "штрафниках", их вкладе в победу над Третьим рейхом. В 1989 году на Одесской киностудии по воспоминаниям Симашко сняли художественный фильм (режиссеры Ирина Васильева и Александр Еремеев)» [2, с.62].

Субъективным источником художественного творчества являются, как известно, все виды общественного сознания художника, драматурга, сценариста – философского, политического, нравственного, научного и эстетического. Вот как сам писатель объясняет свой интерес к театру: «По-моему, я не пропустил ни одного фильма, которые выпускали в предвоенное время на экраны. Впрочем, они мало отличались друг от друга. Но что любопытно, я сделался заядлым театралом. Жили мы по

соседству со знаменитой одесской оперой, а один из наших соседей, с которыми дружили родители, был дядя Андрей, рабочий сцены. Он и запускал через рабочий вход меня с другом Витькой Литвином на дневные спектакли. Первую оперу таким образом я прослушал лет восьми. Была она сугубо советской и называлась (дай Бог памяти!) “Поход «Малыгина»”. Речь шла об одном из первых походов ледокола “Малыгин” в северные широты. Больше всего мне понравилось, как на широкой сцене штормовой ветер развевал волосы у провожавшей ледокол женщины. В открывшемся тогда ТЮГе (театр юного глядача) (театр юного зрителя. – *А.М.*) я смотрел “Недоросль” Фонвизина, в русском драматическом театре имени Жовтневой (Октябрьской. – *А.М.*) революции – “Сады цветут”, уже не помню какого автора. Пролезая через решетчатый забор Зеленого театра в парке, просмотрел многочисленные гастрольные спектакли московских и других коллективов» [3, с.24].

Увлечение кино и театральным искусством стало составной частью детства и юности. «Сам играл в школьных спектаклях, дважды даже снялся в кино. Рядом, на Карантинной улице снимали “Белеет парус одинокий” по Катаеву, и я там играл в “ушки” с Гавриком и Петей, за что получил три рубля. Много позже на “Централке”, каменном парапете у моря, мы прыгали метров с десяти в воду. Приметивший нас кинодеятель переодел троих из нас в костюмы юнг петровского времени, и мы прямо в одежде валились якобы с борта военного парусника в воду. Повторялось наше падение несколько раз, и нам уже заплатили по пятьдесят рублей каждому. Снимали в тот раз “Петр Первый”» [3, с.24].

Время накладывало свой отпечаток на вкусы и театральные пристрастия: «Я, как и миллионы сверстников, мысленно строил ДнепрогЭС, скакал на коне рядом с Чапаевым, строчил по белым из пулемета вместе с Анкой и воевал с фашистами в Испании» [3, с.25].

Без сохранения преемственности в развитии и продолжении ведущих художественных тенденций картина репертуара тех лет и современного будет неполной.

Театральные постановки, осуществляемые на сцене, относятся к разным жанрам, от исторической драмы, трагедии до

комедии и водевиля. Изучение индивидуального творческого опыта как особой художественной системы дает возможность научного осмысления театрального репертуара, отдельных этапов и периодов его развития. Дает возможность показать творческую эволюцию драматурга как процесс, предопределенный внутренними закономерностями развития театрального искусства, его богатых традиций и самобытной природы.

Драматургия М. Симашко начинается первой пьесой «На крайнем Юге». В 1948 году «за четыре дня создал пьесу “На крайнем юге”, которая удостоилась премии на республиканском конкурсе в Туркмении, шла в театрах Средней Азии» [4].

Перспективными считаем сбор откликов и рецензий на эту постановку в архивах и СМИ Туркмении, так как пьеса была поставлена на сцене Туркменского драматического театра.

Исследования в области театрального искусства выявляют разные уровни театрального действия: типовая игра, выбор и аранжировка пьес, тенденции в литературе и искусствознании. Художественный образ, воплощаемый на театральной сцене, имеет, безусловно, свою специфику и несет отпечаток времени. В этом ракурсе и будет интересно рассмотреть в дальнейшем пьесы и сценарии М. Симашко.

Литература:

1. Ананьева С. Морис Симашко. Опыт филологического прочтения. – Караганда: Ekozhan, 2014. – 220 с.
2. Весоловски Т. «Штрафники» – кадры Красной Армии 1940-1945 г.г. // Литература Казахстана в зарубежных источниках / Отв. редактор С. Ананьева. – Алматы: PressCo, 2021. – С.61-62
3. Симашко М. Четвертый Рим. – Алматы: Балалар әдебиеті, 2-13. – 308 с.
4. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B8%D0%BC%D0%B0%D1%88%D0%BA%D0%BE_%D0%9C%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%81_%D0%94%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87

**Maurice Simashko: from the hungarian travele
Vámbéry to influence on Central Asian historical prose**

Border artistic practices reflecting the processes of transgression renew, as is known, «genre canons in popular formats» [1, p.292]. The historical prose of M. Simashko destroyed genre canons, and according to literary critic N. Rovensky, a significant role was played by the «long years of the writer's work with historical materials» [2, p.142]. At the center of the novel «Commissar Dzhangildin» is the «unique and noble figure» of the main character. The chronotope of the steppe is constant in the historical prose and journalism of M. Simashko.

In the multifaceted novel about the biography and life fate of Alibi Dzhangildin, there is a wide geographical scope: «the steppes of Kazakhstan, industrial centers of Russia, countries of Europe, Africa, Asia. And through these steppes, cities, and countries, a remarkable person passes – first a Kazakh boy Alibi, son of Togzhan from the aul Dzhangildy, a student of Turgay and Kostanay schools, then a graduate of the Kazan Teachers' Seminary, a listener of the historical-theological faculty of the Moscow Theological Academy, who converted to Orthodox Christianity and became Nikolai Stepnov, and finally, a Bolshevik-Leninist, an extraordinary commissar of the Steppe region, leading a caravan with weapons and ammunition through impassable salt marshes from Ustyurt to Aktobe at the end of 1918» [2, p.143].

N. Rovensky, not only a well-known Russian literary critic of Kazakhstan but also a sincere friend of the writer, writes about M. Simashko's work using the analyzed novel as an example. The personal-friendship relationship with the author is felt in the article «With Faith in Revolutionary Brotherhood». Moreover, the critic's observations of the text of the work and the evolution of the main character's image are so attentive that they allow drawing parallels between the depictions of Alibi and Ibray Altynsarin in the novel

«The Bell». In novels about the formation of prominent figures of the Kazakh people – a commissar and a national enlightener, teacher, translator – identical methods of depicting the environment and character formation are used. In the novel «Commissar Dzhangildin», M. Simashko leads the main character «through the salons of Kostanay, Orenburg, and Kazan intellectuals, where legal Marxists and liberal enlighteners, nationalists and Cadets, Jewish autonomists and anarchists, god-builders and god-seekers fiercely debate. Possessing a phenomenal memory, the silent Turgay youth compares and contrasts this cacophony of opinions, and gradually his consciousness is captured by the confident voice of the Bolshevik teacher Fedorov, heard once during his studies at the Turgay school: “We are Russian Social Democrats”...»[2, p.143].

At the center of the novel «The Bell» is the life and fate of Ibray Altynsarin, who managed to step out of the shadows and pave the way to enlightenment for the Uzyn Kipchaks. The novel is important for modern readers with its «comprehensive development of Kazakh themes, images of representatives of the Kazakh people» [3, p.175]. One of the leading trends in Russian literature of Kazakhstan, accurately noted by Academician Z.A. Akhmetov of the NAS RK, is important and relevant at the current stage of the development of the national literature of the republic.

An interesting technique used by the author of the novel «The Bell»: two worlds surround the main character, he lives in two worlds, and two worlds live in him. This compositional technique allows the narrator to fully reveal the inner world of the hero, convey his thoughts and feelings, his view of the facts and phenomena of surrounding life. Through the free indirect speech of the main character of the novel, his thoughts about the future are conveyed: «He suddenly realized that when teacher Alatyrtsev or topographer Daltsev and even Mirsalikh-aga spoke in the heat of the argument: 'we are Russian, our Russian orders,' he repeated this to himself. How could it be if he remained an Uzyn Kipchak? And what about the countless Tobol, Ishim, Turgay, Uil camps...?»[4, pp.33-34].

N. Rovensky explains A. Dzhangildin's interest in travels by the call of nomadic blood. «Go and watch closely»,– his teacher Fedorov advises him. And he «follows the route of the famous Hungarian trav-

eler Vambéry, armed with a modest movie camera. It captures the elegant ladies dancing with officers on the clean embankments of the Danube piers, the grim dreadnoughts on the roads, and the soldiers' exercises, but mainly the hard work of the working people» [2, p.144].

Interest in the works of orientalists who visited Central Asia is constant. The description of the journey from Tehran through the Turkestan steppe along the eastern shore of the Caspian Sea to Khiva, Bukhara, and Samarkand made by Arminius Vambéry, a member of the Hungarian Academy, in 1863 formed the content of the scholar's book «Travels in Central Asia» (St. Petersburg, 1865). The Hungarian orientalist left evidence of the Kazakhs' love for poetry and music and told of aristocratic pride.

An important event in strengthening Kazakh-Hungarian scientific cooperation was the exhibition «Hungarian Orientalists», the opening of which at the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan on October 15, 2015, was timed to the Day of Proclamation of the Hungarian Republic, celebrated in Budapest on October 23. The exhibition was held by decision of the Ministry of Foreign Affairs of Hungary with the direct participation of the Consul General of Hungary in the Republic of Kazakhstan, Ferenc Blaumann. The Hungarian tribes, which wandered for over a thousand years across the steppe expanses, came into contact with many peoples. More than fifty common words have been preserved and are actively used in the Kazakh and Hungarian languages. At the opening of the exhibition, F. Blaumann spoke about Hungary's ties with the East: «We believe that our roots are precisely here, and it is natural that there were many orientalists in our country... We want to show this connection to the whole world... Hungarian travelers and scholars played a significant role in studying the history, religion, and culture of Eastern peoples, as a result of which oriental studies formed into an independent scientific discipline in these countries. Periodically, we hold Hungary evenings in Kazakhstan...» [5]. Roll-up stands recreated the work and scientific research of Hungarian orientalists on the study of Eastern and Central Asian countries. «Specializing in Iranian studies were Sándor Kégl, Zsigmond Teleghi, Károly Révicsky. The biographies of Ármin Vámbéry (1832-1913), Éden

Schütz (1916-1999), István Mandoky Kontra (1944-1992)» were presented [6, p.61].

The work of M. Simashko, with the leading concept of the Great Silk Road, influenced historical prose and journalism in the literatures of Central Asian countries. Modern cultural-civilizational processes actualize the concept of the border in the humanitarian sphere, which not only separates but acts as a meeting place for the familiar and the foreign. In this context, the Great Silk Road, connecting countries, peoples, civilizations, and cultures, facilitated the assimilation of the foreign, the synthesis of different cultural traditions and artistic systems, the inclusion of the achievements of national cultures in the global.

The interdisciplinary nature of the latest genetic direction in literary criticism helps to reveal how national artists like Dukenbai Doszhan, Chingiz Aitmatov, Anuar Alimzhanov, Maurice Simashko auto-constructed the world, addressing the question of the meaning of human life. The study of the past of the Great Silk Road and its embodiment in the fabric of artistic works of Kazakh, Uzbek, Kyrgyz literature will allow measuring today's realities (cultural development, ideological settings, political decisions) with the accumulated experience of millennia. The motif of the path in the epic tradition of Central Asian literatures evolves and is studied as an artistic sign in the aspect of semantics.

M. Simashko's prose contributed to the formation of a multidimensional research continuum, allowing the comprehension of the Great Silk Road phenomenon and its depiction in the artistic works of national authors; the identification of intertextual and text-forming relations between the artistic works of the studied authors. Intertextuality will allow rethinking and mastering forms of explicit and implicit intersections of artistic texts anew.

The transboundary region as a form of socio-cultural space is reflected in the works of writers who created their works based on the synthesis of two or more cultures, possessing a synthetic – general cultural and philosophical approach to the studied phenomena. In the work of Ch. Aitmatov, the Kyrgyz and Kazakh themes are inseparable. The Turkmen and Kazakh themes are presented in the prose and journalism of the People's Writer of Kazakhstan M. Si-

mashko. The phenomenon of genetic memory in the national literatures of Central Asian countries artistically embodied in the concept of the Great Silk Road.

The historical prose of Uzbek writers Yavdat Ilyasov, Galina Pugachenkova, Kyrgyz writer M. Baken, and Turkmen writer Berdi Kerbabayev, in the broad context of historical events and the movement of cultures and traditions, contribute to the representation of the interconnectedness of national literatures of Central Asian countries in the new global realities of the XXI century.

Freedom of thought prevailed in the teachings and works of Khayyam, Al-Farabi, Balasaguni, and many other outstanding figures of science and culture. The mentality of the peoples retained the imprint of the great caravan routes and nomadic traditions. M. Simashko called the Great Silk Road the «philosophy of life». The ideas of cultural distance and cultural transfer allowed prose writers and journalists to freely overcome the boundaries between languages, cultural systems, traditions, and world civilizations. Through the dialogue of cultures, the literature and arts along the Silk Road were enriched, as the borders in the cultural space throughout the Silk Road provided a place for the meeting and dialogue of eras, civilizations, traditions, and styles. National identity is defined as a common memory of the past, an awareness of the continuity of cultures and literatures.

Being at the crossroads of cultures, writers were included in an ongoing dialogue of civilizations in the context of the contemporary socio-cultural situation. The aesthetic orientation towards the synthesis of cultural influences and the dialogue of cultural traditions led them to artistic discoveries and the conviction that «since antiquity and the early Middle Ages, Roman and steppe, Turkic and Iranian, Arab and Chinese civilizations clashed in conflict in Central Asia. At the same time, from a geopolitical point of view, this region has always been an object of conquest as an “intermediate zone”, “buffer”, “middle' area that would prevent direct contact”» (Ch. Aitmatov).

Discourse analysis by Z. Harris contributes to the inclusion of the novels «The Silk Road», «Farabi» by D. Doszhan, «The Return of the Teacher» by A. Alimzhanov, «The Treasures of Ulugbek», «In This Sublunary World» by A. Yakubov, «The Tower of Silence» by Y. Ilyasov, «The Mysterious State» by S. Vafo, «The Songs of the

Running Wave» by G. Dolgaya, «Babur» by P. Kadyrov, the essay «The Great Silk Road or Anabasis with Foreigners», «Great Khazaria» by M. Simashko, «The Spiritual Culture of the Peoples of Central Asia: Problems and Trends», «The Caravan Driver of Conscience», «"Manas" – Our Spiritual Hypostasis» by Ch. Aitmatov, and other authors in the context of an expanding intercultural dialogue through centuries and civilizations.

In our view, a comprehensive study of the phenomenon of the Great Silk Road is necessary to continue the dialogue, understanding, communication, and mutual enrichment of civilizations along this path. The concept of the Great Silk Road and its recreation in artistic texts will connect the present with the past and make it an integral part of our spiritual world, as Central Asia is «the most suitable typological space for comprehending the new paradigm of the history of spiritual evolution of society» (Ch. Aitmatov).

Scientific concepts of analyzing artistic texts and the artistic national world, constructed individually by each author, are promising. Philological analysis of the text is essential because an artistic text, as an object of scientific analysis, has several levels of meaning comprehension. Modern phenomenology of perception highlights not only the role of the anthropological turn but also the role of the subjective factor – the reader. A work of art implies an infinite series of possible interpretations, each of which «breathes new life into this work in accordance with personal perspective, taste, performance» (Umberto Eco).

Thus, the influence of M. Simashko, who possessed vast historical knowledge in the fields of archaeology, Oriental studies, and world religions, on the historical prose of Central Asian countries is multifaceted.

References:

1. Danilenko, Yu.Yu., Kataev, F.A. Cult Products. Mass Culture in Modern Russia: Constructing Worlds, Multiplying Series // Questions of Literature. – 2022. – №2. – P.288-293
2. Rovensky, N. With Faith in Revolutionary Brotherhood // Rovensky, N. Coincidence: Literary Portraits, Articles, Reviews. – Alma-Ata: Zhazushy, 1986. – P.142-146
3. Akhmetov, Z.A. Modern Development and Traditions of Kazakh Literature. – Alma-Ata: Nauka, 1978. – 179 p.

4. Simashko, M. The Bell. – Alma-Ata: Zhazushy, 1982
5. Kazinform. May 10, 2015.
6. Ananyeva, S., Vegvari, V. Kazakh-Hungarian Literary Cooperation: Comparative Aspect // Kazakhstan and the World Literary Space: Comparative Studies / Ed. S.V. Ananyeva. – Almaty: Silver Press, 2022. – P.51-73

МУРАДОВ РУСЛАН

Как же хорошо он писал!

«Жизнь темная, жуткая, и не видно в ней просвета. Аллах проклял эту землю. И поэту можно петь лишь о воле рока. Нечего волновать людей несбыточными мечтами. Все на свете преходяще. Рабом или шахом родится человек – его ждет могила. Она ждет и поэта. Все чаще думал он теперь о смерти, и губы его шептали красивые и безнадежные слова», – это строки из повести молодого ашхабадского журналиста Мориса Симашко «Искушение Фраги», которую в 1960 году опубликовал А. Твардовский в «Новом мире».

С его благословения М. Симашко вошел в русскую литературу и стал большим писателем, самым переводимым на европейские языки среди центрально-азиатских авторов исторического жанра.

Уроженец Одессы, большую часть жизни он прожил в Алматы, а умирать уехал в Израиль. На днях в Казахстане отметили его столетие. Вспоминаю нашу встречу много лет назад, когда он подарил мне свой сборник. Совершенно не помню, о чем мы говорили тогда, в дни распада нашего государства, но перечитываю его сегодня совсем другими глазами и восхищаюсь: как же он хорошо писал!

**Морис Симашко и переводческие трансформации
в казахстанской прозе**

В жанрово-стилевом мире переводов выделяют информативный и художественный перевод. Художественный перевод подразделяется на перевод поэзии, прозы, фильмов и т.п. Основная цель переведенного текста заключается в достижении определенного эстетического воздействия и в создании художественного образа. Именно этот перевод считается одним из самых сложных по сравнению с переводом официальных текстов и/или документов. Следовательно, художественный перевод – это распространение идей, мост к иным культурам и целая отрасль, требующая особого исследования [1].

Художественный перевод принципиально отличается от остальных видов перевода, поскольку в конечном тексте необходимо передать не только смысловую нагрузку, но и сохранить индивидуальный стиль авторского почерка. Благодаря переводу, шедевры мировой культуры и другие письменные, а ныне и аудиовизуальные произведения становятся объектом изучения и познания культуры другого мира, другой страны. К области перевода относятся терминологическая работа, постредактирование, вычитка переведенного текста и т.д.

Безусловно, в процессе перевода переводчик сталкивается с понятиями, которые есть в культуре одной страны, но которых нет в культуре той страны, на язык которой производится перевод [2]. Представьте, к примеру, как объяснить человеку, не знающему ничего о казахской культуре, игру в *асыки* или, скажем, как перевести выражения, которые и сами казахи употребляют, не помня изначального происхождения? С такими словами или выражениями сталкивается любой переводчик, и именно он должен воспользоваться принципами перевода, когда читатель в процессе чтения знакомится с культурой другой страны, а переводчик, делая пояснения о этих традициях, обычаях, помогает ему в этом [3].

Все отличительные особенности жизни объясняются через ассоциации и схожесть явлений с явлениями другой страны. К примеру, в рамках кандидатской диссертации Н. Рсалиевой «Научно-теоретические основы транслитерации казахских онимов на английском языке», а именно в разделе «О переводе трилогии Есенберлина “Кочевники”» раскрыта точка зрения диссертанта на качество перевода трилогии на русский и английский языки [4].

М. Симашко, внимательно работая с текстом оригинала «Кочевников», бережно передал стиль И. Есенберлина. Центральными в трилогии И. Есенберлина русский писатель Казахстана называл проблемы войны и мира. Это важно передать в переводах на русский и английский языки. Современные исследователи видят в трилогии И. Есенберлина «подступы к теме еврейства» [5, с.5].

Первая часть «Алмас қылыш» трилогии И. Есенберлина «Көшпенділердің» на русском языке увидела свет в Москве, в издательстве «Молодая гвардия» в 1974 году. Над переводом текста М. Симашко работал, советуясь и консультируясь с ее автором. Первая часть на русском языке получила название «Заговоренный меч». Вторая часть трилогии «Жанталас» – на русском «Отчаяние» была опубликована издательством «Известия» в Москве так же в 1974 году. Третья часть – «Қаһар» – на русском «Хан Кене» издана в Москве издательством «Советский писатель» в 1971 году. Полностью историческая трилогия И. Есенберлина «Кочевники» издана в Москве в 1978 издательством «Советский писатель». В Казахстане в переводе М. Симашко – в 1986 году [6]. Историческое полотно И. Есенберлина «Кочевники» издано на многих языках, получило высокую оценку критиков.

Переводческая школа М. Симашко повлияла на искусство перевода в Казахстане и странах Центральной Азии. В Казахстане М. Симашко жил с 1960 года. Был истинным патриотом, знал и любил казахскую литературу. Пропагандировал лучшие произведения казахских авторов, много переводил, в том числе прозу Г. Мусрепова, Д. Досжанова, У. Канахина, Т. Алимкулова.

Ш.Р. Елеукенов ставил имя М. Симашко, своего друга, в один ряд с А. Затаевичем и Е. Брусиловским. Они много сделали для казахской культуры, литературы, музыкального искусства.

Мастерство М. Симашко – переводчика подчеркивает в одном из интервью Н. Скалковская: «Лауреат Государственной премии, отличный переводчик исторических романов Ильяс Есенберлина» [7].

На английский язык трилогию И. Есенберлина «Кочевники» О. Чоракаев переводил не с оригинала, а по авторизованному переводу книги М. Симашко. Для того, чтобы оценить качество переводного текста, необходимо провести его детальный анализ, включая литературоведческий, структурно-семантический анализ оригинального текста и переводного. Далее следует сопоставить характеристики двух текстов и проанализировать, насколько целесообразно и адекватно были использованы те или иные переводческие трансформации.

Н. Рсалиева считает, что из-за трансформации текста в русском варианте и невнимания к графике онимов перевод на английский язык несовершенен. Диссертант подтверждает свою точку зрения доводами в Приложениях к диссертационной работе [4]. Вместе с тем она утверждает, что встречающиеся в трилогии ономастические имена и реалии написаны в нескольких вариантах, причем, по ее мнению, допущены серьезные искажения в тексте на английском языке.

Если учитывать тот факт, что процесс перевода трилогии И. Есенберлина «Кочевники» на английский язык О.Чоракаевым был произведен не с казахского языка, не с оригинала, а по авторизованному переводу М. Симашко, то эти кажущиеся искажения в виде трансформации вполне вероятны. Доктор филологических наук Р. Алмухан, сравнивая оригинальный текст трилогии и перевод на русский, приходит к выводу: «Художественный перевод удался»[8, с.24], но видит «пропуски. Возможно, это сделано для того, чтобы не быть многословным» [8, с.27].

Она же обращает внимание на то, что поэтический перевод выполнил В. Антонов, его фамилия указана в третьей книге «Хан Кене»: «Перевод здесь и далее – В. Антонова» [9, с.480]. Редки случаи существования в литературе авторских переводов.

В то же время сопоставительное изучение текстов авторизованного перевода и оригинала представляется чрезвычайно ценным и перспективным направлением в сфере переводоведения.

Авторский перевод, являясь малоизученной проблемой в современной науке о переводе, на протяжении последних лет привлекает внимание литературоведов. Переводоведение обогатилось рядом работ по филологическому анализу авторских художественных переводов И. Бродского, В. Набокова и т.д. Адекватность является основным критерием для оценки качества перевода.

Народный писатель Казахстана М. Симашко запечатлел в своих художественных произведениях идеи, образы, мотивы литератур Востока. Обладая индивидуальным и неповторимым стилем, он стал достойным представителем и, фактически, стоял у истоков школы исторического романа в литературах Казахстана и Центральной Азии. Не случайно на этой территории появились на свет и прославили культуру и литературу, науку и искусство всемирно известные Рудаки, Фирдоуси, Хайям, аль-Фараби, Авиценна, Ахмет Яссауи, Низами ал Мульк, Кей-Кабус и многие другие представители Древнего Востока. Многие из них стали героями его повестей, романов, публицистики.

Поэт – властитель дум, поэтому вечна поэзия Фраги Махтумкули, Омара Хайяма, героев прозы М. Симашко. Неоднократно обращался русский писатель Казахстана к образу аль-Фараби.

Искусство слова, о котором размышляют представители древних культур и литератур на страницах прозы М. Симашко, мастерство переводчика, своеобразие художественного перевода, в которое М. Симашко внес значительный вклад своей переводческой деятельностью, направлено на сохранение оригинала, передачу особенностей и тонкостей оригинального произведения на языках народов мира.

Литература:

1. Бухонкина А.С. К вопросу об адекватности. Перевод символических культурем // Вопросы теории и практики перевода. Сб. мат-лов Всероссийского семинара. – Пенза: НГПУ, Приволжский Дом знаний, 2002. – С. 30-31;
2. Пиввуева Ю.В., Двойнина Е.В. Пособие по теории перевода. Серия «Филология». – М.: Филоматис, 2004. – 304 с.

3. Оразбекова З.С. Аудармадағы ұлттық ұстаным мен дәстүр сабақтастығы // СДУ Хабаршысы. – 2012. – №3. – С.25-33
4. Рсалиева Н.М. I. Есенберлиннің «Көшпенділер» трилогиясы аудармасы бойынша: диссертация «Қазақ онимдерін ағылшын тілінде транслитерация-лаудың ғылыми-теориялық негіздері» кандидата филологических наук: 10.02.20; А.Байтұрсынұлы ат.Тіл білімі институты. –А., 2008.
5. Ананьева С. Морис Симашко: опыт филологического прочтения. – Караганда: Ekozhan, 2014. – 220 с.
6. Есенберлин И. Кочевники / Перевод с каз.яз. М. Симашко. – Алма-Ата: Жазушы, 1986. – 672 с.
7. Шашкова Л.К. Объединяя берега. Интервью с Н. Скалковской // Простор. – 2012. – №9. – С.155-166
8. Алмухан Р. Перевод трилогии «Кочевники» И. Есенберлина // Третьи международные литературные чтения, посвященные творчеству народного писателя Казахстана. – Алматы: Vesta. 2023. – С.23-32
9. Есенберлин И. Кочевники. – Алматы: ИД «Кочевники», 2002. – 720 с.

ОРАЗБЕКОВА ФАТИМА

Проводник духовного согласия

Морис Давидович Симашко (Шамис) (1924-2000) – народный писатель Казахстана, прозаик и переводчик, драматург и киносценарист, публицист и исследователь истории, участник Великой Отечественной войны. Его считают историческим писателем и одним из основателей школы нового исторического романа в Центральной Азии. Ему исполнилось 100 лет.

Во время войны был военным летчиком, впоследствии окончил Одесский учительский институт (1946), затем заочный факультет журналистики КазГУ имени С.М. Кирова (1950). Учительствовал несколько лет, работал в СМИ Туркмении – в городе Мары, где одновременно преподавал историю древнего мира и средних веков в местном педуниверситете, позже – в Ашхабаде был собственным корреспондентом ТАСС, «Советской культуры» и «Учительской газеты» по Средней Азии и Казахстану. С 1961 года жил и трудился в Казахстане – зав. отделом журнала «Простор», издательства «Казахстан», литературный консультант в Союзе писателей.

Отец писателя Давид Шамис был крупным ученым, профессором в Алма-Ате и стал первым директором республиканского института микробиологии. Писатель Морис Шамис, очевидно, решил не быть двойником известного отца, придумал себе фамилию-псевдоним, написав «Шамис» справа налево и добавив окончание -ко, так и получилась не менее знаменитая фамилия Симашко, только в иной сфере – литературной.

Активно занимался литературным творчеством. Ему подвластны были все жанры – романы, повести, рассказы, очерки, статьи, фельетоны, пьесы и киносценарии. Первая пьеса «На крайнем Юге» была поставлена в 1948 году в Средней Азии, в драмтеатре города Мары (в древности Мерв – первая стоянка Александра Македонского, Туркмения), затем – на сценах Таджикистана, Казахстана и Узбекистана.

Он был первым писателем Казахстана, чьи произведения напечатал журнал «Новый мир» – повести «В Черных песках» (1958), «Искушение Фраги» (1960).

Главная тема его произведений – история культуры и социальных достижений народов Востока, ряд повестей раскрывают темы истории республик Средней Азии и России. Один за другим публикуются книги «Повести Черных песков», «Повести Красных песков» – о послереволюционных событиях в Средней Азии; «Хроника царя Кавада», «Маздак» – перипетии сасанидского периода; «Искушение Дабира» – рассуждения об истоках зарождения терроризма; «Семирамида» – история России XVIII века, о великой императрице Екатерине II. Роман был выдвинут казахстанским Пен-клубом на Нобелевскую премию. «Падение Ханабада» – сатирический роман о духовной жизни народов Средней Азии и Казахстана в период сталинской эпохи; «Путешествие в Карфаген» – результат посещения исторических земель; «Бейбарс» («Емшан») – тема манкуртизма. За три месяца написал повесть «Емшан» о Бейбарсе по просьбе Шакена Айманова для сценария задуманного им фильма, но в связи с трагической смертью режиссера фильм не был снят при жизни писателя; философская повесть «Хадж Хайяма» и другие. Автор 20 книг, в которых разные эпохи, судьбы разных народов и героев.

Как писала журналист Л. Варшавская: «Он жил историей, а история жила в нем». Андре Стиль отмечал: «Произведения М. Симашко помогают яснее увидеть тот исторический путь, которым пришли к революции и социализму народы республик Советского Востока».

У него особый стиль, присущий только ему, в исторических романах он и писатель, и историк-исследователь, этнограф и психолог-аналитик, юморист-сатирик с примесью сарказма. Метко подметил французский критик Ален Боске в рецензии на переводную книгу «Семирамида» в 1992 году в газете «Фигаро»: «Морис Симашко – русский писатель, который ни на кого не похож».

Его произведения посвящены ярким историческим личностям Казахстана, повествуют о трудных периодах становления нового государства. М. Симашко написал интересный роман о жизни и деятельности великого казахского просветителя Ибрая Алтынсарина. Книга написана красивым литературным языком. Это своеобразная энциклопедия истории, жизни и быта казахов в XIX веке. Интересные сведения можно почерпнуть о Кенесары, султана Айчувакове, Бутакове, ссыльном поэте и художнике Т. Шевченко, В. Перовском, Хивинском походе и отражении кокандцев, об акыне Марабае, мусульманских обычаях. Интересны описание быта и уклада кочевой жизни казахов, тюркизмы. Использование в текстах тюркизмов и казахизмов способствует расширению кругозора, познания о бытовой лексике казахов, обычаях и традициях, культуре, труде, также обогащает словарный запас русскоязычных читателей, вызывает у молодежи чувство патриотизма, интернационализма.

За роман «Колокол» (1982) получил премию Союза писателей Казахстана имени И.П. Шухова. Это первый роман о первом казахском просветителе.

Также впервые была написана книга о знаменитом степном командире – «Комиссар Джангильдин». Произведение раскрывает с хронологической точностью революционный период истории республики, активным участником которого был Алиби Джангильдин. Комиссар интернационального отряда, прошедшего

через пустыню и прославившегося в годы гражданской войны. Одноименная пьеса (совместно с А. Алимжановым) ставилась на сценах драмтеатров Караганды, в Республиканском русском драмтеатре имени М. Лермонтова (1977), спектакль «На перепутье» – в Караганде и др.

Романы М. Симашко «Колокол» и «Комиссар Джангильдин» – об исторических личностях Казахстана.

Его последняя книга «Четвертый Рим» – это исповедь-повествование о своей жизни, начиная с детства, это история страны – калейдоскоп людей, событий, чему он был свидетелем, – описано с достоверностью хроникера и немалой долей иронии и юмора. Начал писать в Алматы, а закончил в Израиле, не успев издать при жизни. Рукопись прислал своим друзьям, первые главы романа были напечатаны в журнале Пен-клуба «Тан-Шолпан» (№5, 2001 г.), предисловие «Книга-аманат» написал его друг Г. Бельгер в манере, присущей самому М. Симашко. Была издана и книга благодаря друзьям писателя Леониду Гиршу и Абдижамилу Нурпеисову.

Его повести и романы переведены на английский, французский, немецкий, японский, арабский, ряд языков Восточной Европы, хинди – всего на 40 языков мира.

М. Симашко активно занимался переводами на русский язык произведений казахских писателей – И. Есенберлина, Г. Мусрепова, У. Канахина, Т. Алимкулова и других. Литературовед Мухамеджан Каратаев о переводческой деятельности М. Симашко, в частности, трилогии И. Есенберлина «Кочевники» («Заговоренный меч», «Отчаяние», «Хан Кене»), писал: «Все три романа с казахского языка на русский переведены Морисом Симашко, переведены отлично, с сохранением национального колорита, с тем мастерством, когда русский (или не русский, но владеющий русским языком) легко понимает формообразования и идиомы казахского языка, чувствует его образность и афористичность. Есенберлину в этом отношении “повезло”. В этом романе приводятся и многочисленные переводы цитат-назиданий из песен-импровизаций Бухара-жырау». За этот труд ему была присуждена Государственная премия Казахской ССР

им. Абая (1986) – впервые она присуждалась за перевод художественного произведения.

По его 10 сценариям сняты фильмы «Случай в Дашкале» «Фраги – разлученный со счастьем», «Султан Бейбарс», «Гуга», в «Черных песках» и другие.

Его близкий друг и соратник по перу Дмитрий Снегин вспоминал, что рассказчиком он был отменным, обладал поразительной памятью – мог часами читать наизусть стихи любимых поэтов, среди которых был и Т. Шевченко, ведь сам он родом был из Одессы, несколько лет учился в украинской школе. Одесские частушки были на все случаи жизни.

Память всегда жива в душе его соратников по перу, друзей, читателей. Создан документальный фильм «Миры Мориса Симашко» (режиссер А. Головинский). На доме, где жил писатель, установлена мемориальная доска. Светлана Ананьева, заведующая отделом Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК к 90-летию писателя написала монографию «Морис Симашко. Опыт филологического прочтения», где излагает свои взгляды и суждения, которые стали итогом многолетнего изучения творчества народного писателя, приводит значительные и интересные высказывания о жизни и творчестве Мориса Давидовича разных авторов, исследователей, журналистов, писателей не только Казахстана и России, но и других стран. Откровенно-трогательные статьи о нем и его творчестве писали Елена Брусиловская, Константин Кешин, Любовь Шашкова и многие другие журналисты. Все, кто с ним общался, отмечают его доброту, отзывчивость, увлеченность, патриотизм, глубокую образованность. Он был евразийцем по складу ума и выражению души. Он многолик. Но самое, пожалуй, ценное качество – надежность, он был надежным человеком.

В 1974 году на 20-летие целины, в Дни советской литературы в Казахстане, М. Симашко выступил со статьей «Язык интернационализма», где писал: «Важнейшим звеном в культурной жизни республики является большой и с каждым годом крепнущий отряд казахских литераторов, пишущих по-русски. Почти все они двуязычны.

Владение двуязычной палитрой обогатило их творчество, расширило диапазон, позволило казахстанской литературе выйти на большую международную арену».

Известна также его цитата: «Казахстан – поистине зеркало мира со всеми его проблемами и надеждами. Представляя из себя сердцевину континента, он волею исторической судьбы вместил в себя, по выражению поэта, «все Бастилии грешной земли». Мировые религии и сопутствующие им конфессии в той или иной мере представлены здесь и мирно соседствуют, молча сопротивляясь давлению изнутри фундаменталистских и прямо экстремистских элементов, меньше всего осиянных светом божьим». М.Д. Симашко стал лауреатом №1 казахстанской Президентской премии мира и духовного согласия.

Он любил Казахстан, где прошла значительная часть его жизни, ценил творческих людей, и сам внес весомый вклад в развитие его культуры и литературы, прославив республику своими произведениями в разных странах мира.

ОРДА ГҮЛЖАҢАН

Әдебиеттегі тарихилық пен жанрлық ізденістер

Қазақ ПЕН-клубының негізін қалаушылардың бірі, Қазақстанның Халық жазушысы, Президенттік Бейбітшілік және Рухани келісім сыйлығының және Абай атындағы сыйлықтың лауреаты, белгілі жазушы, драматург, аудармашы, публицист Морис Симашконың 100 жылдық мерейтойы биылғы жылы М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институтына қарасты «Әуезов үйі» ғылыми-мәдени орталығында аталып өтті. Халықаралық деңгейдегі конференцияны Симашко оқуларын Қазақстандағы «Мицва» еврей қауымдастығы, М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институты, Алматы қаласы Қазақстан халқы Ассамблеясының ғылыми-сараптамалық тобы бірігіп ұйымдастырды.

Сонымен бірге биылғы жылы ҚР Ұлттық кітапханасының «Қазақстан кітаптары» қызметінің О.Жандосов атындағы оқу залында Қазақстанның Халық жазушысы, драматург және аудармашы Морис Давидович Симашконың 100 жылдығына орай «Проза жанрының суреткері» атты кітап көрмесі ұйымдас-тырылды.

Жыл сайын өтетін Симашкин оқулары аясында өткен халықаралық конференцияны модератор, М.О.Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институтының Аналитика және халықаралық әдеби байланыстар бөлімінің меңгерушісі Ананьева Светлана Викторовна жүргізіп отырды. Халықаралық конференцияға Қазақстан Жазушылар одағының Басқарма төрағасы Мереке Құлкенов, М.О. Әуезов атындағы Әдебиет және өнер институтының директоры, ҚР ҰҒА корреспондент-мүшесі, ҚР еңбек сіңірген қайраткері, филология ғылымдарының докторы Кенжехан Матыжанов бастаған мәдениет пен әдебиеттің көрнекті өкілдері қатысып, жазушы жайлы естеліктерімен бөлісіп, шығармашылығы туралы тың ойларын ортаға салды.

Морис Симашкоға арналған конференцияда Қазақстандағы "Мицва" еврей қауымдастығы кеңесінің төрағасы, Қазақстан халқы Ассамблеясы Кеңесінің мүшесі Александр Барон жыл сайын өтетін дәстүрлі Морис Симашкин оқуларының жинағын шығарып отырғанын айта келіп, Морис Симашконың 100 жылдық құрметіне шығарылған медальдарды табыс етті. Мерекелік сыйлық жазушының әдеби мұрасын зерттеуге және насихаттауға үлес қосқан зерттеушілерге табысталды.

Конференцияда Қазақстандағы тарихи проза жанрының негізін қалаушылардың бірі Морис Симашконың халықаралық Қазақ ПЕН-клубының құрылуына, Қазақстан мен Израиль арасындағы шығармашылық байланыстарды орнатуға белсене қатысқаны кеңінен сөз болды. Жазушының мәдениет пен әдебиетке сіңірген еңбектері Президенттің бейбітшілік және рухани келісім сыйлығына, әдебиет саласындағы Абай атындағы Мемлекеттік сыйлыққа, басқа да марапаттарға ие болғаны жөнінде айтылды. Ол Ғ.Мүсіреповтің «Оянған өлке» дилогиясы мен І.Есенберлиннің «Көшпенділер» трилогиясын аударғаны үшін 1986 жылы Абай атындағы Қазақстан

Республикасы мемлекеттік сыйлығының лауреаты атанды. Аудармашы Д. Досжанның «Жібек жолы», Ө. Қанахиннің, Т. Әлімқұловтардың шығармаларын орыс тілінде сөйлетуде Орталық Азия халықтарының тарихы мен этнографиясын жақсы білетіндігін көрсетті.

Аудармашының қазақ тарихы мен мәдениетінің білгірі екендігін қыпшақ даласынан барып Мысырды билеген атақты сұлтан Бейбарыс туралы «Емшан» («Жусан») повесі, Әліби Жанкелдин туралы «Дала комиссары» пьесасы, ағартушы педагог Ыбырай Алтынсарин туралы «Қоңырау» повесінен көруге болады. Жазушының аудармашы Әбілмәжін Жұмабаев қазақшалаған Бейбарыс сұлтан туралы «Жусан» шығармасын көпшілік оқырман жылы қабылдады. Ол Бейбарыс сұлтан туралы «Жусан» повесін О.Сүлейменовтің айтуы бойынша жазса, повесть желісімен «Қазақфильм» киностудиясы «Сұлтан Бейбарыс» көркем фильмін түсіріп, 1989 жылы экранға шығарды. Сол уақыттан бері аталған фильм көпшілік көрерменнің ыстық ықыласына бөленуде. Жазушы, драматургтың кеңестік дәуір тұсында екінің бірі бара бермейтін тарихи тақырыптарға барғанын аталған шығармаларынан көруге болады.

Әдебиеттегі тарихилыққа өлшеусіз үлес қосқан жазушы, драматург, аудармашы Морис Симашконың осы үрдісі бүгінгі таңда да өз жалғасын табуда. Қазіргі таңда қазақ прозасына үлес қосып жүрген бір топ жазушылар тарихи тақырыптарда қаузап жазып жүрсе, жас жазушылар өздерінің көркемдік ізденістерімен танылуда. Соңғы ширек ғасырдағы әдебиетте Тоныкөк, Мүде хан, Шыңғыс хан, Бейбарыс сұлтан, Есім хан, Абылай хан, Кенесары хан, Шу батыр, Қабанбай батыр, Райымбек батыр, Шақантай батыр, Жарылғап батыр, Бердіқожа батыр, Мама батыр, Сырым батыр, Балуан шолақ, Оспан батыр, Есенгелді би, Жарылғап би, Шоң би, Ахмет Байтұрсынұлы, Халел Досмұхамбетұлы, Мұстафа Шоқай тәрізді ұлт көсемдерінің жарқын бейнесі сомдалды.

Ұлттық әдебиетте қазақ халқының тарихынан үлкен орын алатын Тұмар ханымнан бастап, Домалақ ана, Мүде ханның ақылды жары, Көшім ханның жары Сүзге ханым, Бөрте, Бопай, Күнімжан ханымдар, Сырым батырдың жары Ұлбала, Қабанбай

батырдың жары Гауһар, қызы Назым, Абылай сұлтанның қызы Айтолқын, Бұланбай батырдың қызы Айбике, Данай және Бәкей қыз тәрізді қазақ батырларының жігеріне жігер, қайратына қайрат, намысына намыс қосқан дана да дара, ержүрек батыр қазақ аруларының көркем галареясы жасалды.

Жазушылардың романдарына түркі қағанатынан бастап, әр дәуірдегі қазақ тарихының қилы кезеңдері арқау болды. Ілияс Есенберлин, Әбіш Кекілбаев, Әнуар Әлімжанов, Софы Сматаевтардың тарихи романдарын Қабдеш Жұмаділов «Дарабоз» роман-дилогиясымен жалғастырды. ХҮІІІ ғасырдағы тарихи тұлғаларының бірі Қаракерей Қабанбай батыр туралы роман Абылай хан бастаған хандар мен батырлар, билер мен шешендер туралы кеңестік дәуірдегі біржақты көзқарасты жоққа шығарды. Зейнолла Сәніктің «Қаракерей Қабанбай» тарихи-эссесінің (1991) қатары Қ.Жұмаділовтің «Дарабоз» (1996), Зейнолла Тілеужановтың «Қаракерей Қабанбай» (2009) тарихи роман-дилогиясымен толықты. Аталған романдарда ХVІІІ ғасырдағы Жоңғар шапқыншылығы кезіндегі тарихи оқиғалар бас қолбасшы Қабанбай батыр төңірегіндегі қанды шайқастармен баяндалса, Ұ. Доспанбетовтің «Қызыл жолбарыс», «Абылайдың ақ туы» атты төрт кітаптан тұратын роман-эпопеясына Қаратау мен Іле, Сырдария, Шу, Қаратал өзендерінің бойында осыдан үш ғасыр бұрын өткен, «Ақтабан шұбырынды, алқакөл сұлама» деген атпен сақталған қазақ-қалмақ қақтығыстары көркем бейнеленді. Жазушылар елі мен жерін сыртқы жаудан қорғаудағы батырлардың жанкешті ерлігі, қазақ халқының тәуелсіздік жолындағы сан ғасырлық күресі арқылы жауынгер қазақ халқының ерлік дәстүрлеріне жан бітіріп, романдардың негізгі лейтмотивіне (өзегіне) айналған адам, халық, ел, ұлт, мемлекет дербестігі туралы ұстанымдарын ұсынды.

Жас қаламгерлердің ұлттық және әлем әдебиетінде қалыптасқан классикалық үлгімен бірге мазмұндық, түрлік ізденістерге барып жүргенін баса айтуға болады. Тарихи тақырып кез келген қаламгердің шығармаларынан орын алса, фантастикалық шығармалар жазып жүрген жастар қатарында Жақсылық Әлиханнның «Жеті құрылық», Айдана Қайсарбектің шығармаларын, мистикалық шығармалар жазып жүрген

Қойшыбек Мүбәрәктің «Құбыжық», «Айдың соңғы сәрсенбісі» әңгімелер жинағын, Қ. Әбілқайырдың «Жылан кегі» повесі мен Айдана Қайсарбек, Бақытбек Қадырдың әңгімелерін ерекше атауға болады. 2023 жылы детектив жанрында жастар арасында байқау ұйымдастырылды. Сол байқаудың нәтижесі жөнінде әдебиеттанушы ғалым Б.Жақып былай деген болатын: «Қазақстанның түкпір-түкпірінде Кемел ағаның ізбасарлары бар екен. Олар: ақтөбелік Зияш Телеуова, астаналық жас талант Абай Аймағамбетов, Алматыда тұратын Заря Жұманова, Нұрлыбек Саматұлы, Бақытжан Қанапиянов, Ғабдол-Сәбит Юсупов, Самал Зікірия, Шаяхмет Алжанбай, Құрманхан Нұрымбетов, Бенкен Нұрахмет, Елеусіз Мұратов»[1, 18]. Аты аталған қаламгерлердің ішінде Абай Аймағамбетов К.Тоқаевтың 100 жылдығы қарсаңында детектив жанры бойынша жарияланған республикалық бәйгенің бас жүлдегері атанды. Екіншісі бірі бара бермейтін детективті шығарма жазып жүргендердің қатарында Абай, Бақытбек, Қадыр және бір топ жастардың жүруі қуантады.

Мерзімді басылым беттері мен поэзиялық жинақтарда өлеңдері шығып жүрген тәуелсіздік құрдастарының жырлары Қазақстан Республикасы Тәуелсіздігінің 30 жылдығы қарсаңында Алматы қаласы әкімдігінің қолдауы бойынша «Тәуелсіздік сөзі» сериясымен жарық көрді. Авторлық жинақтары жарық көрген отыз жас қаламгердің ішінен Талап Шерханның «Адасқақ ойлардың аспаны», Тілеген Асыланның «Бойтұмар», Батырхан Сарсенханның «Мәңгілік гүл», Дүйсенәлі Әлімақынның «Ол құстың аты – еркіндік», Ерқанат Қуатбекұлының «Ақ жауын», Бауыржан Мырзақұловтың «Ышық», «Толунай», Роза Аспанқызының «47», Бауыржан Майтайұлының «Қаладағы жылқы дауысы», Дініслам Абитилданың «Үнсіздік әуені», Айдана Қайсарбекқызының «Құр – Ман», Қуаныш Жазайдың «Толқынға қарсы», Бауыржан Әліқожаның «Хұснихат», Нұрсәуле Толқынның «Топырақ иісі», Тұрсынбек Башардың «Интертекст», Еркежан Бейсенбекқызының «Ана жүрегіндегі өмір», Нұртас Тұрғанбектің «Жан жылайды», Ерзат Асылдың «Құлағымда тұяқтардың дүбірі», Ретбек Мағаздың «Шексіздік үні», Әрібибек Өр Алтайдың «Марқажүрек»,

Алтыншапақ Қаутайдың «Ай шапағы» жинақтарын атауымызға болады.

Осы үрдіс жалғасын тауып, 2022 жылы «Мазмұндама» баспасы бір топ жастардың новеллалары мен әңгімелерін жинап «Дауыс» әңгімелер антологиясын шығарды. Антологияның «Жастар жинағына оң жол» атты алғы сөзінде М.Мағауин «Советтен тыс қоғамда өмір кешкен жазушының бәрі бақытты... Қыспақсыз, алаңсыз он жыл еңбек еткен қаламгердің арманы жоқ», – деген екен [2, 5]. Жинаққа енген авторлар – тәуелсіздіктің құрдастары болғандықтан сөз бостандығын тиімді пайдаланып жүрген қаламгерлер. Олар – Бақытбек Қадыр, Досхан Жылқыбай, Арман Әділбек, Есбол Нұрахмет, Әлішер Рахат, Темірлан Қылышбек, Сафина Ақтай, Жәудір Нартай, Санжар Бекжанов, Берікбол Батандар.

2020 жылғы республикалық «Алтын тобылғы» әдеби байқауының лауреаты Бақытбек Қадыр – «Коллекционердің пәтері» әңгімелер мен эсселер жинағының авторы. Оның «Куәгерлер» новелласына бүгінгі күннің оқиғасы негіз болған. Новеллаға әдебиеттанушы ғалымдар «Новелла – шағын көлемді прозалық шығарма. Әңгімеден қиялға негізделген оқиға, әдеттен тыс сюжет пен композиция құрылымы арқылы ерекшеленеді», – деген анықтама береді. Осы пікірге сүйенетін болсақ, бұл туындыға да әдеттен тыс сюжет негізделген. Новелланың басы мен аяғындағы көріністен бүгінде телефонға телмірген замандастарымыздың қандай жағдайда да одан бас көтере алмайтындығы көрінсе, қазіргі таңда екі аяқты пенделердің адам өліміне немқұрайлы қарайтындығы өкінішті. Сыраханадан шыққан келіншекті түн ортасында басып кеткен автобустың тоқтамай қашып кетуіне, сыраханадан куәгерлікке тартылған жандардың адам өліміне соншалықты немқұрайлы қарауына, автобус тіркелген автотұрақтан өз үлесін өндірген тергеушінің тездетіп демалысқа шығып кетуінен шындыққа қарағанда қиялдың басымдығы байқалады. Дегенмен қаламгер осындай оқиғалармен адам баласының азғындауын көрсетуге тырысқан.

«Қайран әке» әңгімесіне Құмаш күйшінің шәкірті Мекеннің тағдыр тауқыметі негіз болған. Бұл әңгіме қазақ әдебиетіндегі өнер иелері мен өнер тақырыбындағы шығармалар қатарын

толықтырады. Құмаш қарт Кетбұға, Саймақ, Байжігіт, Тәттімбет, Бейсенбі тәрізді күйшілермен бірге ертеден келе жатқан аңыз күйлерді нақышына келтіріп орындаса, шәкірті Мекеннің осыларға қоса жанынан күй шығаратыны тағы бар. Сегіз-тоғыз жасында әкесі жылқышы Жанғабылдың ағашқа асылып өлгенін көрген ол өмір бойғы әкесіне деген сағынышын, мұңын қос ішекті домбыраның күйімен жеткізді. Күйге «Бірлестік» ауылының ауылнайы Жандарбайдың қос жендеті қолынан мерт болған Жаңғабыл жылқышының мезгілсіз өлімі арқау болды. Қайғы мен шерге, мұң мен налаға толы күй тыңдаушылардың көкірегін «Қайран Жәке», «Қайран әке» деп тілгілеп жатты. Осылайша күйдің аты «Қайран әке» болып тарап кетті. Автор кәрі күйшінің «Осы шертпе күй деп жүргеніміз, күй шертеміз дегеніміздің бәрі шерден шықпады ма екен...» деген сөзімен шертпе күйдің іштегі шерді шығарудан туғанына назар аударған. Күйшінің қолындағы қызыл қоңыр домбыраның әкесінің моласынан алып кеткен үлкен қызыл қарағайдан жасалғанын Мөңке шебер ғана білді. Шағын оқиғаға көп ой сыйғызған автор кеңес өкіметінің орнауын, коммунистік партияның «шаш ал десе, бас алатын» жандайшаптарды тәрбиелеп шығарғанын Жандарбайдың ісіне, оның қос жендетінің қылмысына сыйғызған.

«18:47» әңгімелер жинағымен таныс Досхан Жылқыбайдың «Матрица», «Квант» әңгімесін оқырман жылы қабылдап, қызу талқылауға айналғаны белгілі. Жинаққа енген «Квант» әңгімесі жөнінде автор ғылым атаулының бәрінің астарында Тәңірді тануға деген ұмтылыс жататынын айта келіп: «Менің теориям бойынша, Құдай адам тағдырын жазып қойған. Бүкіл нұсқаларымен. Яғни біздің әрбір жасайтын таңдауымыз, ісіміз, сөзіміз бәрі-бәрі жазылған. Тек солардың арасынан дұрысын һәм Тәңірге жағымдысын тандап жүруге тиіс шығармыз. Ойым тұсқа келгенде гүлдеп шыға келеді. Тәңірдің ұлы жазушылық қабілетін сезінем. Мен оған осы жазушылығы үшін ғашық шығармын», – деген болатын [3]. Кез-келген шығарманың оқырманға әсері оның авторының энерегиясы арқылы берілетініне көңіл аударуынан автордың физика мен әдебиетті байланыстыратыны байқалады. Әңгімеге студенттер өмірінен

алынған оқиға негіз болғанмен, автор кейіпкерлер өмірі арқылы адам баласы қиялымен бір мезгілде бірнеше жерде бола алатынын айтады. Жазушы кейіпкер өміріндегі оқиғаларды екі нұсқада қатар суреттеумен оқырманға тағдырынды өзін таңдайсың дегенді білдірген. Оны Арай мен Бекболдың оңаша кездесуі мен кездеспеуінен, Бекбол мен Кәмиланың бір-біріне деген күмәнінан, не болмаса Lang Cruiser көлігіне қатысты екіұшты ойдан көруге болады. Бір қарағанда бірге оқитын Бекбол мен Кәмиланың күнделікті тіршілігі тәрізді көрінгенмен, автор осы екі кейіпкер арқылы қазіргі жастардың таным түсінігінен хабар берген. Әңгімеден бірінші көзге түсетіні – неке қиылмай жатып жастардың ерлі-зайыптыларша өмір сүруінің дағдыға айналуы. Ұлттық тәрбиеде «Қызға қырық үйден тыйым» деген бар, жастардың соның ішінде ұлт тәрбиесіне жауапты болып табылатын қыздарымыздың салт-дәстүрді аяқ асты етуі – ұлт болашағы үшін үлкен қасірет.

Кәмилә шпаргалка пайдаланғаны үшін емтиханнан шығарылғандағы Бекболдың жағдайына үңіліп көрелік. «Бекбол қара терге түсіп отыр еді. Қазір Кәмиланың артынан шықса, екеуінің де үстінен акт толтырады. «Жүз мың айлықты сосын қайда жеткіземіз? Оның да, менің де басымда кредит. Пәтер, кредит...» [4, 35]. Бекболдың ойынан кредитте жүрсе де пәтер жалдап тұратын студенттердің әлеуметтік жағдайы аңғарылады. Қазіргі таңда ақылы оқитындардың есебінен студент саны көбейген, соның салдарынан жатақхана кез келген оқу орнында өзекті мәселенің біріне айналды. Авторлық ұстаным кейіпкердің мына сөзімен берілген: «Тағдыр – таңдау ғой. Алдымызда мың-миллион жолдар бар. Тіпті біздің санамызда күнделікті қанша таңдау туындайды – сызылған сонша жолымыз бар секілді. Олардың бір-бірімен қиылысуы қажет емес. Квант секілді. Бір сәтте бірнеше жерде бола алады» [4, 53]. Осылайша жазушы жастар өмірі арқылы бүгінгі қоғам өмірінен хабар бере отырып, өмір жолын таңдауды оқырманның өзіне қалдырған.

Прозамен бірге аудармамен айналысып жүрген Арман Әділбектің «Пойыз терезесіне түскен сағым» әңгімесінеұзақ сапарға шыққан пойыз жолаушысының түс ішіндегі түсіне кез боламыз. Автор бастығырылып жатқан кейіпкердің түстеріне

өмір мен қоғамдық ортадағы күрмеулі мәселелерді жинақтаған. Көркем шығармадағы түс психолгизмнің әдісі екенін еске алатын болсақ, автор кейіпкердің түсі арқылы оның жандүниесіне үңілген.

«Таусылмас түн» новеллалар жинағымен таныс Есбол Нұрахметтің «Жар басындағы алтын тақ» әңгімесін оқырман жылы қабылдағаны белгілі. Жинаққа енген «Тарақандар» әңгімесінде қасымызда жүрген замандастарымыздың тіршілігі шынайы бейнеленген. Тарақан қаптаған жатақханада тұрып жатқандардың барлығы – қазақтар. Жазушы шағын әңгімесімен күлкінің астында жатқан трагедияға назар аударған. Ол – жүздерінен ашу, реніш, жек көру менмұндалайтын көршілерінің қылығы. Бәрі де жатақханада уақытша тұрамын деп өздерін алдағанмен, тапжылмай отырғандарынан жүдеу күйлерін, көңілсіз көңілдерінен, балалардың орынсыз ойнап-күлмейтінінен әлеуметтік жағдайын тануға болады. Лашықта отырып, аспандағы айға қол созған кейіпкерлердің тіршілігі қазақ трагедиясы ретінде суреттелген. «Табақ бет, таңқы танау» әңгімесінде реалды, реалсыз өмір суреттері қатар бейнеленген. Кейіпкер күні бойы таңқы танау, табақ бет сары шал мен сары кемпірден қашып жүрсе, ол өзі мен әйелі болып шығады. Кездескен шал-кемпірлердің бәрінің езуінде болмашы қан дағы бар болып көрінуінен, екі жасар баланың жілігі мен он үш жасар қыздың миын тарелкаға салып берген кемпір мен әріптестері обсурд кейіпкерлер екенін еске алатын болсақ, автор олардың езуіндегі қан дағы арқылы таңқы танау, табақ бет сары шалдар мен кемпірлердің екі ұрты майға ғана емес, қанға толып жүргенін мегзеген тәрізді.

«Журналист, молда, киллер және жезөкше» әңгімесінде журналист, молда, киллер, жезөкшенің бір күндегі жасаған істерін кезектестіре суреттеу арқылы бұл өмірде осы үшеуінің қайсысы таза деген философиялық сауал тастайды. Журналист пара беруші, молда пара алушы, киллер тапсырысты орындаушы, жезөкше тәнін сатушы. Сонда қайсысының кәсібі таза? Журналист, молда, киллердің қылмысына қарап отырып, оларға қарағанда тәнін саудалаған жезөкшенің ісі таза ма деген

ой тастаған автор біздің қоғамның былығын осы төрт кәсіп иесінің күнделікті тіршілігіне сыйғызған.

Оқырманға «Махаббатым – Constant» романымен таныс Әлішер Рахат– бірнеше республика көлемінде өткен драмалық шығармалар конкурсының жүлдегері. Жазушының «Қара мысықтың қожайыны» әңгімесін оқырман жылы қабылдағаны белгілі. Жинаққа енген «Үздіксіз әуез» әңгімесіне біз өмір сүріп отырған қоғам шындығы оқырманға таныс, бейтаныс кейіпкердің тағдырымен суреттелген. Қарамай кеткен алғашқы махаббатының күйігін басу үшін мешітке барғыштап жүріп, сол жердегі «әпкелерінің» кеңесімен бір сақалды еркектің етегінен ұстаған Ризаның тағдыры оқырманға ой салары анық. Мектепті бітіре салып үлкен қалаға оқуға түскен қыздың ата-анасының алдынан өтпей бір еркектің қолынан ұстап Тараз қаласына кете баруы бүгінде арамызда жүрген көп әйел алатын «намазхандардың» тіршілігін көз алдымызға алып келеді. Алғашында албырттықпен кейін нәпсісіне ие бола алмай талай еркектің қызуын басқан, ұзын етек, ұзын жең киіп басынан орамалын тастамайтын жас қыздың сүйген жігітінің алдында былығы ашылудан қорқып өзіне қол жұмсауынан «қолмен істегенді мойынмен көтеруден» қашқаны байқалады. Жазушы шағын ауылдан үлкен қалаға келіп, түзу жолдан адасқан қыздың тағдыры тәлкекке түсуімен «қызға қырық үйден тыйым жасау» керегін еске салады. Қазіргі таңда ислам дінінің түрлі ағымдары ел арасына тарап кетті. Имандылыққа бет бұрамын деген жас қыздардың сақалдылардың ермегіне айналғанын Риза тағдырымен жеткізген. Тараздағы тар пәтерде қолына құран беріп, есікті сыртынан жауып тордағы тотықұстың күйін кешкен қыздың күйеуінің келуін сарыла күтуімен, бір төсекте жатса да өз ойын айтуға қаймығуымен олардың арасында сезімнің жоқ екенін көрсеткен. Өмірдің теперішін көрген қыздың шығарманың соңында кафеде официант болып жүріп алғашында бұйра шаш жігітпен құмарын қандырып жүрген қыз бұйра шаш сүйген жігітінің досы болып шыққан соң өзіне қол жұмсауын мұсылман діні де құп көрмейді. Жазушы Ризаның тіршілігімен бүгінде орамалға оранып жүріп, неше түрлі былыққа батқан қыздардың шынайы бейнесін көрсетуге тырысқан. Бұл – ХХІ

ғасырдағы қазақтың трагедиясы. Қазақ халқы болашақ ұрпақ тәрбиелейтін қыздардың тәрбиесіне ерекше мән берген, сол дәстүрдің аяқ асты болуы – ұлттың болашағы үшін үлкен қауіп. Бала тәрбиесі бұзылуының екінші бір себебі – жасы ұлғайған ерлі-зайыптылар арасының сууы. Азаматтардың жас иіс іздеп балаларының анасынан жеруін Ризаның ата-анасына қатысты оқиғадан көретін болсақ, сырттан жылу іздеп жүрген азаматтың өз балаларының тағдырына немқұрайлы қарауы – заман трагедиясы ғана емес, қазақтың қасіреті.

Шабыт ХХ халықаралық шығармашыл жастар фестивалінің «Үздік әдеби шығарма» номинациясы бойынша Бердібек Соқпақбаев атындағы арнайы дипломы мен «Қазақ пен қала» прозалық байқауының бас жүлдегері Темірлан Қылышбектің («Лифт» әңгімесі) «Инелік жылы», «Дәрия», «Шам» әңгімелеріне бір-біріне ұқсамайтын оқиғалар арқау болған. «Инелік жылы» әңгімесінде үш жыл қатарынан бір шаштаразға баратын жас жазушы ішімдігін сілтей жүріп шаш қиятын шаштараздың дүкеншінің үстіне қайнаған су құйғанына куә болады. Қызы үйінде отырып екінші рет аяғы ауыр болған әкенің жанайқайын өзінен басқа түсінер пенде жоқ, оқырман осы оқиғадан сол қасіретке дүкенші баласының қатысы барын сезгендей күй кешеді. Арада жылдар өтсе де шаштараз тіршілігінің өзгермеуінің себебін автор оның ащы суға құмарлығынан іздейді. «Дәрия» әңгімесіне үстіне шешек шыққан әйелді қайыққа отырғызып өзеннің арғы бетіне өткізуіне куә болсақ, «Шам» әңгімесіне білтелі шам астында отырған жазушының «Құсайын сақшы» әңгімесінің жазылуы негіз болған. Үрімжі түрмесінде «Халық Республикасына қызмет қыламын!» деп жүрген Құсайын сақшының ату жазасына кесілген он екі мұсылманды атқан оғын тапсыруынан түрме күзетшісі Бао Цзиннің мұсылмандарды мұсылманға атқызу құпиясы байқалады. «Бұйрықты бұлжытпай орындайтын» Құсайын сақшының бейнесі екінші кейіпкердің: «Жарықтық ғұмыр бойы қара басын қатерге тіксе де, барша мұсылманның шыбын жанына араша түсіп, оғын аспанға аманаттап, бәрімізді тым-тырақай қашырып жіберуші еді. Қарттығында хал сұрауға да жарамадық қой», – деген сөзімен толығады [4, 127-128].

Сафина Ақтайтың бір беттік «Мүлдем жарық жанбайтын терезе», «Кемпір» әңгімелерін оқып отырғанда жазушының айтар ойын оқырманға қалдыратыны байқалады. Мұндай әдісті – әдебиеттанушы ғалымдар автор өлімі деп түсіндіреді. Қазіргі таңда қалыптасқан классикалық шығармалармен бірге оқырманның ыңғайына қарай барынша қысқартып жазу үрдісі белең алуда. Алғашқы әңгімеге өмірден түңілген, оқшауланып үйден шықпайтын Аденаның айна алдында отырып өмірі өтіп қартайып бара жатқанын көрсек, екінші әңгімеден жалғызбасты кейуананың тіршілігінен хабардар боламыз. Үйден шықпай, төсекке жата кететін екі кейіпкердің айырмасы жас алшақтығында демесең, екеуі де – өз өмірлеріне өкпелі, өмірден түңілген жандар. Олай дейтініміз, сүйгені тастап кеткен Аденаға өмірдің мәні болмаса, жалғыз тұрып жатқан кемпір де өз өміріне ренжулі. Бар ашуын тышқаннан алып, оны езіп өлтіруінен кейіпкердің өмірге деген өкпе, реніші байқалады. Кейіпкерлердің сұрықсыз тағдырына қарап отырып, аз сөзге көп мағына сыйғызуға болатынын бағамдаймыз.

«Үйге қайтамын. Шаршадым» әңгімесі де айтары көп әңгімелердің қатарынан орын алады. Өң мен түстің араласып келуінен, кеңістіктің жиі ауысуынан жазушының көркемдік ізденістері аңғарылса, екі кейіпкер тағдырынан жер планетасындағы жандардың түрлі тағдыры байқалады. Өңі мен түсін ауыстырып жүретін Узайдың жады тым нашар болғанынан оның тағдыры оңай болмағаны байқалса, шаштараз Үміт мырзаның туған жерінен «Отанын сатқандар» қатарында қашып шыққаны өз сөзімен толыққан. «Сол адамның өзегін өртеген маусымдағы түннен кейін туған жерге аяқ баса алмаймын деп кім ойлаған. Саясат бізді ойыншыққа айналдырады деп еш уақытта ойламаппын», – деген сөзіне үш жылдан бері отанына жете аламай сағыныштан ішқұса болып жүрген жанның тағдыр тауқыметі сыйып тұр [4, 134].

Жәудір Нартайдың «Ұлжан» әңгімесіне ұлттық құндылықтар арқау болған деп айтуға болады. Бір ұл, бір қызымен жесір қалған Ұлжанның өмір бойы аялдамаға келіп Алматыдағы баласын күтуіне ананың балаға деген сағынышы сыйып тұр. Іргесіндегі қызы Талшынның қолына бармай,

жалғыз отырған Ұлжанның бар арманы – Сағынтайдың қара шаңырағының түтінін шығару. Із-түзсіз кеткен баласының артынан іздеп барып, бір-екі жыл бірге тұрғанмен шайпыауыз келінге сыймай үйіне қайта келген кейуананың елдің «қызының қолында отыр» дегенінен қашып жалғыз отыруы – ұлттық құндылықтарымыздың көрінісі ретінде суреттелген. Қызы Талшынды Сәпеннің қоянтис баласы алып қашқанда алдымен адуындап барып қызын алып қайтпақ болған оның ашуы басылған соң сабырға келіп қызына: «Мені қарабет қылмай осында қал, өлмейсің, бір ауылдың ішіндеміз. Сәпен бөтеніміз емес, көзің бақшыып қайтып келуші болма», – депбасу айтуынан қанша адуын болса да әдет-ғұрыптан аспауы көрінеді [4, 150]. Ал, Талшынның Сәпенге келін, Қалжанға жар болмай, сол түні-ақ көрші ауылдағы сөз байласқан жігітіне хабар жіберіп қашып кетуінен жастардың әдет-ғұрыпқа байланбай, сүйгеніне қосылуға деген талпынысы байқалады.

Интернатта оқып жүргенде бір бұзақы бала көзіне ине сұғып, көзін ағызып жіберген Ұлжанның өмірден көрері аз емес екен. Екі әйел жіберген Сағынтайға тиіп, одан екі бала тапқанда араққа салынған күйеуі суға батып өлсе, қалған өмірі де адам қызығарлық емес. Жазушы осы кейіпкердің өмірімен адам өз тағдырын өзі жасайтындығына назар аударған. Өзгенің де, өз баласын да үнемі «жетпегір», «қараң қалғыр», «қараң өшкір» деп сары қамшымен қуып жүретін кемпір өз баласын «Бұлай сүмірейгенше, туылмай неге кетпедің!» деп жон арқасын осып-осып жіберетін. Оны жазушы былай түсіндіреді: «Кейін Ұлжанның сол баласы мектеп бітірді, артынша Алматыға кетті, кеткенде де ұзақ кетті. Біржола кетті. Ақыры үйленіп сонда қалды. Қарашаңыраққа әкеп, келіннің жүзін де көрсетпеді. Ұлжан ұлан-асыр той жасамады. Сүйіншілемеді» [4, 145]. Жалғыз көзімен ауыл балаларына құбыжық болып көрінетін Ұлжанның тағдыры шын мәнісінде жеңіл болған жоқ. Автор әр адамның өз тағдырын өзі жасайтынын, сөздің киесі болатынын Ұлжанның өмірімен, сөзімен нанымды бейнелеген.

«Мен он төртке толғанда» әңгімесінің оқиғасы отасқанына төрт-бес жыл болған ерлі-зайыптылардың ажырасар алдындағы күндеріне құрылған. Бұл хабарды алғаш естіген он төрт жасар

қыз әпкесіне қанша ақыл айтқанмен, олар шешім жасап қойғандықтан мұны тыңдаған жоқ. Әпкесі сіңілісінің өмір туралы түсінігін аяқ асты етті. Олардың ұғымында бала болмаса ажырасу керек сияқты, сіңілісі ойлағандай бала асырап алу ойларына келмеді. Тату-тәтті тұрып жатқан жандардың ажырасуы өздеріне ғана емес, жақын адамдарына да өте ауыр болатынын олар білмеген тәрізді. Оқиға он төрт жасар қыздың көзімен баяндалған. Оның анасынан көрген, ауылдан естіген ерлі-зайыптылар туралы өз түсінігі бар. Бірақ ерлі-зайыптылардың жас қыздан ақыл сұрамайтыны өкінішті.

Жазушы, аудармашы Санжар Бекжановтың «Жоғалған қараша» әңгімесіндегі кейіпкердің өмірі мен түсінің аралас жүруінен оның тағдырына қатысты түсініксіз жайттарды аңғаруға болады. Кейіпкердің: «Әкелік мейірім мен махаббатты сезе тұрып, қара шаңырақты қаңыратып кету үшін адамның қандай есалаң болу керектігін түсіне алмаймын?!» [4, 175], - деген сөзінен әкесі анасын тастап кеткенін байқасақ, оның анасы өмірден өткенде жалғыз қалуы өкінішті. Пәтер жалдап тұратын мұғалім жігіттің тағдыры қарашаның бұлыңғыр, суық күндеріне ұқсас екенін, кофе ішіп отырғанда бейтаныс әйелдің:

– Есімің Жандос қой?

– Иә.

– Онда сенің анаңның аты Айнұр», – деп жабыса кетуінің астарында кейіпкердің өзіне беймәлім үлкен құпияның жатқаны анық.

«Өліктердің уысында ериді» романының авторы, бірнеше телехикаяның сценарисі Берікбол Батанның «Жетім оқтың уақыты» әңгімесіне Брустон еліндегі бір отбасының тағдыры арқау болған. Он жеті жасар Уильям Подригтің көзімен суреттелген көл жағасында балық аулап күнелтіп отырған қарапайым отбасының бір күнде ойран болуы қарғыс атқыр соғыстың кесірі еді. Берн-Тайн мемлекеті Брустон жеріне басып кіру үшін қаруланғанда олардың әскерін командир Дорн Тернер басқарып еді. Әскер қатарына алынғанда үш жағдайда ғана атуға рұқсат етілетін жетім оқты Уильям Подриг соғыстың алғашқы күндерінде-ақ отбасын ойрандаған Дорн Тернерге сақтауда. Классикалық үлгіде жазылған әңгімеде бейбіт өмір

сүріп жатқан халықтың тынышын бұзған басқыншылардың жауыздығы суреттелген.

Қорыта айтқанда, қазіргі қазақ прозасына үлес қосып жүрген жазушылар қазақтың арғы-бергі тарихын қаузап жүрсе, жас буын өкілдерінің шығармаларынан мазмұндық, түрлік ізденістерді байқауға болады. Жоғарыда сөз болған әңгімелерден қаламгерлердің шағын жанрға қоғамдағы шешімін күткен өзекті мәселелерді сыйғызуға ұмтылғанын баса айтуға болады. Сонымен бірге әдебиетте қалыптасқан классикалық үлгіде және фантастикалық, мистикалық, детективтік шығармалар жазып жүрген қаламгерлердің шағын жанрлармен бірге кең құлашты романдар жазуы қуантады. Жас жазушылар арасында кең құлашты шығарма жазып жүрген жастардың қатарында Әлішер Рахаттың «Паралел», «Махаббатым – Constant», Берікбол Батанның «Өліктердің уысында ериді» романдарын атауға болады. 2023 жылы ASSYLTAS қоғамдық қорының ұйымдастыруымен әдебиет аталымы бойынша Ерлан Жүніс стипендият болса, Мақсат Мәліктің «Абыл мен Қабыл», Қанат Әбілқайырдың «Ағыраптағы аты жоқ адам», Әлібек Байболдың «Мұтылған» романдары жанр талабына сай жазылғаны анықталып, аталған шығармалар 2024 жылы жарық көріп оқырманға жол тартты. Осы мысалдардан жастардың өнімді еңбек етіп жүргені байқалады.

Әдебиеттер:

1. Жақып Б. Кемел Тоқаев және ұлттық әдебиеттегі детектив жанры: республикалық ғылыми-теориялық конференция материалдары. – Алматы: Орхон, 2024. – 122 б.
2. Әдебиеттану терминдерінің сөздігі. – Алматы: «Ана тілі», 1995.
3. Досхан Жылқыбай: «Кванттық физика арқылы Тәңірге ғашық болдым» // <https://massaget.kz/layfstayl/debiet/proza/63078/>
4. Дауыс. Әңгімелер антологиясы. – Алматы: «Мазмұндама» қоғамдық қоры, 2022. – 192 б.

«Емшан» повесіндегі фольклоризмдер

Қазақстан халық жазушысы, сценарист, драматург, аудармашы Морис Симашко «В Черных Песках», «Искушение Фраги», «Емшан», «Маздак», «Искушение дабира», «Колокол», «Гу-Га» дилогиясы, «Семирамида», «Падение Ханабада», «Комиссар Джангелдин», «Төртінші Рим» атты прозалық шығармалары, публицистикасы (өткір фельетондары) мен аудармаларымен танымал. Ұлттық әдебиетіміздің көрнекті өкілдері Ғ.Мүсіреповтің «Оянған өлке», І. Есенберлиннің «Көшпенділер» трилогиясын, Ө. Қанахиннің «Жер басып жүрсем» (Н. Ровенскиймен бірге), Д. Досжановтың «Жібек жолы» (Г. Бельгермен бірге) романы М. Симашконың тәржімасы арқылы орыс тілді оқырманның назарын аударды.

Кеңес кезеңінде 1966 жылы жазылған «Емшан» повесінде Мысыр мен Сирияда билік құрған, Мәмлүк мемлекетінің сұлтаны, араб-мұсылман өркениетінің қорғаушысы болған Бейбарыс сұлтан немесе әл-Мәлік әз-Заһир Рукн-әд-дин Бейбарыс әл-Бұндуқтари әс-Салихтың өмірінің соңғы кезеңі суреттеледі. Бейбарыс сұлтан 1223-1277 жылдары Мысырда билік құрған кезде Мәмлүк мемлекеті көркейді. Жетінші кресшілер жорығы мен монғол басқыншыларына ойсырата тойтарыс берілді.

Шығарманың атауына алынған сөздің мағынасы сөздікте былай берілген: «Евшан – по́лынь, др.-русс. *евшанъ* (Ипатьевск. летоп. под 1201 г.), соврем. также *емшанъ* (А. Майков). Из чагат., туркм. *jauşan* – то же; ср. казах. *žūsān*, *žūsan*, башк. *jušan* (Радлов 4, 173), монг. *žuulaŋ*, калм. *zulŋ*; см. Мелиоранский, ИОРЯС 10, 4, 120; Зап. Вост. Отд. 17, стр. IX; Рамстедт, KWb. 480». Профессор Айгүл Исмакова «ем» сөзінің мағынасын «выздоровление, восстановление, то есть обретение себя и своих истоков» деп түсіндіреді [1, 58].

Туған жердің символына айналған бір түп жусан иісі туралы фольклорлық көшпелі сюжет көптеген шығармаларға арқау

болған. «Сказание о траве емшан» аңызында Владимир Мономах туған жерінен қыпшақтарды (половцы) талқандап, Отрок ханды Темір Қақпалардың ар жағына Обезге (Кавказ) қуып жібереді, Сырчан хан Донда қалады, көп қиындықты бастан өткереді. Владимир өлген соң Сырчан хан бауырына жыршыны жіберіп, туған жерге қайтсын деп шақырады, қыпшақ жырын айтуды, туған жердің шөбін иіскеуге беруді тапсырады. Отрок қайтқысы да келмейді, жырды да тыңдамайды. Жыршы жусанды Отроктың қолына ұстатқанда ол шөпті иіскеп, көзіне жас алып, «бөтен жақтадаңқты болғанша өз жерімде ұлтан болайын» деп еліне қайтады. Отроктан иығына қазан көтеріп жаяу жүріп Сулу қаласын алған Қожақ (Кончак) батыр туылады [4, 390-391].

Орыс жылнамаларындағы туған еліне – қазақ халқына қатысты оқиғаларды шығыстанушы, этнограф, географ Шоқан Уәлиханов қызығушылықпен қарастырып отырған. Ол Ипатьев жылнамасындағы емшан (жусан) шөбі жайындағы аңызды ақын досы А.Н. Майковке айтып береді [3, 29]. Орыс ақыны Аполлон Николаевич Майков (1821-1897) адам баласының туған жерімен рухани байланысы жөнінде 1874 жылы «Емшан» деген баллада жазған. Осы тақырыпқа назар аударуы ақынның 1860-1870 жылдардағы ұлт-азаттық қозғалыстардың тарихи кезеңін, соның ішінде татар-моңғол шапқыншылығы мен Киев Русінің дала көшпенділерімен соғысынзерттеуі себеп болған деп те айтылады. Бұл туындысы ақынның «Отзывы истории» өлеңдер топтамасына енген. Ол Императорлық Санкт-Петербург Ғылым академиясының корреспондент-мүшесі болған, Фирдауси мен Хафизді, үнді эпосы «Рамаянаны», Гете мен Гейнені, Мицкевичті аударған.

1201 жылғы Ипатьев жазбасында айтылатын туған жердегі бір түп шөптің қасиеті туралы әңгіме А.Майковтың «Емшан» өлеңінен соң кеңінен таралды [[https://ru.wikisource.org/wiki/Емшан_\(Майков\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Емшан_(Майков))].

Жырдың басында ағайынды Отрок хан мен Сырчан ханның бейбіт өмірі – көшпелі ордалардың Русті жеңіп тойлағаны, жыршының даңқты батырларды ұлықтап жыр арнағаны мен

өзен боп аққан қымыз суреттеледі. Мономах өлген соң Сырчан хан Кавказға кеткен бауырын іздеуге туған жердің жырын естіп өскен елі есіне түсірер деген үмітпен жыршыны жұмсайды. Жырға жүрегі селт етпесе де, бір түп жусанның иісін иіскеген соң Отрок ханның туған жерге қайтатынына сенеді:

Ему ты песен наших спой, –
Когда ж на песнь не отзовется,
Свяжи в пучок емшан степной
И дай ему – и он вернется.

Шынында да алтын шатырда абхаз сұлуларының жанында отырған хан жусанды иіскеп, көзіне жас алады («пучок трав, целуя, плачет»), байлық пен билікті тастап туған жеріне қайтады («Смерть в краю родном милей, чем слава на чужбине!»).

Украин ақыны Николай Воронойдың 1899 жылы Полтавада жазылған «Евшан-зелье» поэмасы ұмыт болған халық жадын қайтаратын ғажайып шөп туралы жылнамадағы аңызға құрылған. Ф.И. Чудаковтың «Евшан-трава» поэмасы жөнінде мәлімет көп емес. Автор 1918 жылы өзі шығаратын «Дятел, беспартийный» журналының алғашқы санында жариялап, өлең Н.К. Воронойдың «Евшан-зілля» поэмасының еркін аудармасы екенін ескертеді [4, 10-19].

Украиндер белгілі аңыздың түрлі нұсқаларын тудырған. «Евшан-зелье» аңызында бір көркем жас жігіт аңға шығады. Биік тауға көтеріліп жүріп абайсызда оқыс құлап, шала-жансар күйінде басқа ауылдың адамдары тауып алып, емдейді. Жас жігіт бөтен жерде бір сұлуға ғашық болады, өзінің кім екенін, ел-жұртын ұмытқан екен. Туған-туыстары жігіттің тірі екенін естіп, еліне қайтару үшін жаушы жібереді. Жігіт туған жерге қайтқысы келмейді. Мұны естіген ата-анасы мен қалыңдығы еңірегенде етегі жасқа толады. Қайырымды бір қарт сиқыршы өтіп бара жатып қайғылы сұлудың көз жасын көріп жаны ашиды, оған ғажайып бір шөпті береді. Жас сұлу жалғыз жолға шығып, сүйген жігіті тұрып жатқан ауылды табады. Жігітке шөпті ұсынады. Ол қалыңдығын танып, есін жиып, еліне қайтады. Бұл аңыз А.А. Кононенконың «Славян мәдениеті,

жазуы мен мифологиясының энциклопедиясы» кітабында келтірілген [https://history.wikireading.ru/406260?ysclid=leyqjnmtp520934123]. Әдеби сыншы, аудармашы Николай Иосифович Федюшко (1889-1919) оны тіпті лақап ат ретінде алған, әдебиет тарихында ол «Николай Евшан» есімімен танылған.

«Емшан» повесіндегі стилдік ерекшелік қысқа суреттеулер көбінесе ақпараттық мазмұнды жай сөйлемдермен беріледі, фольклорлық шығарманың ауызекі сөйлеу стилімен астасып жатады, өте қысқа проза заңдылығымен жазылғаны жазушының шеберлігін айғақтайды. «Это было правильно» деген сөйлем бірнеше рет қайталанады. Фольклордағы жақсылық пен жамандықтың күресіне құрылған шығармада өмірдегі мәңгілік карама-қарсылық жайындағы пәлсапалық пікірлер айтылады.

Шығарма былай басталады: «Султан Бейбарс остановился и сжал кулаки. Слово опять шевельнулось в горле. Он чуть не крикнул его, и горький вкус остался на губах.

Оно всегда было с ним, это слово. Не слово, а чей-то неясный плач. Словом оно стало сегодня утром, когда он открыл глаза, и у него вот также сдавило горло. Откуда оно?...»[5, 446].

«Көке» деген сөздің психологиялық тәсілі ретінде әлемнің жартысын билеген Бейбарыс сұлтанға әсері жойқын болды, осы бір ауыз сөз алқымға кеп тірелген өксік әлде көз жасы, әлде жусанның ащы дәміретінде ұғынылады.

Осы повесті әдебиеттанушылар мен сыншылар қара сөзбен жазылған поэма, баллада, роман ретінде де бағалайды.

«Так слово победило человека... По-разному рассказывают об этом в Красных Песках: путают имена и страны. И русский летописец услышал только один рассказ о белой траве, запаха которой не в силах забыть человек¹. А Красные Пески большие...»[5, 479].

Шығарманың композициясындағы ерекшелік – екі түрлі уақыт кезеңіндегі оқиғаның қатар өрбуі, яғни қазіргі жағдайды суреттеу өткен күнді еске алумен астасып келіп отырады. Көбінесе азат жолды көп нүктемен аяқтауы жазушының көркемдік-стилдік әдісінің өзіндік ерекшелігін танытады.

¹Речь идет о Волынской летописи

Жазушы М.Симашконың шығармашылығы жөнінде арнайы монография жазған С. Ананьева былай деп ой қорытады: «М. Симашко всегда экономно расходовал слова. Редко встретишь на страницах его прозы подробные описания, развернутые пейзажные зарисовки» [2,160]. Сондай-ақ жазушының проза мен публицистикадағы тарих жаңғырығы жөнінде дәлелді толғамдар жасайды.

Мотивтер, бейнелер, сілтемелер, сөздер шығармада көркемдік мән иеленген: мысалы, арыстанды ұрып жасқандырып ит қылу (Турфан жөнінде), Эль-Кахира көшелері, бүркіттің көлеңкесін ғана көргенде қорқатын иттер, қастерлі кесірткелер, т.б.

Морис Симашконың шығармасында кейіпкерлердің портреттік сипаттамасы айқын емес, нақтылықтан гөрі жалпылық басым. Бейбарыстың жасы елуден асса да шымыр денесін суреттеу, күні бойы атқа мініп серуендегенде қасындағы қосшыларына жеткізбей кеткені оның физикалық күш-қуатын айғақтайды. Кейіпкерлердің бет-бейнесі фольклорлық шығармадағы «типтік бейне» секілді трафаретті суреттеледі, психологиялық портреті берілмеген, оның киімі, тұлпары, қару-жарағы сипатталады [7,143]. Әрбір тап өкілі өзінің киім кию үлгісімен ерекшеленеді: билеушілер (күштілер) қызыл етік, әскерилер көк етік киеді, құлдар сол қолына білезік тағып, үстіне көк шалбар, қалың тері белдік, сұр етік киеді.

Өткен күннің елесін еске түсіретін ағаштың жеті бұтақты болуы жайдан-жай емес. Бейбарыс сұлтан камалдың қасына өскен жеті бұтақты ағашты кесуге рұқсат бермейді. Жас кезінде сол ағаштың түбінде құлдық қамытын киген: оның сол қолына Мәлік Салих Әйюбаның белгісі бар күміс білезікті соққан. Тамырыңды білу, яғни өткен күнді ұмытпау жеті бұтақты ағаш арқылы бейнеленеді. «Жеті атасын білмеген жетесіз», «Жеті атасын білген ер жеті жұрттың қамын жер» деген мақал-мәтелдерде ата-баба тарихын білу, генеологиялық шежірені қастерлеу ғана емес, жады концептінің тұлғаның қалыптасуына әсері бағамдалады.

М.Симашко шығармасында ес, жады концепті «есіне түсіре алмады, есіне түсті, бұл оның есінде» деген жолдармен беріледі.

«Просто кусок земли не может быть родиной. Для этого нужно дерево, чтобы оно снилось. Пока оно снится, распилить его будет трудно».

«Емшан» повесінде жусан шөбі туған жерге деген сағыныш символы, әрі жад символы қызметін атқарады. Жусан – А.Майковтың өлеңінде дала символы, туған жер, отан символы. Сайын Мұратбеков повесінде жусан иісі – соғысқа кеткен әкелер мен ағаларға деген сағыныш символы.

Мәмлүк жауынгерлерінің қатыгездігі психологиялық тұрғыда дәл суреттеліп берілгені профессор Асылан Жақсылықов еңбектерінде айтылады [8, 54-55], шығарманың тарихи негізі де тоқталады.

Әдебиеттанушы А. Қалиева мен Р. Маткеримованың «Керуен» журналындағы «Емшан» повесінің геопозитикасы қарастырылған мақаласында көркем мәтіндегі географиялық кеңістіктің символдық мәніне талдау жасалды [9, 199-210].

Бейбарыстың өмір тарихынан эпостық жырлардағы ата-анадан жырақта жалғыз өмір сүретін батырлардың балалық шағына ұқсастық аңғарылады. Ертегілерде, көне эпоста және классикалық батырлық жырларда кейіпкер көптеген қиындықтарды басынан өткізіп барып, хан тағына өзінің күш-жігерімен, батырлығымен, қажыр-қайратымен қол жеткізеді. М. Симашконың шығармасында бұл көрініс мүлде басқа реңкке ойысқан. «Он был доволен, что не было в его жизни отца и матери» [5, 446-479].

«Сират аз-Захир Бейбарс» халық туындысы XX ғасырға дейін ел арасында ауызша тараған, 16 мың беттен тұрады. Ел ішіндегі Бейбарыс сұлтанның өмір жолы туралы аңыз-әңгімелерге құрылған. Басты кейіпкердің ғажайып туу мотиві бар. Бейбарыс ханның, рубасының отбасында туылады, сәби дүниеге келмей тұрып әкесі немесе анасы түс көреді, түсінде болашақ баланың ұлы мақсаттарға қызмет ететіні жөнінде аян беріледі. Ата-анасы мен туыстарынан жырақта өмір сүруге тура келеді. Әкесі Джамақтың қаскүнем туыстары аңға алдап алып шығып, байлап айдалаға қалдырып кетеді. Тағы аңдар жеп кетер ма еді, баланы қойшы тауып алады. Билеуші әл-Малик ас-

Салихтың құтқарушы жауынгер Бейбарыстың билікке келуі туралы сәуегейлігі айтылады [10, 244].

Осындай фольклорлық сюжет Жүсіп пайғамбардан бастап жаугершілік заманда бала күнінде көп қиыншылық көріп хандық билікке жеткен көптеген билеушілердің өмірбаянында кезігетіні, аса қызғылықты сюжетқұраушы элементтің бірі екені белгілі [11, 108].

Ақын Олжас Сүлейменов орта ғасыр тарихын, Еуразиядағы мәдениетке түркілердің зор ықпалын зерттеп жүрген кезде Морис Симашкоға украин мұрағаттарында Қырым базарында құлдыққа сатылып, әскери жасақтарда тәрбиеленген қыпшақ жастары жайындағы материалдарға тап болғанын айтқанын еске алады.

Олжас Сүлейменовтен шығарманың идеясын естіген Морис Симашко Еуразиядағы мәдени-тарихи процестерге түркілердің әсері туралы тарихи тақырыпқа дендеп енеді. Бейбарыс сұлтан жөнінде повестің эпиграфына «Олжасқа», «Степной травы пучок сухой... Л.Майков» деп жазылған.

Любовь Шашкова Морис Давидовичтің Бейбарыс туралы шығарманы жазу турасында айтқан «Төртінші Рим» шығармасында жазған естелігімен бөліседі. Волын жылнамасында сөз болатын көшпелі сюжетке құрылғанын, Аполлон Майковтың «Емшан» өлеңін бала шағынан бері білетінін, жазушы Сергей Марковтан естігенін, досы Олжас Сүлейменовтің Каирде Бейбарыс сұлтан мазарындағы құлпытаста беріш руынан шыққан қыпшақ болғаны жазылғанын көргенін, «Өзге елде сұлтан болғанша, өз елінде ұлтан бол» деген қазақ мақалы әсер еткенін тілге тиек еткен.

Профессор Шериаздан Елеукенов М.Симашконы қазақ халқының тарихында сұлтан Бейбарыс есімі мен ұлт тарихындағы хазар кезеңі жөнінде алғаш жазған, Орталық Азияда тарихи роман жанрының негізін салушылардың бірі екенін ерекше атап көрсеткен, қазақ мәдениетінде өлшеусіз із қалдырған А. Затаевич пен Е. Брусиловскиймен бір қатарға қояды.

Қорыта келгенде Қазақстан халық жазушысы Морис Давидович Симашконың фольклорға ден қоюы, тарих тағылымынан сабақ алғаны «Емшан» повесіндегі фольклоризмдерді саралағанда айқындала түсті. Бұндағы

фольклоризмдерді жазушының сюжетті таңдауы мен сюжет құрауынан көруге болады, бір ауыз сөз («көке») шығарманың өн бойына желі болып тартылған. Кейіпкерді бейнелеуі, түрлі түстерді символдық мәнде қолдануы фольклордағы көркемдеуіш құралдарды қолданғандай әсер қалдырады. Оқиғаны қысқа қайыруға бейімдік жазушының көбіне ауыз әдебиетіне иек артатынын аңғартады. Шығарманың көркемдік, идеялық, стилдік ерекшеліктері фольклорлық сарындар мен мифтік ұғымдарды аллегориялық мақсатта пайдалану шеберлігін танытады.

Әдебиеттер:

1. Шамис (Симашко) Морис. Первые международные литературные чтения, посвященные творчеству народного писателя Казахстана. – Алматы: Мицва, 2021. – 202 с.
2. Былины. Русские народные сказки. Древнерусские сказки / Авторы вступительных статей, составления и комментарии В.П. Аникин, Д.С. Лихачев и Т.Н. Михельсон. – М.: Детская литература, 1989. – С.390-391
3. Саптаева Ш.К. Чокан Валиханов и русская литература: историко-филологические очерки. – Алма-Ата, 1987. – 181 с.
4. Астанина О.И. Отражение образной системы летописного «Сказания о траве емшан» в стихотворениях А.Н. Майкова и Ф.И. Чудакова // Материалы 71-й научно-практической конференции преподавателей и студентов БГПУ. – Благовещенск: БГПУ, 2022. – С.10-19
5. Симашко М. Емшан // Симашко М. Колокол. – Астана: Аударма, 2011. – С.446-479
6. Ананьева С. Морис Симашко: опыт филологического прочтения. – Караганда: Ekozhan, 2014. – 220 с.
7. Путилов Б.Н. Героический эпос и действительность. – Л.: Наука, 1988. – 224 с.
8. Жаксылыков А. Потенциал творчества М. Симашко с точки зрения методических интерпретаций // Шамис (Симашко) Морис. Первые международные литературные чтения, посвященные творчеству народного писателя Казахстана. – Алматы: Мицва, 2021. – С.54-57
9. Калиева А., Маткеримова Р. Геопозтика литературы (на материале повести «Емшан» М. Симашко) // Kereuen. – 2023. – 81(4). – С.199-210.
10. Шаяхметов О. Основные черты героя в арабском народном романе «Жизнеописание аз-Захир Бейбарса» // III Қабдолов оқулары. Қазіргі әдебиеттану мен фольклористиканың теориялық және методологиялық мәселелері: халықаралық ғылыми-теориялық конференцияның материалдары. – Алматы: Қазақ ун-ті, 2010. – Б.240-246
10. Азибаева Б. Қазақ эпосының сюжеттері. Сюжеты казахского эпоса. – Алматы: Servise Press, 2014. – 576 с.

РЫБЧЕНКО-ДЕМЬЯНЕНКО ЕВГЕНИЯ

Трансформация образа камня в повести М. Симашко «Хадж Хайяма» и в романе Ф.М. Достоевского «Подросток»

Небольшая повесть М. Симашко «Хадж Хайяма» рассказывает о детских и юношеских впечатлениях известного восточного учёного и поэта Омара Хайяма, становлении его мировоззрения и мировосприятия, как и четвёртый роман из великого пятикнижия Ф. М. Достоевского «Подросток», в котором автора-писателя XIX века волнуют схожие проблемы и вопросы, ответы на которые пытается найти Аркадий Долгорукий, девятнадцатилетний юноша.

Предметом нашего исследования мы выбрали образ камня, используемый писателями для выражения в романе Достоевского идеи (как смысла жизни) и у Симашко – веры как закона религии.

В творчестве Ф.М. Достоевского те, или иные идеи, носителями которых выступают отдельные персонажи, на лексическом уровне проявляются в именах героев. Как отмечает С.А. Скуридина, ссылаясь в свою очередь на Т. Касаткину, Андрею Петровичу, Андрею (с греческого – муж, каменный идол) и поклоняются как идолу. Аркадий напишет с изумлением: мать, сестра, Татьяна Павловна и всё семейство покойного Андронникова, состоявшее из бесчисленных женщин, благоговели перед ним, как перед фетишем [1]. Имя Пётр (и производные от него Петрович, Петровна) в переводе с греческого –камень. Исследователь романа «Преступление и наказание» приводит в качестве примера персонажа, носителя идеи о двух кафтанах. Это Пётр Петрович Лужин.

В романе Ф.М. Достоевского есть персонажи с отчествами, образованными от этого имени: Порфирий Петрович, Марфа Петровна. Отчества, как и имя Пётр, даны им не случайно, а в связи с определённой идеей или верой. Например, Марфой Петровной движет идея спасти Свидригайлова. Порфирий Петрович, следовательно, защищает интересы государства. Имя Порфирий намекает на царскую дорогую одежду – порфиру.

В чём же состоит идея для главного героя в романе «Под-росток»? Идея перекликается с образом камня, с таким качеством камня как покой: «...А отчасти моя идея именно в том, чтоб оставили меня в покое. Пока у меня есть два рубля, я хочу жить один, ни от кого не зависеть...и ничего не делать, – даже для того великого будущего человечества...Личная свобода, то есть моя собственная-с, на первом плане, а дальше знать ничего не хочу...» [2, с.48].

В силу сложившихся обстоятельств герой романа Аркадий Долгорукий жил «в людях», отдельно от своей семьи, этим обусловлена его тяга и дальше быть самостоятельным, ни от кого не зависеть. Соответственно, поэтому ему чужда заповедь «возлюби своего ближнего как самого себя», он выражает своё не согласие: «...Да зачем я должен любить моего ближнего или ваше там будущее человечество, которое я никогда не увижу, которое обо мне знать не будет и которое в свою очередь истлеет без всякого следа и воспоминания (время тут ничего не значит), когда в ледяной *камень* Земля обратится в свою очередь и будет летать в безвоздушном пространстве с бесконечным множеством таких же ледяных камней, то есть бессмысленнее чего нельзя себе и представить! Вот ваше учение! Скажите, зачем я непременно должен быть благороден, тем более, если всё продолжается одну минуту» [2, с.49].

Внутреннее, подсознательное ощущение никому ненужности, одиночества подростка переносится на восприятие всего мира, всей земли. Аркадий Долгорукий за изложение своей идеи и откровенных мыслей получает в ответ от общества молодых людей, собравшихся у Дергачёва «бесцеремонный залп хохота». Недобрый смех одноклассников слышит маленький Хайям, когда Садык забирает у него свиток после того, как увели отца Хайяма.

Рассмотрим употребления слов *камень*, *каменный* в повести М. Симашко: «Мёртвый камень отражался в глазах человека»; «Человек смотрел на камень»; «Было жарко, но камень был холодный». Слово *камень* употреблено в прямом значении. Дополнительно идёт постижение свойств камня маленьким мальчиком. В последнем случае камень не может согреть даже солнце. Таким образом, с самых первых строчек повести заявлена

тема камня. Она, как основная тема, будет развиваться в продолжении всей повести. Этой, «безучастной» к миру людских страданий теме, будет противопоставлена тема живой жизни, выраженная в движении насекомого: «...Остывшая за ночь крыша, вмазанный в крышу стебель джуары. Чёрно-красный муравей полз по жёлтому стеблю ...». Если рассматривать две темы с точки зрения музыкальной терминологии, то можно применить в этом случае сравнение с музыкальным контрапунктом. Постепенно в каменную тему включается изображение людей и тема религии: «...А в саду молился старик. Он стоял *неподвижно*. Пророк учил, что, прежде чем обращаться к богу, следует посмотреть на созданный им мир...».

Концепт камня в повести включает в себя негативный контекст и связан с ударами, битьём ребёнка. Глаголы *били*, *молился* находятся в рядом стоящих предложениях: «...Мальчика уже били те, кто сильнее. Но старик молился в их саду. Это была первая несправедливость именем Бога. Та, что раскалывает мир». С первой страницы повести автор показывает господство насилия в мире, что выражено глаголами прошедшего времени, используемыми в негативном значении: *били*, *убили*, *забрали сад*. И всё это при молчаливых свидетелях: «...Тёмно-серые башни Шахристана *неподвижно* висели в горячем воздухе. Ах да, и сказители слов Пророка убили младшего брата султана. Люди из Шахристана увели гончара, у мальчика похолодело внутри... А учитель говорил о необыкновенных людях. Они не признавали единого Пророка и убивали правоверных... И несправедливость именем Бога перестала быть немыслимой... Младший брат мешал старому султану. Молодого, приветливого, его любили...».

Забирают отца перед второй молитвой: «Чёрные капли крови остались в горячей пыли. Мальчик обошёл эти капли... И мальчик вспомнил. Это было сразу после того, как убили брата султана...». Плоское лицо шейха, который не смотрит в сторону мальчика, переключается с *камнем*. Звучит риторический вопрос: «А вот какие глаза были у шейха?» [3, с. 401]. В этом небольшом отрывке текста глагол *убили* встречается четыре раза. Следовательно, немирная, опасная для формирования

неокрепшей души атмосфера присутствует в жизни ребёнка. В этом мире попирается любовь. Того, кого любят, убивают. Не-здоровая обстановка царит и в детской среде, в школе, куда ходит маленький ученик: «...Холодный голос длинного Садыка. Тот подговаривал закатать его в кошму и бить ногами, так велит вера поступать с отродьем предателя. Его не побили. Но тогда Садык отобрал у него свиток, все вокруг скакали и смеялись...». В данном случае дети проявляют злорадство к слабому и обиженному, показывая поведением низкий животный инстинкт.

Злобному Садыку в повести противостоит ясноглазый Бабур, который на улице гладит его руку. Маленький Хайям видит белые зубы всадников, а потом сомневается: «...Может быть, у лошадей белели зубы. И вот сосед перешагнул арык. Пройдя из конца в конец, он показал прислужнику, где сажать розы. И снова в памяти выплыло плоское лицо. Какие все же у шейха были глаза? [3, с.402]. Сознание мальчика хочет найти что-то живое, человеческое и у значимого человека, каким являлся шейх, но не находит ...

Возвращается домой отец. И вновь бросается в глаза неподвижность соседа: «Старик в саду стоял *неподвижно*. Снова опускался на колени, выбрасывал вперёд руки и прижимался лицом к земле...». Мальчик замечает видимое, показное послушание Аллаху. В его памяти продолжают «капать тёмные капли крови в серую пыль. Шейх по эту сторону арыка. Там, где всегда молился отец». Шейх забрал место отца. Отец поднимается на крышу и молится, так же выкидывая руки вперёд и прижимая лицо к земле. Мальчик видит, что одинаково молится имеющий право и бесправный. Какие чувства испытывает ребёнок? Чувство бесправия, унижения, страха. Он пытается понять бога и видит, что все окружающие его люди молятся одинаково: «Где-то там был подаренный богом *Камень*. Первый холод голой формы заставил поёжиться мальчика... Чёрно-красный муравей полз по жёлтому стеблю...». Этот муравей показывает мальчику другую, живую жизнь, не подвластную шейхам и садыкам.

Автор передает борьбу взрослого человека с тем давним страхом, который сидит в нём с детства и проявляет себя, когда взрослый Хайям выходит из каменных ворот великого города,

боясь, что они сомкнутся. Но они не сомкнулись: «Он должен был сам подавить своего бога. Селение за селением, год за годом шёл он сюда. Они хотели утвердить этим торжество своего Вечного *Камня*».

В этом, осознаваемом героем желании мы наблюдаем протест, направленный против тенденции умертвить живое слово Бога и саму сущность веры как живого общения с Богом: «...Разве боги *каменеют*? Недаром же пророк запретил называть само имя бога!... А он никогда не знал бога геометрически точно. Даже мальчиком в то бесконечно далёкое утро, на крыше. Черно-красный муравей на сухом стебле прошёл через всю его жизнь... Видения Бога не было...» [3, с.402].

С этого места у Хайяма начинается движение от мёртвого бога к живому Богу: «Его всегда волновал Пророк. Человек со строгими глазами и высоким лбом, знающий истину и передающий её людям... Он всегда понимал того Пророка, который реально проступал сквозь время и миражи чужой, далёкой пустыни. Но Пророк менялся... Не мог Пророк оставаться прежним, если сошлись в бесконечности две параллельные линии, вошла в жизнь ничтожная и недостижимая Рей, а холодный *камень* всё острее проявлялся в своей вечной арифметической тупости». Вывод можно сделать такой: *камень* мешает жизни. Живой жизни. В романе Ф.М. Достоевского «Подросток» эта живая жизнь представлена в образе госпожи Ахмаковой, в которую, позабыв «свои *камни*», влюбились и отец (Версилов), и сын (Аркадий Долгоруков).«...Пророк в детстве справедливый, с белой бородой, раны от острых камней приближали Путника к живому Богу, лишь в мягком голубом отражении». И вот цель достигнута, он стоит перед святым *Камнем*.

«...*Камень* был послан людям в знак вездесущей реальности Бога. Но почему же *камень*? Зачем нужно было Пророку облекать истину именно в эту форму? Человек посмотрел вокруг. О чём думали сейчас эти люди перед Святым *Камнем*? Зачем шли сюда, сбивая ноги, через горы и пустыни? Что принесли своему ошутимому богу? Каждый маленький бабур вспоминал здесь свою жизнь... но почему они плакали, о чём тосковали? Он снова смотрел на *камень*...». Таким образом, у большинства людей

через *камень* осуществляется молчаливый диалог с Богом и со своей жизнью, вспоминая которую, они плачут. И этот Бог, которого запечатали в *камне* и умертвили, начинает оживать. Мотив жизни вступает в свои права: «Жизнь была в другом. Привычные бабуровы реальности сразу теряли смысл. Всё здесь было относительно: время, пространство, равновесие. Заискрились синие волны ассоциаций. Но чёрно-красный муравей всё полз по жёлтому стеблю». Воспоминания детства «о черно-красном муравье сопровождают его постоянно, как и стынувшие серые стены Мерва. И считается, на наш взгляд, правомерным сочетание в архитектонике повести М. Симашко двух цветов – черного и красного» [4, с.145].

Воспоминания о муравье – подтверждение того, что жизнь идёт вперёд, она продолжается. Для Хайяма её продолжение – в научных занятиях и новых открытиях: «Две параллельные линии сошлись не скоро. Он всегда знал, что они сойдутся. Это было в нём. Знак не хотел *каменеть*...Таинственная симфония переменных величин...Отвлечённая алгебра смыкалась с геометрией, утверждая поэзию непрерывного движения. Молнии диалектики взрывали арифметическую тупость!».

Получается, тот, запечатанный в *камне* Бог, которого для удобства придумали себе люди, мешает не только в повседневной жизни, но, проникая консервативным обывательским подходом в точные науки, препятствует их развитию: «...Этот холодный *камень* – и теория переменных величин, к которой он привёл математику! Как совместить камень с идеей движения? Его алгебра была уже научным искусством. Мог бы он дать ей такое определение, если бы не разработал “Трактат по теории музыки?”». Идея *камня*, как предмета застывшего, противостоящего идее движения, раздражает Хайяма как учёного. Его душа жаждет поддержки и понимания. Он находит их в хадже, в страдающих глазах Пророка: «...Ни один лист древесный не падает без его ведома, всякому, имеющему душу, надо умереть, соответственно книге, определяющей время жизни...Книга! А как же непрерывное движение? Не по прямой, а там, за барьером, где сходятся параллельные линии! Почему же тогда он всё глубже верил Пророку? Не потому ли, что глаза Пророка становились

человеческими? Где-то в глубине их угадывалось страдание...» [3, с.406].

Через хадж и размышления, а также через живые глаза Пророка поэту открывается живой Бог. На этом пути реальные *камни* пустыни ранят ноги, Хайям через физическую боль рук и ног постигает истинного Бога: «...Сколько раз разбивал он руки о *камни*. Дробились пальцы, ногти срывались, открывая беззащитное мясо. Было больно, и он кричал...Что руки! Живой кровоточащий Бог бился в *каменном* квадрате! Бог был вечным обновлением. *Камни* стыли» [3, с.406].

По нашим наблюдениям, в повести М. Симашко герой пытается постигнуть идею *камня* как идею Бога. Его познание, как показывает нам автор, движется от ритуальной молитвы к анализу поступков взрослых, почти всегда неразумных, несправедливых, нарушающих Божьи заповеди. Он переживает от несогласия с тем, что происходит вокруг, от всей объективной реальности к познанию живого и страдающего Пророка.

Подобным образом в романе Ф.М. Достоевского «Подросток» у главного героя Аркадия Долгорукова происходит познание живой жизни через любовь. Это прежде всего любовь к своему отцу, который был у него в детстве, а потом оказался утрачен и вновь обретён. Это любовь к матери, сёстрам, к оставшемуся сиротой ребёнку, опеку над которым взял Версильов, и, конечно, к загадочной, непонятной Княгине, которую подросток считает главным врагом своего отца. Это высокое чувство способствует постижению божественных истин и в повести М. Симашко: «ничтожная», по меркам человеческого мира, Рей своим искренним смехом буквально «смывает» «загрязнённое» восприятие её Хайямом. Идея *камня* как предмета застывшего, противостоящего идее движения, раздражает Хайяма-учёного, ибо начинает мешать свободной мысли.

В «Подростке» отец для Аркадия – загадка. Здесь применим образ *камня* как предмета закрытого, не поддающегося познанию. С.А. Скуридина также отмечает: «В романе “Подросток” *камень* не висит в воздухе, а закопан в землю, что разрушает представление о камне как о могильной плите, то есть *камень* может быть сам спрятан, похоронен. Последнее наблюдение

отражено в аллегорическом рассказе владельца квартиры, нанимаемой Аркадием, который был внимательно выслушан Версильовым: приказание государя убрать *камень* было выполнено – крестьяне закопали *камень* в яму...[1, с.2014]. В другом месте С.А. Скуридина отмечает: «Кстати Васин в разговоре с Аркадием об отказе Версильова от наследства, говорит о существовании пьедестала, в этом поступке и с этим мнением соглашается Аркадий: “Даже если тут и пьедестал, то и тогда лучше, пьедестал, хоть и пьедестал, но сам по себе очень ценная вещь”. Таким образом, в ходе повествования мы наблюдаем исполнение в жизни героя того наблюдения в евангелии от Матфея, относящегося к фарисеям: “Ибо кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится”» [5, 23.12].

Письмо княгини Екатерины Николаевны Ахмаковой, в котором она указывает на недееспособность своего отца, благородного, почтенных лет князя, является тем порочившим её в глазах света документом, который подросток носит с собой, в подкладке сюртука, и который можно рассматривать в поэтике романа как *камень за пазухой*, хотя при встрече с княгиней он уверяет её, что документ уничтожен. Аркадию нравится наслаждаться своей властью над страдающей и трепещущей гордой светской красавицей, попавшей в положение жертвы.

Два автора – М. Симашко в XX веке и Ф. Достоевский в XIX веке поднимали вопрос о времени и сознании. Как человек воскрешает время в своей памяти, как он оживляет те события, которые когда-то с ним происходили? Почему какие-то события не уходят из памяти, не стираются за давностью лет, являясь своеобразными «кирпичиками» того фундамента, который и будет составлять ядро личности любого человека? В повести М. Симашко таким временным контрапунктом является повторяющийся эпизод с ползущим по жёлтому стеблю чёрно-красным муравьем. Этот эпизод из далёкого детства, периодически возникающий в сознании уже повзрослевшего Хайяма, утверждает непрерывность движения времени и в то же время повторяемости явлений жизни. Трансформация образа *камня* происходит от осознания застывших правил жизни и отживших религиозных догм через познание самой жизни и её законов.

В романе Ф.М. Достоевского «Подросток» показано взросление молодого человека через познание отношений между людьми и постепенной замены идеи «стать Ротшильдом» на идею восстановления «благообразия» мира и любви ко всем людям.

Литература:

1. Скуридина С.А. «Каменные» имена в творчестве Ф.М. Достоевского // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета // <https://cyberleninka.ru/article/n/kamennye-imena-v-tvorchestve-f-m-dostoevskogo/viewer>.
2. Достоевский Ф.М. Подросток. – Л.: Наука, 1975
3. Симашко М. Хадж Хайяма // Симашко М. Избранное: «Маздак», роман, «Искушение Дабира», роман, «Повести Красных и Черных песков». – Алма-Ата: Жазушы, 1983. – С.400-423
4. Ананьева С. Морис Симашко. Опыт филологического прочтения. – Караганда: Ekozhan, 2014. – 220 с.
5. Евангелие от Матфея 23.12.

РЫБЧЕНКО-ДЕМЬЯНЕНКО ЕВГЕНИЯ ДОЛГУШЕВА ТАТЬЯНА

Нравственный выбор в повести М. Симашко «Искушение Фраги»

*Мы сами выковали чаши добра и зла.
В них судьбы наши.
Скажи, Фраги, какая краше.
Пока нам время не пришло!
Махтумкули*

Морис Симашко не раз в своём творчестве обращался к туркменской теме, не единожды в своих романах и повестях описывал пейзаж этой земли, её Чёрные пески, её дикие средневековые законы и обычаи. Как настоящий художник Слова с болью и горечью описывает писатель невыносимые страдания простых людей, которые кровью и потом оплачивали своё бытие на этой суровой, но любимой земле.

Одно из таких произведений – повесть «Искушение Фраги», которая была написана в конце 50-х годов прошлого века и впервые опубликована в 1960-м году в журнале «Новый мир». Она посвящена, как пишет З. Кедрина в Предисловии к сборнику произведений писателя, классика туркменской поэзии Махтумкули, который жил и творил в восемнадцатом веке. Исследователь отмечает: «В этой повести углубляется образное исследование традиций гуманизма и народности в истории Среднего Востока. Рисуя диалектику характера великого поэта – гуманиста и просветителя, писатель как бы разрабатывает идейно-эстетическую почву для собственного понимания и изображения прогрессивных сил и движений прошлого, учится видеть мир глазами своих героев, приближая их к современному читателю не за счёт подтягивания их к современности, обеления или очернения деятелей далёких времён, а за счёт глубин раскрытия реального исторического конфликта и противоборствующих в нём общественных идей и индивидуальных характеров. Он ведёт своего читателя вглубь веков и заставляет принять и почувствовать чужую ему психологию человека и общества не как экзотическую данность, а как реальную живую жизнь» [1, с.7]. Автор погружает читателя в эту жестокую и суровую реальность и раскрывает некоторые изменения внутреннего психологического состояния главного героя Фраги, которому необходимо сделать нравственный выбор в непростой ситуации.

М. Симашко в начале повествования представляет весь цвет правителей родины поэта того времени, и все они вызывают отрицательные эмоции не только у Фраги, но и у читателя: «Поэт заметил, что губы его кривятся, как у хозяина дома. Он невольно повторял жесты, движения людей, когда хотел понять их... Думая за другого, он порой забывал о себе.

Но с Сеид-ханом это не получалось. Он мог в точности повторить каждое его движение, но что думал этот человек, не представлял себе. И не потому, что очень уж сложным был Сеид-хан. Его желания просты и ясны для каждого, как желания любого зверя, который хочет рвать зубами живое мясо. Просто они совсем разные люди – поэт и правитель этого края» [1, с.337].

В этих строках сравниваются поэт и правитель как люди не только разные, а совершенно не совместимые, что и покажет весь дальнейший ход повествования. Изначально они противопоставлены своим социальным положением, что и обуславливает вечную проблему поэта и власти, к которой прикоснулся в этой повести автор.

Правитель Сеид-хан представлен как трусливый, ничтожный, кровожадный человек: «Страшная власть над людьми, над их жизнью и смертью, детьми и имуществом сделала этого человека таким, каким стал Сеид-хан. И как быстро начинают верить ничтожные, злые люди, что они родились повелевать» [1, с.338]. Другие участники совета, мало чем отличаются от Сеид-хана: «Вот по правую руку Сеид-хана тяжело опустился на подушку Какабай-ага – гора разбухшего мяса. Это давнишний друг и, кажется, родственник Сеид-хана. За спиной его неслышно присел тощий Мухамед Порсы, его верный помощник. Время от времени он что-то шептал хозяину, и тот жмурился. Этого хитрого шакала ненавидели и боялись больше самого Какабая – правителя города и окрестных аулов. Все знали, что Мухамед, как хочет, вертит своим заплывшим от обжорства ленивым хозяином.

Слева от Сеид-хана сидел Дурды-хан, свирепый властитель горного края. Маленький, злой, он чем-то был похож на Сеид-хана» [1, с.338]. Видим, что в них подчёркивается звериная и порочная сущность (обжорство, лень, жестокость).

Поэт Махтумкули известен в мировой литературе как тонкий лирик, воспевающий неземную красоту своей возлюбленной и свои пылкие, очень сильные любовные чувства и переживания, которые он воплощал в поэтических строках. Любовь поэта к девушке Менгли звучит почти в каждом его стихотворении. Так, в стихотворении «Две луны» читаем такие трогательные строки о любви:

И каждый день, и каждый миг
Тебя лишь славит мой язык.
И петь, и плакать я привык,
Но речь влюбленного бедна...

Ты мне надежд не подаёшь,
Твоей любви отточен нож.
Шутя ты кровь безумца лъёшь,
Тоска моя тебе смешна...

Махтумкули ослеп от слёз,
В любви своей, как водонос.
Он воду пролил, не донёс.
И жизни даль темным-темна [2, с.72-73].

Махтумкули представлен ещё и как мулла – человек, на земле претворяющий волю Всевышнего, открывающий эту волю простым людям. В окружении правителя Сеид-хана был и человек из святого рода, стоящий далеко от святости: «... Уверенный в себе, прямо и важно сидел на подушках чернобородый, узкоскулый Ходжамурад-ага. Сам Сеид-хан почтительно передавал ему пиалу с чаем. Небольшой род Ходжимурад не платил никаких налогов, не выставлял даже всадников для шахских набегов. Сам пророк Мухамед считался его основателем. И люди Ходжамурада во время кровавых войн ездили в Хиву, Бухару и Иран. Никто не смел поднять на них руку. Это был род святых ишанов и купцов.

Но поэт знал, что святой Ходжамурад-ага ещё в молодости утопил в Атреке двоюродного брата, стоявшего на его пути к власти. А совсем недавно его поймали с чужой женой, и он откупился от мести жизнью невинного человека. Шепотом говорили об этом друг другу в городе» [1, с.339].

В глубине души поэту льстит тот факт, что его позвали на совет правителей, он также ловит себя на мысли, что ему приятно, когда Сеид-хан милостиво с ним шутит. А по дороге домой он думает о слабости человека, поскольку тот подвержен лести и искушению. Около дома он встречает соседскую, выросшую на его глазах девочку, которую обручили с Ходжамурадом, о чём свидетельствовало кольцо на тонкой проволоке на её шее.

Мухамед Порсы, помощник правителя города и тайный заправщик Мухамуткули, выступает в роли искусителя, так как предлагает поэту написать хвалебную песню в адрес Сеид-хана:

«...И как всякий неудачник, он жестоко ненавидел людей, которым дал аллах высокое искусство владеть словом. Ничего нет страшнее и мучительнее этой ненависти. Как змея, сосёт она и гложет сердце завистника, и нет ей утolenия... Сколько подлостей делал ему этот тощий желтолицый человек! Но вот сейчас он хвалил поэта, и тому это нравилось. Не таким уж ничтожным начинал казаться ему Мухамед. Поэт снова подумал о слабости человека»[1, с.343]. Фраги приятно слушать хвалебные речи в свой адрес, и он не считает преступлением против своей совести воспеть кровожадного хана.

Однако мы видим внутренние терзания поэта, который поначалу отвергает это предложение, а потом все же принимает его и пишет дифирамбы: «Нет, не напишет он! Пусть не думают, что у благородного волка выпали зубы! У него снова сжались кулаки. Он вскочил на ноги и заходил по мягкой кошме. В голове лихорадочно рождались гневные, едкие слова. Но поэт обманывал себя. В глубине души он уже знал, что напишет стихи к празднику Сеид-хана. Он знал это, как только заговорил Мухамед» [1, с.344]. Поэт пытается найти компромисс: описать обычную охоту и не затрагивать опасные стороны правления Сеид-хана. Взгляд Фраги на хана иллюзорен, так как он надеется на то, что, прочитав хвалебные строки о себе, правитель захочет быть “хорошим и добрым”» [1, с.345].

В этом поступке воспевания хана великий Махтумкули сродни пушкинскому поэту в стихотворении «Чернь», в котором певец представлен «рассеянным» в момент творчества. Полагая, подобное «рассеянное» состояние владеет и Фраги: поэт пишет хвалебную песнь на заказ, но она не затрагивает его истинных сердечных переживаний. Осуществляя это творческое действие, он предаёт себя и своё искусство. По мысли А.С. Пушкина, в стихотворении «Чернь» поэт поёт о следующем:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Как и чернь в пушкинском стихотворении, окружение Фраги не понимает и не ценит истинного назначения поэта и поэзии, считая поэта и его искусство прислужниками власти. По мнению исследователя И.Д. Ермакова, «у поэта цель одна – предаваться своим переживаниям. Чернь такой цели не понимает и не может ей сочувствовать, но ничего не может сказать в свое оправдание перед собой и поэт. Своим выступлением он нарушил молитвенное настроение и только еще более отдалил от себя чернь, так как он ничего не имеет сказать черни кроме брани; где же его молитвы» [3, с.13].

Однако донести до адресата свои песни он не успел, потому что по дороге Фраги встречает покалеченных детей, сидящих на лошадях, едва держащихся на ногах от жажды и усталости. У детей вместо кистей рук были кровавые белые тряпки: «Это было до того противоестественно, что крик замер в горле. А они все ехали, безмолвные йомудские мальчики. Там, где у всех запястья, у них краснели клочья ваты. Всадники хана Хивы обрубили им руки, чтобы никогда не смогли они держать кривые сабли» [1, с.345].

Лошади «прониклись детским горем, они охраняют изуверченных йомудских мальчиков (конские копыта осторожно опускаются в мягкую пыль. ... Дети не удивляются ничему и лишь напряженно смотрят вдаль. Лошади проявляют беспокойство, поводят ушами, не понимая происходящего. “Лошади не помнили случая, чтобы после тяжелой дороги в песках их не поили и не кормили в зеленых селениях” ... Лошади будто все поняли, они не могут обвинить людей в трусости, они лишь могут увезти детей дальше»[4, с.142]. С.В. Ананьева отмечает прием противопоставления, к которому прибегает не единожды автор. *Леде-нящее* кровь молчание людей, боящихся послушаться наместника Каджаров, и *теплая* пыль, по которой осторожно ступают лошади, оберегая детей.

Падающая, обессиленная от зноя лошадь, в «кротких, безумных глазах» которой стояли слезы, – «последняя капля, переполнившая душу поэта. Поэт безмолвно, только взглядом повелевает толпой. Сеид-хан “молчал и только сощурившись смотрел на

поэта”. Детей разбирают и увозят в разные стороны. И вновь живое, яркое солнце светит над землей. С упавшей лошади Фраги снимает больного мальчика и несет к себе в дом» [4, с.142].

И вот появляется Менгли как олицетворение молодости и любви: «После многих лет скитаний он снова встретил Менгли. В груди шевельнулось что-то, заныло сладкой болью. Но не эта самая обычная женщина с узким лбом и широкими скулами была тому причиной. Просто он вспомнил молодость. А потом он каждый день встречал Менгли, и в груди его было пусто. Где-то в юности затерялась стройная темноглазая гокленка, единственная на свете» [1]. Но эта любовь, как и молодость, осталась в прошлом, которое живет теперь только в воспоминаниях.

А что в настоящем? Кругом слезы, страдания, кровопролитие, борьба за власть: «Слезы и кровь текут по земле. И Фраги плачет с вами, люди. Это слезы Фраги и кровь Фраги. Потому что он – человек...

Он сам не заметил, откуда пришло это слово: Фраги – Разлученный со счастьем. Но никаким другим не назовет он себя отныне. Ведь рядом был безрукий мальчик.

И Фраги не только плакал. В раскаленных словах обнажал он ужас жизни... Поэт не мог с ним мириться...» [1].

Молодой текинец, юноша со спокойными глазами, просит соединить его с возлюбленной, той самой девушкой, которая была обручена с Ходжамурадом. Мулла Фраги от всего сердца, очень ответственно совершает канонические молитвы для соединения жизней двух влюблённых. Этим поступком он возвращает себе ощущение ценности своей личности как человека. Возлюбленная поэта Менгли согласилась быть поручителем со стороны девушки, обрученной с другим. Видим, как в поэте возрождается суснувшая любовь к Менгли: «Ему вдруг до боли в груди захотелось увидеть Менгли. Она вспомнилась ему такой, какой была в их первую встречу. Неужели этот больной ребенок разбудил дремавшую в нем жизнь?! Все сегодня было не так, как в последние годы» [1].

Был ли получен её родителям калым, вернули ли его родителям жениха, читатель не знает, об этом в произведении не

говорится. При этом Фраги не мог не осознавать того, на что он обрекает уже обрученную девушку. Но его как поэта завороживали глаза спокойного и сильного батыра, к тому же им овладели вспыхнувшие с новой силой чувства к Менгли: «Спать он не мог. Со своей вечной Менгли, с самой юностью виделся Фраги в эту ночь там, у арыка. Он снова переживал горечь разлуки, безумно ревновал её к другому, сильному и богатому. Рывания душили ему горло, как и тогда, перед вынужденной поездкой в Хиву» [1, с.351]. Искренние молитвы и обряд, совершённый в присутствии четверых человек, не помогли избежать последующей трагедии.

Название произведения «Искушение Фраги» отсылает нас к диалогу с автором: одобряет ли он выбор главного героя? Считаем, что на это нарушение его подтолкнули физические страдания безрукого ребёнка, которые возвращают его самого к душевным страданиям о потерянной навсегда любимой:

Ты мне надежд не подаёшь,
Твоей любви отточен нож.
Шутя, ты кровь безумца льёшь,
Тоска моя тебе смешна...

Поэт, находясь рядом с мальчиком, лишённым рук, испытывает подобную боль от потери своей любимой. Именно эти душевные страдания заставили его пойти на нарушение обряда обручения, однако Фраги не думал о том, что его поступок перед лицом Аллаха приведёт к убийству девушки: «Заслонившись от ветра черными бурками, грелись у костра бородатые гуламы. Время от времени они поглядывали на поэта. А Фраги по-прежнему стоял, прижав к себе мальчика. Оба они не спускали глаз с высокой груды камней на дороге... Он так верил в спокойные молодые глаза юного батыра, что не мог поверить в смерть. Мысли гудели в голове, как этот холодный, свирепый ветер. Но ни разу не обратились они к небу» [1, с.356].

Выступая представителем Аллаха на земле, Фраги формально сделал всё правильно: совершил брачный обряд. Он искренне полагал, что возможно земное счастье двух влюблённых, но ро-

довая знать не признала этот обряд, поскольку он противоречил законам, не простила их нарушения: «Спокоен, как всегда, был лишь святой Ходжамурад-ага. Он поднимал камень за камнем и бил теперь одну лишь девушку. Громадный, злой, подлый старик убивал её за то, что она не захотела его объятий» [1, с.355].

В финале повествования толпа и родовая знать смотрят на Фраги: «Что для них слово бога! И что это за слово, которое так послушно воле этих людей!.. Все они смотрели на него: надменный Сеид-хан, тупой Какабай, слюнявый Хошгельды-хан, огромный Ходжамурад-ага. И со всех сторон глядели на него люди. Разные были у них глаза: злые и добрые, тупые и умные, мутные и честные. Прямо перед ним, как две черные звезды, блестели огромные девичьи глаза» [1]. Глаза девушки сравниваются со звёздами, подчёркивается неземная её красота, и ход событий показал недолгое пребывание её в земной жизни. А всем остальным представителям сильных мира сего придётся учить земные законы жизни, данные Богом.

Мог ли такой трагический исход предвидеть Фраги? Возможно, нет, поскольку он был лучшего мнения об этих людях, в том числе и о святом человеке Ходжамураде. В конечном итоге Фраги оказался невольным соучастником преступления.

Таким образом, главный герой повести превысил свои полномочия как духовного лица, идя вразрез с реальностью жизни. Он оказался ослеплённым возродившейся с новой силой любовью к Менгли, и это состояние явилось причиной того, что добрые намерения обернулись трагедией. По нашему мнению, в этом состоит очередное, но непобеждённое искушение Фраги. Современным звучат слова Махтумкули о том, что «мы сами выковали чаши добра и зла» [5]. Балансируя между добром и злом, человек должен уклоняться не только от видимого зла, но и от кажущегося добра, которое в конечном итоге может обернуться злом.

Литература:

1. Симашко М. Искушение Фраги // Избранное. – Алма-Ата: Жазушы, 1983. – С.337-360
2. Махтумкули. Избранная лирика. Сост. Ш. Шамухамедов. – Ташкент, 1977. – 80с.

3. Ермаков И.Д. Этюды по психологии творчества А.С. Пушкина (Опыт органического понимания «Домика в Коломне», «Пророка» и маленьких трагедий). – Москва–Петроград, 1923. – С.7-14
4. Ананьева С. Морис Симашко. Опыт филологического прочтения. – Караганда: ЖК, 2014. – 220 с.
5. Махтумкули. Добро и зло (Перевод А. Тарковского) // Поэзия народов СССР IV-XVIII веков. – М.: Художественная литература. – 1972. – С.601

САБЫРЖАНОВА МЕРЕКЕ

Концепт «Родина» в художественных произведениях казахстанских авторов о Султане Бейбарсе

В современной гуманитарной науке концепт является смысловым значением имени (знака). Концептологию исследует, преимущественно, когнитивная лингвистика. Понятие *Родина*, как культурный концепт, получает междисциплинарный статус, так как активно изучается лингвокогнитологией и лингвокультурологией, характеризуясь этносемантической спецификой.

Повесть Народного писателя Казахстана М. Симашко «Емшан» о том, как вывезенный в детстве из родных степей правитель Египта бросает «свой забрызганный кровью трон» и возвращается простым странником к своему народу, чтобы разделить его трагическую судьбу. Любовь Бейбарса «к родной земле, верность обычаям предков и запаху горькой степной травы – так выстраиваются основные концепты повести М. Симашко “Емшан”» [1, с.158]. И *горечь полыни* на губах, тот пуд соли из Туркмении и Казахстана. Так автор сам обозначает еще один культурный концепт прозы.

Запах степной травы емшан как составляющий элемент концепта *Родина* прозвучал у М. Симашко в повестях «Хадж Хайяма» и «В Черных песках», в романе «Маздак». Полынь и степная колючка – символы пустыни в исторических и публицистических произведениях М. Симашко.

Великие мыслители прошлого всегда помнили свою Родину. Аль-Фараби, герой повести Д. Досжанова «Фараби», стремится понять тайну мира, но Родина всегда в его сердце: «Он тосковал по ней и днем, и ночью, пределом его мечтаний было хотя бы

издали взглянуть на нее...». Так же тоскует о родине султан Бейбарс, правитель Египта, достигший вершины власти. Он «порывает со славой, ставя превыше всего родину» [1, с.154].

О султане Бейбарсе, захваченном в плен и проданном в рабство, размышляют в книге-диалоге «Плач охотника над пропастью (Исповедь на исходе века)» М. Шаханов и Ч. Айтматов. Мудрый властитель стал забывать *Родину*: «...И вот однажды караван, прибывший из дальнего странствия по его *родной* стране, доставил оттуда небольшой пучок полыни. Запах горькой полыни, сорванной в далеком краю, наваял властителю воспоминания... Спешно оседлав коня, всемогущий властитель отправился на *землю своих отцов*».

Родина – *земля своих отцов* дорога многим персонажам прозы М. Симашко. Оттуда, из детства, из «тысячи ночей наедине с небом» через черный провал в куполе крыши – тяга к астрономии у Гияс-ад-Дина Абу-л-фатх Омара ибн Ибрахима. В Мерве Омар Хайям «вычислил самый точный в мире календарь!...».

У М. Симашко в повести «Емшан»: «... И трава белая. И только песок, на котором растет она, красный... И ничего больше нет. И куке лежит, примяв горькую траву. И не хочет вставать куке, потому что стрела с черными перьями прошла через его горло...» [2, с.256]. Куке, воспоминания из далекого детства – это и есть картины *Родины*, которые сохранил в памяти и сердце правитель страны Миср.

По тексту романа «Мамлюк» Е. Турсунова Бейбарс, как и один из его предшественников, был отравлен. У М. Симашко Бейбарс возвращается в родные кипчакские степи, его манит запах горькой травы емшан. Мотив полыни «как связь с *Родиной* проходит и через повесть Саина Муратбекова “Жусан иісі”» [3, с.85].

Современным исследователям и читателям образ султана Бейбарса знаком по драме Рахимжана Отарбаева «Бейбарыс султан», исследованию Бекета Карашина «Бейбарс: эпоха и личность», научным трудам Абсаттара хаджи Дербисали, Кайрата Саки, Кайрата Лама Шариф и ученых разных стран мира.

Роман Е. Турсунова «Мамлюк» мы рассматриваем как роман исторический, обосновывая это тем, что автор произведения,

рисую картины далекого прошлого и воссоздавая жизненный путь главного героя, умело, активно и корректно опирается на исторические, архивные документы, рукописи и источники. Современный прозаик Казахстана продолжает традицию своих предшественников, создававших художественные произведения на основе синтеза двух или нескольких культур, обладавших синтетическим – общекультурным и философским подходом к изучаемым явлениям.

Мотив пути домой, к Родине в эпической традиции казахской литературы эволюционирует и исследуется как художественный знак в аспекте семантики. Автор романа «Мамлюк» посетил страны и города Востока, где хранятся документы о правлении султана Бейбарса.

Первое издание романа Е. Турсунова увидело свет в Дамаске в 2007 году на английском языке. В 2009 году книга издана в Казахстане. В центре повествования – образ завоевателя, талантливое полководца и правителя Египта, страны Миср, Ас-Султана Руки ад-дин ас-Захр Бейбарс аль-Мансури аль-Миери Абуль Футух аль-Бундукдари. Правитель страны Миср – султан Бейбарс получил это имя в знак неоспоримой победы над крестоносцами и монголами.

Чтобы понять движение сюжета в романе «Мамлюк», необходимо иметь представление о географических территориях, включенных в текст. «Читатель романа Е. Турсунова должен быть подготовленным к восприятию текста. Стилистически повествование состоит из коротких предложений, но географическое пространство меняется постоянно. Большой торговый караван с юными невольниками движется на дальний запад, в Байху. Автор уточняет, что в переводе с китайского так в Средневековье обозначали Запад, Европу (белый тигр, страны Белого тигра)» [4, с.149].

Геопоэтика романа охватывает огромные географические территории, но художественное пространство литературного текста Е. Турсунова раскрывается преимущественно через описание знойной пустыни. Степь западного Казахстана (Родина будущего правителя Египта. – М.С.), пустыня страны Миср, пески являются именно тем пространством, которое усиливает

фон происходящих событий, придает им драматический накал. Степь, пустыня становятся доминирующими концептами при обрисовке жизненного пути главного героя.

В романе Е. Турсунова «Мамлюк», когда конь пал, герой «пошел дальше пешком по жаркой каменистой пустыне. Нешадно пекло солнце. Над раскаленными песками кружили бородачи. На горизонте высокими свечками маячили кипарисы. В трепещущем мареве плавали миражи» [5, с.180]. Если в повести М. Симашко «Емшан» лишь намек на тот или иной образ, авторская недосказанность, которую читатель прорисовывает /дорисовывает в своем воображении, то в романе Е. Турсунова детально прописан эпизод за эпизодом. Это роман-размышление, поскольку на всем его протяжении Махутбек (так назван главный герой. – М.С.) размышляет о выборе жизненного пути, о власти и достижении свободы.

В отличие от художественных текстов М. Симашко, Р. Отарбаева, С. Муратбекова, главным героем которых, как и у Е. Турсунова, выступает султан Бейбарс, роман «Мамлюк» включает цитаты и выдержки из сур Корана, Библии, что придает произведению философскую насыщенность и глубину, художественное своеобразие, индивидуальность и неповторимость. Есть в романе Е. Турсунова «Мамлюк» и Примечания.

В воспаленном сознании Махутбека всплывают воспоминания о жизни и детстве, сны. Так в архитектонику и поэтику романа включается онейрическое пространство. В завершающей сцене произведения: «Он не заметил, как забылся. Мутно привиделась излучина реки Берш. Косогор с подсолнухами... Смеющийся отец... Махутбек целится в яблоки. Стрела летит мимо... Он стреляет снова... Опять промах» [5, с.15]. Река Берш – это *Родина*.

Интересной «тенденцией прозы М. Симашко является движение к *Родине*, проблема ее поиска. Султан Бейбарс, человек на вершине власти, рвал с нею, ставя превыше всего *Родину*. Он дал мамелюкам власть. В пути находится Омар Хайям. Фраги Махтумкули путешествует по стране. “Дорогу на Святую Землю” М. Симашко завершает публицистическая новелла с одноименным названием» [1, с.151].

Е. Турсунов в интервью говорит о том, что на написание романа о султанах Бейбарсе повлияла повесть М. Симашко «Емшан». Таким образом, в литературе Казахстана присутствует целый ряд художественных произведений, разных по жанру: повести, драма, роман и научные исследования, посвященные образу султана Бейбарса. Концепт *Родина* в них – один из центральных.

Важен был образ *Родины* и для самого основоположника мамлюковедения в нашей стране М. Симашко. «Обладая редчайшим даром входить в иные миры, по глубокому убеждению М.М. Ауэзова, он через горький запах полыни просто и убедительно рассказывал нашу историю, – пишет С. Ананьева. – Собственно, “у каждого писателя есть свой город или определенная местность, не обязательно та, где он родился или рос, которая так или иначе сделалась местом приложения его творческой мысли и чувства. Это – его подлинная *Родина*. Впрочем, и каждый город или местность имеют своего писателя”, – размышлял М. Симашко. Именно Казахстан стал местом приложения творческой мысли и чувств М. Симашко. У Казахстана был свой писатель, ибо никто другой не писал так мастерски о восточных культурах и цивилизациях, об истории Центральной Азии, о непреходящих духовных ценностях, о евразийстве как пути в наше завтра» [1, с.199].

Литература:

1. Ананьева С. Морис Симашко. Опыт филологического прочтения. – Караганда: ЖК, 2014. – 220 с.
2. Симашко М. Емшан // Симашко М. Повести Черных и Красных песков. – Алма-Ата: Жазушы, 1974. – С.22-260
3. Алмухан Р. Образ султана Бейбарса в произведениях М. Симашко и Р. Отарбаева // Морис Шамис (Симашко). Вторые международные литературные чтения, посвященные творчеству Народного писателя Казахстана. – Алматы: Vesta, 2022. – С.82-86
4. Калиева А. Геопоэтика исторического текста М. Симашко и Е. Турсунова // Морис Шамис (Симашко). Вторые международные литературные чтения, посвященные творчеству Народного писателя Казахстана. – Алматы: Vesta, 2022. – С.145-151
5. Турсунов Е. Мамлюк. 2-ое изд., переработанное. – Алматы: Кайрат, 2009. – 246 с.

САДВОКАСОВА АЙГУЛЬ АНАНЬЕВА СВЕТЛАНА

Образные миры Мориса Симашко

29 сентября 2023 года в Астане в Национальной академической библиотеке в читальном зале имени Абиша Кекилбаева состоялась презентация научных сборников «Морис Шамис (Симашко)», изданных по итогам Международных литературных чтений, посвященных творчеству Народного писателя Казахстана. Организаторами мероприятия выступили Институт прикладных этнополитических исследований (ИПЭИ) МКИ РК, Ассоциация еврейских национальных организаций Казахстана «Мицва» и Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК.

Открывая «Вступительным словом» научный сборник «Морис Шамис (Симашко)» по итогам Третьих Международных литературных чтений, заместитель Председателя – заведующий Секретариатом Ассамблеи народа Казахстана Администрации Президента Республики Казахстан Марат Азильханов подчеркнул, что для него «большая честь принимать участие в знаковом событии Казахстана в области литературы, как нельзя убедительно и наглядно отражающем не только богатство и многообразие культуры нашей страны, но и ее высокий гуманитарный потенциал, нацеленный на укрепление взаимопонимания и единства народов Казахстана и разных стран мира». После Украины (родился будущий писатель в Одессе) и службы в Туркменистане длинная счастливая творческая жизнь состоялась в Казахстане, подарив миру «исторические произведения по истории России, военную прозу и великолепный цикл произведений о Казахстане, его истории, людях и мире казахов».

Память о Морисе Симашко жива в Казахстане. «Его книги читают, потому что это особый мир, который учит дорожить каждым прожитым днем, любить Родину, знать ее историю и помнить о тех, кто ее создавал, а, значит, живет и само его творчество. Огромную роль в этом играют Ассоциация еврейских

национальных организаций Казахстана “Мицва” и лично Александр Иосифович Барон, Мурат Мухтарович Ауэзов и Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова под руководством Кенжехана Матыжанова, научно-экспертная группа Ассамблеи народа Казахстана города Алматы, Александр Головинский, Светлана Ананьева и другие деятели науки и культуры».

Александр Барон обратил внимание присутствующих на презентации на то, что география литературоведов, критиков, издателей – участников литературных Чтений постоянно расширяется. Казахский текст в его наследии, как и туркменский, и русский, переосмысливается в новых исторических реалиях. 2024 год – год 100-летия со дня рождения Мориса Давидовича. Запланированы мероприятия, в том числе уже традиционные, Четвертые Международные литературные чтения. Будет издан научный сборник докладов и выступлений. Лауреатами медали «Морис Симашко» стали литературоведы и издатели Казахстана, Беларуси, Германии.

Презентацию в Астане «Приветственным словом» открыл заместитель заведующего Секретариатом Ассамблеи народа Казахстана Администрации Президента Республики Казахстан Леонид Прокопенко. Вклад М. Симашко в культуру и литературу Казахстана – знаковый, особый, пример для деятелей культуры и литературы других этносов. Очарованный Востоком, Морис Симашко, как американский писатель Джек Лондон, был прозаиком не кабинетного типа. Любил путешествия, всегда был готов к открытию нового, к приключениям, поездкам, как, например, с переводчицей своей прозы на французский язык Лили Дени, журналисткой Анн Филип и поэтом Лораном Гаспаром. Проза и публицистика известного мастера художественного слова М. Симашко важна сегодня в контексте формирования новой общественной этики, воплощения высоких нравственных идеалов.

Депутат Сената Парламента Республики Казахстан, дипломат, доктор филологических наук Адиль Ахметов назвал символическим проведение презентации в зале имени Абиша Кекилбаева, с которым был депутатом Сената Парламента РК. Тема «око-ема», изолированности знаний, манкуртизма в прозе М. Симашко

и А. Кекилбаева нашла отражение раньше, чем в романах Ч. Айтматова. Культура, история Туркмении и Казахстана также раскрыты в его творчестве, влияющем по-прежнему на литературу нашей страны. Дружил Морис Симашко с патриархом казахской литературы Абдижамилем Нурпеисовым. Интересно были сопоставлены «Емшан» Мориса Симашко и «Мамлюк» Ермека Турсунова. Переводческое мастерство М. Симашко, его бережная работа с текстом стали примером для А. Ахметова в период его работы над переводами произведений Агаты Кристи с английского на казахский язык.

Дмитрий Останкович, председатель белорусского культурного центра «Радима» АНК города Астаны, декан факультета «Музыковедение и фортепиано» Казахского национального университета искусств акцентировал внимание на темах дружбы и памяти, связывающих казахскую и белорусскую литературы. «Год назад мы имели честь присутствовать на премьере художественного фильма Бекболата Шекерова «Лето 1941 года...» о партизанской юности Ади Шарипова, у которого, как говорил сам писатель, две родины – Казахстан и Беларусь. Сотрудничество с писателями Беларуси продолжается и в наши дни. Издан первый литературный альманах «Казахстан – Беларусь», осуществлены новые переводы на казахский и белорусский языки текстов литераторов двух братских стран. В своих статьях председатель Союза писателей Беларуси Александр Карлюкевич и главный редактор литературного альманаха «Літаратураі мастацтва» Алексей Чарота проводят интересные параллели между творчеством Мориса Симашко и белорусскими авторами».

Профессор Назарбаев университета, доктор филологических наук Айгуль Исмакова рассказала о романе «Колокол» М. Симашко, где главный герой – известный просветитель, педагог, борец за народное образование Ибрай Алтынсарин. В школах, открытых И. Алтынсариним, учились Алихан Бокейхан, Ахмет Байтурсынов, Мыржакып Дулатов, Елдес Омаров и другие, политическая и научная казахская элита начала XX века. М. Симашко показал свое почтение к замалчиваемым страницам истории казахского народа.

Активный участник Вторых и Третьих Чтений редактор научного отдела Казахского национального университета искусств, доктор филологических наук Риза Алмухан изучает художественное воссоздание образа султана Бейбарса в произведениях Мориса Симашко и Рахимжана Отарбаева и проблемы художественного перевода на примере «Кочевников» Ильяса Есенберлина (в переводе на русский язык М. Симашко). Об этом она рассказала на презентации.

Повести М. Симашко «Емшан» были посвящены доклады доцента кафедры русской филологии ЕНУ имени Л.Н. Гумилева, кандидата филологических наук Гульжан Шашкиной (об изучении повести в школьной программе) и детского писателя, поэта Дарии Джумагельдиновой (Трава емшан – запах Родины).

Модераторами презентации выступили заместитель директора ИПЭИ, председатель НЭС АНК Айгуль Садвокасова и заведующая отделом международных связей и мировой литературы Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, член Правления СП Казахстана, НЭС АНК Светлана Ананьева. Проза и публицистика, драматургия и художественные переводы произведений казахских писателей Ильяса Есенберлина, Габита Мусрепова, Дукенбая Досжана и многих других Народного писателя Казахстана Мориса Симашко, лауреата Президентской премии мира и духовного согласия, вице-президента Международного Казахского ПЕН-клуба в истории отечественной и мировой литературы.

Он многое сделал первым и впервые ... Обладая редчайшим даром входить в иные миры, по глубокому убеждению Мурата Ауэзова, лауреата медали «Морис Симашко», Морис Давидович «через горький запах полыни просто и убедительно рассказал нашу историю. Отсюда – абсолютная достоверность характеров от времен Бейбарса и персидского средневековья до современности».

В Национальную академическую библиотеку РК переданы научные сборники «Морис Шамис (Симашко)». В ходе презентации состоялся заинтересованный разговор и обмен мнениями о творчестве известного казахстанского прозаика, оставившего «свое я в Казахстане, в Азии».

Презентация научных сборников «Морис Шамис (Симашко)» позволила участникам всесторонне ознакомиться с произведениями и общественным вкладом писателя, став важным событием в процессе популяризации творчества Народного писателя Казахстана и возрождения культурного наследия страны.

САЛЫКОВА ЭЛЬМИРА

«Он пришел к нам из истории...»

В этом году отмечается замечательный юбилей – 100-летие Народного писателя Казахстана, лауреата Президентской премии Мира и Духовного согласия, драматурга и переводчика Мориса Симашко. Его литературное наследие состоит из множества произведений, раскрывающих перед читателем не только роль личности в истории, но и саму казахскую историю и казахскую литературу.

Роман «Колокол» талантливый писатель посвятил казахскому просветителю, поэту и переводчику Ыбыраю Алтынсарину. В этом произведении талантливо передан не только образ поэта, но и его окружение, просветительская деятельность по открытию школ в казахской степи.

Казахскому революционеру, герою гражданской войны, выдающемуся педагогу-просветителю Алиби Джангильдину посвящен документальный роман «Комиссар Джангильдин». В этом произведении повествуется о восстании 1916 года в казахской степи, воссозданы судьба и окружение главного героя, рассказывается о его путешествии по странам Европы, Азии и Африки в поисках правды.

Повесть «Искушение Фраги», опубликованная на страницах журнала «Новый мир», стала первой повестью о поэте, философе, классике туркменской литературы Махтумкули. Повесть «Гу-га» – о штрафных батальонах периода Великой Отечественной войны.

Творческое наследие писателя М. Симашко богато представлено и в фондах Национальной Академической Библиотеки РК в г. Астана. Исторические романы, повести и очерки этого автора доступны широкой аудитории читателей, благодаря открывшейся в стенах Библиотеки книжно-иллюстрированной выставке «Он пришел к нам из истории».

Выставка представлена двумя основными разделами.

Первый из них состоит из произведений писателя, где центральное место занимает его историческая проза. Именно М. Симашко является одним из основателей школы нового исторического романа в Центральной Азии. Он – автор 20 книг, изданных рекордными тиражами более чем на 40 языках народов мира, по его сценариям поставлено около 10 фильмов.

Второй раздел посвящен переводам М. Симашко. Среди них – романы И. Есенберлина «Кочевники», Г. Мусрепова «Пробужденный край», рассказ Д. Досжанова «Лодочник», повести и рассказы Т. Алимкулова.

Основная цель выставки – привлечение внимания читателей к его личности, знакомство и популяризация творческой деятельности писателя, внесшего весомый вклад в развитие казахстанской литературы.

В стенах библиотеки проходят мероприятия, посвященные творчеству писателя. Так в Книжном клубе «SenU», программа которого в большей степени ориентирована на изучение казахской литературы и литературы тюркоязычных стран, прошло обсуждение одной из лучших повестей писателя «Емшан» – о великом мамлюкском султани Египта и Сирии Бейбарсе, из династии бахритов.

Главной задачей внешней политики Бейбарса в первые годы его правления было создание коалиции против монголов и их союзников, которые, несмотря на поражения при Айн Джалуте и Хомсе, могли угрожать безопасности страны. Именно Бейбарс наладил дипломатические контакты с Конийским Султанатом и Грузией, заключил мир в 1262 году с византийским императором Михаилом VIII, поддерживал дружеские отношения с Манфредом Сицилийским и гибеллинской партией на Востоке.

Разумеется, такой яркий, запоминающийся политический деятель не мог не заинтересовать писателя М. Симашко. Он всегда увлекался историей Азии, ее культурой и легендами, которые навсегда вошли в его творчество

Национальная Академическая Библиотека принимает активное участие в онлайн формате в Международных конференциях, в том числе, в Международной научно-практической конференции «Поэтика литературного текста и художественный перевод», организованной Институтом литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, Союзом писателей Казахстана, Ассамблеей народа Казахстана, объединением юридических лиц Ассоциации «Мицва» Республики Казахстан.

КОСЫБАЕВ САГЫМБАЙ

«Давар»

Ежедневно по долгу профессии, да и по привычке просматриваю десятки газет. Рынок и сюда внес свои реалии. Некоторые газеты выживают как могут, применяя метод асара – сбора средств от своих читателей, другие – не тужат, если есть богатый хозяин.

Некоторые издания, заботясь о своем престиже, стараются «оттянуть» назад свою дату рождения, за бывая при этом об иных общественно-политических формациях. К этому надо подходить очень взвешенно. Но тем не менее появились в стране газеты, отметившие свое столетие.

На состоявшейся презентации в Алматы (11 декабря 2015 года) фильма давнего коллеги Александра Головинского о достойном человеке – Морисе Симашко (1924-2000) прихватил оттуда с собой газету-вестник «Давар», орган еврейской общины Казахстана. Да вар с еврейского означает «Слово». Газеты сейчас выходят с разными лозунгами, определяющими их позицию, родословную. Так «Костанайские новости» выходят с надписью над логотипом «Основана в 1910 году», «Вечерний Алматы» – «Этот мой город», «Новое поколение» – «Республиканская газета»,

«Время» – «За вашу и нашу свободу», «Ана тілі» - «Потерявший язык – теряет себя».

У газеты «Давар» бросается в глаза лозунг «Все евреи ответственные друг за друга».

Гм. Вынужден был задуматься со своей колокольни. Патриотизм? Да. Призыв к единству нации-страдалицы? Да.

С другой стороны, живем в многонациональной стране. Все мы вроде ответственные друг за друга.

Кучковаться по национальному признаку? Впрочем, ничего плохого в этом не вижу. Учитывая профиль газеты, малочисленность общины, элементарный патриотизм.

Мы о другом и по-другому. Морис Давидович Симашко (Шамис) – писатель, очень близкий к казахам. Фронтовик, знавший цену крови, он самозабвенно писал об их истории. «Маздак», «Ямшан», «Повести черных песков», «Повести красных песков» – об этом. Блестяще перевел «Кочевники» Есенберлина на русский язык. Народный писатель Казахстана. Один из тридцати восьми, увенчанных этим высоким званием. Лауреат Государственной премии, Президентской премии мира и духовного согласия еще на заре независимости.

Словом, Морис Симашко был обласкан и почитаем в Казахстане. Мыслитель, человек – радатель, искавший и нашедший общие корни человечества.

Он, как никто другой, понимал, что слово – очень серьезная вещь. Оно и лечит, и калечит, и ранит, подвергает сомнению, возвышает человека, низвергает его, вносит раздор в общий дом, объединяет души простолюдинов.

В далеком Израиле, куда потянул его на склоне лет зов крови предков, он так и не прикипел к новой обители, к миру чистогана, где каждый сам по себе. Полынный запах Степи, некогда сплотившей великое переселение народов, о котором он неустанно писал, звал его наитием, и он это, полагаю, чувствовал очень тонко сердцем настоящего художника. Мир Его праху!

...Закончил очередную работу скромных наблюдений. На одной из подаренных своих книг Герольд-ага (Бельгер) написал напутственное: «Тоқталма» («Не останавливайся»). Стараюсь. Вот и тотчас определился с названием книги эссе-миниатюр

«Еврейская тетрадь». Все они опубликованы в близкой мне по позиции и содержанию, газете «Но вое поколение» за последние год-два. Ищу теперь варианты издания. Рукопись все о том же – об общности нашего духа-жития и сознания.

Все мы, живущие, ответственны друг за друга. Нисколько в этом не сомневаюсь.

Еврейская тетрадь

ХАМРАЕВ АЛИМЖАН НУРАХУНОВА ГУНЧАН

Бейбарс в произведениях «Емшан» М. Симашко и «Мамлюк» Е. Турсунова: национальный дискурс

Литература перемен – результат социально-политического требования времени, историко-культурного заказа, направленного на обоснование художественно-эстетического и критического переосмысления переломного исторического периода. Писатель эпохи перемен в своем творчестве пытается отразить веяние времени и возникающие под воздействием перемен общественные запросы. С этой точки зрения повесть «Емшан» М. Симашко и роман «Мамлюк» Е. Турсунова относятся к литературе эпохи перемен.

В 1966 году в журнале «Новый мир» впервые опубликованы «Повести красных песков» казахстанского писателя М. Симашко. В повести «Емшан» М. Симашко затронута одна из самых драматичных тем – тема борьбы за власть. История кипчака, жившего приблизительно в 1250-1382 годы и прошедшего путь от раба до мамлюкского султана Египта и Сирии волновала многих поэтов и писателей. М. Симашко интерпретировал эту историю по своему. Думаем, писатель искал ответы на сложные общественно-политические вопросы периода «хрущевской оттепели». Реципиенту предложен постсталинский художественный дискурс.

Приходу мамлюков к власти, по мнению ряда ученых-тюркологов, предшествовала угроза исчезновения кыпчаков как этноса в результате разрушительных монгольских нашествий. И только на территории Египта сначала в качестве рабов, а потом в роли правящей верхушки «они сумели продлить свое существование» [1, с.121]. Мамлюкский султан Бейбарс как крупная историческая фигура в мировой истории оказал судьбоносное влияние не только на кочевые народы Евразии, но и на весь средневековый Восток. Таким представлен современный историко-культурный дискурс рассматриваемой темы.

Е. Турсунов выбрал сложный путь – многомерное толкование хода истории в контексте национального возрождения. Е. Турсунов как пытливый исследователь в поисках ответов на вопросы отправился в пустыни арабского Востока, чтобы лично пройти по следам мамлюков. Он долгое время жил в Египте, Дамаске, Иордании, Каире, встречался с учеными «мамлюковедами» и «бейбарсоведами». Итогом его многолетних исследований стала книга «Мамлюк». Е. Турсунов в романе «Мамлюк» рассматривает историю султана Бейбарса в аспекте национального возрождения.

Таким образом, и в «Емшане», и в «Мамлюке» реципиенту предоставляется возможность художественного переосмысления средневековой эпохи в контексте социально-культурного заказа нового времени. Однако, как было отмечено выше, эстетические дискурсы произведений различны.

Оригинален и интересен «послевоенный» постсталинский художественный дискурс повести М. Симашко «Емшан». Думается, что причиной написания произведения послужили не только литературные контакты писателя с поколением художников послевоенного времени, но и изменившиеся исторические реалии политической оттепели в стране, обусловленные критикой культа личности Сталина. М. Симашко глубоко волновали драматичные судьбы исторических личностей и их роль в развитии империй. Художник стремился раскрыть узловые проблемы личности и власти, которые имели для него особое мировоззренческое значение. Султан Бейбарс не мог не заинтересовать

казахстанского писателя, в творчестве которого история Центральной Азии, ее культура, мифы и легенды всегда занимали ведущее положение. Для М. Симашко султан Бейбарс имел, прежде всего, символическое значение. Писатель пытался понять природу насилия и истоки жестокой власти, поэтому он стремился воссоздавать художественный мир «во многом схожий с современной действительностью, полной противоречий и развивающейся по собственным внутренним законам» [2, с.318).

По актору султан Бейбарс, проведя в ограниченном пространстве корабельного трюма длительное время, прошел жестокую школу выживания. Вскоре судьба фантастически меняет его жизнь – он становится личным стражником султана Салиха. Поначалу Бейбарс верно служит власти, однако впоследствии он замечает, что правитель со временем теряет вкус к борьбе и власти, особенно после подавления восстания египтян и победы над врагами Сирийского султана и крестоносцами. Бейбарс понимает суть деспотической власти, поэтому участвует в заговоре против своего хозяина. Вместе с мамлюжскими воинами во главе с хитроумным и беспощадным Котузом свержает слабого царя Салиха. Заговорщики во главе с Бейбарсом, Айбеком и Кутузом провозглашают султаном Тураншаха, сына Салиха, и управляют Египтом от его имени.

Вскоре Бейбарс с верными соратниками убивает Тураншаха, власть переходит к мамлюжским гвардиям. Бейбарс понимает, что трон может принадлежать только одному властителю, у власти нет друзей и единомышленников. Чтобы остаться в живых, он должен опередить своих бывших соратников. Бейбарс проводит ночь с женой Салиха – Шадияр. Властная и красивая женщина покоряет Бейбарса, они продолжают борьбу за трон. Бейбарс жестоко расправляется со всеми бывшими единомышленниками, повторит судьбу его прежних друзей красавица султанша. Чем кровопролитнее становится борьба, чем холоднее сердце Бейбарса. Жестокий характер и ум расчищают ему место к трону Египта. Он понимает, что любая привязанность может ослабить его и тогда он повторит судьбу своих бывших соратников. Бейбарс управляет Египтом более успешно, чем его предшественники,

но продолжает жестокую политику по отношению к своему окружению, ведь каждый из них представляет потенциальную угрозу. В памяти у безжалостного правителя живет образ маленького ребенка, который плакал у тела отца, пробитого монгольскими стрелами. Вокруг цветет степная трава емшан, а испуганный мальчик отчаянно пытается разбудить отца.

Султан часто вспоминает, как под деревом выковали ему когда-то серебряный браслет с эмблемой Айюбидского султана Салиха. Образ браслета преследует его во снах на протяжении многих лет. Бейбарс не может освободиться от воспоминаний об этом навязчивом амулете, хотя он давно распилен. Подданные носят другую, более величественную тамгу в его честь *Аб уль – Фатиха – Отец победы, султан Бейбарс*. Когда-то этот браслет принадлежал его другу Турфану, которого он задушил. Он также помнит, какие муки пришлось испытать Турфану, когда Бейбарс попросил отдать ему на потеху любимую дочь. Муки совести не оставляют Бейбарса. Мучительно тянется время, все сильнее давит на него бремя совести.

Бейбарс решает прервать нравственные муки. Своей смертью он прекратит мучения и даст возможность добру одержать победу над злом. Султан выпивает чашу с ядом, из которой когда-то пил его лучший друг Барат. Таким путем он пытается уйти от беспощадного времени и наконец-то присоединиться к своему степному роду.

Смерть Бейбарса символична. Никакие почести и достижения не смогли разорвать связи со священной и родной степью. Величие и роскошь трона не смогли заменить тоску по родной стране и народу, более того, они стали той нравственной силой, которая постоянно напоминала ему о грехах и расплате за содеянное.

Художественный дискурс стихии власти и времени демонстрирует всесторонний анализ деградированных межличностных отношений и этическую парадигму эпохи, раскрывает семантику образов и пейзажа, характер использования языковых средств, легенд и мифов, исторических документальных материалов.

Таким образом, для М. Симашко важно смысловое и композиционное переплетение легенды с историческими фактами как доминирующего фактора художественно-эстетического дискур-

са. Сам писатель считал, что история «интересна теми узловыми, глобальными проблемами, которые встают перед человечеством на путях истории, и в разных формах, по диалектической спирали, возникают вновь в мире»[3, с.77]. Писатель пытается дать определение эпохе через постижение исторического процесса средневековья и современности, что делает актуальными узловые идеи произведения «Емшан». Действие главного героя осмысливается через концепцию сопоставления времени (древнего и современного), что приводит автора к уверенности в своих выводах [4, с.171].

По-иному интерпретирован образ главного героя в романе «Мамлюк». Е. Турсунов представил Бейбарса как легендарного султана Египта XIII века, воссоздав важнейшие биографические данные и личностные качества героя, прошедшего путь от бесправного невольника и рядового воина до могущественного правителя и победоносного полководца. Важные сегменты хронотопа отражают художественную целостность историко-культурного ареала средневековья. Используя гетероморфные сюжетно-повествовательные линии, которые соотносятся с устойчивой фабулой романа, реципиент прослеживает путь героя от раба, ставшего воином, до легендарного полководца. Стремясь к объективной реальности, писатель находится в эстетическом плену познавательной активности, что позволяет видеть и показывать реципиентам нечто новое, еще не увиденное ранее другими и, благодаря этому, раскрывает это новое для себя и других. Познание подвигов Бейбарса имеет для писателя антропоцентрический характер. Свои представления об истории мамлюков Е. Турсунов развивает не только в системе создаваемых им действующих лиц, но и в комплексе исторических источников, через включение *чужого слова* в современный художественный текст. Следовательно, *чужой текст* у мамлюков можно считать главным объектом познания в форме художественного текста, который одновременно становится фактом (воспроизводством среды) и артефактом, углубляющим процесс восприятия и авторской концепции мира. Однако данный феномен может угрожать художественному воплощению идеи произведения. Цитаты из Библии, аяты Корана вступают в интертекстуальные отношения

собственно речевой микроструктурой (характерный стиль Е.Турсунова) и предопределяют движение сюжетных линий повествования.

Концепция времени, предложенная писателями, также различна. Если для М. Симашко эпоха Бейбарса – «дурное время», то для Е. Турсунова эпоха Бейбарса представляется легендарно-прославленной.

В «Емшане» повторяется мысль о времени, в котором фатально обречены жить не только личности, но и простые люди, и общество в целом. Для М. Симашко «повторение историй» – динамический процесс, без которого «лучшее время и эпоха ... не появятся просто так». Историческая смена времен неизбежна, как неизбежно и повторение. С точки зрения теории вероятности в истории не бывает «случайных» событий, а есть всеобщая закономерность, где соперничество государственных устоев и систем приводит к разрушению прежних и нивелированию существующих. В такой парадигме противостояний человек попадает в замкнутое пространство и диктуемые обстоятельства, с чем, естественно, он не может мириться, что вынуждает его бороться с несправедливостью.

Тема повторения истории и проблема исторической личности у М. Симашко – величины особые и постоянные, что, несомненно, приводит к теме их исторической обусловленности.

Е. Турсунов стремится предстать перед читателем как актер, обративший внимание на романтический «отзвук дыхания далеких времен», на полифонию текстов манускриптов и рукописей, на живые словесные ритмы современных историков, богословов и исламоведов. Автор сознательно идет по принципу многомерности художественного текста, что создает условия для интерпретации. Не затрагивая, в отличие от М. Симашко, нравственных вопросов выбора и насилия деспотичного времени, Е. Турсунов описывает время как сакральное и примиренческое. Такой подход предопределил применение принципа художественного исторического полифонизма в ином ракурсе, где судьба человека изображена на фоне бесконечно сменяемых общественно-политических событий средневековья. Это, в свою очередь, придало тексту специфическую эстетико-

культурную ценность и историко-философскую глубину, что обусловило его художественное своеобразие, оригинальность, новаторский характер.

Сюжет и события в романе переплетаются с *чужим словом* (цитатами из Библии, аятами Корана), которые создают аллюзию художественного жанра и формируют новые интертекстуальные и эстетические отношения. Е. Турсунов обращается к архетипу героев, которые представлены в произведении «Мамлюк» как «шакены» («трясущие»), «отверженные» воины Египта. Казахстанские ученые данное понятие связали с распространенным в тюркской литературе понятием – манкуртизм. Подобно манкуртам «отверженные» воины-кочевники мамлюки попали в герметичное замкнутое пространство и превратились в лишенных эмоций и памяти пленников. Они могли потерять историческую память и, по сути, превратиться в униженных и трясущихся манкуртов. С этой точки зрения представляют определенный интерес работы, авторы которых стремятся «рассмотреть тему манкуртизма как культурный концепт на примере произведений Ч. Айтматова, А. Кекильбаева, М. Симашко и Г. Бельгера» [5, с.156].

Е. Турсунов стремится противопоставить понятия человек–природа, герой находится в борьбе со знойной пустыней и стремится одолеть ее через судьбоносные испытания. Автор пытается создать легендарную историю, которая отвечала бы запросам читателей лучше, чем настоящая, задокументированная история. Е. Турсунову важно показать *беспощадное* солнце, *раскаленные* пески, *плавающие* миражи в колышущейся дымке, падение лошади в знойной *жаркой* и *каменистой* пустыне, где герой постоянно сопротивляется обстоятельствам, борется за жизнь.

Автору важно выполнить свой долг перед исторической памятью, и он делает все возможное для воскрешения кочевой метаистории в сознании казахских читателей. Такой подход к художественному освещению событий непременно актуализирует не только «документированные» события романа «Мамлюк», но и происходящие историко-культурные изменения и сдвиги в далекой от описываемых событий родной стране.

Повесть «Емшан» оказала влияние на молодого казахского писателя и кинодраматурга Е. Турсунова, который писал: «Самым первым, кто меня натолкнул на эту тему, был Морис Давидович Симашко... Мы очень дружили – мой очень близкий человек. Так вот, он меня как-то по-хорошему заинтриговал темой мамлюков. Я никогда не слышал о них, кто это, кто такой султан Бейбарс. И стал изучать эту тему со студенческих лет» [6].

Антропологическое представление времени связано с конструированием его парадигм в разные исторические эпохи. Данное обстоятельство предопределило жанр произведений. М. Симашко при описании исторических событий, конфликтов и динамичных сюжетных нарративов опирался на принципы критического реализма второй половины XX века. Для Е. Турсунова было важно описать жизнь рабов во главе с Бейбарсом и странствия героя по тропам библейских старцев, путям пророков, святых мучеников веры в контексте постсоветского модерна. У М. Симашко – канон жанра классического исторического произведения. Е. Турсунов идет по пути создания аллюзии художественного жанра, благодаря цитатам, направленным на формирование новых сюжетных, интертекстуальных и эстетических отношений. Если первый подход ориентирован на повторяемость и не повторяемость истории, то второй – на экзотичность и мозаичность истории.

Литература:

1. Пилипчук Я.В., Сабитов Ж.М. Очерки этнополитической истории кыпчаков. – Астана: Ғылым, 2015. – 248 с.
2. Турган Ш., Жаксылыков А.Ж. Экспрессивные элементы в структуре повести М. Симашко «Емшан» // Вестник Казахского национального университета им. аль-Фараби. Серия филологическая. – 2020. – №2. – С.317-323
3. Бадиков В. По гамбургскому счету. Творчество. Жизнь. Голоса друзей. – Алматы: Идан, 2007. – 400 с.
4. Глухих Д. «Аз емь» литератор Симашко // Нива. – 2001. – №3. – С. 170-174
5. Ананьева С. Русская проза Казахстана. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 2010. – 356 с.
6. Турсунов Е. Тех, кто сидит во власти и читает книги, я знаю // <https://365info.kz/2021/02/ermek-tursunov-teh-kto-sidit-vo-vlasti-i-chitaet-knigi-ya-znaiyu-2>.

Повороты сюжетов Симашко

Морис Давидович Симашко был очень весёлый, жизнерадостный человек, недаром родился и жил в Одессе, а это признанная столица юмора: там каждый житель может удивить колоритной речью. Так что Морис Давидович впитал остроумие с молодых ногтей. Где он появлялся — начиналось оживление, взрывы смеха, бесконечные его экспромты с неожиданными поворотами сюжетов. В такие минуты он был артистом, блистал юмором и талантом. Но и многие его книги пронизывает замечательный юмор, не говоря уже о таланте. Думаю, он бы хотел, чтобы через 100 лет о нём вспоминали не только торжественно, но ещё и весело. В народе говорят: «Мир выжил, потому что смеялся», и среди тех, кто помогал миру выживать, был Морис Давидович.

Как известно, отец М. Симашко был биологом. Однажды у М. Симашко проснулись научные гены отца, и он выявил «биологические признаки писателей», о которых объявил в одном из своих рассказов, что многим писателям сильно не понравилось. Вот его диагноз: «Писатели по какому-то, чуть ли не биологическому признаку, делятся на тех, кто ездит на всякие декады и сидит в президиумах, и на других — кто не ездит и не сидит. Причём, среди вторых могут быть живые классики, а среди первых находятся люди, не написавшие ни одной строки за свою жизнь...».

Живых классиков, т.е. признанных ещё при жизни, всегда мало, а тех, кто сидит в президиумах — хоть отбавляй. М. Симашко был как раз настоящий, живой классик, имел немало заслуженных наград, но к славе своей относился с юмором, как ко многому в жизни. Он не тратил драгоценное время на хлопоты о славе, потому что постоянно работал, и написал отличные книги, о которых издано немало умных научных и критических статей. Он работал, он всё время работал!

Это поэт может сочинять и, лёжа на диване, и прогуливаясь вдоль моря, а прозаик прикован к письменному столу как раб к галерам. Чего стоит написать хотя бы один исторический либо историко-биографический роман? А у М. Симашко их несколько. Для этого надо плотно сидеть в архивах, глотая пыль (Морис Давидович ездил в архивы Москвы и Ленинграда); надо пересмотреть тонны документов, прочитав груды книг, и только потом садиться за рукопись. Писать, стараясь не отклоняться от исторической правды, при этом сохранять прекрасный, чистый слог художника. Слог этот не испортила даже газетчина, которая въедается как ржавчина, если много лет работаешь в прессе, а М. Симашко по профессии был журналистом.

Все говорили: у М. Симашко лёгкое перо, и мало кто знал, каким титаническим трудом добивался он этой лёгкости, тщательно работая над каждой строкой, пока она не оживала, не начинала дышать. Он был особо чувствителен к запахам и умел их так передать, что ты начинал ощущать горький запах емшана, раскаленной на солнце глины, запах женских волос. Я могла бы сравнить его с И. Буниным, который был мастером по передаче запахов.

А когда новая Жизнь, созданная им из слов, наполняла рукопись до краев, он возвращался к нам, в наш суетливый мир, и для отдыха от напряжённого труда предавался шуткам, анекдотам, веселию бытия, как делал и его любимый А. Пушкин, который в такие минуты легко рассыпал эпиграммы, играл в карты, волочился за красотками, отчего многие считали поэта бездельником, повесой, а потом удивлялись: откуда у А. Пушкина берутся такие глубокие, гениальные поэмы? Удивлял и М. Симашко. Малопродуктивные писатели ему завидовали: мол, такой плодовитый! Откуда что берётся? Без конца веселится, а книги выходят – одна за другой. Но, даже предаваясь веселью, он, на самом деле, не прерывал творческий процесс, он продолжал сочинять – и за письменным столом, и в весёлой компании, рассыпая экспромты, и в семейной обстановке, где я его тоже наблюдала. Дома он был совсем другим. Да вот пример.

Как-то его дочь, Римма Шамис, пригласила меня на плов. Мы с Римкой дружим со студенческих лет. Она готовит божественный туркменский плов с кориандром. Шамисы ведь когда-то жили в Туркмении. Плов был готов. Ждали Мориса Давидовича. Наконец, он пришёл – небритый, хмурый, желчный. При виде плова оживился, но потом опять погрузился в какие-то свои думы. Он был не с нами, оторвавшись от письменного стола, и, видимо, продолжая в уме дописывать свой очередной роман. Наша девичья трескотня его раздражала. Молча поел и быстро ушёл, буркнув: «Мне надо работать!». Среди домашних он был скучным брюзгой, с ним нелегко было жить, а на людях – балагур, весельчак, потому и думали, что он и живёт, и пишет так же играючи, как шутит.

Я люблю устные рассказы Мориса Давидовича, где он тоже был непревзойдённым мастером. Некоторые вошли потом в его книги, но я их помню в первоизданном, устном варианте. Он их как бы обкатывал на слушателях, добавляя потом новые детали. Перескажу две его байки, которые, может, вам известны. Конечно, я не смогу повторить М. Симашко – это невозможно, я изложу только его сюжеты, с неожиданными поворотами, которые он так любил: эффект непредсказуемости, яркой вспышки. Одна – о скульпторе Исааке Иткинде, другая – туркменская история.

И. Иткинда я знала. Он, как и М. Симашко, отличался отменным остроумием, и не только вытачивал скульптуры из корней, но в юности писал прозу из еврейской жизни. Некоторые его рассказы были напечатаны. Он мне показывал, и все они пронизаны юмором. Так вот, Морис Давидович рассказал, как однажды городские власти поручили И. Иткинду сделать бюст Джамбула. Видно, близился какой-то юбилей акына. Выделили мастерскую, дали аванс, назначили дату исполнения заказа. И. Иткинд нашёл подходящий корень и принялся за работу. Наступил назначенный срок – Джамбул не готов, прошло ещё какое-то время – не готов. Вызывают И. Иткинда на ковёр:

– Товарищ Иткинд, где Джамбул? И говорят, вы водите в мастерскую женщин, вместо того чтобы работать. Чем вы там, вообще, занимаетесь?

Вот тут неожиданный поворот сюжета: Иткинд с детским простодушием ответил:

– Вы спрашиваете, чем мы занимаемся? Мы делаем маленьких Джамбульчиков!

Вторая байка от М. Симашко – настоящая трагикомедия. Вариант этой байки есть в одной из его книг, в «Дороге на Святую Землю». Всё случилось в Ашхабаде, когда Морис Давидович работал там журналистом и чуть не погиб при землетрясении 1948 года. Одно время главным редактором центральной газеты Туркмении был странный человек. Сначала, по словам Мориса Давидовича, он не был странным и брошен был на газетное дело как крепкий партиец, чтобы поднять уровень республиканской прессы. И он поднял! «Но, видно, поднимая, всё же надорвался, – сказал Симашко, – что показали дальнейшие события...».

Тогда по Средней Азии курсировали «красные вагоны» агитпоезда. Однажды в эти «красные вагоны» посадили зарубежных репортёров, чтобы продемонстрировать им небывалый расцвет советского Востока. Провезли по всей Туркмении. Бедные репортёры одурели от жары в 50 градусов, от хлопковых полей, комсомолок и запросили пощады. Наконец, их доставили в Ашхабад, в лучшую гостиницу, где репортёров должен был встречать их коллега, главный редактор центральной газеты Туркмении. И он их встретил! Тут Морис Давидович сделал паузу, интригуя, и по его лукавому лицу было видно, что будет, как всегда, неожиданный поворот сюжета. И поворот случился. Редактор партийного органа – Симашко сделал акцент на «партийном органе»! – не спеша, спустился со второго этажа, по красной, ковровой дорожке, и это было триумфальное шествие! «Крепкий партиец» шёл... на четвереньках, совершенно голый, причиндалы его раскачивались как маятник Фуко, на шее – бабочка, на голове – цилиндр, в зубах – сигара. М. Симашко предположил, что так флагман советской прессы хотел послать наш ответ мировому империализму. Оказалось, «крепкий партиец»

минувшей ночью сошёл с ума, но никто об этом не знал. Репортеры оживились, защёлкали фотоаппаратами. Дюжие ребята подхватили спятившего редактора и уволокли. «Никто с тех пор его больше не видел...», – сказал печально Морис Давидович, и тут же начал новую байку, ужасно смешную... В его арсенале было немало и таких анекдотичных историй, где в каждой строчке надо ставить точки, и эти байки он в свои книги не включал. Они так и остались в устном варианте, а жаль. Это весьма колоритные рассказы, и все взяты из жизни.

А теперь расскажу две истории, связанные с М. Симашко, в которых я сама участвовала. И там будут неожиданные повороты сюжетов, придуманные Жизнью: Жизнь, оказывается, тоже с чувством юмора. Одна история – о Пушкине и Доме творчества, вторая – о выступлении писателей в обществе книголюбов.

Когда-то в нашем Доме творчества, в районе колхоза «Горный гигант», кипела жизнь, обитали разные писатели – и маститые, и молодые. Несколько раз жила там и я, а по соседству – М. Симашко. Днём было тихо: все работали, творили, а по вечерам Дом оживал. К некоторым писателям прилетали Музы с роскошными формами, но тут внезапно появлялись жёны писателей, и начиналось избиение Муз. Жёны, как фурии, носились по всем этажам, вцеплялись Музам в волосы, возили по полу, вопили и т.д. В общем, жить в Доме было весело. В отличие от других писателей Дома Морис Давидович вёл себя исключительно целомудренно. Если кто его и посещал, так только друг, известный критик Николай Степанович Ровенский. Между ними происходили интереснейшие диалоги о литературе, а потом они перемещались в вестибюль второго этажа, где стояли большие, мягкие кресла. В этих креслах М. Симашко с Н. Ровенским дружно засыпали, при этом сидели прямо и неподвижно, как два памятника.

М. Симашко тогда работал над историческим романом о временах Пушкина, был сильно увлечён поэтом, то и дело цитировал его стихи за обедом и ужином в столовой, где нас кормили такой жирной пищей, что у многих началась изжога. Один

М. Симашко ничего не замечал и вдохновенно говорил об А. Пушкине, да с такими подробностями, будто неоднократно бывал у него в гостях, где прекрасная Натали поила его чаем и кокетничала с ним. Морис Давидовичем говорил о Натали:

– Она не была уж такой красавицей, как её расписывают, но у неё был голос гомеровской Сирены, голосом она всех и завораживала. Даже суровый И. Пущин сдался. Он только что вернулся из сибирской ссылки, плохо думал о Натали, виня её в гибели друга, но, ещё не видя её, только слыша её голос, всё ей простил.

Мы на мгновение забывали, что Пушкин жил в XIX веке, мы верили – Морис Давидович пил-таки чай с Натали, слушал её голос, и переживали, как бы Пушкин не заревновал и не вызвал М. Симашко на дуэль, ведь тогда Морис Давидович не допишет роман, а нам очень хотелось знать, что там дальше. Такова была магия его рассказов – как написанных, так и устных. Они погружали, почти физически, в то время, о каком он говорил. Вместе с ним мы жили в древнем Египте, Иране, Индии, наблюдали за адюльтерами Екатерины II, проходили тернистый путь казахов Алтынсарина и Джангильдина, а также туркменского поэта Махтумкули, ели тандырные лепёшки на восточном базаре в Нисе – столице Парфянского царства, руины которого я видела, неоднократно бывая в Ашхабаде, где мужчины и женщины до сих пор ходят в таких же нарядах, как ходили в древней Нисе, и носят на головах стопки горячих, тандырных лепёшек. Лепёшки эти невероятно вкусные. Можно есть только их, а запивать зелёным чаем или верблюжьим молоком. Они не приедаются. Там на каждом шагу – древность, и потому не удивительно, что Морис Давидович на всю жизнь увлёкся темой древнего Востока. Вот парадокс: он писал о древности, видя её зеркальное отражение в современном мире, был мудрецом и глубоким философом, но в то же время – очень молодым человеком, с озорной, весёлой, мальчишеской душой и острым, свежим умом.

Однажды, проходя мимо комнаты М. Симашко, я столкнулась с одной особой, которая была нашей соседкой по Дому творчества. Соседка вылетела из комнаты Симашко вся взъерошенная и в сильном возбуждении.

– Что случилось?

– Я только что убила М. Симашко.

Конечно, я тут же вошла к нему. Морис Давидович сидел посреди комнаты и плакал, обняв томик Пушкина.

– Господи, почему Вы плачете?

И он поведал мне горестную историю. Сначала-то история не была горестной. Сначала М. Симашко с нашей соседкой, кстати, очень хорошенькой блондинкой, дегустировал коньяк, читал наизусть А. Пушкина, и ничего такого, неприличного, как сказал Морис Давидович, между ними не было, только чистая поэзия. Но тут возник спор о А. Пушкине. Морис Давидович стал доказывать блондинке, что А. Пушкин – еврей, из Дома Давидова. Однако блондинка гневно опровергала все его доводы и требовала, чтобы он показал справку, заверенную печатью, где указано, что А. Пушкин – еврей и что предок его царь Давид. А потом стала и А. Пушкина поносить: мол, он был западник, и сюжеты своих «Маленьких трагедий» не сам придумал, а украл у западных авторов. Так разбушевалась, что хлопнула М. Симашко по голове томиком А. Пушкина, чем оскорбила Мориса Давидовича смертельно. Вот он и плакал, обнимая поруганный томик поэта. Всклипывая, спросил:

– Ну, хоть ты-то А. Пушкина любишь?

– Люблю! И А. Пушкина люблю, и Вас, Морис Давидович, люблю.

Это его утешило. Но М. Симашко, как писатель, любил неожиданные повороты сюжета, и здесь был неожиданный поворот.

– Если ты меня любишь, – сказал Морис Давидович, – то давай изменим твоему мужу! Но сперва скажи: ты еврейка или нет?

– Ну, во-первых, я не еврейка, а во-вторых: сначала измена мужу, потом родине... Ни за что!

– Зачем тогда меня любишь?

– Потому что вы великий писатель!

Призыв к измене был, конечно, очередной его смелой шуткой, а спорил он и сочинял небылицы об А. Пушкине, так как боготворил его и хотел, наверно, чтобы А. Пушкин был ему

роднѐй не только по литературе, но ещё и по крови. Многие хотели и хотят. Я тоже хочу, но у меня пока нет справки с печатью о родстве с А. Пушкиным. А что касается буйной блондинки, тут новый – неожиданный поворот сюжета: Морис Давидович был потом свидетелем на её свадьбе, не то четвёртой, не то пятой по счёту.

– 5 –

А теперь финальная история – о творческой встрече с читателями в обществе книголюбов. Это, скажу я вам, был настоящий анекдот, с такими поворотами сюжета, что не дай бог! Союз писателей делегировал группу из четырёх человек на эту встречу. В группе: Морис Давидович Симашко, к тому времени уже с мировым именем, его книги перевели в разных странах; поэтесса Руфь Мееровна Тамарина; известный литературовед, профессор филологии Виктор Владимирович Бадиков и я – так сказать, от молодого поколения. Пятым примкнул к нам московский поэт Марк Кабаков, которого никто не делегировал, его прихватил М. Симашко, потому что Марк приехал в отпуск и девать Марка было решительно некуда. Когда мы пришли на встречу, зал был уже полон. Марк порывался слиться с залом, но М. Симашко выдернул его на трибуну. Ведущей встречи, или, как теперь говорят, модератором, была пудовая тётка в коротком платье из дефицитного кримплена и с накладной «халой» на голове. Раньше тётка работала в сфере торговли, а потом её перебросили в общество книголюбов. Книги она не любила, и нас тоже не читала, но была очень бойкой, и ей доверяли вести разные вечера. Тётке дали бумажку с фамилиями гостей, но имеющиеся у них заслуги её, видимо, не устраивали. Ей хотелось придать больший вес мероприятию, и потому, открывая встречу и представляя каждого из нас, тётка с «халой» смело пустилась в импровизацию. Первой её жертвой стал профессор В. Бадиков. Он тогда занимался изучением творчества Юрия Олеши. Среди народа была популярна сказка Ю. Олеши «Три толстяка», о которой, видно, и тётка слышала, но не знала, что Ю. Олеша давно умер, и объявила В. Бадикова так:

– Сегодня у нас в гостях советский классик, профессор Юрий Олеша с тремя толстяками!

Бадиков чуть со стула не упал, а Ю. Олеша перевернулся в гробу. Дальше – больше. Остапа, как говорится, несло!

– А это поэтка Руфь Тамарина, – объявила ведущая, – Герой Сталинградской битвы!

Глаза Руфи подскочили выше очков. Она была на войне фронтовой медсестрой, но до Сталинграда не дошла, загремев в сталинские лагеря. Сидела в нашем Степлаге.

Как лучше представить меня, тётка затруднилась: в бумажке про меня было мало сведений. Я не походила на героя Сталинградской битвы, не тянула и на советского классика. И немного поколебавшись, тётка сказала просто, но зато в рифму:

– Вот тут ещё Надежда Чернова – так сказать, писака и мать.

Молодец! Про меня всё правильно. Дошла очередь до Мориса Симашко с Марком Кабаковым. Их тётка оставила на десерт. Они насторожились, и не зря. О Марке скажу, кто не знает. Он был не только поэт из Москвы, но ещё и морской офицер, в войну служил в Заполярье, водил Северные конвои, обходя мины. Совершенно героический человек! Иногда приезжал в Алма-Ату, к М. Симашко. Марк был небольшого росточка, щуплый, невзрачный, но, когда облачался в морскую форму с кортиком на боку, делался неотразимым и всегда имел успех у женщин. Однако на этот раз был без кортика, и тётку с «халой» не впечатлил. Она относилась к маленькому Марку даже с некоторым презрением. Марк снова порывался слиться с залом, но мы его не отпускали. А между тем, тётка нацелилась на фактурного М. Симашко.

Она и до этого всё время поглядывала на него, то и дело кокетливо поправляла «халу» на голове, плотоядно облизывала губы и явно хотела ему понравиться. Как «писака и мать», я её понимаю: по виду и по комплекции М. Симашко был самым крупным писателем среди нас, тощих и невзрачных, к тому же одет в дорогой заграничный костюм. Это особо отметила тётка, бывший торговый работник, и потому Мориса Давидовича она сразу зауважала. О Марке в её бумажке ничего не было сказано, он ведь попал в нашу компанию случайно. И тётка с «халой»

недоумевала, что он вообще тут делает, среди великих писателей, а о М. Симашко у неё было записано, что он недавно издал книгу в Париже, на французском языке, в издательстве «Галлимар», которое она прочитала, как «Гулливёр». Имя у него не русское: Морис, и это логически подвело её к следующему объявлению:

– А теперь главный гость нашего вечера! Представляю вам великого французского писателя Мориса Симашко и... и его переводчика, фамилию не знаю, пусть сам скажет! – снова презрительный взгляд на приبلудного Марка. – Прошу Вас, товарищи французы!

М. Симашко вздрогнул. Он, конечно, любил дегустации, но теперь был не в той кондиции, когда ему требовался переводчик... А М. Кабаков... Тот, вообще, потерял дар речи: какой ещё переводчик? Если Марк когда-то и переводил Мориса Давидовича, то разве что через дорогу, когда «великого французского писателя» штормило от дегустаций. Большую часть своего выступления мои товарищи оправдывались и отрекались от неожиданных званий, выданных безумной ведущей, но это не помогло.

После встречи к М. Симашко выстроилась очередь за автографом. Книголюбы хвалили его за хороший русский язык и просили хоть что-нибудь написать по-французски. Тут уж М. Симашко не растерялся, всех посылал к своему «переводчику»: мол, вот он может вам написать что угодно и на каком угодно языке. Бедному Марку пришлось срочно ретироваться. Этот случай доказывает: Морису Давидовичу не надо было специально сочинять анекдотичные истории, он в них постоянно попадал, и мы вместе с ним.

Последний раз «переводчик» Морис Давидовича Марк Кабаков сопровождал его на Земле Обетованной. Шли они себе по улице еврейского городка Бат-Ям, где последние годы жил М. Симашко, шумели, громко смеялись, жестикулировали. Посреди оживлённой беседы Морис Давидович внезапно упал и умер. Мне об этом рассказала Римма. Она в те минуты была с ними. Невозможно поверить, что Мориса Симашко, такого жизнелюба и остролова, больше нет. Одно утешает, что ушёл Морис

Давидович без страданий и в весёлом расположении духа. Видно, Бог его всё-таки любил, хотя и подверг многим испытаниям. И, думаю, там, на небесах, Морис Давидович продолжает рассказывать свои искромётные истории, ведь оттуда иногда доносятся грозовые раскаты – это смех небожителей.

ШАГИМОЛДИНА МАРЖАН

Қазіргі қазақ әдебиетінің даму тенденциялары менбағыттары

Қазіргі қоғамдағы болып жатқан құбылыстар әдебиетке көлеңкесін түсіретінін ескерсек, қазақ әдебиетінің көркемдік сапасы, идеялық мазмұны қоғамдық әлеуметтік мәні бар күрделі, қомақты шындықтарды көтеріп, соған байланысты философиялық тың ойлар түйіндеумен өлшеніп таразыланатындығын байқаймыз. Қазақ әдебиеті қалыптасқан, өзінің дәстүрі, шыққан биігі бар белес.

Бүгінгі қазақ әдебиетінде байқалатын тенденция – қазақ тілінде жазатын авторлар санының артуы. Бұл Қазақстандағы ұлттық саясаттың күшеюі мен ұлттық сана-сезімінің өсуіне байланысты, бұл өз кезегінде қазақ әдебиетінің дамуына және тілдің нығаюына ықпал етеді. Келесі тенденция – әдебиетте өз күштерін сынап көретін жас авторлардың көбеюі. Бұл интернет пен әлеуметтік желілердің кең етек жаюына байланысты, бұл жас қаламгерлерге өз шығармаларын ашық әрі қолжетімді ету арқылы шығармашылық қабілеттерін көрсетуге мүмкіндік береді.

Үшінші үрдіс – қазақстандық прозада жаңа тақырыптар мен жанрлардың пайда болуы. Соңғы жылдары Қазақстан әдебиетінде фантастика, мистика және детектив сияқты жанрлар, сондай-ақ көші-қон, гендерлік және этникалық мәселелерге байланысты тақырыптар жиі көтеріле бастады.

Төртінші үрдіс – шетелде танылатын қазақстандық авторлар санының артуы. Бұл қазақ әдебиетіндегі кәсібилік пен шеберлік деңгейінің артуына, сондай-ақ Орталық Азия елдерінің

мәдениеті мен әдебиетіне деген қызығушылықтың артуына байланысты.

Бесінші тенденция – әртүрлі елдер мен мәдениеттердің авторлары арасындағы ынтымақтастық. Интернет пен әлеуметтік желі дамуының арқасында әлемнің түкпір-түкпіріндегі авторлар бір-бірімен оңай сөйлесіп, өз идеяларымен бөлісе алады және бірлескен жобалармен жұмыс істей алады. Мұндай ынтымақтастық авторлардың көкжиегін кеңейтіп қана қоймай, сонымен қатар әртүрлі мәдениеттер мен дәстүрлерді біріктіретін бірегей туындылар жасауға мүмкіндік береді. Алтыншы үрдіс – жаһандық әдеби үрдістердің Қазақстанның қазіргі прозасына ықпалының артуы. Авторлар жаңа әдеби техника мен стильдерді игереді, шетелдік авторлардың шығармаларын зерттейді және оларды қазақ тілі мен мәдениетіне бейімдейді. Сонымен қатар, халықаралық әдеби фестиваль, көрме және басқа да іс-шаралар қазақстандық авторларға өз туындыларын халықаралық аренада көрсетуге және жаңа тәжірибе мен білім алуға мүмкіндік береді.

Жетінші тенденция – әдебиеттің мәдени және әлеуметтік қызметін нығайту. Авторлар өз шығармаларында өзекті мәселелер мен проблемаларды, оның ішінде ұлттық және ұлтаралық бірегейлік, экология, әлеуметтік және саяси әділеттілік және т.б. тақырыптарды қозғап жатыр.

Қоғамның даму бағытының түбегейлі өзгеріске ұшырауы мен оның адам тағдырына әсері әдебиетте көрініс тауып, сөз өнерінің басты тақырыбына айналып келеді. Адам болмысының табиғатына үңілу, оның рухани дүниесі мен жан әлеміндегі қатпарлы қалтарыстар жүйесінің сырын ашу, қоғамдық қарым-қатынастарын тереңдей зерделей бейнелеу тәуелсіздік жылдарындағы сөз өнерінің басты қағидасы саналды. Қазіргі қазақ әңгімелерінен адамның ішкі әлемін етене жақын танытуға деген ұмтылыстың басымдығы байқалады. Ащы шындықтың аражігін ажырата білу мен әлеуметтік өмірдің көлеңкелі жақтарын әшкерелеу, рухани жаңару, азат рухты насихаттау, жаңалыққа құштарлық, ұлттық болмыстың жаңғыруына деген ұмтылыс бой көрсетті. Келмеске кеткен Кеңестік дәуір мен бүгінгі демократиялық қоғамның бет-бейнесі, оның бағыты, бет

алысы көркемдік шеберлікпен сипатталған туындылар көбейе түсті.

Қазіргі қазақ әдебиеті – көркем мазмұн мен пішін тұрғысында да, идеялық-концептуалдық тұрғыда да жаңарған, толысқан әдебиет. Қазақ әдебиетінің соңғы онжылдықтарда жарық көріп жатқан көрнекті көркем туындылары – ұлттық санамыздағы көркем ойлаудың көрсеткіштері. Әдеби шығармалар мен ғылыми зерттеулердің мыңжылдықтар белестерінде қалыптасқан қазақ өркениетін танытатын тарихи-мәдени құндылықтардың барлығын да шынайы болмысымен толық қамту аясында жазылып жатқандығын байқаймыз. Сөз арқауындағы романдардың идеялық-композициялық желісіне арқау болған басты кейіпкерлердің әдеби прототиптері – тарихи тұлғалар.

М. Симашконың шығармашылығында еуразияшылдық идеялары («Қоңырау», «Комиссар Жангелдин») арнасында таптық және ұлттық тиістілігіне қарамастан, қазақ және орыс халықтары өкілдерінің рухани-зияткерлік қоғамдастығы туралы идея барынша айқын көрініс тапты. «Комиссар Жангелдин» деректі романында революцияға қалай келгенін емес, жер асты жұмысында болғанын және оның көрнекті қайраткерлерінің бірі болғанын анықтауға әрекет жасалды. «Қоңырау» деректі романының кейіпкері Ыбырай Алтынсаринды автор өзінің ұлттық қадір-қасиетін ешқашан ұмытпайтын қазақ балаларына арналған еуропалық білім беру формасының жақтаушысы ретінде көреді. Жазушы осы екі қасиеттің үйлесімінде қазақтардың ұлттық міндеті тұрғанына сенімді болды.

Ұлттық рухтың жаңғыруы әдеби әлемде игі өзгерістер мен құбылыстарға жол ашты. Қазіргі таңда ұлттық сөз өнерінде дәстүрлі реализммен бірге өзге де модернистік, постмодернистік ағымдар мен құбылыстар қатар өмір сүре бастады. Бұл тұста заманауи әдебиеттің тақырыптық аясы айтарлықтай кеңейіп, бүгінгі қоғамның әлеуметтік проблемалары, жаңа заманның ұлт тыныс-тіршілігі алып келген жағымды-жағымсыз жаңалықтары және өзге сан салалы рухани-мәдени мәселелер қазіргі қазақ әдебиетінің өзекті тақырыптарына айналды. Қазіргі әдеби кейіпкерлер жүйесі де типологиялық тұрғыдан елеулі

өзгерістерге ұшырады. Бұл тұста кеңестік идеология қалыптастырған жағымды, жағымсыз бейнелер қатары жоғалып, кез келген кейіпкердің ет пен сүйектен жаралған пенде екенін қаламгерлер өз туындыларымен дәлелдеуге ден қойды. Тәуелсіздік тұсындағы қазақ поэзиясын жаңа биікке көтерген Қ.Мырзалиев, Т. Молдағалиев, Ф. Оңғарсынова, М. Шаханов, К.Ахметова, С. Жиенбаев, И. Оразбаев, Т. Медетбеков сияқты ақындардың қатарын бүгінде Г. Салықбаева, С. Нұржанов, Б.Үсенов, Б. Жақыпов, Т. Көпбаев, Ж. Әскербекқызы, Т.Досымов, О. Тұржанова тәрізді ақындар толықтырды. Өткен ғасырдың сексенінші жылдары әдебиетке келген бұл буын өкілдері бүгінде ұлттық поэзияны жаңа белеске көтеруде. Тәуелсіздік тұсындағы қазақ прозасына белсенді араласып жүрген Ш. Мұртаза, М. Мағауин, Қ. Жұмаділов, Т. Рыскелдиев, Ә. Сараев, Т. Тілеуханов, Т. Нұрмағамбетов, Ұ. Доспамбетов, Н.Дәутайұлы, Ә. Асқаров, С. Асылбек, Ж. Шаштайұлы, Р.Отарбаев, Қ. Түменбай, Н. Ақыш, М. Байғұт, К. Рахымжан, А.Кемелбаева, Ж. Қорғасбек, А. Алтай, Д. Амантай, Д. Рамазан тәрізді жазушылардың қатары Мәдина Омарова, Лира Қоныс, Мақсат Мәлік, Дархан Бейсенбек, Арман Әлмембет, Алмас Мырзахмет, Әлібек Байбол, Алмас Нүсіп, Әсем Қоспағарова, Үміт Зұлхарова, Мирас Мұқашев, Айнұр Шамшейтова, Аягүл Мантаева, Бейбіт Сарыбай, Ерболат Әбікенұлы, Мәлік Отарбай, Мәди Алжанбай, Қанат Әбілқайыр, Қанат Тілеухан, Нұрлан Қабдай, Мерей Қосын сынды жас жазушылармен толысты [2, 6].

Шығармашылық үдерісте қоғам мен жеке адам арасындағы қарым-қатынасты қайта саралау, адамзат тарихындағы жеке адамның рөлін көркем шығармалардағы тартыс сипатында, көркем образдар жүйесінде айқын бейнелеу, жеке авторлық идеяны субъективті мақсатта батыл қорғау ерекше қарқынмен дами бастады. Бұл үдеріс, әсіресе, поэзия жанрындағы адам мен қоғам, оның қоршаған ортамен байланысы мәселесін арқау еткен философиялық шығармаларда жиі көрініс беріп отырды.

Ақпараттық технологиялардың дамуы, ақпараттың қолжетімділігі және жаһандану қазақ әдебиеттің әлемдік әдеби мәдениетке интеграциялануына ықпал етеді. Авторлардың жаңа формалар мен стильдерді іздеуге деген ұмтылысы, сондай-ақ

заманауи технологиялар мен әлеуметтік желілерді пайдалану оқырмандар аудиториясын кеңейтуге және қазақ әдебиетіне деген қызығушылығын арттыруға мүмкіндік береді.

Әдебиеттер:

1. Қирабаев С. Ұлт тәуелсіздігі және әдебиет. – Алматы: «Ғылым» ғылыми баспа орталығы, 2001. – 448 б.
2. Қазіргі қазақ әдебиеті: даму үрдістері, есімдер мен оқиғалар. – Алматы: Print express, 2017. – 512 б.
3. Жарылғапов Ж. Қазақ прозасы: ағымдар мен әдістер. – Қарағанды: Гласир, 2009. – 400 б.

ШАШКИНА ГУЛЬЖАН

Повесть М. Симашко «Емшан» в школьном изучении

Морис Давидович Симашко – известный казахстанский писатель, автор многих исторических повестей и рассказов. Его повесть «Емшан» изучалась в 7 классе русской школы Республики Казахстан, в учебниках так называемого «нового поколения», т.е. до того, как в 2016 году была введена Типовая учебная программа обновленного содержания образования.

Повесть изучалась в рубрике «Произведения для чтения и обсуждения» и ее изучение было рассчитано на 2 часа.

Повесть «Емшан» написана в 1966 году. Писателя заинтересовали такая незаурядная историческая личность как султан Бейбарс I и его роль в истории средневекового Египта. Как признавался сам писатель, толчком к написанию произведения послужило стихотворение А.Н. Майкова «Емшан», строчка из которого служит эпиграфом к повести («Степной травы пучок сухой...»), а также продолжительные беседы с О.О. Сулейменовым и С.Н. Марковым о месте и роли кипчакских ханов в истории средневековья.

В основе стихотворения А.Н. Майкова «Емшан» лежит легенда казахского народа, зафиксированная в Волынской летописи, что еще раз демонстрирует культурные взаимосвязи русской

и казахской литературы. Идея произведения, выраженная в строчках: «Смерть в краю родном / Милей, чем слава на чужбине!» [1, с.274], соотносится с казахской пословицей: «Баска елде султан болганша, оз елінде ултан бол» (дословный перевод: «Чем быть султаном на чужбине, лучше быть подошвой [т.е. простым смертным] в родном краю»).

Стихотворение написано под впечатлением разговоров Майкова с выдающимся сыном казахского народа Ч.Ч. Валихановым. Надо сказать, что Ч. Валиханов, находясь в Петербурге и тесно общаясь со многими знаменитыми русскими учеными и писателями, давал некоторым поэтам темы для стихотворений на восточные сюжеты [2, с.97; 3, с.60]. Так было создано стихотворение «Емшан», сюжет которого повествует о батыре Отроке, оказавшегося на чужбине. Властитель Кавказа, он и не мыслит о возвращении в родные степи. Но как только он вдохнул аромат степной травы, поданный ему посланником, память напомнила батыру о родной земле.

И взял пучок травы степной
Тогда певец, и подал хану –
И смотрит хан – и, сам не свой,
Как бы почуя в сердце рану,

За грудь схватился... Все глядят:
Он – грозный хан, что ж это значит?
Он, пред которым все дрожат, –
Пучок травы целую, плачет!
И вдруг, взмахнувши кулаком:
«Не царь я больше вам отныне! –
Воскликнул. – Смерть в краю родном
Милей, чем слава на чужбине!»

Наутро, чуть осел туман
И озлатились гор вершины,
В горах идет уж караван –
Отрок с немногою дружиной.

Минуя гору за горой,
Всё ждет он – скоро ль степь родная,
И вдаль глядит, травы степной
Пучок из рук не выпуская [1, с.274]

Сам Майков определил значение слова *емшан* таким образом: «Емшан – название душистой травы, растущей в наших степях, – вероятно, полынок» [1, с.272]. Но, если предположить, что слово емшан казахского происхождения, как и сам сюжет стихотворения, то можно предложить другое толкование: ем – лечение, шан – искаженный вариант казахского слова шөп (травя). Стихотворение Майкова было написано через несколько лет после смерти Валиханова, и потому поэту приходилось по памяти восстанавливать некоторые казахские слова. Таким образом, емшан – *исцеляющая трава*, что как раз соответствует всему содержанию произведения. Подобную трактовку значения слова емшан предложила Ш.К. Сатпаева в книге «Чокан Валиханов и русская литература. Историко-филологические очерки» [2, с.97].

М. Симашко неслучайно назвал свою повесть тем же заглавием, что и стихотворение А. Майкова, подчеркивая тем самым тождественность судеб двух героев – батыра Отрока и султана Бейбарса, оставивших богатство и власть на чужбине и вернувшихся в родные степи.

Основу сюжета повести составляют подлинные события (война арабов с крестоносцами и монголами, формирование египетской армии из воинов-мамлюков) и реальные исторические личности того времени (султан Бейбарс, султан Малик Салих из династии Эйюбид). Опираясь в целом на исторические факты, Симашко в эпилоге произведения домысливает судьбу Бейбарса, который покинул египетский престол и вернулся в казахские степи, предлагая таким образом свою трактовку его «жизни после смерти».

Действие повести «Емшан» происходит в средневековом Египте, во второй половине XIII века. Это время характеризуется продолжающимися крестовыми походами европейцев-католиков, направленными против арабов-мусульман, а также противостоянием Египта организованной, не знающей пощады

армии монголов. Чтобы отражать нападения противников египетские султаны формировали свои войска из мамлюков (от арабского слова – невольники) – воинов-рабов тюркского или кавказского происхождения. Впервые мамлюкскую гвардию создал один из последних представителей египетской династии султанов Эйюбид Малик Салих. На острове Рода, неподалеку от Эль-Кахиры (арабское произношение Каира), столицы страны Миср (так назывался средневековый Египет), султан Салих разместил мамлюков, и поэтому их называли еще «бахритскими» мамлюками (от арабского слова «бахр» – большая река).

В 1250 году вожди мамлюкского войска свергли Салиха и основали династию мамлюкских султанов, правивших в Египте почти три века.

Главный герой повести – султан Бейбарс Первый – личность, реально существовавшая, по происхождению тюрок. На его могиле, которая находится в Каире, написано: здесь лежит кипчак из рода берш. Благодаря личной отваге и мужеству он сумел из раба, купленного на базаре в мамлюкское войско, стать султаном Египта.

Бейбарс – излюбленный персонаж египетских народных сказаний и легенд. Говорят, что он умер вследствие роковой ошибки, выпив чашку отравленного кофе, приготовленного для одного из его эмиров. Но в повести М. Симашко герой, имитируя собственную смерть, возвращается в родные степи простым странником. Проследивая этапы жизни Бейбарса, мы видим, что нечеловеческая жестокость, с которой сталкивался кипчак на протяжении своей жизни, звериные законы общества, которым он вынужден был подчиняться, чтобы выжить, не смогли до конца вытравить его генетическую память, корни, осознание самого себя степняком, желание жить и умереть среди своего народа.

Слово кук (отец), перевернувшее судьбу Бейбарса, такое естественное и нежное в устах любого человека, перечеркнуло всю его прежнюю жизнь. Он, не помнивший своих родителей, признался в своем затаенном желании иметь отца и мать. Непобедимый и не знавший пощады султан, считавший признаком слабости поднимать глаза к небу, теперь плачет вместе

со стариками и женщинами, когда убивают мужчин его рода, и творит молитвы.

В повести практически нет развернутого описания портрета Бейбарса. Его портрет складывается всего из нескольких деталей, правда, постоянно повторяющихся на протяжении всего текста: твердые коричневые бугры на запястьях, шрам у глаза, оставшийся от копья франка, прямой взгляд. Бейбарс высокого роста, немногословен («Он Бейбарс и презирует слова» [4]), с твердостью переносит любую боль («никогда его лицо не было мокрым» [4]). А вот как описан султан Бейбарс в исторической литературе: «Вследствие того, что один его глаз был обезображен катарактой, его купили за очень низкую цену. Громадного роста и большой физической силы, он в то же время был мужествен, энергичен, жесток и решителен; он, казалось, был способен одновременно находиться в самых отдаленных частях своей империи. Султан Бейбарс тщательно соблюдал догмы ислама, самым жестоким образом искоренял пьянство. Народ его уважал, а соперники ненавидели и боялись» [5, с.83].

Многозначно само имя главного героя – бей барс, хан барсов. Оторванный от родных просторов, Бейбарс никогда не видел этих животных, но тем не менее где-то на подсознательном уровне он о них помнил: «Он слышал, что есть пятнистые звери, одной лапой ломающие спину человеку, и назвал себя Беем этих зверей» [4].

Душистая трава емшан заставила Отрока, героя стихотворения Майкова, вернуться на родину. В повести Симашко подобное воздействие на героя оказывает слово «куке». Емшан, как и куке в одноименных произведениях, – это символы родных степей.

Повествование в «Емшане» идет от третьего лица. Думается, что уже в данном произведении воплотился орнаментальный стиль писателя: фразы короткие, обрубленные, часто повторяются и лишены метафорической цветистости и пышности, характерной для восточного изложения, мысли высказаны скупой, лаконично. Но подобный стиль – отражение авторской установки: повесть как бы «стилизована» под мировосприятие и чувства главного героя.

- Примерное планирование уроков (2 часа) было таким:
- 1 час. Историческая основа повести М.Д. Симашко «Емшан».
- 2 час. Образы и художественная символика в повести «Емшан».

На первом часе важно было проговорить о событиях средневекового Египта и указать на реальную основу повести, отраженную в сюжете. На втором часе проводилась работа над образом главного героя, символическим значением слов, элементами сюжетной композиции.

Так, помимо символических обозначений родной степи, говорящего имени главного героя, в произведении казахстанского писателя можно найти еще несколько образов, наполненных символическим смыслом. Например, в повести прослеживается символика слова «браслет» как цепей рабства: «Под этим деревом наковали ему когда-то на левую руку широкий серебряный браслет со знаком султана Мелик-эс-Салиха Эйюба», «Много лет назад распилил он свой браслет. Речные и Башенные мамелюки носят теперь браслет со знаком Абуль-Футуха – Отца Победы, султана Бейбарса Эль-Мелик-эд-Дагера», «И те, что лишены права носить браслет, пусть чувствуют себя недостойными», «и они надели стране Миср его браслет. Султаном назвал он себя. И надел мамелюкам браслет на левую руку», «И только мамелюки могут быть эмирами городов и областей, потому что носят его браслет», «И браслет поэтому надели большой стране Миср», «Богатая и бессильная страна Миср всегда носила браслет...» [4].

К. Галай обращает внимание на образ горького запаха, который «становится символом горького осознания и принятия себя и своего прошлого» [6, с.69].

Проводилась работа и над элементами сюжетной композиции. Так, завязкой произведения стал эпизод, когда Бейбарс мучительно вспоминает, что означает слово «куке», которое он случайно услышал опять; далее следует развитие действия, после чего наступает кульминация – Бейбарс ясно осознает себя мальчиком-кипчаком, у которого убили отца, вспоминает значение слова куке, тогда впервые в жизни заплакал непобедимый султан; затем наступает развязка – на глазах у оторопевших

эмиров султан выпивает чашу с ядом; после которой следует эпилог – жизнь Бейбарса в родных степях.

В Типовой учебной программе обновленного содержания данное произведение не значится, что обедняет литературное образование современных школьников, поскольку из их читательского сознания исключены не только реальные исторические личности, составляющие гордость казахского народа, но и тот многозначный комплекс культурных взаимодействий русско-казахских взаимосвязей.

Литература:

1. Майков А.Н. Емшан // Три века русской поэзии. Издание 3-е. – М.: Просвещение, 1986. – 750 с.
2. Сатпаева Ш.К. Чокан Валиханов и русская литература. Историко-филологические очерки. – Алма-Ата: Жазушы, 1987. – 184 с.
3. Маргулан А. Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова // Ч.Ч. Валиханов. Собрание сочинений в 5-ти тт. Т. 1. – Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. – 432 с.
4. Симашко М.Д. Емшан.
https://modernlib.net/books/simashko_moris_davidovich/emshan/read
5. Перминов П. Улыбка сфинкса. 2-е издание, дополненное. – М.: Наука, 1991.
6. Галай К. Слова-символы как отражение бытия в повести Мориса Симашко «Емшан» (взгляд французского читателя) // Морис Шамис (Симашко). Третьи международные литературные чтения, посвященные творчеству Народного писателя Казахстана. Март 2023 г. – Алматы: Мицва, 2023. – С.65-71

ШМИДТ АЛЕКСАНДР

Жрец Солнца и Слова

Тогда они мне казались жрецами, служителями муз. Олег Борисович Меркулов, Николай Степанович Ровенский, Валерий Александрович Антонов, Морис Давидович Симашко. Там, где-то за ними, маячили гора Геликон, неуловимо напоминающая алма-атинскую гряду заснеженных гор Заилийского Алатау, били ключи Ипокрены, раздавалось ржание табунов Пегасов, возвышался храм муз – здание Союза писателей Казахстана на

Коммунистическом проспекте. Напротив – сквер, кафе Акку, которое мы называли акушкой, место наших поэтических радений, рядом искусственное озеро, в котором плавали лебеди. Просто цитата из классического стихотворения... В этом сквере запросто можно было встретить одного из главных олимпийцев – Олжаса. Надо сказать, жрецы в те времена весьма благосклонно снисходили с Геликона к общению с нами – простыми смертными, начинающими литераторами.

По мере нашего, так называемого литературного возмужания, встречи и, в каком-то смысле, Мистерияльные посвящения, проходили то в комнате отдела поэзии журнала «Простор», то в «Каламгере» – литературном кафе Союза писателей.

Помню, как сейчас, мы: я, Тамара Михайловна Мадзигон, Морис Давидович Симашко и хозяин кабинета, маленький человек с внешностью врубелевского Пана Валерий Александрович Антонов. Антонов, с неким оттенком профессиональной усталости и как мне тогда показалось, брезгливости двигает листок с моим стихотворением, которое прошло предварительное одобрение Тамары, Морису Давидовичу. Тот внимательно, с подчеркнутым интересом читает и произносит что-то вроде: «А что...», возвращая листок движением, похожим на ответный ход в шахматах, когда понимают, что партия безнадежна и всякий последующий ход только ухудшит позицию (в данном случае мою). Антонов пожимает плечами, откидывая с лысеющего сократовского черепа остатки дионисийских кудрей.

Помню 1984 год, мой переход из издательства на работу в Союз писателей. Тут же появляется статья в «Казахстанской правде», автор которой советовал мне сначала научиться писать по-русски. Это был удар ниже пояса. Имея в виду мою фамилию и не совсем русское происхождение.

И опять главным моим утешителем стал Морис Давидович. Он мне сказал: «Саня, да за такие статьи ты должен поить автора до конца его дней, потому что, если тебя ругает партийная печать, значит, ого-го. На тебе точно печать гения...». Не помню, как быстро и помогли ли мне эти слова, но через некоторое время я уже забыл эту клязу и даже простил её автора. Тем более что в этом же году на VIII Всесоюзном совещании молодых

писателей я попал на семинар больших ревнителей русского языка В. Цыбина и М. Числова, которые мне много хорошего наговорили, рекомендовали рукопись в «Советский писатель» и дали мне рекомендации в Союз писателей.

Время шло, у меня выходили книги. В Союзе писателей меня уже узнавали писателем и приветствовали как своего. Морис Давидович не однажды подписывал мне свои новые книги. Всякий раз примерно так: «Саше Шмидту от Мориса Шмидта». Честно говоря, тогда мне казалось, что он надо мной слегка подтрунивает. Типа – мы все дети лейтенанта Шмидта. Я уже знал, что он родился в Одессе. И поэтому в мою тогда главным образом собой озабоченную голову пришла именно эта версия.

Потом началась перестройка, которая внесла существенные коррективы в наши судьбы.

В моей жизни началась черная полоса. Родители и брат с сестрой в начале 90-х уехали в Германию, хотя больше всех сопротивлялся этому переезду мой папа. Единственный немец на всю нашу большую семью. В 1999 году он умер. Потом неожиданно и рано вышла замуж дочь. Родилась внучка, семейная жизнь у дочери не заладилась. Да и у меня в семье все было не просто. В начале 2001 года мы все оказались в Германии. Было полное ощущение катастрофы. Потери. Потери. Потери. Родины, родного города, друзей. Языковой среды, наконец...

Я не знал, что несколькими годами раньше меня из Алматы в Израиль уехал М. Симашко. Прожил там немного. Потом Бахытжан Канапьянов рассказал мне о последних днях Мориса Давидовича, нелепых похоронах за счет казахстанского посольства...

Я был тогда оboжжён своими несчастьями, поэтому как бы потерял чувствительность к горестям прежде мне близких людей. Помню, когда у меня появился в Германии компьютер, я на каком-то сайте обнаружил израильское интервью М. Симашко. Оно у меня вызвало откровенную досаду, даже чувство раздражения. Особенно в том месте интервью, где Морис Давидович, рассказывая о своей семье, назвал свою маму лютеранкой. Получилось

как бы, что с папой всё в порядке, а вот мама – лютеранка... до-сада моя, как потом прояснилось, была несправедливой.

Через пару лет, то ли в 2003, то ли в 2004 году осенью, великолепной алма-атинской осенью я оказался в родном городе. Помню, насколько ошеломительной была эта встреча. Забрёл в переулок глухой. Носком ботинка зарылся в лиственный прах. Дохнуло не в ноздри, а в душу чем-то горько-печальным, исчезающим, всё еще родным...

Каким-то вечером оказался в гостях у Герольда Карловича Бельгера, который знал и помнил моего отца. Много выпил. Уже глухой ночью стал просматривать книги, которыми меня одарил Бельгер. Он меня в каждый мой приезд щедро снабжал своими новыми изданиями с лестными для меня и сердечными своими автографами.

Раскрыл одну из книг, попал сразу на «Слово о друге», кажется, так назывался текст памяти Мориса Давидовича.

И сразу как-то быстро протрезвел, прочитав, что девичья фамилия мамы Симашко была Шмидт и что родилась она в городе Катериненштадт, сегодняшнее название этого городка на Волге Маркс. Вспомнил со стыдом и горечью, как я относился к теплым по-родственному надписям на книгах, которые он мне дарил: «Саше Шмидту от Мориса Шмидта». Стал вспоминать свою единственную поездку на Волгу.

В начале девяностых я был в Саратове. Тогда немецкое посольство, Гёте-институт и культурные центры проводили бесконечные семинары. Я в первый раз в своей жизни увидел приволжские степи, великую Реку, чем-то напоминающую наш Иртыш и Семипалатинскую степь. Подумал тогда о вечно рифмующихся обстоятельствах места и времени.

Нас повезли в Энгельсовский этнографический музей. Забавно было наблюдать, как служители музея с некоторой оторопью водили нас по экспозициям. Нас, по-русски говорящих, наверняка им сказало начальство, что принимать они будут немцев настоящих, западных.

Потом нас повезли в город Маркс. Мы ехали по совершенно безлюдной степи. Лишь иногда проявлялись пепельного цвета полынные проплешины – места исчезнувших селений. В Марксе нам показали сначала полуразрушенную тогда лютеранскую

кирху, потом новенький костёл... А потом мы разбрелись по берегу Волги, городок расположен на пологом левобережье. Я решил – сейчас или никогда, разделся и полез в воду. Вода была мутной, чем-то напоминающая илистое и глинистое течение Иордана.

«Вот такое крещение», – подумал я и что-то о Гераклите. О том, что дважды в одну и ту же реку вступить невозможно. И ещё я подумал, что ребёнком входил в эту же реку мой дед Шмидт Александр Иванович, которого в 38-м году по доносу соседа, такого же немца, расстреляли. И еще я подумал, что и мама Мориса Давидовича купалась в этой реке...

И вдруг. Словно что-то закоротилось в моей памяти, вспыхнула ослепительная вольтовая дуга, которая осветила даты, имена, события, обстоятельства. Вернула мне зрение не физическое, а духовное. Я глухой ночью, в чужом доме, в Алма-Ате вдруг осознал, что в маленьком приволжском городке, примерно в одно время, в начале двадцатого столетия, возможно в одной семье жили мой дед и мама Мориса Давидовича с той же самой фамилией Шмидт (В Википедии нет её имени). Брат и сестра. А Морис Давидович Симашко, вероятно, мой двоюродный дядя. И еще я подумал, как мы слепы и ограничены в этой жизни. Где нас разделяют национальность, происхождение, культурные и идеологические фобии и, если даже не они, то поколенческие границы, предубеждения и просто наше не любопытство к судьбам своих ближних.

Я заплакал от всего, что мне открылось: от жалости к ушедшей жизни и чувства не высказанного родства к человеку, которого знал, что называется на расстоянии рукопожатия и который в какой-то момент отдалился от меня на космическое расстояние. Я заплакал от полного неприятия этого враждебного любви и поэзии мира, который даже родных, близких людей делает холодными и чужими, от того, что самое сокровенное – имя своей мамы, имя народа, которому принадлежит его мама, человек скрывает, потому что таковы обстоятельства...

Недавно я в который уже раз перечитал «Емшан» М. Симашко. Эту поэму о Памяти, родине, безжалостном мире, ломающем человека, о судьбе и Слове и степной траве *емшан*, возвращающей память... О слове, которое исповедует человек, «о

Слове, которое побеждает человека», о Слове, которое было в начале Мира. Но написал эту книгу человек, который волшебным образом владел Словом.

Шамаш – бог солнца у шумеров. Шамисы – служители, жрецы бога Шамаша.

Морис Симашко–Шамис – один из вечных жрецов бога Солнца и Слова.

ЩЕГОЛЕВА ЛЮДМИЛА

Посвящается 100-летию Мориса Симашко

*Где был рождён, где жил, где жили предки,
Отчизна там, где ты вознаграждён
За жизнь свою, тяжёлую нередко...
Л.С. Прицкер*

Народный писатель Казахстана, русский советский писатель, прозаик, сценарист и драматург, переводчик казахской литературы на русский язык, Морис Давидович Симашко (Шамис), Лауреат Президентской премии мира и духовного согласия, Лауреат литературной премии имени Абая 1986 года за перевод на русский язык трилогии И. Есенберлина «Кочевники» родился 18 марта 1924 года в г. Одесса. Семья Мориса Давидовича интернациональная, отец был евреем, а мать немкой. Семья эвакуировалась в 1937 году в Среднюю Азию, в туркменский город Байрам-Али вместе с Одесским университетом, где к тому времени отец Мориса Давидовича был секретарём и заведовал кафедрой микробиологии.

После окончания 9 классов М. Симашко поступил в двухгодичный учительский институт на отделение русского языка и литературы. Вскоре подал заявление в военкомат о направлении в действующую армию, хотя не подлежал призыву. Осенью 1943 года Мориса направили в снайперскую школу, которая стояла на границе с Ираном, под Ашхабадом. Позже, из снай-

перской школы, М. Симашко направили в 11-ую Военно-авиационную школу пилотов.

В октябре 1945 года демобилизовался по студенческому списку, вернулся в Одессу, закончил учительский институт.

После войны родители Мориса осели в г. Алма-Ате. Сам Морис Давидович с женой в 1950 году после окончания заочного отделения факультета журналистики тоже переехал в Алма-Ату. Начиная с Туркмении, М. Симашко работал корреспондентом «Марыйской правды», «Туркменской искры», «Советской культуры», «Учительской газеты», собкором ТАСС, сотрудником журнала «Простор», издательства «Жазушы», консультантом Союза писателей Казахстана.

Тема Востока, его искусства и науки у Мориса Давидовича проходит через цикл произведений «Повести Красных и Черных песков», объединяющий «Искушение Фраги», «Хадж Хайяма», «Емшан» и другие.

Увлечение персидской культурой проявилось в романе «Маздак» (IV век), в центре которого события периода династии Сасанидов и реальные личности Маздак, царь Кавад, царский писатель Авраам.

Роман М. Симашко «Искушение Дабира», исторический роман, посвящен эпохе средневекового Востока. Это история падения могучего государства Больших сельджуков в конце XI столетия.

Автобиографическая книга «Четвертый Рим» закончена в эмиграции. Морис Давидович писал книгу всю свою жизнь – с конца 1948 по 2000 годы, более 50 лет, завершив рукопись в Израиле. Это биографическое произведение. Через судьбу своей семьи писатель показывает исторические процессы XX века. Книга опубликована в Казахстане по целевой программе Министерства культуры в 2013 году.

В творчестве М. Симашко ярко выражена идея дружбы представителей казахского и русского народа. Например, «Комиссар Джангильдин», герой которого пришёл в революцию, а в дальнейшем стал одним из видных её деятелей, простой казах из кипчаков. В романах «Комиссар Джангильдин» и «Колокол»

показана открытость казахских личностей при сохранении национального достоинства.

В романе «Семирамида» М. Симашко писал об истории. Интересны роман «Падение Ханабада», очерк «Путешествие в Карфанаген» и многие другие произведения. Отрывки и журнальные варианты художественных произведений напечатаны в Израиле, России и Казахстане. М. Симашко был автором 20 книг. В 1993 году стал одним из учредителей Казахского Пен-клуба.

В 1999 году М. Симашко уехал из города Алма-Аты в Израиль, к детям и внуку. Прожил на земле обетованной всего один год...

Морис Давидович был удивительным человеком. Он был частью истории и остался со всеми ее трагедиями, победами и поражениями. Был первым казахстанским автором, опубликовавшим свои произведения в популярном литературном журнале «Новый мир». Величайший гений, Морис Давидович, жил историей. История звучала на языках мира, представляла картинами ушедших эпох и событий. Произведения М. Симашко переведены более чем на сорока языков. «Казахстан – поистине зеркало мира со всеми его проблемами и надеждами», – писал М. Симашко. Он любил Казахстан и считал второй Родиной.

Имя писателя носит библиотека еврейской общины Казахстана. В Алма-Ате, на стене дома, в котором проживал великий человек в 1976-1999 годах, установлена мемориальная доска.

Морис Давидович Симашко – писатель, автор многочисленных произведений на темы среднеазиатской и российской истории, ушёл из жизни 15 декабря 2000 года в городе Бат-Ям, Израиль. Когда уходит из жизни такой гениальный человек, с ним уходит и его интересный мир...

Живём тогда, когда мы отдаём
Всего себя дотла, до боли людям!
Что оставил, то навек твоё...

Л.С. Прицкер

Читая ЭССЕ школьников

Международные чтения, посвященные творчеству М. Симашко, стали доброй традицией. В них принимают участие литературоведы, писатели, преподаватели вузов, журналисты. В этом году их участниками стали ученики и учителя нашей школы. Для прочтения и анализа нам была предложена повесть «Емшан», одна из основополагающих в творчестве М. Симашко.

Открыв несколько ссылок по запросу в браузере, легко можно найти значение слова *емшан*. Это тюркское наименование полыни – символа полузабытой родины главного героя повести. Вроде бы все понятно, но не все так просто, как кажется на первый взгляд. Уязвлённый запахом емшана Бейбарс – султан, он же раб, он же наемник и воин, ставший правителем Египта, остановил гуннов, грозивших уничтожить египетскую цивилизацию. Степная трава тоже сыграет свою особенную роль, ведь именно тонкий аромат этой душистой травы, знакомой каждому, вернул героя в далекое и почти забытое детство, а также напомнил ему о родине...

Однозначного ответа на вопрос «Понравилось ли вам данное художественное произведение?» не сможет дать каждый второй, кто его прочитал. Текст нужно было не просто прочитывать, его нужно было прожить, примерить героя на себя. Занять его место, заставить себя сделать выбор, когда ты в ответе не только за свою судьбу и жизнь, но и за тех, кто рядом, за существование всего народа и государства в целом.

Читая эссе ребят, принявших участие в Международных чтениях, можно увидеть то, что произведение тронуло и заинтересовало каждого. Среди них не осталось равнодушных. Они прониклись сочувствием к главному герою, сопереживая его трагической судьбе, порой обвиняя и осуждая его за те или иные поступки и проступки. Магия прозы Симашко ещё и в том, что

персонажи его становятся нам предельно близки, они как бы наши современники. Каждая строка западает нам в сердце. По словам ученицы 10 «А» класса Али Рабии, Бейбарс «типичный представитель современного общества, который сталкивается со множеством проблем и вызовов. Через его приключения и внутренние раздумья автор пытается раскрыть глубинные аспекты человеческой природы и психологии, а также соотнести происходящее с раздумьями читателя над собственной жизнью».

Раздумья эти, порой, несколько прямолинейны. «Султан Бейбарс был не только защитником своей страны, но он являлся и примером для своих современников и будущих поколений. Его история напоминает нам о важности сохранения своих корней и культурного наследия, а его дух живет в каждом казахстанце, продолжая вдохновлять нас на пути к светлому будущему», – как отметила в своем эссе Вера Шин, ученица 10 «А».

Порой, раздумья слишком категоричны и побуждают к спору. Ученица 9 «Д» класса Елизавета Митракова подобрала, на ее взгляд, меткое выражение: «Хочешь выиграть, придется идти по головам».

Ну и наконец, сделана попытка показать, в чем же заключалось истинное счастье человека, который прошел нелегкий путь и сумел вынести все испытания, предназначенные самой злодейкой-судьбой.

Размышляя в сочинении о жизни Бейбарса, о становлении его как правителя, ставя перед собой вопрос о том, обрел ли этот человек свое счастье наряду с величием и славой, Кристина Селезнева пришла к выводу: «Истинное счастье “высокий старик со шрамом у левого глаза” обретает тогда, когда ему, наконец, удалось вернуться на Родину и вывести маленький род Берш (кипчаки) “к северу, где холодные леса, которых не любят монголы”».

В каждом отзыве можно найти что-то свое, очень личное, сокровенное. То, что заставит снова погрузиться в повесть с головой, перечитать уже знакомые строки, снова начать сопереживать, вступать в диалог с самим собой и сделать для себя некий вывод.

«Емшан» – удивительная повесть о безысходной борьбе за существование в этом беспощадном мире, за место под солнцем и просто за кусок хлеба. Это история о человеке, который не верит ни в дружбу, ни в любовь, ни в высшие силы. Это история о том, что, несмотря на все жизненные трудности и испытания, человек может стать тем, кем он пожелает.

Главное – не сломиться под натиском судьбы.

Главное – поверить в себя, поверить в свои силы.

ЦОЙ СВЕТЛАНА

Уроки классики

Считается, что современные подростки не читают, не любят читать, им это малоинтересно, ведь есть цифровые технологии. В современном мире, где информация легко доступна через интернет и социальные сети, чтение литературы, особенно классической, кажется неким артефактом прошлого. Однако классические произведения не только сохраняют свою актуальность, но и имеют важное значение для развития интеллектуальных и эмоциональных способностей подростков. Давайте рассмотрим, почему чтение классической литературы, особенно исторических повестей, и участие в литературных конференциях являются важными аспектами формирования личности подростков.

Во-первых, классическая литература является частью культурного наследия человечества. Читая классику, подростки получают возможность окунуться в мир прошлого, понять его ценности, традиции и особенности. Это помогает им лучше понимать современный мир, а также формировать собственную культурную идентичность.

Во-вторых, это способствует развитию аналитических навыков. В самом деле, чтение классической литературы требует от подростков аналитического мышления и внимательного, более глубокого восприятия текста. Исторические повести богаты символами, сюжетными линиями, значимостью затрагиваемых тем,

что способствует развитию критического мышления. При этом особенно важно их непосредственное участие в литературных конференциях, что дает возможность обсуждать произведения, вырабатывать аргументацию, принимать к сведению различные точки зрения, что углубляя постижение прочитанного.

В-третьих, это способствует пониманию человеческой природы.

Классическая литература часто исследует глубокие аспекты человеческой природы, моральные дилеммы и социальные проблемы. Через знакомство с персонажами и сюжетами исторических повестей подростки могут углубить свое понимание человеческих эмоций, мотиваций и взаимоотношений. Это помогает им лучше понимать себя и окружающих, развивать эмпатию и сочувствие.

Чтение классики способствует развитию навыков общения, поднимает над обыденностью. Особенно ценно чтение исторической прозы, она – путь к пониманию прошлого, что расширяет кругозор подростка, приближает его к пониманию причин и следствий исторических событий, учит ценить историческое наследие своего народа. А это, в свою очередь, играет важную роль в развитии личности и интеллектуальных способностей подростка, помогает понять мир вокруг себя, развивать аналитические и критические навыки, а также обогащать свой внутренний мир и стремиться к самореализации.

САУТОВА МЕХРИБАН

Слово, победившее человека

«Напротив каждой башни есть свое дерево. Пока оно снится им, он может посылать их на какие захочет стены. Они не сомневаются».

Насилие порождает насилие, оно живет, пока живут люди. Насилие создано в среде, где у людей уже сформированы нор-

мы, стандарты и идеалы, под эгидой которых они и строят свою жизнь.

История одного из самых известных и почитаемых султанов Египта и Сирии Бейбарса I с самого рождения окружена насилием, жестокостью и предательствами. И весь жизненный путь Бейбарса эскизно описан в повести «Емшан» казахстанского писателя М. Симашко, который изысканно и аккуратно рассказал о восхождении Бейбарса I на престол. В повести раскрывается множество проблем. Но одной из ключевых является утрата себя, потеря личности и некая отчужденность от мира, который принадлежит тебе, но которому не принадлежишь ты.

М. Симашко – беспощадный автор, очень сложно подобрать к его стилю и, казалось бы, сухому слогу. Каждое предложение встречает нас короткой вспышкой, и создается ощущение, что тебя обливают холодной водой и бросают в песчаные земли. В тексте масса аллегорий и скрытых символов, однако в нем как бы отсутствует всякая художественность. Но, несмотря на это, нас заставляют чувствовать страх, отчаяние, печаль и откровенность. М. Симашко используют ретроспективу как основной инструмент в тексте. Главный герой вспоминает свою жизнь с момента порабощения монголами и становления правителем.

Текст вводит нас в историю. Мы узнаем, что полководца Бейбарса тревожит одно слово, которое произнесла его новая наложница – «куке». Оно отдаленно что-то ему напоминает, но он никак не может вспомнить что. В ходе внутреннего монолога он опять подтверждает давно известное: люди – слабые создания, и слабость заключается... в любви? Бейбарс рефлексировал о тренировках на нильских островах, о беспощадности военных. Предавая соратников, он сам становится членом свиты султана ас-Салиха. Он не понимает личность правителя, он презирает его и его действия, ему абсолютно чужды эмоции. С соратниками он убивает правителя. Народ обеспокоен, но народ – классика! – безмолвствует. А мамлюки объединяются против нового правителя Айбека, который был товарищем главного героя...

Одним из самых впечатляющих моментов в повести является событие, когда Бейбарс решается убить жену Айбека.

Она смеется, ей не страшно, она пережила многое за свою жизнь. И в этот момент Бейбарс впервые потерял самообладание, он почувствовал некую печаль, но все равно убил девушку. На протяжении всей своей жизни Бейбарс отрицал религию, он считал египтян глупыми, наивными и слабыми, но в тоже время достиг одобрения при помощи религии.

Одним из главных символов в тексте является дерево. Бейбарс отчетливо видит его, будучи рабом. Но став правителем, он отдаляется от могучего дерева и не видит его корней. Дерево – это отражение его Родины. Он помнит ее, чтит, но старается скрыться в чужой стране.

Помимо дерева, есть ещё один важный символ – цвет, особенно красный. Красный цвет встречается от начала до самого конца истории: «А потом опять белое солнце в белом небе. И трава белая. И только песок, на котором растет она, красный. Весь мир – этот твердый красный песок, потрескавшийся от белого солнца. И ничего больше нет».

Изначально красный цвет символизировал иерархию власти, затем на смену иерархии пришла смерть. Перед смертью Бейбарс замечает, что всё вокруг красное, начиная с сада из роз, листьев, дома и двери, и заканчивая его руками. После убийства Бейбарсом последнего соратника М. Симашко показывает, что бремя убийства тягостно даже для человека, который забрал свыше сотни душ. Бейбарс не выглядит более хладнокровным, напротив, он обеспокоен, он в смятении.

В конце истории слово победило Бейбарса. Он вспомнил, что значило то роковое «куке». Этим словам кыпчаки называли отца. И, вероятно, тогда Бейбарс осознал, что всегда был одинок, что он так же слаб, как и остальные люди, что его также окружали оковы родительских уз, и не был он счастлив все это время. И создал он процветание в стране, которая отобрала у него всякую человечность.

Вновь и вновь тревожит душу султана *емшан*. Бейбарс на протяжении всей истории вспоминает отчетливый запах этой пахучей травы и, возможно, именно этот запах помог Бейбарсу

вспомнить детство и родительский кров, захоронение собственного народа и конец своей жизни.

М. Симашко – удивительный писатель. Он взялся за короткий апокриф и сумел без умолчаний показать весь жизненный путь султана, от раба до правителя. Сумел это сделать в очень сжатых рамках. Но самым чудесным является то, что повесть заставляет почувствовать и неприязнь, и сочувствие людям. «И плакали люди страны Миср, и с минаретов кричали его имя раньше имени бога, и святым стало в стране Миср все, чего он касался. И как жил он, так и умер – чтобы не знали, где его могила. В Дамаске показывают ее, и в Эль-Кахире, и в других местах...».

КАСЫМОВА ЗЕРЕ

Прочитать и задуматься

*Судьба – это всего лишь
следствие наших выборов.
М. Симашко «Емшан»*

В самом сердце средневекового Египта разыгрывается удивительная сага, рассказывающая о великом султани, прозванном Абу-ль-Футух, или «Отец Победы». Эта история о султани Бейбарсе Первом. Начинается она не с блистательных побед, а с темного прошлого, где он был лишь простым мальчишкой-рабом, где жестокость, смерть и борьба за выживание становятся неотъемлемой частью жизни. Этот рассказ дает возможность читателю взглянуть на реальные исторические события, на эволюцию героя, его выбор и преодоление сложностей.

«Емшан» М. Симашко несет в себе глубокую рефлексию о цене власти. В плетении сюжета между словами и событиями мелькает проблема, которая касается каждого: как далеко мы готовы зайти, стремясь к власти, и что мы потеряем на этом пути.

Проблема власти пронизывает каждый аспект жизни Бейбарса. С самого начала его стремление к свободе и лучшей жизни ведет его через рабство, потерю близких, через войну. Когда он становится султаном и восходит на вершину власти, мы наблюдаем, как он теряет человечность. Сложный моральный выбор, который он вынужден совершать, оставляет отпечаток в его душе и раскрывает темную сторону стремления к лидерству.

Межличностные отношения в повести также служат зеркалом для проблемы власти. Отношения Бейбарса с Баратом, Турфаном и другими персонажами подчеркивают, что в мире политики и власти неизбежны сложные моменты предательства и личных жертв.

Финал повести, где Бейбарс, достигнув вершины власти, решает покончить с собой и пьет яд, вызывает размышления о цене, которую приносит стремление к власти. Власть, кажущаяся сладким плодом, оборачивается горьким ядом, уносящим самого владельца.

Я считаю, что проблема становления лидера, который сталкивается с трудностями сохранения своей человечности, — актуальная и универсальная. Поэтому в нашем современном обществе, где политическая борьба часто приводит к безжалостным действиям и войнам, очень важно прочитать эту повесть и задуматься над прочитанным.

LEE ALINA

**The essay based on the narrative
of M. Simashko «Emshan»**

Yemshan is a work that reflects one of the main topics that has always worried scientists and the writers of Kazakhstan, namely, the rule of the Mamluks of Kipchak origin in Egypt, because as a result of the Mamluks coming to power, the death of the Kipchaks as an ethnic group followed as a result of the Mongol conquest.

Also, the basis of this work is a person who went a long and difficult path from a lower slave, who was not put in anything and load-

ed with dirty work, to an almighty, strong, independent, domineering and noble Sultan. Sultan Beibars did not change for the worse, did not forget about his previous life and priorities, but, on the contrary, showed people by his example what «slave life» means. Sultan Bai-bars knows full well what honor is, forbids cutting trees and explains that «Without the tree, it would only be a piece of hard land, Mame-lyuki people, they need food, clothes and Homeland. Their need for pride must be met. Just a piece of land can't be the Motherland. It takes a green tree for them to dream».

The powerful Sultan had a difficult past, completely devoid of love, care and affection that affected the future character. There is no place for love and regret in Sultan's heart. Sultan Beibars is cruel, watchful of former associates, gradually killing those who were once near him.

And only one word does not give Sultan peace, «cook». This word stood in a coma in his throat, he could not understand what exactly he did not understand, why it hooked him?

Sultan Beibars did not understand the meaning of that word, but made a firm decision to replace his best friend Barat, with a young Mamluk from the Burji group, that is, to kill his best friend.

The Sultan kills Barat with poisoned wine, watching his best friend die before his eyes. Later the cruel act, Sultan is sent to the harem, in which a girl, the daughter of Turfan, sleeps. A sleeping girl in a dream pronounces the painfully familiar word «kuke», after which the Sultan understood what was all the matter and why this word had haunted him for some time.

The sultan remembered his childhood, remembered his deceased father – the kuke. He fanned how he had been sitting for a long time at the body of his deceased father, whose throat was pierced through a cruel, Mongol arrow, remembered how he unsuccessfully tried to wake his father until a huge caravan passed and one Genoese took the boy with him, saving him from death in the desert, taking him into slavery.

After that memory, Sultan Baybars returns from the harem to the celebrants and deliberately drinks from the very bowl he poisoned his friend to die and reunite in a different world with his ancestors, his father.

«So the word defeated the man... In different ways, they talk about this in the Red Sands: they confuse names and countries. And the Russian chronicler heard only one story about white bitter grass, the smell of which a person cannot forget. And the Red Sands are big...».

КУТТЫБЕК АНСАР

Обращаясь к основам основ

*Посвящается произведению
Народного писателя Казахстана
Морису Давидовичу Симашко
о султани Бейбарсе «Емишан»*

«Кум жиналып-тасболмас, Ал кулжиналып бас болмас» («Как не соберёшь из песчинок камней, так и не выйдет из рабов вождей»), – так сказал мне как-то один большой человек. Тогда я работал в ресторане и подавал ему заказ. Он сидел один, раздумывая, видимо, над чем-то, и отчего-то решил поделиться своими размышлениями со мной.

«Посмотри на наших ханов, – говорил он. – Разве был хоть один из них урождён рабом? Нет, мальчик мой. И так оно на самом деле. Есть те, кому от рождения дано властвовать, и те, кому дано рабствовать. Быть господином и презренным рабом. И это правильно. Ведь хуже всех бед был, есть и будет раб, получивший разом много власти. Ведь власть – это ответственность. А раб не может нести ответственность за других, потому что он привык, что решают всё за него».

Я тогда не воспринял всерьёз его суждений, найдя их несерьёзными. К чему раздумывать над мыслями незнакомца? Впрочем, потом в моей голове начали всплывать мысли об этом. Может быть, прав был большой человек? Ведь и вправду, все наши ханы от Чингисхана до Кенесары рождены были правителями – теми, кому на роду было предначертано повелевать и властвовать над другими.

Так я думал, и с этим вопросом решил пойти в библиотеку, где, сев за читальный стол, принялся искать точный ответ. Там я узнал, что на деле и из людей не благородного происхождения выходили те, что стали великими и справедливыми правителями. То были некогда рабы Рима, Персии и Греции. Но хотелось мне найти одного такого, и чтобы имел отношение и к нашей истории. Потому я искал дальше, пока не наткнулся на книгу-повесть М. Симашко «Емшан», что по-казахски значит «сухая трава».

В аннотации к ней было написано следующее: Емшан. Автор: Морис Симашко. В 1958 году в журнале «Новый мир» были опубликованы «Повести Красных и Черных песков» М. Симашко, включающие произведение «Емшан», привлекавшее пристальное внимание читающей публики. Главный герой «Емшана» – султан Бейбарс, весьма крупная и влиятельная фигура в мировой истории.

Султан Бейбарс – мамлюкский султан Египта и Сирии, из династии бахритов. Главной задачей внешней политики Бейбарса в первые годы правления было создание коалиции против монголов и их союзников, которые, несмотря на поражения при Айн Джалуте и Хомсе (11 декабря 1260), могли угрожать безопасности страны. Он наладил дипломатические контакты с Конийским султанатом и Грузией, заключил в 1262 году с византийским императором Михаилом VIII, незадолго до этого отнявшим у латинян Константинополь, договор о свободном доступе египетских судов в Чёрное море.

Бейбарс поддерживал дружественные отношения с Манфредом Сицилийским и гибеллинской партией на Востоке. Разумеется, такой яркий, запоминающийся политический деятель не мог не заинтересовать М. Симашко, который всегда увлекался историей Азии, ее культурой и легендами, навсегда вошедшими в его творчество.

По образному определению литературного критика Франции А. Боске, повести Симашко – это произведения, передающие «фантазмагорию и великолепие среднеазиатских пустынь и связанные с ними полет духа, рассуждения о

вечности». Б. Лавренев и А. Твардовский отметили талант молодого тогда прозаика, оценили своеобразие, искренность и новизну изображаемых характеров.

Как признается М. Симашко, толчком для написания произведения послужило стихотворение А. Майкова «Емшан», строчка из которого стала эпиграфом к повести, а также продолжительные беседы с О. Сулейменовым и С. Марковым о месте и роли кипчакских ханов в истории средневековья:

Степной травы пучок сухой,
Он и сухой благоухает!
И разом степи надо мной
Всё обаянье воскрешает...

Я оказался заинтригован таким описанием произведения доселе неизвестного мне автора и решил прочесть его. И по прочтении повести я осознал, что открыл для себя новый самородок, уж очень он мне понравился. А также я понял: «И всё-таки большой человек был неправ. И в нашей истории была такая экстраординарная личность, добравшаяся до трона из самых низов. И из казахских степей в своё время вышел один такой. И имя ему Бейбарс, безродный, ставший родоначальником, раб, ставший вождём». На этом, казалось бы, можно и закончить, но когда я узнал о конкурсе сочинений, посвящённом М. Симашко и повести «Емшан», то счёл это отличной возможностью поделиться своими мыслями и заметками о произведении и о его авторе.

Бейбарс был рабом. С ранних лет переноса тяготы рабской доли, он, в итоге, возвысился и на пути к своему возвышению сделал многое!

Прибыв в Египет, тогда называемый страной Миср, на галере с рабами, он благодаря жестокости и бесстрашию стремительно поднялся по служебной лестнице мамлюков, элитной военной касты воинов-рабов из разных стран, приближенных к правящей в стране Миср династии Аюбидов. Об этом, а также и о его дальнейшем пути к трону султана

написано в «Емшан». Повесть хорошо передает атмосферу и нравы тех жестоких времён, где, если ты хочешь пробиться вверх, то должен будешь идти по головам окружающих, не взирая ни на давнюю дружбу с ними, ни на то, сколько они для тебя сделали. И сам Бейбарс понимал это, потому ещё в бытность рабом на галере следовал этому правилу: «Его били, и он хотел есть. Были люди с длинными, рвущими спину бичами и одинаковыми глазами. Справедливые люди, раздающие еду. Те, что рядом, были враги, вырывающие еду. Ноги, руки, тело становились больше. Нужно было отбирать еду у других. Он убивал, потому что не отдавали».

«Их было девять с Маленьким. Они много ели и не садились к веслам. Их отстегивали, и они могли ходить между скамьями.

Тех, которые служили им, называли шакалами. Они приносили собранный на скамьях хлеб и били непослушных. За это им оставляли еду. Остальные были те, которые у весел. Это было справедливо, и люди с бичами не вмешивались в их жизнь».

«Но вечером, когда Маленький подвинул ему самый большой кусок, он неожиданно прыгнул и поломал Маленькому спину... Новых девять он тоже менял по очереди. Тому, кого не хотел видеть возле себя, он давал лучшие куски...

Потом все было правильно. Он забирал хлеб и справедливо делил его, отдавая сильным больше. Он убивал кого хотел. Им, слабым, нужна была опора в качающейся темноте. Они были рабы и не могли жить сами. И он стал их опорой, потому что забирал у них хлеб и убивал их».

А, уже выйдя из тёмной галеры на свет страны Миср, он видел, как его бывшие господа сами были рабами тех, кто выше их. Люди на больших лошадях с блестящими кривыми ножами у пояса въехали на базар. Они стали у железных столбов, ожидая молитвы. К тем, кто молился, они потом не подошли. Человек с кривым ножом, в синих, обшитых золотом сапогах остановился, посмотрел ему в глаза и сделал знак. Люди с бичами, суетливо кланяясь, бросились распиливать цепь. Он удивленно смотрел. Они были шакалами, люди с бичами!»

Те люди с кривыми ножами увели его и забрали к себе. И так начался его путь мамелюка. В повести рассказывается о том, как на должности мамелюка он держал всех в дисциплине и подчинении, и на какие меры он для этого шёл. Непослушанье каралось смертью. И это видел тогда вышестоящий над ним Котуз: «Да, Котуз видел. Поэтому Котуз сделал его Эмиром Пяти, потом Десяти, а в разлив Реки, когда все они носили уже кривые тяжелые ножи, – Эмиром Сорока вместо Икдына... Среди сорока у него было уже своих девять, и они слушали его, а не Икдына. Девять потом всегда держал он возле себя, как в море. Это было правильное число. Им было трудно сговориться, девяти. И видеть он мог сразу всех».

На службе ему доведётся сразиться с крестоносцами. В книге они зовутся «франками». От лица Бейбарса автор описывает франков как диких воинов, чей «Бог не путал их мысли». Когда они поднимали руку, чтобы ударить, их не отвлекали сомнения. Это, на мой взгляд, важно, ибо за этим следует описание жителей страны Миср, то есть египтян. Их Бейбарс считал совсем непонятными, ибо уже «их Бог раздваивал мысли. Человек с раздвоенными мыслями бьет вполсилы, и стрела его не попадает в цель. Этот бог всегда придерживал их руку, когда они поднимали клинок, и дергал их лук, когда они отпускали тетиву. Поэтому они всегда проигрывали и были плохими солдатами. Почему они благодарили бога?».

Молились они «по-разному: одни пять раз в день прижимались лицом к земле, другие крестились и громко пели, как франки. Были и такие, кто привязывал ко лбу коробочки и накрывался с головой, чтобы отделить себя от жизни, которая вокруг. Они напрасно ссорились. Это всегда был один и тот же бог, который делал их слабыми. Им, как женщинам, была неприятна кровь и знакомы слезы».

Интересно, ведь реальный Бейбарс был приверженцем Ислама и воевал с монголами Хулагу, защищая мусульман, и даже заключил необходимый для этого союз с ханом Золотой Орды–Берке на почве защиты Ислама. Однако приведённый отрывок наглядно показывает, что Бейбарс считал религию

напрасно сдерживающим война фактором, отбирающим у него должную жестокость и силу. Да и не только религию, а любые радости жизни, и об этом я напишу далее.

В книге повествуется о том, как Бейбарс со своими боевыми товарищами Айбеком и Котузом поехал служить султану страны Миср, Салиху Аюбу. Салих был слабым правителем. «Султан Салих смотрел на них странными глазами, на Айбека и Котуза, на него. В глазах его не было страха, просьбы, гнева. Так смотрели львы с человеческими лицами, которые стояли у начала страны Миср».

Взгляд старого султана автор сравнивает со взглядом египетских сфинксов. Ни в сфинксах, ни в султанах не было какой-либо жизни или воли. А потому убит был Салих, и стал править вместо него Айбек. Да только «не султаном стал Айбек, а только мужем аль-Дурро– Золотой Шадиар, некогда жены Салиха. Неправильно это было. Каждому эмиру позволил он думать, что дорого их согласие. И не были никогда спокойными эмиры. А все это случилось потому, что не в четырнадцать дней один раз приходил Айбек к женщине. И не менял он женщину каждые четырнадцать дней. И не по мужской необходимости шел к ней...

Каждый день был Айбек у Шадиар. И круглый рот его раздвигался до ушей, и круглые глаза сияли, как начищенные пряжки на поясах мамелюков. И перестал он видеть прямо, и захотел, чтобы у всех в стране Миср был раздвинут рот и сияли глаза. И не бывает так, чтобы все были счастливыми...

Все начал разрешать Айбек людям страны Миср. И сразу перестали они работать, и в глазах их уже не было молитвы. Стрелы метали они в мамелюков, приезжавших за хлебом и женщинами. И Река перестала подниматься до корней семиствольного дереза. И начался голод и болезни. И франки из Акры и Антиохии стали все ближе подходить к границам страны Миср.

Браслеты распилил Айбек у мамелюков. И разрешил он всем носить синие и красные сапоги. Нельзя было узнать больше, кто раис, а кто стрелок. Крикливые становились впереди молчаливых. И бежали мамелюки с Острова в пустыню,

и становились там дикими разбойниками. По Реке к морю бежали мамелюки, забирали корабли с гребцами и на море становились разбойниками. И купцы перестали плыть в страну Миср...

И так затемнены были мысли Айбека от женщины, что не убил он Котуза. И никого из девяти не убил он, кто убивал с ним старого султана. Справедливость и порядок нарушил эмир Айбек. И они убили его...».

Вот и доказательство моего тезиса об отношении Бейбарса к любой радости и наслаждению. Они подталкивают человека к нарушению естественного порядка, лишают его способности «глядеть и идти прямо». А вот Котуз, ставший султаном после Айбека, делал всё правильно. «Раньше, чем стать султаном, захотел он остаться без девяти, которые были возле него... Остался только он, Бейбарс, из девяти, которые были с Котузом».

Отправлял Котуз Бейбарса через пустыню, чтобы тревожить франков, там мамелюки впервые столкнулись с монголами. Для Бейбарса монгольское войско было достойным врагом, ибо они также знали, что значит идти прямо: «Они были барбарои и шли всегда прямо, не сворачивая. А на длинной монгольской дороге были города и страны, где эмиры умели писать и читать написанное. И люди в этих городах и странах знали бога, который мешал им смотреть прямо. И они всегда искали не прямой путь к спасению. И монголы шли прямо, и их путь был всегда самый короткий».

На способности глядеть и идти прямо мне бы хотелось остановиться. Этому аспекту личности в произведении уделяется своя доля внимания, и я хотел бы прояснить, что он означает. Глядеть прямо или идти прямо – означает не иметь сомнений и чётко видеть перед собой. Есть те, которым мешает либо их Бог, либо изнеженность от мирских отрад, а потому не могут они знать прямого пути, и те, как Бейбарс, не давая ничему затмить свой разум, чтобы знать прямой путь и всегда следовать ему, ибо он правилен.

Возвращаясь к повести... В битве при Айн-Джалуте мамелюки одолевают войска монголов. Эта легендарная победа

над, как тогда всем казалось непобедимой армией, дала Бейбарсу прозвище Абуль-Футух—«Отец Победы».

Вернувшись с победой, Бейбарс убил Кутуза и сам стал султаном. Книга не стала раскрывать этого подробно, но она побудила меня узнать больше о герое повести, так что я принялся читать о нём и нашёл несколько источников о жизнеописании и деятельности султана Бейбарса, среди которых была «Книга поучений и назидания» Абу-ль-Аббаса-аль-Макризи, современника султана Бейбарса, и вот что было написано там.

Когда Кутуз отправился навстречу татарам и победил их, то, едва прибыл в Дамаск, как ему донесли, что эмир Бейбарс порицает его, изменил свое отношение к нему и стремится свергнуть его. И Кутуз поспешил вернуться из Дамаска в Египет.

И он затаил ненависть к Бейбарсу, о чем знала его свита. И узнал об этом Бейбарс и возымел отвращение к Кутузу, и каждый из них чуждался другого, боясь за себя, и выжидал случая [для нападения]. И Бейбарс выступил первым, сговорившись с эмирами Сайф ад-дином Балабаном ар-Рашиди, Сайф ад-дином Бидганом ар-Рукни по прозванию «Смертельный яд», Сайф ад-дином Балабаном ал-Харуни и Бадр ад-дином Анасом ал-Исбахани...

А Кутуз отклонился от [намеченного] пути и отправился на охоту. И, приговорив его, они [эмиры] примкнули к нему, и при возвращении Бейбарс со своими сторонниками находился с его левой стороны. И Бейбарс попросил у него рабыню из пленных татар, и тот подарил ему ее. И Бейбарс выступил вперед, чтобы поцеловать его руку, а это был условный знак для его сподвижников. И когда они увидели, что Бейбарс схватил султана Музаффара Кутуза за руку, выступил эмир Бактут *джукандар* (Джукандар – эмир, носивший султанский *джукан* – деревянный шест с загнутым концом для игры в мяч верхом (так называемое поло, игра в поло была широко распространена в средние века на мусульманском Востоке, включая Египет[1], [2]) и ударил его в свою очередь мечом по плечу, а эмир Анас схватил его и сбросил с коня на землю. И выстрелил в него

Бахадар ал-Магриби, и убил его, и это произошло в субботу пятнадцатого зу-л-када 658 года (То есть 23 октября 1260года).

И отправились они в галерею на совет, и выбор пал на эмира Бейбарса. И подошел к нему Актай-мустариб (букв. «нечистокровный араб», «арабизированный») джамдар, по прозвищу «атабек», и поклялся ему, и принес присягу, а затем остальные эмиры, и дали ему титул «Малик Захир», и это происходило во дворце.

А когда завершилась присяга и все эмиры дали клятву, эмир *Актай-мустариб* сказал ему: «О, друг! Не может считаться законченным дело твоего избрания, пока ты не прибудешь в Каир и не поднимешься в цитадель!». И тот тотчас же отправился в крепость, и с ним были эмир Калаун, эмир Балабан ар-Рашиди и эмир Билбакхазиндар, и встретил их на пути эмир Изз ад-дин АйдамурХалеби – заместитель на время отсутствия Музаффара Кутуза. И вышел он навстречу Бейбарсу, и ему сообщили о случившемся, и присягнул он, и повел всех ко дворцу.

И стояли они у ворот, пока не настала ночь, а затем вошли в них. А Каир был украшен по случаю прибытия султана малика Музаффара Кутуза, и люди радовались поражению татар и возвращению султана, и не обратили внимания на прибывших, и узнали обо всем лишь на рассвете. И факельщики стали призывать народ молиться о ниспослании милосердия малику Музаффару и признать своим султаном малика Захира Бейбарса...

Источник детально рассказывает об убийстве Кутуза и восхождении на султанский трон Бейбарса. Рассказывается и его борьбе с крестоносцами. И отвоевал Аллах его руками захваченные франками Цезарею, Арзуф, Сафад, Табарию, Яффу, Шакиф, Антиохию, Баграс, Кусайр, Хисн ал-Акрад, Карин, а также крепости Акку, Сафиту, Маракию и Халбу. И отнял он у франков Маркаб, Баниас, Антартус, а у правителя Сиса – Дарбасак, Даркуш, Талмиш, Кафардин, Раабан, Марзабан, Куник, Адану и ал-Масису. И подчинены были ему мусульманские города: Дамаск, Баальбек, Аджлун, Босра, Сархад, Салт, Химс, Тадмур, Рахба, Телль-Башар, Сахиун,

Балатунус и крепости Кахф, Кадмус, Улайка, Хаваби, Русафа, Масиаф, Кулайя, Карак и Шаубак, и занял он Нубию и Барку».

Все эти невероятные события происходят с Бейбарсом. Ныне он правитель. И песни поют о нем, когда собирают в фартуки хлопок, и раньше имени бога кричат с минаретов его имя, и именем его называют детей. И когда умрет он, святым будет в стране Миср все, чего он касался... И вот сейчас он, всемогущий султан страны Миср, шёл в очередной раз к наложнице. Это слово... «Куке». Оно было с ним, хоть он, казалось бы, забыл его значение, да и само слово тоже забыл. А вспомнил тогда, когда приходил к наложнице, чья мать была кыпчакской рабыней, и кричала она тогда это слово – «Куке!». Слово заставило Бейбарса вспомнить некоего человека в кожаных штанах. Но он никогда не мог вспомнить лица этого человека. Если бы он вспомнил, то знал бы, откуда в нем это слово...

Человек в кожаных штанах пришел из безвременья. Он был всегда. Штаны его пахли теплой дорожной пылью и морем. Это он помнил. Помнил он, как и когда его вынесли с галеры, кто-то на площади тихо позвал: «Ку-ке!». И сейчас, придя к наложнице, услышал он, как она всхлипнула и тут... «Куке-е!». Словом вдруг разорвало ему горло. Горькими сразу сделались губы. И он все вспомнил... Вспомнил и человека в кожаных брюках, и своего куке, пронзенного монгольской стрелой...

И пошёл тогда он в Зал Приёмов и испил из той же чаши, из которой выпил отравленный ядом в ней Барат.

Так погиб Бейбарс девятнадцатого мухаррама 676 года или в 1277-ом году от Рождества Христова. И плакали люди страны Миср, и с минаретов кричали его имя раньше имени бога, и святым стало в стране Миср все, чего он касался.

И как жил он, так и умер – чтобы не знали, где его могила. В Дамаске показывают ее, и в Эль-Кахире, и в других местах...

Слово «куке» на протяжении повести упоминается всего несколько раз. Оно олицетворяет собой прошлое Бейбарса. Ведь кыпчаком он был. Идею повести М. Симашко подало стихотворение А. Майкова «Емшан». Отсюда и название её. Стихотворение повествует о братьях кыпчаках, один из которых стал правителем на Кавказе. Первый брат зовёт его обратно,

передав ему через посла емшан – пучок сухой степной травы, и её запах, напомнивший второму брату о родной степи, заставляет его вернуться.

Вот такая история. Она повествует о человеке, который, даже оказавшись на дне, возвысился.

Хотелось бы сказать пару слов и об авторе повести. М. Симашко родился 18 марта 1924-го года. Как и все, достигнув призывного возраста, воевал на фронтах Великой Отечественной войны. После возвращения с фронта отучился в Алма-Ате и поехал жить и работать в Туркменистан. Уже там он вспоминал о бесконечно богатом историческом наследии Азии: «Однажды я, тогда еще молодой журналист, волею судьбы, заброшенной в Туркмению, оказался в центре огромной евразийской равнины и вдруг понял, что нахожусь в пространственном измерении, неизменном от начала времен. О, будто и сам жил теперь среди них, проживая не прожитые и не пережитые здесь, на выпавшем мне этом отрезке вечного времени. И теперь каждый поворот головы, манера речи, усмешка нового человека служили мне здесь, как бы, как ни странно, окном в прошлое. Надо же! Мне, как писателю, несказанно повезло. Я жил здесь, в Туркменистане, среди потомков древних греков и персов, гуннов и арабов, сельджуков и огузов-каракиаев и монголо- татар».

В окружающих ему виделись герои его произведений: «Морис с удивлением это отмечал и, торопясь, записывал своих героев, живших когда-то где-то, но теперь так понятных ему, будто кто-то терпеливо и аккуратно подсовывал ему главное, что сгодится для его романов. Все с этого момента у него враз поменялось. С этого времени, с этого озарения не писать историческую прозу журналист Морис Симашко уже не мог. Особые пути всегда отвергались временем. все было и есть неизменно», – цитирую фильм А.Головинского «Миры Мориса Симашко».

М. Симашко любил Азию. Любил он и Казахстан, культуре которого посвятил немало времени и трудов. Это и повесть «Емшан», написанная им в 1966-ом году под влиянием его бесед с О. Сулейменовым и нашедшая своё отражение на больших

экранах в фильме «Султан Бейбарс» в 1988-ом. Написанная им в сотрудничестве с Народным писателем А.Алимжановым пьеса «Степной Комиссар», поставленная в Алма-Атинском театре в 1977-ом году. Его переводы произведений казахских писателей на русский язык: «Пробуждённый край» Г. Мусрепова и т.д. За перевод трилогии «Кочевники» И. Есенберлина М. Симашко был удостоен Государственной премии Республики Казахстан имени Абая.

Много хорошего говорил он о казахской культуре и языке: «Основные мои переводы были с казахского языка. Не могу похвалиться тем, что владею им. Знаю лишь его упрощенный, “базарный” вариант с вкраплениями других тюркских языков... Понимаю смысл сказанного, синтаксис, но разве осилишь все нюансы этого удивительно богатого, насыщенного подтекстами языка!.. Приходилось всякий раз обращаться к помощи друзей и самих авторов».

Мориса Давидовича уже нет с нами, но память о нём живёт ... В марте 2021 года республиканская общинная библиотека им. М. Симашко стала инициатором проведения онлайн-конференции «Первые международные литературные чтения, посвященные творчеству Народного писателя Казахстана Мориса Симашко». И с тех пор Чтения проводятся ежегодно, с докладами выступают литературоведы Европы, России, Израиля.

Я лишь надеюсь, что среди моих сверстников имя и творчество М. Симашко станут более известны и узнаваемы, ведь он много трудился, чтобы прославить казахскую культуру. Так отчего же нам, носителям этой культуры, не отплатить ему тем же?..

Литература:

1. Иностранцев К. К истории игры в поло // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. – СПб., XIV, 1901. – С.108-113.
2. Ayalon D. Notes on the furusiyya exercises and games in the Mamluks' ulthanate // Studies in Islamic history and civilization (ed. by U. He-ym). – Jerusalem, 1961. – P.53-55

Четвертые международные литературные чтения,
посвященных 100-летию со дня рождения Народного писателя Казахстана Мориса Симашко

Фото Д. Лукьянец, 2024 г.

Слева направо:

Адо́льф Арцише́вский – Член Союза писателей Казахстана, Международного Казахского ПЕН-клуба, Союза журналистов РК, Союза театральных деятелей и Союза кинематографистов Казахстана, поэт, прозаик

Серик Байарыстанов – Заместитель директора по научно-методической работе КГ ОШ № 95

Справа налево:

Серик Байарыстанов – Заместитель директора по научно-методической работе КГ ОШ № 95

Адо́льф Арцише́вский – Член Союза писателей РК

Светлана Цой – Учитель-исследователь КГ ОШ № 95

Ольга Пак – Учитель-исследователь КГ ОШ № 95

Инесса Чугайнова – Директор РЕБОО «Центр Забота-Хэсэд Полина»

Справа налево:

Фархат Тамендаров – Главный редактор журнала «Простор», секретарь Союза писателей РК
Мерекхуан Кулкенев – Председатель Правления Союза писателей Казахстана
Кенжетхан Матыжанов – Генеральный директор Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова КН МОН РК, доктор филологических наук, член-корреспондент НАН РК, Заслуженный деятель РК

Слева на право:

Светлана Ананьева – Заведующая отделом международных связей и мировой литературы Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, к.ф.н., ассоциированный профессор, член Правления Союза писателей РК и исполкома Международного Казахского ПЕН-клуба
Адольф Арцишевский – Член Союза писателей Казахстана и Международного ПЕН-клуба, Союза журналистов РК, Союза театральных деятелей и Союза кинематографистов Казахстана, поэт, прозаик

Слева направо:

Александр Барон – Член Совета АНК, Председатель Совета О.Ю.Л. Ассоциации «Мицва»
Светлана Ананьева – Заведующая отделом международных связей и мировой литературы
 Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, к.ф.н.,
 ассоциированный профессор, член Правления Союза писателей РК и исполкома
 Международного Казахского ПЕН-клуба

Кенжехан Матыжанов – Генеральный директор Института литературы и искусства
 имени М.О. Ауэзова КН МНВО, Заслуженный деятель РК

Участники IV Международных литературных чтений,
 посвященных 100-летию со дня рождения Народного писателя Казахстана Мориса Симашко

Слева направо:

Адольф Арцишевский – Член Союза писателей Казахстана и Международного ПЕН-клуба, Союза журналистов РК, Союза театральных деятелей и Союза кинематографистов РК, поэт, прозаик

Александр Барон – Член Совета АНК, Председатель Совета О.Ю.Л. Ассоциации «Мицва»

Кенжехан Матыжанов – Генеральный директор Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО, Заслуженный деятель РК

Фото из архива О.Ю.Л. Ассоциации «Мицва», 2024 г., Алматы

Участники IV Международных литературных чтений, посвященных 100-летию со дня рождения Народного писателя Казахстана Мориса Симашко

Фото Д. Лукьянец, 2024 г.

Слева направо:

Александр Барон – Член Совета АНК, Председатель Совета О.Ю.Л. Ассоциации «Мицва»
Бигельды Габдуллин – Президент Международного Казахского ПЕН-клуба, писатель

Слева направо:

Александр Барон – Член Совета АНК, Председатель Совета О.Ю.Л. Ассоциации «Мицва»
Аслан Жаксылыков – Академик Международной академии информации, доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей Казахстана и Исполкома Международного Казахского ПЕН-клуба, председатель Совета по русской литературе и литературным связям Союза писателей РК, КазНУ имени аль-Фараби

Слева направо:

Александр Барон – Член Совета АНК, Председатель Совета О.Ю.Л. Ассоциации «Мицва»

Юрий Каштелюк – журналист, публицист

Кенжехан Матыжанов – Генеральный директор Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО, Заслуженный деятель РК

Фото из архива О.Ю.Л. Ассоциации «Мицва», 2024 г., Алматы

Слева направо:

Александр Барон – Член Совета АНК, Председатель Совета О.Ю.Л. Ассоциации «Мицва»

Ноэль Шаяхметов – Журналист, автор и ведущий телепрограммы «Алматинские истории»

Талаева Милана
11«Б» класс, КГ ОШ № 95
«Султан Бейбарс»

Аубакиров Алдияр
КГ ОШ № 95
«Султан Бейбарс»

Выставка работ, посвященных произведению М. Симашко «Султан Бейбарс»

Банникова Екатерина,
9 «Б» класс, КГ ОШ № 95
«Дерево мамлюков»

Пожигайлова Ева,
Борисова Софья
9 «Д» класс, КГ ОШ № 95
«Султан Бейбарс»

Выставка работ, посвященных произведению М. Симашко «Султан Бейбарс»

Фото Д. Лукьянец, 2024 г.

Участники IV Международных литературных чтений, посвященных 100-летию со дня рождения Народного писателя Казахстана Мориса Симашко

Maurice Simashko and his creativity

*It was a sign, and I have understood everything
And started writing again.
M.Simashko*

Maurice Simashko is an outstanding writer who lived and worked in Kazakhstan. His creativity covers a wide range of topics and genres, from historical prose to drama.

A look at his literary legacy let us see several aspects of his work.

1. Historical perspective

Simashko turns to history as a source of inspiration for his work. Actually, he is considered to be one of the founders of the genre of historical prose in Central Asia.

He writes about various periods and events, reflecting the historical circumstances and the influence of the past on modernity. The writer managed to raise the historical layers of antiquity, scrupulously describe the details of a long-past life. His works not only tell the readers about the past, but also analyze its significance for the present and future.

2. National identity

While living and working in Kazakhstan, Simashko addresses to the topics related to Kazakh culture and history. He explores national traditions, customs and the mentality that makes his work an important part of the cultural heritage of Kazakhstan.

3. In-depth-analysis

Simashko's works are characterized by a deep understanding of human psychology and social processes. He analyzes the complex moral dilemmas, social problems and the inner world of his characters and all these make Simashko's creativity interesting, multifaceted and relevant.

4. Artistic mastery

Simashko has a vivid artistic style and the ability to create picturesque images and exciting stories. His incredible power to describe atmosphere of past eras at the level of taste, colour, smell, emotions and feelings and draw historical parallels between the distant past and the contemporaneity makes him really one of the greatest writers of the 20th century. It seems, that Simashko laid the cultural bridges between civilizations. This amazing artistic mastery makes Simashko's work invaluable and significant in literary world.

5. Cultural dialogue

Having been the translator of Kazakh literature into Russian, Simashko promoted cultural exchange and mutual understanding between different nations. His work in the field of translation helped attract attention of Kazakh of Kazakh writers to the Russian speaking audience and enrich Russian literature with new cultural traditions and perspectives.

In general, creativity of Maurice Davidovich Simashko is an important element of the cultural heritage not only of Kazakhstan but Russia as well. His works continue to inspire and influence readers of different generations.

АРЦИШЕВСКИЙ АДОЛЬФ

«Емшан» в потоке времени

Устроители Симашкиных чтений пошли на любопытный эксперимент. Попросили группу старшеклассников 95 школы Алматы прочитать повесть «Емшан» и высказать о ней своё мнение. Уму, едва достигшему восковой спелости, предстояло выйти на помост тяжеловесов и взять неприподъёмный интеллектуальный вес. При этом, не надрываясь, просто испытать пределы своих мыслительных способностей, попробовать приноровиться к сложному процессу аналитической работы души и разума.

Уже само слово *емиан*, вынесенное в название повести, несёт в себе потаённую горечь, в нём отзвук печали, негромкой, но властной. В слове том и раздольная степь, и пронзительно синее небо. И там не просто Солнце, там Тенгри простёр свои крылья и уносит нас вглубь времён, и будит в нас, быть может, полузабытый голос матери, и солоноватый из далёкого детства привкус курта, прикосновение отцовской ладони и пьянящая терпкая свежесть кумыса. И всё это в глубинах души Бейбарса, порой на уровне предчувствий. И всё это в дыхании текста повести, всё это, вникая в текст, ты невольно услышишь, почувствуешь и проживёшь. И если это произошло, твоя жизнь станет осмысленнее, многозвучнее, богаче. И не только глаза твои обретут новую зоркость, но ты обретёшь зоркость сердца, обретёшь то, что называется окрылённость души.

Вы поняли, какую задачу (и даже сверхзадачу) ставили перед собой устроители Чтений, вовлекая школьников и, разумеется, учителей в этот непростой и даже рискованный эксперимент? Вникать в его результаты было поручено мне. Я не без опасения смотрел на мощный блок документов, прибывших на мою электронку. Сочинения школьников на заданную нами тему. Их предстояло внимательно прочитать, пропустить через свою органолептику, оценить. Смогу ли осилить? Но надо, надо. Даже через не могу...

Я читал и вчитывался в эти первозданные тексты. Порой казалось, что написаны они людьми из страны непуганых птиц. Но я-то знал, что это далеко не так. Всё же к девятому классу (я уж не говорю о десятом, одиннадцатом) человек не понаслышке соприкасался с текстами Толстого и Достоевского, а значит, понимает, что даже глухонемой Герасим из «Му-му» Тургенева несёт в своей душе ад крошечный, а это роднит его уже с Родионом Раскольниковым, по крайней мере. И простая ученическая линейка едва ли годится для определения шкалы ценностей в характере Бейбарса, здесь нужна линейка, по крайней мере, логарифмическая. И кое-кто неумело и робко пытался её применить.

Но здесь наших отроков и отроковиц подстерегала другая крайность.

Герой «Емшана» Бейбарс – кипчак из рода Берш, «четвёртый бахристский султан, по прозвищу Абул-Футух, победитель монголов и крестоносцев. С 1260 по 1277 годы от р. Хр.правил он страной Миср» (т.е. Египтом). Конечно, это славный предок наших соотечественников, строящих сегодня новый Казахстан. Нет, но тут есть чем гордиться. Ещё бы! Кипчак в незапамятные и достославные времена был властелином Египта. И тут мы невольно ступаем на почву патриотизма.

Юная душа, не в силах одолеть восторга, готова взять Бейбарса как некий эталон, пример для подражания. И это красной нитью проходит почти во всех отзывах школьников о «Емшане». Душа взыскует великих примеров. Как там у Маяковского? «Юноше, обдумывающего жизнь, решающему, делать жизнь с кого, скажу не задумываясь – делай её с товарища Дзержинского». То есть Бейбарс невольно нежданно-негаданно уподобляется Дзержинскому, «и комиссары в пыльных шлемах склонились молча надо мной». Но это, согласитесь, несколько далековато от страны Миср и Бейбарса как такового. Если уж говорить о драматичных и даже кровавых коллизиях в судьбе Бейбарса, о том, что он в силу обстоятельств постоянно находится «у бездны мрачной на краю», то здесь на память приходит другая хрестоматийная аналогия, тоже с правителем державы, и тоже «мальчики кровавые в глазах». «Борис Годунов», до боли знакомый из школьной программы. Но едва ли кому из юношей, обдумывающих жизнь, придёт на ум взять Годунова за образец для подражания. Оба они, и Бейбарс, и Годунов, живут, что говорится, на разрыв аорты, и оба гибнут, в сущности, потерпев полный крах. Но главное то, что пока ещё дремлющая интуиция подсказывает школьникам всю мучительную двойственность существования Бейбарса. И это читается – не может не читаться! – между строк их, быть может, первых в жизни уже не просто школьных сочинений, а литературоведческих студий.

– Да, эксперимент был непрост, – говорит председатель Совета Ассоциации «Мицва» Александр Барон. – Хотя перед нами

стояла, я думаю скромная цель: пробудить в школьниках не только интерес к чтению, но и к самостоятельному, без понукания учителей, осмыслению прочитанного. Без натаскивания и без подсказок. Кажется, нам это удалось.

Так чему же нас учит повесть М. Симашко «Емшан», этот небольшой ёмкий текст, он «томов премногих тяжелей»? Чему нас учит жизнеописание нашего славного пращура Бейбарса? Ответ прост, но ценно то, что он явился результатом коллективного мозгового штурма учеников 95-й школы южной столицы.

Человек – неотъемлемая частица великого целого, что носит название – Отечество. В нём, в человеке, кровная связь с землёй, его породившей. С народом, менталитет которого пульсирует в душе каждого из нас. Без них жизнь человеческая обесценивается, теряя свой высокий, сокровенный смысл.

ШАШКОВА ЛЮБОВЬ

Морис Симашко: «История перед нами не виновата»

Когда в литературно-художественных кругах Москвы или Санкт-Петербурга узнают, что ты знаком с Морисом Симашко, то сначала зауважают, а потом начинают расспрашивать: кто он, какой он, а заезжие гости просят если не свести, то хотя бы показать издали.

Для нас же привычно, что Морис Давидович Симашко, признанный мастер исторической прозы, живет и работает в Алма-Ате, что именно здесь впервые увидели свет книги, переведенные чуть ли не на полсотню языков мира и особенно почитаемые в Польше, Германии, Франции.

«Повести Черных песков», «Повести Красных песков», «Маздак», «Искупление дабира» – книги из истории Востока, в которых скрупулезное научное исследование счастливо сочетается с яркой художественностью.

Не изменяет своей творческой манере Морис Симашко и в последних вещах – «Семирамида», «Гу-га», «Падение Ханабада», в которых история тесно переплетена с днем сегодняшним, а события многолетней давности словно проецируются на сегодняшний день, подтверждая мысль одного из именитых критиков, что вся мерзость реакции находит свои аналогии в картинах прошлого.

Наверное, писатель мог бы о своем творчестве сказать словами древнего ученого-историка из «Искупления дабира»: «Я же, взявшись за сей труд, хочу воспроизвести историю полностью и вымести прах из всех углов и закоулков, дабы ничто из происходящего не осталось сокрыто».

Тем удивительнее была первая фраза, с которой начал нашу беседу Морис Давидович:

– Пожалуй, хватит говорить о прошлом, пытаюсь объяснить или оправдать им сегодняшний день. Революция, Ленин, Сталин не явились на арену истории сами по себе. Другое дело, что вос-

пользовались ситуацией. Не бывает так, что вот сел Маркс, задумал некую каверзу, а в России после этого случилась революция. Или даже, что ближе к Марксу, – Парижская коммуна. Убежден, что тогда на баррикадах Парижа не нашлось бы и пяти человек, кто читал Маркса. Есть исторические причины в любом историческом действии, а история ни правой, ни виноватой не бывает, она лишь выдвигает в тот или иной период соответствующих времени деятелей.

– И, согласно ее ходу, совершаются нынешние события в нашей стране?

– Безусловно. Мы присутствуем при смене одной общественной формации другой, в переходный революционный период – нравится ли, не нравится нам это слово. Наш соцлагерь кончается в конвульсиях, начинается совершенно другой отсчет времени. Да, жизнь сейчас нелегкая, сложная, чревата многими опасностями. Но она и не может быть иной. Другим может быть будущее, поверяя прошлым настоящее. В этом, если хотите, истоки оптимизма, которого так не хватает нашему обществу сегодня. Если будем думать и говорить об одном плохом, то оно и получится.

– То есть, изжив себя в терроризме, в насилии, в лжеистинах, общество обретет истинные ценности, найдет свой путь среди разверзшегося хаоса?

– Да. Но осознание поступательного хода истории не означает пассивного ожидания исхода. Надо уже сегодня работать на будущее. И здесь на первый план выступает самосознание личности. Что я имею в виду? Вот в прошлом году я был в Тунисе. Когда фундаменталисты (то есть идеологи вне зависимости от формы идеологии) попытались там заметить светскую власть идеологической, они встретили мощный отпор общества, уже вкисившего от демократических свобод и институтов. То же самое противостояние в разных формах происходит сейчас по всему Востоку. Сторонники приоритета идеологии нетерпимы к личности, к ее праву, данному от рождения.

– А опираются они на самые темные силы и институты, или, цитируя из «Маздака», «на тех многочисленных, кто

прост умом и желаниями, а потому безропотен, а кто высывается из ошейника... или умствует, того надо искоренить». «Маздак» по сути дела, о том же – о фашиствующей диктатуре. Это очень современно звучащая вещь, не даром ей сейчас заинтересовались польские кинематографисты.

– Мне не раз уже приходилось писать об этом. Вот почему образец для меня исторически и религиозно мыслящего деятеля – великий Кемаль-паша Ататюрк. Подлинный патриот, истинно верующий человек, он сумел разглядеть путь в будущее своей страны и народа. Не в осатанелости имперских амбиций (а То-манская империя совсем недавно простиралась от Кавказа и Персидского залива до Атлантического океана прихватив огромный угол Европы и закономерно превратившись в рыхлоготелом «больного человека») и не в фанатичном кружении дервишей состоял этот путь, не в отделении, а во вхождении в общую семью человечества при сохранении своих национальных особенностей.

Не замыкаясь в узком, ведущем в исторический тупик, фундаментализме, Кемаль-паша, отец тюрок, принимая разнообразную помощь от советской России, не попался и в другую идеологическую ловушку – утопический социализм, ведущий в другой тупик. Он стал первым президентом на Востоке. И сегодня Турецкая республика в союзе передовых государств с уверенностью смотрит в будущее: ни «серые волки» с коричневым оттенком, ни всевозможные аятоллы, ни, тем более, демагоги-утописты не могут сбить ее с этого пути.

– Известно, что нынешний Президент Турецкой республики еще в прошлом году посетил Казахстан, у нашей республики крепнут связи с ближайшим соседом. Так, может быть, турецкий путь и есть истинный путь для развития суверенной Республики Казахстан?

– Сейчас в ряде стран Востока, входивших недавно в различные империи, идет прямая и подспудная борьба за выбор пути. Там, где выбирают, а точнее навязывают народам тупиковую дорогу, там происходит восьмилетняя ирано-иракская война, принесящая неисчислимые бедствия обоим народам, и также

агрессия в соседнем Кувейте. А внутри таких государств – ксенофобия, казни, пытки, государственный терроризм и перманентная гражданская война. А там, где доминирует политика, созвучная турецкому пути, успехи налицо, и, прежде всего, защищены права личности.

В прошлом году мне пришлось побывать в Тунисе по приглашению писателей и общественности этой страны. Там, как и в любой стране, есть свои проблемы, но жизнь течет созвучно остальному человечеству: идет самый широкий обмен с бывшей метрополией – Францией, где учатся многие тысячи тунисцев, франко-тунисские современные предприятия, работающие как в Тунисе, так и во Франции, выходят французские газеты, интеллигенция большей частью двуязычна и находит в этом большие преимущества.

Впрочем, так же тесно связан Тунис с другими развитыми странами всех пяти континентов. Здесь постоянно живут и работают много иностранцев. Наряду со знаменитыми древними мечетями действуют католическая, протестантская, православная церкви, большая и древняя синагога. Все так, как было по поводу «людей Писания» завещано Пророком...

– **Ваши произведения издавались в Тунисе?**

– Да, причем в связанных с религией изданиях: «Маздак», «Хадж Хайяма», но их переводили уже с французского...

– **Ну хорошо, Морис Давидович, в Тунисе хорошо. А нам-то конкретно что сейчас делать?**

– Входить в автобус с задней площадки, а выходить с передней. Да, да, когда научимся этому, то и в истории будем так же поступать. Недавно читал я о Сингапуре. В начале века там еще бегали по пояс голые рикши с колясками и кули с мешками на плечах грузили на пароходы. Теперь это маленькое и, подчеркиваю, многонациональное и многоконфессиональное государство по ряду параметров обгоняет Америку и Японию, о нас я уже не говорю. Там нет голодных, покончено с мафией и, пожалуй, построено то, что мы в своих несбывшихся снах считали социализмом. И все на «капиталистической», а точнее, разумной человеческой основе.

Так вот, на развалинах после японской оккупации они начали именно с того, что за посадку в автобус молодого человека с передней площадки неукоснительно брали с него штраф в размере пяти долларов.

Сейчас за это, за брошенную в парадной или на улице спичку, за переход улицы в непопозволенном месте берут двести долларов. А простите, за немытый после себя унитаз в общественном туалете – пятьсот. Неукоснительно!

А мы с чего начали свое раскрепощение от диктатуры? Со всего наооборот. И политики наши совершенно закономерно, порой, поступают так же с куда более серьезными вещами. Путаям демократию с торжеством хамства и вседозволенности. И ждем плодов...

– Морис Давидович, а каких плодов нам ждать от экономических реформ?

– Я не специалист в этом вопросе и могу судить лишь как много лет проработавший в Средней Азии журналист. Еще два года назад в «Литературной газете» была напечатана глава моей повести «Падение Ханабада», где я говорил, между прочим, о необходимости возрождения дехканства, наделение его землей, водой, пастбищами.

– Да, я тогда с удивлением узнала, что дехканин – это, оказывается, не затурканный подневольным трудом колхозник, а наооборот, свободный земледелец, более того – землевладелец. Такова этимология этого слова.

– Дехканин – очень высокое звание, и это удивительно трудолюбивый, просто неистовый в своем трудолюбии народ. Эту мою статью из «Литгазеты» тотчас перевели на таджикский, туркменский, узбекский языки. Ко мне посыпались письма от парламентариев, друзей писателей, телеграммы с благодарностями. Узбеки прислали бригаду снимать по этому поводу фильм.

– Ну а землю-то в конце концов отдали?

– Там этот процесс уже необратим, он давно назрел, не хватало как бы толчка извне, а для чиновников, как всегда – из Москвы. А вот у нас в Казахстане отстают с этим. Пока, по существу, одни лишь разговоры. Земледелец и чабан продолжают

прочно находиться в узде номенклатуры, не имеют собственной пашни и пастбищ. Это устраивает чиновников во всех смыслах. Да и горожане у нас, все желающие, так и не получили землю, а грянет новая весна, сев. Одним словом, закупорили переднюю и заднюю двери и ждем результатов.

– Раз уж речь зашла о земле... Морис Давидович, вот мы беседуем с вами, а на столе лежит свежая «Комсомолка», и на первой полосе сообщается об Указе Президента Акаева об образовании немецких национально-культурных округов с принятием немцами двойного гражданства – ФРГ и Республики Кыргызстан. Как вы оцениваете этот Указ? Я помню в статье «Религия злых и серых», опубликованной в «Литературной газете» в октябре прошлого года, вы с болью писали: «Еврейский вопрос... немецкий вопрос... армянский вопрос... Лишь недалёкие, не умеющие исторически мыслить люди не понимают, что все это – русский вопрос». И вот сейчас мы видим, что немецкий вопрос – это и казахский вопрос, и украинский вопрос, и киргизский вопрос...

– Да, вопрос прав человека – единый для всех, и именно под этим знаком входит человечество в третье тысячелетие нашей эры. Кто останется сзади, рискует остаться там навсегда.

В этой статье я писал об украинских землях, заселённых немцами еще при Екатерине. Кравчук, а точнее Украина, совершенно справедливо возвращает их этому народу. Не менее мудро и решение Акаева. Подумайте, сто тысяч переселенцев в Германию дали за прошедший год около шести миллионов марок чистой прибыли. Разве было бы плохо, если бы эти деньги остались в России или Казахстане?

– Морис Давидович, а как вы относитесь к образованию независимых государств, к распаду державы?

– Как к исторической неизбежности, опоздавшей, по меньшей мере, на полвека. Отсюда, от этого опоздания, и наши нынешние проблемы. И нечего этого бояться. Мы продолжаем жить в том же окружении, на той же земле. И я, например, продолжаю поддерживать те же добрые отношения со своими друзьями в Москве, Риге, Вильнюсе, Киеве, Тбилиси, Ташкенте,

Ашхабаде, разве что почтовые расходы удешевились. И, как прежде, эти связи происходят у меня не по велению чиновников от литературы, а по велению сердца. Когда я узнал, что в последних событиях в Тбилиси молодчиками президента ранен Чабуа Амириджиби, я сразу понял, на чьей я стороне в грузинском вопросе.

– И последний, традиционный вопрос: над чем вы сейчас работаете, что у вас выходит нового?

– После поездки в Тунис я написал художественно-публицистическую повесть «Путешествие в Карфаген». Пролог к ней напечатал журнал «Столица», ряд московских журналов публикует из нее фрагменты, а полностью она выходит сразу в двух московских издательствах. Сейчас работаю над публицистической серией «Советская страна».

Вечерняя Алма-Ата, 28 февраля 1992 года

АНАНЬЕВА СВЕТЛАНА

Диалог через века

18 марта исполнилось бы 100 лет со дня рождения Народного писателя Казахстана, вице-президента Казахского ПЕН-клуба, стоявшего у истоков его создания, Лауреата Премии мира и духовного согласия, писателя, драматурга, переводчика Мориса Симашко.

Центральноазиатский регион издревле служит культурным источником ренессанса. Свобода мысли преобладала в учениях и творчестве Аль-Фараби, Хайяма, Баласагуни. В менталитете проживающих на этой территории народов остался след великих караванных путей, кочевий. «Философией жизни, путем через века и цивилизации» называл Великий Шелковый путь Морис Симашко: «На этом пути, когда пульсировал он без препятствий, вспыхивали в космической тьме костры человеческого духа. Именно тогда, когда день и ночь двигались по нему

караваны, на всем протяжении его являлись имена Авиценны, Бируни, Фирдоуси, Хайяма, Хорезми, Рудаки, Рашидаддина, Улугбека, Саади, Фараби, Яссауи, Навои, Фраги и много других, без которых распадается связь времен... В непрерывном движении сохранены были от европейского сумрачного застоя Аристотель, Платон, Гиппократ. Костры разгорались от сквозного, дующего через всю ойкумену ветра и меркли, когда закрывались двери». Мусульманский ренессанс, был уверен писатель, происходил на полтысячелетия раньше европейского.

Идеи культурной дистанции и культурного трансфера позволяли писателю свободно преодолевать границы между языками, культурными системами, традициями, мировыми цивилизациями, соединяя страны, миры, континенты. Великолепный переводчик на русский язык произведений Ильяс Есенберлина, Габита Мусрепова, Утебая Канахина, Токена Алимкулова, Дукенбая Досжана и других казахских писателей, Морис Симашко всемерно пропагандировал казахскую историю и культуру, создал романы об Ибрае Алтынсарине, Алиби Джангильдине. Образные миры казахской и русской литератур обогащались в его творчестве и раскрывались новыми, неизвестными ранее гранями.

Духовный мир личности Ибрая Алтынсарина, его наставников и друзей – в центре романа «Колокол». Манера повествования стилизована под стиль XIX века, что придает роману особое очарование. Читатель погружается в размеренный ритм исторической прозы М. Симашко, в которой неразрывны судьбы казахских и русских педагогов-просветителей и их учеников. Роман «Колокол» репрезентирует в художественных образах картину жизни казахского общества XIX века. Поэтика и стиль произведения характеризуются чередованием авторского повествования с внутренними монологами героев, органичным включением в текст романа подлинных исторических документов, переписки Ибрая Алтынсарина с Николаем Ильминским, цитат из герценовского «Колокола».

В художественных образах воссозданы судьба и окружение выдающегося педагога-просветителя Ибрая Алтынсарина. В названии романа находят отражение и идеи «Колокола», призывающего к борьбе, и звук первого школьного звонка, огласивший

степь. Особой символикой отмечена одна из последних сцен произведения – открытие новой школы: «Сильный, высокий звон раздался в воздухе, перелетел Тобол, укатился в степь...». Колокол – это и призыв к просвещению

Тема Востока, его искусства и науки проходит красной нитью через цикл «Повести Красных и Черных песков», объединяющий «Искушение Фраги», «Хадж Хайяма», «Емшан». Если первая повесть повествует о жизни и творчестве классика туркменской поэзии XVIII века Махтумкули Фраги, мужественного и величественного, готового пожертвовать своей жизнью, то в центре внимания последующей – формирование мировоззрения великого мыслителя и астронома, философа, поэта Омара Хайяма, жившего в эпоху императора Санджама из династии сельджукидов, о котором аль-Кефти отзывался следующим образом: «Он подчинил разум своей воле и совершил хадж, побуждаемый боязнью людей, а не страхом перед богом». Омар Хайям вместе с Фирдоуси и Авиценной способствовал иранскому возрождению, которое достигло расцвета четыре века спустя после арабского завоевания.

В глубокой, а подчас – и древней истории находил Морис Симашко параллели с настоящим, убеждаясь, что история, порой, ничему не учит: «Коллективная память человечества – до сих пор не изученная наукой категория, как дальние птичьи перелеты к своим гнездовьям...».

Жизненный путь султана Бейбарса, правителя Египта, – в центре повести «Емшан». Он сам назвал себя Бейбарсом, чтобы боялись твердости его имени. Мамелюки поклонялись ему беспрекословно. Он дал мамелюкам власть в стране Миср. Интересной тенденцией прозы М. Симашко является движение к родине, проблема ее поиска. Султан Бейбарс, человек на вершине власти, рвал с нею, ставя превыше всего родину. В пути находится Омар Хайям. Фраги Махтумкули и царский писарь Авраам, один из героев романа «Маздак», путешествуют по странам.

Увлечение персидской культурой ярко проявилось в романе «Маздак» (IV век), в центре которого история зороастрийского мага-революционера. Основные события периода династии Сасанидов разворачиваются в романе от окрестностей Ктесифона

(недалеко от Вавилона) до Самарканда и Константинополя. В центре повествования – реальные исторические личности Маздак, царь Кавад, писарь Авраам. Три могущественных государства – Византия, Персия и Туран.

Диалог цивилизаций и культур немыслим без опоры на знания. «Языки, как и книги, пахнут по-разному. Одни – травой, другие – теплым молоком или морем. И цвет у каждого свой: синий, красный, золотой. Даже привкус от слов различный остается во рту. Спокойные и беспокойные бывают они...».

В новелле «Великий Шелковый путь или анабазис с иностранцами», открывающей «Дорогу...», автор воссоздает историю своих поездок с деятелями культуры, писателями, журналистами Франции по странам Центральной Азии. Усовершенствовала свой русский, слышанный ею от деда, жившего когда-то в Ростове, и сделала перевод своей профессией «парижанка до мозга костей», ко всему относящаяся с серьезностью Лили Дени. Изящная и непреклонная Лили Дени была награждена за участие во французском Сопротивлении. Благодаря переводам Лили Дени французский читатель познакомился с литературой Казахстана и России. М. Симашко открывал для себя Францию и ее историю. Лили Дени перевела на французский язык роман «Маздак», перевела мастерски, сохранив исторический колорит воссоздаваемой эпохи, передав невероятный контраст Персии тех времен: пышность придворного быта и картины голода. Тем ценнее своеобразное соавторство переводчика, поскольку перевод требовал незаурядной эрудиции и утонченного чувства поэзии. Правомерно считает Андре Стил: немалой доле успеха «Маздак» во французском варианте обязан Лили Дени.

Вместе с Морисом Симашко и Лили Дени в путешествие по Великому Шелковому пути отправились Анн Филип, вдова французского актера, писательница и журналистка, ведущая в газете «Монд» раздел литературы и искусства, и врач, поэт, лауреат премии Аполлинера – Лоран Гаспар. В повествование о настоящем времени вплетаются картины юности писателя: «Меня тянуло в мою юность. Хотелось показать Лили и ее друзьям Джизак, где базировалось когда-то наше училище, долину Санзара с надписями полководцев халифа на скалах». Чередование картин

прошлого и настоящего – отличительная особенность стиля автора-повествователя. Гробница Тимура, обсерватория Улугбека, усыпальница Шах-и-Зинда, развалины Афросиаба – столицы полулегендарных царей Турана, которые осматривают гости из Франции, – все это оживает на страницах книг М. Симашко. И сам автор вспоминает юность, перекидывая мостик из настоящего в прошлое.

Путешествуя со своими друзьями по Центральной Азии, так много давшей для его исторической прозы (темы, сюжеты, мифы, предания, легенды и т.д.), М. Симашко описывает древний Мерв, называвшийся в разные исторические эпохи то Маргиана – Александрия, то Маргиана – Антиохия. Из окна вагона виднелись сыпучие барханы величиной с десятиэтажный дом, которые порой обнажали «вытянувшиеся цепочкой верблюжьи и человеческие кости, бронзовую посуду и кипы слипшегося вещества, бывшего некогда шелком. Здесь же находили греческие вазы с рассказами об осаде Трои, китайские секстанты, арабские астролябии, золотые фигурки Будды, иудейские мезузы, несторианские кресты, шахматные доски и просто косточки – альчики для детской игры». Воссоздавая путешествие с друзьями по Центральной Азии, М. Симашко остается верен себе, наполняя документальную повесть «Великий Шелковый путь или анабазис с иностранцами» глубокими раздумьями о прошлом, об истории и роли Великого Шелкового пути, его достопримечательностях, о творениях духа и рук человеческих. Описывая Хорезмский оазис, автор размышляет о том, что чудеса света не обязательно должны быть огромными, как Родосский колосс или пирамиды. «Здесь это был небольшой по сравнению с другими куб усыпальницы Саманидов. Но великая соразмерность и отточенность линий, первородная, гениальная скупость средств выражения заставляли вспомнить, что именно тут рождались алгебра и поэзия дари».

Транснациональная история и культурный трансфер, магический реализм в прозе и публицистике нашего неповторимого мастера художественного слова «работают» на преодоление границ текста, культур, литератур. Диалог цивилизаций и культур немислим без знания.

Мировые языки, культуры и книги – в центре повествования Мориса Симашко, который обладал уникальной способностью... Он словно рассказывает о себе, ведет, не прекращая, диалог с читателем XXI века.

Величиной безусловной называет нашего писателя и переводчика, сценариста и публициста, драматурга лауреат премии «За духовное возрождение» и «Звезды содружества» (МФГС), председатель Союза писателей Беларуси, директор ИД «Звезда», главный редактор газеты «Звезда» Александр Карлюкевич. «Начинал М. Симашко как журналист, драматург и прозаик в Марах, древнем Мерве, и Ашхабаде, где потом и я жил и работал, но уже в другое время. Когда Народный писатель Туркменской ССР Керим Курбаннепесов увидел в моих руках авторитетный во всем Советском Союзе казахстанский литературный журнал “Простор”, спросил: “А не напечатано ли там что-нибудь Симашко?”. Керим-ага был хорошо знаком с Морисом». Морис Симашко, продолжает далее А. Карлюкевич, «моя странная читательская любовь из моей туркменской жизни. Несколько добрых слов о нем из уст народного поэта Туркменистана Керима Курбаннепесова, вкусу которого я бесконечно доверял, сделали свое дело. Меня интересует все то, что он говорил о туркменских своих годах. Что послужило причиной его переезда в Казахстан? С кем из туркменских литераторов он поддерживал связь в казахстанский свой период? С кем переписывался? Не возникала ли в разговорах фамилия Курбаннепесова – поэта Керима Курбаннепесова?».

«Как важно прочитывать, оценивать творчество настоящего писателя и через годы после его ухода, – подчеркивает в статье «Читая материалы конференции. Морис Симашко: вторая жизнь Востока», опубликованной на страницах научного сборника «Морис Шамис (Симашко)», изданных по итогам Третьих Международных литературных чтений, Александр Карлюкевич. – Произведения ведь остаются. Написанное продолжает жить...».

Осмысление феномена Мориса Симашко продолжается...

Казахстанская правда. 29 января 2024 года

Приоткрывая завесу времени

Принято считать, что самый главный судья, определяющий степень таланта писателя – это время. Народный писатель Казахстана, лауреат Президентской премии мира и духовного согласия и Государственной премии КазССР, номинант Международного ПЕН-клуба на Нобелевскую премию по литературе, прозаик, сценарист, драматург, переводчик Морис Симашко, которому исполнилось бы 100 лет, с честью прошел через это испытание – его романы и повести были востребованы и при жизни писателя, их читают, о них спорят, их изучают и сегодня.

Международные литературные чтения, посвященные творчеству М. Симашко, которые проводят в Алматы Республиканская еврейская общинная библиотека имени М. Симашко, Ассоциация еврейских национальных организаций РК «Мицва», Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, Союз писателей Казахстана и Казахский ПЕН-клуб под эгидой Ассамблеи народа Казахстана и Евро-Азиатского Еврейского конгресса, ежегодно собирают широкий круг заинтересованных участников как из нашей страны, так и из стран дальнего и ближнего зарубежья.

Три итоговых сборника научных, публицистических, мемуарных материалов, изданных по результатам Чтений, которым посвящен наш обзор, – это неоценимый вклад в современное изучение творческого наследия и личности выдающегося казахстанского писателя XX века Мориса Давидовича Симашко.

История как познание мира

Первые Международные литературные чтения, посвященные М. Симашко, прошли 18 марта 2021 года, в день рождения писателя, в Республиканской еврейской общинной библиотеке его имени в Алматы. Надо сказать, все двадцать лет, прошедшие со дня смерти Мориса Давидовича в Тель-Авиве в 2000 году, его

творческое наследие, его личность оставались в поле деятельного внимания казахстанских литературоведов, писателей, журналистов, кинематографистов: достаточно назвать монографию Светланы Ананьевой «Морис Симашко» и документальный фильм Александра Головинского «Миры Мориса Симашко», ставший лауреатом многих кинофестивалей. Инициатива Ассоциации еврейских национальных организаций РК «Мицва», ее председателя Александра Барона стала как бы ожидаемой и общественно востребованной в наше время. Ведь М. Симашко был не только выдающимся писателем, «открывшим миру Восток»... Морис Давидович был удивительным человеком, прошедшим, как говорил его друг, писатель Герольд Бельгер, огонь, воду и медные трубы. Симашко был частью истории большой, ушедшей в прошлое страны со всеми ее трагедиями, метаниями, победами и поражениями. Всё это вместе – голод 30-х годов, сталинские репрессии, война, послевоенная разруха – составило и его жизнь. И целую эпоху, нуждающуюся в исследовании и переосмыслении, в том числе через произведения и драматические перипетии судьбы писателя. Это и стало содержанием Международных литературных чтений, и в этом сегодня ценность материалов трех итоговых сборников. Как и в том, что они продолжают открывать нам неизвестного М. Симашко, с позиций нового времени прочитывать страницы его прозы.

Когда-то мудрый Антуан де Сент-Экзюпери сказал: «Слова не имеют ценности, если они не родились из долгого пути под звездами». Экзюпери, как и М. Симашко, был летчиком. И, кто знает, может с высоты Земля людей действительно видится по-иному, даруя избранным духовное прозрение, которое позволяет не только глубоко, философски осмысливать происходящее, но и приоткрывать завесу времени.

У Симашко был свой «долгий путь под звездами», который через историю привел его в литературу. Когда-то давно, когда Морис Давидович был рядовым корреспондентом провинциальной газеты «Туркменская искра», он приезжал на раскопки к гениям археологии Масону и Толстову. Рассматривая как-то извлеченный из земли старинный кувшин, Морис Давидович с

удивлением заметил, что узор на одеждах, работающих рядом в поле туркменок, поразительно повторяет тот самый орнамент, что наносили на свои изделия древние мастера.

Этот орнаментальный повтор событий и стал для него ключом к прочтению истории, сделав М. Симашко одним из основателей школы нового исторического романа в Центральной Азии. Он был автором 20 книг, по его сценариям поставлено около десяти фильмов. Многогранная личность М. Симашко, его удивительная, не похожая ни на какую другую проза и сейчас привлекает читателей и литературоведов. Не случайно на Первых Международных литературных чтениях было так много участников не только из Казахстана, но и стран ближнего, и дальнего зарубежья.

Об этом – Истории и Времени – говорил на открытии Первых международных литературных чтений председатель совета Ассоциации «Мицва», член Совета Ассамблеи народа Казахстана Александр Барон, чьими усилиями во многом был воплощен в жизнь проект Международных литературных чтений, посвященных творчеству М. Симашко.

«Обладая редчайшим даром входить в иные миры, по глубокому убеждению Мурата Ауэзова, Морис Давидович “через горький запах полыни просто и убедительно рассказал нашу историю. Отсюда – абсолютная достоверность характеров от времен Бейбарса и персидского средневековья до современности”. Великим предтечей евразийства называл М. Симашко великого Абая...<...> ...Казахстан – страна, вобравшая в себя народы, лишенные своего дома. Такой образ создает Морис Симашко. “Так принято здесь от века, что не позволит казах умереть с голоду находящемуся рядом с его юртой человеку, какого бы роду-племени тот не был. Благим делом всегда считалось воспитать сироту из другого народа”» [1, с.7] – пишут А. Барон и С. Ананьева в Предисловии «История и время» к научному сборнику по итогам Первых Чтений.

«Обращение к исторической памяти на протяжении всего творчества было для Мориса Симашко определяющим», – отметил Александр Барон.

Исследователи творчества писателя подчеркивали, что Морис Давидович был знаковой фигурой в литературе Казахстана, его хорошо знали и за пределами республики. Морис Давидович был первым казахстанским автором, опубликовавшимся в Москве в самом популярном советском литературном журнале «Новый мир». Он был самым переводимым казахстанским писателем и на Западе, не случайно во Франции его называли «Морис Симашко, открывший Восток». Он действительно открыл Восток, и не только Западу, но и нам.

Кстати, сам Морис Давидович в одном из своих интервью на вопрос, почему он работает в основном с историческим материалом, ответил: «Потому что история повторяется, потому что она учит жить». «Историю... я не то, чтобы любил – это неподходящее слово. Я ее как бы чувствовал, когда еще лет восьми отроду копался в двух кварталах от нашего дома в развалинах турецкой крепости Хаджибей, – пишет он в “Четвертом Риме”. – И еще пушка английского фрегата “Тигр” со времен Крымской войны стояла на Приморском бульваре Одессы. Я лазил по ней, ощущая тепло вылетевших некогда из ее чугунного чрева ядер. Потом история обступила меня со всех сторон в древнем Мерве. И не писать уже я не мог».

«Симашко действительно жил историей, а история жила в нем, – писала о нем известная журналистка Людмила Енисеева-Варшавская, хорошо знавшая и самого автора, и его творчество. – Она, эта история, звучала в нем всеми голосами, перекликалась на языках древнего мира, представляла живыми картинами давно ушедших эпох и событий». Ему было дано заглянуть далеко в прошлое, осмыслить его, чтобы лучше понять настоящее, ведь именно там, за далью веков, и таятся истоки всех сегодняшних социальных процессов. А еще он понял, что это переплетение времен и судеб цементирует мир.

«Что понимается под исторической памятью? – задался вопросом участник литературных чтений, председатель Научно-экспертной группы Ассамблеи народа Казахстана города Алматы Мухтарбек Шайкемелев. – Способность общества сохранять и передавать из поколения в поколение знания о произошедших исторических событиях, об исторических деятелях ушедших

эпох, о национальных героях и отступниках, о традициях и коллективном опыте героических свершений и трагических заблуждениях народа, о ключевых этапах, которые прошел тот или иной этнос или нация в своем развитии» [2, с.149].

На примерах объединительных идей таких ярких писателей-интернационалистов как Морис Давидович Симашко необходимо культивировать в обществе поведенческие «модели и ценности, которые заложены в исторической памяти традиционного казахского сознания – уважение к старшим ...<...>... терпимость к чужим верованиям, ...<...>... примат духовной культуры над материальной, любовь к родной земле» [2, с.152-153]. В этом заключается «историко-генетический код казахского народа» [2, с.153], который гениально описал Морис Давидович Симашко в романах «Комиссар Джангильдин» и «Колокол» об Ибрае Алтынсарине, показав открытость казахских исторических личностей к прогрессивным изменениям при сохранении ими национального достоинства. Именно эти бесценные духовные ориентиры, родившиеся на казахской земле, которые вобрали в себя все этносы, сцементируют общую судьбу всех казахстанцев, объединив их в Нацию единого будущего.

Художник и власть

Морис Симашко был и остается выдающимся прозаиком, который, по точному определению Мурата Ауэзова, умел проникать в иные миры. Мировые цивилизации, древние, но в то же время остросовременные по происходящим в них социально-политическим процессам, сошлись в его ярких художественных произведениях. Это «Маздак», где на материале сасанидского времени, в обстановке зороастризма прослеживается природа нынешних катаклизмов Востока, «Искушение Дабира» с его объяснением, откуда есть пошел обнаглевший донельзя терроризм, «Емшан», или «Бейбарс», где впервые в истории поднимается тема манкуртства, «Искушение Фраги», вскрывающее суть отношений творца с абсолютной властью...

Об этом говорил в своем выступлении на литературных чтениях и президент Казахского ПЕН-клуба Бигельды Габдуллин.

– Как-то я спросил у Мориса Давидовича про историю создания любимой мной повести «Искушение Фраги», про то, как складывается отношение творца с абсолютной властью, как он понимает одну из кардинальных проблем всех времен – «художник и власть».

Морис Давидович улыбнулся, глаза его загорелись огоньком, и он ответил коротко: «Во все времена, как коса на камень, сталкиваются два начала – власть и художник. Власть постоянно пытается привлечь художника на свою сторону, использовать его талант в своих целях. А художник, наоборот, противится такому положению вещей. И это приводит к драме духа. Полной независимости он может достичь, лишь отказавшись от пера. Так что приходится выкручиваться, мой друг!».

Бесспорно, М. Симашко был выдающимся писателем. В книге «Перпендикуляр» известного русского писателя Михаила Веллера я нашел замечательную оценку его творчества: «...Хотелось бы упомянуть только еще об одном человеке, об одном из выдающихся, интереснейших, лучших русских писателей XX века... Этого человека звали Морис Симашко. ... Он написал несколько гениальных вещей. Я повторяю – гениальных вещей. А в частности, это роман “Маздак”... потом написал непревзойденную по мастерству и стилю повесть “Емшан”. И написано это по законам очень короткой прозы. Написано это алмазным резцом», – подчеркнул Бигельды Габдуллин.

Надо сказать, что Симашко – это писательский псевдоним Мориса Давидовича. Он перевернул свою фамилию – Шамис, добавив к ней окончание – ко. Кстати, свое необычное для нашего слуха имя – Морис – Симашко тоже получил не случайно. Вот что он пишет по этому поводу в своем последнем автобиографическом романе «Четвертый Рим»: «18 марта. День Парижской коммуны. Именно в это знаменательное число я и родился в студенческом общежитии Одесского института народного образования. Отец носил комсомольскую форму, мать – тоже интернационалистка, и мое имя не могло быть другим: только Марсель или Морис. Спорили лишь об этом. Имя Морис предопределило в моей жизни многое».

Правда, и ничего, кроме правды

Имя действительно многое объясняет, например, то, что М. Симашко всегда, в любых жизненных обстоятельствах оставался интернационалистом. Однажды, размышляя по поводу того, как сложилась его литературная судьба, чем это можно объяснить, он написал: «Каким-то особым везением?... Твердо убежден лишь в том, что не бывает в литературе других путей, кроме прямого». Об этом вспомнилось мне в своем выступлении на чтениях. Он был честен во всем и всегда, и когда создавал такие пронзительные рассказы как «Писание по Бондарю» и «Бербека», связанные с детскими впечатлениями, и повесть «Гу-га», которая появилась после встречи с бывшим однополчанином. Вспоминая о товарищах по военно-авиационной школе, Морис пишет о том, как он воевал в штрафбате. И что примечательно, повесть эта была первой в советской литературе книгой о штрафных батальонах. Позже она была экранизирована в двух сериях Одесской киностудией.

О том, как Морис Симашко попал в штрафной батальон, мне рассказал близкий друг Мориса Давидовича, участник войны Леонид Гирш, столетие которого недавно отметили в алма-тинском Доме дружбы.

– В Джизаке – это небольшой городок возле Ташкента – Морис поступил в военную школу пилотов. Шел 1942 год. Учлеты летали тогда на кукурузниках Су-2, а у Мориса была девушка, которая жила километрах в десяти от Джизака. И как-то, отправляясь в очередной учебный полет, он решил слетать к ней на свидание. В итоге был большой скандал, Морис попал под трибунал, потом – штрафбат и фронт.

Что же касается значения слова «гу-га», то это возглас, который кричали штрафники. Давай, мол, возьмем этих фрицев на «гу-га», пояснял Леонид Юзефович.

Сейчас уже не секрет, что штрафбатовцы были, по сути, смертниками. Они считались врагами народа, поэтому их посылали в самые опасные бои, где шансов выжить практически не оставалось – впереди шквал смертельного огня, а сзади, в

спину, стреляли свои – чтобы не отходили. Правда, Морису Давидовичу повезло – в штрафном батальоне он был недолго, его вскоре ранило, он попал в госпиталь, после чего начался новый виток жизни.

Что же касается повести «Гу-га», то Симашко не ставил перед собой задачу показать лишь жестокость войны. Посвящая ее своим товарищам по военно-авиационной школе пилотов, он делал упор на лучшие патриотические качества тех, кто оказался вместе с ним в штрафном батальоне – бесстрашие, человечность, чувство товарищества и справедливости.

А вот пример уже из другой истории, той, что отдалена от нас далью веков – роман «Бейбарс», который, по словам М. Симашко, «появился из ничего». «Это был странствующий сюжет, но имел он определенные корни, – читаем мы в “Четвертом Риме”. – Упомянут он был в Волынской летописи. Я знал его с детских лет по стихотворению “Емшан” Аполлона Майкова. Кое-что мне рассказал писатель Сергей Марков. А мой юный тогда еще друг Олжас Сулейменов сообщил, что видел в Каире могилу султана Бейбарса. Эпитафия на ней гласила, что он был кипчаком из рода берш. И еще была казахская пословица, что лучше быть подошвой горы на родине, чем вершиной (султаном) горы на чужбине. Так что можете представить, какой пуд соли я тут съел!».

Но этот «пуд соли» открыл для нас неизвестный до этого пласт истории, причудливо соединив прошлое и настоящее, заставив задуматься, что же такое – любовь к родине?

Казахстан – зеркало мира

У М. Симашко тоже было особое отношение к своей второй родине – Казахстану и своим казахстанским друзьям. Этому посвящены воспоминания его современников и исследования казахстанских ученых.

«Казахстан – поистине зеркало мира со всеми его проблемами и надеждами, – писал он. – Представляя из себя сердцевину континента, он волею исторической судьбы вместил в себя,

по выражению поэта, “все Бастилии грешной земли”. Мировые религии и сопутствующие им конфессии в той или иной мере представлены здесь и мирно соседствуют».

В результате зарубежных поездок писателя появилась прекрасная серия очерковых книг, и остается лишь пожалеть, что его долго не выпускали за границу, потому что уже первая командировка в Тунис обернулась блистательным очерком «Путешествие в Карфаген», а поездка с Президентом РК Н.А. Назарбаевым в Израиль – публицистической книгой «Дорога на Святую Землю».

– В ней Морис Давидович размышляет о вечных вопросах, о проблемах, которые актуальны и в XXI веке. Одной из основных тем его творчества была идея евразийства, – отметила, выступая на чтениях, автор книги о творчестве Симашко, заведующая отделом международных связей и мировой литературы Института литературы и искусства имени М. Ауэзова Светлана Ананьева. – О многом он писал впервые. Скажем, повесть «Искушение Фраги», опубликованная на страницах журнала «Новый мир», была первой повестью о Махтумкули. В «Литературных сюжетах» правдиво сказано о начале крутой коллективизации “с реквизицией скота, обобществлением птицы, уполномоченных с нагаками в руках. Завершалось это потоками бредущих по жидкой грязи людей: стариков и молодых, женщин, детей в сопровождении молчаливого, исполненного классовой непримиримости конвоя”. В книге «Дорога на Святую Землю» Морис Давидович вспоминает своих друзей – Аскара Сулейменова, Калтая Мухамеджанова, Фаризу Онгарсынову. Он дружил с Николаем Ровенским, Шеризданом Елеукиным, Герольдом Бельгером.

Размышляя об уникальной преданности писателя «теме Востока, кровной, можно сказать, связи с самой нашей жизнью», Шерияздан Елеукин находит этому обоснование: «Писатель – подлинный казахстанец уже не в первом поколении. Его отец, Шамис Давид Лазаревич, известный микробиолог, наследник кафедры Мечникова в Одесском – бывшем Новороссийском Императорском университете, в силу сталинских национальных репрессий не смог вернуться из эвакуации. В Алматы он органи-

зовал отделение, а затем Институт микробиологии и вирусологии Академии наук Казахстана, был многие годы его директором, член-корреспондентом Академии наук. В свою очередь Морис Симашко, вернувшийся из небытия великого исторического деятеля – султана Бейбарса и хазарский период нашей истории, стал одним из основателей нового исторического романа в Центральной Азии».

– Не случайно Ш. Елеукенов ставит имя М. Симашко в один ряд с Александром Затаевичем и Евгением Брусиловским, без которых казахская культура просто немыслима, – говорила в своем выступлении С. Ананьева.

Галантный век глазами Симашко

Морис Симашко – замечательный художник, мастер слова, обладающий особенной способностью сочно, образно, неповторимо живописать, создавать колоритную атмосферу, многообразно передавать картины исторического бытия, как бы оживляя давно канувшие в Лету сцены жизни восточных и европейских народов. Эта способность, с моей точки зрения, связана с даром писателя глубоко вживаться в контекст исторической эпохи, воссоздавать психологию и живое чувство героев давно минувших дней, – сказал в своем выступлении доктор филологических наук, профессор КазНУ имени аль-Фараби, член Союза писателей Казахстана и Казахского ПЕН-клуба Аслан Жаксылыков.

Это «вхождение в историю» прекрасно представлено и в романе «Семирамида», за который Морис Давидович был выдвинут Международным Казахским ПЕН-клубом на соискание Нобелевской премии в области литературы.

Излюбленный прием автора в романе «Семирамида» – раздвигание мглы, пространства, смешение временных пластов, – считает Светлана Ананьева. – Главная героиня произведения Екатерина Вторая сама «сдвигает пелену со своих глаз» и понимает, что в России «всё делалось по чужой воле. Её любили по слову императрицы. Звезда, которую увидела она в дневном небе, стояла дорого...» [3, с.194].

Кстати сказать, для романа о Екатерине II Симашко пять лет скрупулезнейшим образом собирал материал. В Пушкинской библиотеке Алматы (ныне Национальная библиотека РК) Морис Давидович обнаружил 10-томник царицы на французском языке. Была там переписка с Вольтером, царственной рукою писанные пиесы, придуманные для внука Александра сказки. Много и тщательно работал М. Симашко в ленинградских библиотеках и архивах. Как тогда вспоминали знавшие писателя люди, у него даже стиль разговора стал петербургским.

А сам Морис Давидович говорил: «“Семирамида” – это мой антиПикуль... Важно было опровергнуть подхваченное публикой утверждение о том, что движущей силой русской истории является фаворитизм. Но куда, извините, девалось тогда просвещение?». И он задался целью – проследить его корни от Петра Великого через верную исполнительницу предначертаний преобразователя.

Обидно, что Нобелевский комитет обошел казахстанца (как считают многие, несправедливо), отдав предпочтение немецкому писателю Гюнтеру Грассу. Но вскоре выяснилось, что Грасс в годы войны служил в войсках СС «Мертвая голова». И если бы это стало известно тогда, то его, естественно, никто бы не премировал.

Судьба «Четвертого Рима»

Но больше всего, конечно, Мориса Давидовича волновали судьбы Востока, способы государственного устройства, отношения политики и культуры, идея всечеловеческого братства и страшное зло всех времен – терроризм. Темы эти присутствуют едва ли не в каждом его произведении. Ими пронизан и «Четвертый Рим», начатая в Алматы и законченная в Израиле книга, в которой Морис Симашко как бы подытожил свою жизнь. Это – книга-исповедь, книга-завещание.

Сам он так писал о ней: «Просто биографией это всё же не назовешь, для исторических заметок тут слишком много личного, для политического исследования – мало серьезности,

сатиру я тоже не собирался писать, назвать это “Повестью о жизни” – банально. Роман?..».

Судьба этой книги оказалась непростой. Об этом читаем в сборниках чтений в выступлении режиссера-документалиста, заслуженного деятеля искусств РК, кавалера ордена «Құрмет», руководителя студии «ИКС-Б» Александра Головинского, снявшего фильм «Миры Мориса Симашко».

– Когда Морис Симашко жил в Казахстане, каждое его новое произведение очень быстро выходило из печати, но судьба последней его книги “Четвертый Рим” получилась иная – рукопись переходила из издательства в издательство, из рук в руки... Когда я решил снимать фильм о Морисе Симашко, эта его книга, вернее, рукопись, и стала тем стержнем, на базе которой мой московский друг, сценарист Сережа Русаков написал сценарий.

Тогда же возникла идея – к 90-летию юбилею Симашко издать “Четвертый Рим”. К этому подключился почти 89-летний полковник, боевой человек Леонид Юзефович Гирш. Он провел колоссальную работу – вышел на Ассамблею народа Казахстана, которая поддержала идею издания книги, потом обратился в Министерство культуры РК, добился, чтобы на книгу были выделены деньги. И всё, вроде бы, удачно складывалось, но тут случилось непредвиденное. После смерти М. Симашко у него осталась дочь, которая живет в Израиле, и по закону ей должны принадлежать авторские права на издание книг отца, поэтому необходимо было получить ее согласие на издание “Четвертого Рима” в Казахстане.

Леонид Юзефович начал переговоры с Израилем. Как оказалось, дочь М. Симашко не вступила в права наследования по чисто житейским обстоятельствам – она пенсионерка, живет на пособие, и если бы она стала наследницей своего отца, то потеряла бы средства к существованию. Поэтому она предложила Гиршу стать правопреемником права на издание книги. И Леониду Юзефовичу пришлось заняться оформлением большого количества документов, то есть начать ту кропотливую, черновую работу, которая требовала не только много времени, но и сил. Не забывайте при этом, сколько лет было Гиршу! Но и

здесь герой Великой Отечественной войны вел себя сугубо побоевому.

И вот, наконец, из его рук я получил сигнальный экземпляр очень солидно изданной книги “Четвертый Рим”. При этом надо сказать, что рукопись по объему не тянула на полноценное издание, поэтому по инициативе Леонида Юзефовича в книгу включили еще несколько повестей М. Симашко. Я считаю, что со стороны полковника Гирша это был очередной подвиг, но теперь уже гражданский, который он совершил в память об ушедшем друге.

Даль веков Мориса Симашко

Вторые Международные литературные чтения, по традиции открытые председателем совета Ассоциации «Мицва», членом Совета Ассамблеи народа Казахстана А. Бароном, были знаменательны не только увеличением числа их участников и расширением географии – было подано более сорока заявок не только из Казахстана, но и России, Израиля, Венгрии, Румынии, Беларуси – но и тем, что по инициативе Ассоциации «Мицва» была учреждена золотая медаль имени Мориса Симашко, которая ежегодно будет присуждаться пяти номинантам, исследователям жизни и творчества писателя.

Первые пять медалей были вручены культурологу, знатоку Востока Мурату Ауэзову; Светлане Ананьевой, автору научной монографии «Морис Симашко»; Кенжехану Матыжанову, генеральному директору Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова; Александру Карлюкевичу, главному редактору издательского дома «Звезда» (Минск) и кинорежиссеру Александру Головинскому, автору полнометражного документального фильма «Миры Мориса Симашко».

Выступивший на чтениях генеральный директор Международного центра сближения культур под эгидой ЮНЕСКО поэт Олжас Сулейменов так вспоминал о Морисе Симашко:

– Он был заводной и заводящий человек. Помню, что я искал в архивах материал для своей книги “Аз и Я” и случайно наткнулся на бумаги о султани Бейбарсе. Просмотрев их, понял,

что эта тема очень перспективна для написания исторического произведения. Но я осознал, что для этого нужен не поэт, а прозаик. Тогда я рассказал историю Морису, у меня не было возможности написать так, как он мог это сделать.

Ему тема понравилась, он засел за работу, подолгу пропадал в архивах, и в результате появилась повесть “Емшан”. Она вызвала большой интерес и, по существу, заново открыла для современного читателя личность султана Бейбарса. М. Симашко был напичкан знаниями. У него получалось не только писать, но и быть интересным рассказчиком. И другие писатели, общаясь с ним, начинали ощущать тот творческий порыв, который был у него, он мог вдохновить на творчество других.

Очень тепло вспоминал Мориса Давидовича дипломат, культуролог Мурат Ауэзов.

– Это был писатель, произведения которого становились событием. Я следил за тем, когда выйдет очередная книга Мориса Давидовича и старался сразу же ее приобрести. Очень высоко ценю его творчество. Он удивительным образом соединял миры, эпохи, страны, народы, культуры.

Особое вольномыслие писателя проявлялось при личных встречах. В связи с этим вспоминается время, когда мне довелось работать в издательском отделе Общества охраны памятников. Мы сидели в одной комнате, беседовали на разные темы, и я себя не чувствовал посторонним. Пожалуй, я тогда был самым младшим в этой компании, но дружеская атмосфера, во многом возникшая благодаря Морису Давидовичу, не давала чувствовать разницу в возрасте.

Заместитель председателя Союза писателей Казахстана, доктор филологических наук, профессор, поэт, переводчик Бауыржан Жакып отметил главное, что, по его мнению, характеризует историческую прозу Симашко.

– Главное – это раскрытие исторического процесса через изображение реальной исторической личности или вымышленных героев, судьбы которых связаны с судьбами нашей нации. М. Симашко стремился к объективному воссозданию картины минувшего времени, людей и событий, реальной исторической действительности, о которой он писал.

Участники чтений отмечали, что М. Симашко был знаковой фигурой не только в литературе Казахстана, но и самым переводимым казахстанским писателем на Западе.

Не случайно писатель Адольф Арцишевский считает, что у М. Симашко был тайный сговор с вечностью.

– У него был сговор с самыми потаенными ее местами. Он бережно извлекал из вечности знаковые фигуры, коллизии, факты, всё то, что необходимо было для конфликтности в его сюжетах. А главное, всё то, что, казалось бы, покрыто паутиной времен, но и роднило прошлое с настоящим и будущее, являло собой нерасторжимую связь эпох. А дальше происходило невероятное. Вдруг из событий, казалось бы, канувших в лету, с пугающей четкостью проступало наше, нас обжигающее время, проглядывало то, чем мы живем сегодня и сейчас. То, что берedit душу. Властно требуя и осмысления, и соучастия.

В связи с этим Адольф Арцишевский вспомнил такой случай.

– Когда-то мы с Морисом Давидовичем жили через стенку в Доме творчества. Я работал над переводом книги повестей Бакхожи Мукаева, а Морис над романом “Семирамида”. Порой, то в мгновения нестерпимых озарений, то в минуты ступора мы заглядывали друг к другу. И вот как-то Морис попросил меня: «Слушай, прочитай мою рукопись повести “Гу-га”, как она на твой взгляд?»

Я, польщенный его доверием и одолеваемый любопытством, положил его рукопись на свой рабочий стол, потеснив подстрочник Бакхожи. Я изготовился к неспешному чтению. Осторожно, как в неизвестную реку, ступил в пространство повести. И – всё! Дальше я не принадлежал себе. Я прочел рукопись на одном дыхании. И долго не мог пошевелинуться от потрясения. Я выпал из реалий протекающего времени. Я забыл обо всем на свете. Хотелось, как некогда Пастернаку, выглянуть в окно с одним единственным вопросом: “Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?..”».

Соединитель времен и культур

Отличительной особенностью Вторых чтений стало включение в итоговый сборник статей и очерков о Морисе Давидовиче, которые были опубликованы ранее в различных казахстанских изданиях. Их объединила рубрика «Книголюб», Здесь можно увидеть такие известные имена как Герольд Бельгер, Лилия Калаус, Виктор Бадиков, Юрий Гердт, Марк Кабаков, Константин Кешин, Евгения Доцук...

Многие из них, к сожалению, уже ушли из жизни, как, например, Людмила Енисеева-Варшавская, которая в своем очерке «В обнимку с историей» характеризует М. Симашко как человека, наделенного «талантом милостью Божией».

– Он жил историей, а история жила в нем. Она звучала всеми голосами, перекликалась на языках древнего мира, представляла живыми картинами давно ушедших эпох и событий. В автобиографическом “Четвертом Риме” он написал: “Я ничего для себя не планировал, вечером играл в преферанс, а утром почему-то сел писать повесть. Называлась она “Повесть Черных Песков”, впоследствии – “В Черных Песках”, и это была, пожалуй, единственная поправка, которую сделал Твардовский при публикации в “Новом мире”».

Ну что же это, как не дар Божий – сел и написал! И как ни странно, удивляется автор, сам собою сложился сюжет, который, подобно орнаменту, мог бы повториться тысячу и две тысячи лет назад. В этот раз он пришелся на время революции в России. ... Прошлое и настоящее сошлись в руках Мориса, и это было открытие. Со всей очевидностью он понял вдруг: связь эта не случайна. Она существует испокон веков, и она цементирует мир.

Два десятка романов и повестей – это те самые барханы, под которыми таились истоки всех сегодняшних социальных процессов, и, положившись на интуицию, он докапывался до их корней. И больше всего, конечно, Мориса Давидовича волновали судьбы Востока, способы государственного устройства, отношения политики и культуры, идея всечеловеческого братства и страшное зло всех времен – терроризм. Темы эти присутствуют едва ли не в каждом его произведении. Вероятно, именно эти

сквозные темы прозы и публицистики писателя так привлекают исследователей. Наверное, поэтому Вторые чтения, посвященные творчеству мастера, были наполнены именно литературоведческими материалами.

Скажем, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии Казахстанского филиала МГУ имени М.В. Ломоносова Татьяна Кривошапова проследила этнокультурный контекст казахстанской русскоязычной литературы. Предметом изучения старшего преподавателя КазНУ имени аль-Фараби Нурзады Какишевой стал восточный мир писателя М. Симашко. Главного научного сотрудника Института литературы и искусства имени М. О. Ауэзова, доктора филологических наук Алимжана Хамраева заинтересовала проблема преемственности и повтор истории на примере Востока в творчестве М. Симашко...

Романтик в душе, независимо мыслящий и входящий в любую эпоху, как в собственный дом, Симашко-прозаик проводит параллели, раскрывает, прогнозирует, предупреждает и тем самым, конечно же, вразумляет. И как ни странно – чем дальше мы движемся вперед во времени, тем более провидческими становятся его художнические прозрения и исторические умопостроения.

Постижение мира

По традиции, Третьи Международные чтения, посвященные творчеству М. Симашко, собрали в Алматы в Ассоциации еврейских национальных организаций РК «Мицва» большое количество исследователей и почитателей таланта писателя. Как отметил в своем приветствии участникам чтений генеральный директор Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, член-корреспондент НАН РК, доктор филологических наук Кенжехан Матыжанов, в творческом и литературном наследии М. Симашко отчетливо прослеживается традиция восприятия Востока в русле ориентализма.

– Казахстанский прозаик мастерски деконструировал языковую картину мира путем поиска следов культуры далеких цивилизаций... М. Симашко, мастер умного и ироничного текста, профессионал высшей пробы пера, воскрешал многие смыслы и

передавал их нам, читателям XX и XXI столетий, – считает Кенжехан Матыжанов.

Выступая на Третьих Международных литературных чтениях политический и общественный деятель, доктор филологических наук, профессор Бейбут Мамраев подчеркнул, что творчество Мориса Давидовича востребовано сегодня, как и 50 лет назад.

– Заглядывая на читательские форумы, я вижу, что произведения М. Симашко активно обсуждаются читателями самых разных возрастов. Моя первая встреча с книгами М. Симашко началась в конце 60-х годов. Думал ли я тогда, что мне посчастливится познакомиться с автором, много с ним общаться? И уж тем более не думал я, что именно М. Симашко будет принимать меня в члены ПЕН-клуба.

«Перечитывая произведения Мориса Давидовича, часто убеждаюсь, как они многослойны, многоуровневы. Как много смыслов в них заключено. Романы М. Симашко – это путь познания себя, познания общества и мира, определения своего места и своей позиции в этом мире... <...> ...В завершение хотел бы сказать, что творчество М. Симашко сыграло большую роль в развитии психологического, философского анализа в литературе. Новому поколению критиков и литературоведов предстоит всесторонне и глубже изучить, помимо поэтики художника, его переводческое мастерство, творческую дружбу и взаимоотношения с корифеями национальной и мировой литературы. Поэтому международные чтения М. Симашко ждет интересная дорога во времени и пространстве – дорога познания человека» [4, с.17].

О том, что творчество М. Симашко не потеряло актуальности и сегодня говорили президент Международного Казахского ПЕН-клуба Бигельды Габдуллин, доктор исторических наук, профессор Казахского национального университета имени аль-Фараби Лайла Ахметова, доктор философии, преподаватель КазНПУ имени Абая Ринад Кошербаев и другие.

Член правления Союза писателей Казахстана, Народный писатель Казахстана, заместитель главного редактора журнала «Простор», поэтесса Любовь Шашкова напомнила, что в 2024 году исполняется 100 лет со дня рождения писателя, и эту дату необходимо достойно отметить. Многогранность творчества пи-

сателя привлекает филологов и историографов, читателей самых разносторонних запросов.

По словам председателя совета Ассоциации «Мицва» А. Барона, необходимо переиздать художественные произведения М. Симашко, которого А. Карлюкевич называет величиной безусловной. А. Барон вручил новым номинантам золотую медаль имени Мориса Симашко, которая была учреждена в прошлом году по инициативе Ассоциации «Мицва». Ими стали политический и общественный деятель, дипломат, доктор филологических наук, профессор, действительный член Международной экономической академии Евразии и Академии педагогических наук Казахстана Бейбут Мамраев; главный редактор белорусского альманаха «Литература и мастацтва» Алексей Черота (Минск), писатель Адольф Арцишевский, Нина Фреес (Германия). Эта честь выпала и мне.

Друзей моих прекрасные черты

В выступлении на Третьих чтениях я обратилась к своим архивным материалам, один из которых был посвящен вхождению М. Симашко через историю в литературу. Как это произошло, мне когда-то рассказал один из самых близких друзей Мориса Давидовича – Леонид Юзефович Гирш. Вчерашние фронтовики, они были молоды, когда судьба свела их в 1947 году в небольшом туркменском городке Мары.

Морис Давидович получил сюда назначение после учебы на факультете журналистики КазГУ имени С.М. Кирова, а до этого он окончил еще и Одесский учительский институт. В Марах работал корреспондентом областной газеты и преподавал историю древнего мира и средних веков в пединституте. А 22-летний лейтенант Леонид Гирш оказался в Марах вместе со своим 5-м гвардейским механизированным корпусом, передислоцированным после войны в Туркестанский военный округ.

Причем познакомились они при довольно необычных обстоятельствах.

Леонид Гирш, которого война сделала офицером, решил получить гражданскую профессию: после войны началось со-

кращение армии, что могло коснуться и его, а в Марах был пединститут, в котором уже учились некоторые служившие с ним офицеры.

– Но так как учебу приходилось совмещать с довольно напряженной службой, где-то на втором курсе у меня образовалась задолженность как раз по истории древнего мира и средних веков, – рассказывал мне Леонид Юзефович. – Спрашиваю в деканате, кому сдавать? Отвечают: есть у нас такой преподаватель Шамис, вот ему.

Захожу в аудиторию, вижу – сидит за столом худенький молодой человек в лияной гимнастёрочке военного образца, перетянутой ремнем. Я достаю зачётку – а мне надо было сдать сразу два зачета – и протягиваю ему.

«Подготовился?» – спрашивает он. А мне, естественно, готовиться особо возможности не было, поэтому решил потянуть время. «А что это вы в гимнастёрке? В войне участвовали?». Он отвечает, что служил на фронте в авиации. Поговорили про войну, и я опять спрашиваю: «А родом-то вы откуда?». Оказалось, из Одессы. «О! Так мы земляки». Сам-то я был из Кировограда, это, правда, далековато от Одессы, 800 километров. Но Морис отвечает: «Кировоград я знаю, это бывший Елисаветград, потом он был Зиновьевском».

Оказалось, он великолепно знал историю этого края. В общем, разговорились, забыли даже про зачёты, которые он мне в итоге автоматом поставил. С Морисом мы были одногодками, стали дружить, позже и семьями. А надо сказать, что был он необыкновенным другом, человеком слова – если скажет, то обязательно сделает, простым в обращении. Анекдотов знал огромное количество, еще одесских с довоенных времен, на все случаи жизни, и рассказывал их очень ярко. Был душой компании, великолепным рассказчиком, мог заговорить любого. Позже, переехав в Алматы, мы с Морисом опять соседствовали, это наше тесное общение продолжалось до его отъезда в Израиль, – вспоминал Леонид Юзефович.

Именно своему другу Лёне Гиршу однажды Морис Симашко сказал, что написал пьесу «На крайнем юге».

– Слышал ли ты, что в этих краях когда-то проходило войско Александра Македонского? – спросил он Гирша.

– Слышал, – отвечал тот.

– Это была глубокая старина, 323 или 326 год до нашей эры. Александр Македонский покорил тогда западную часть Индии, а потом перевалил горы Гиндукуша и пошел дальше через Мерв, так тогда назывались Мары. Это был крупный древний город и первая стоянка Александра Македонского, – пояснил М. Симашко.

В общем, пьеса понравилась. М. Симашко отдал ее в Министерство культуры в Ашхабаде, и ее сразу приняли к постановке в Марыйском областном драматическом театре. Премьера прошла с большим успехом. Пьеса получила высокую оценку на Республиканском конкурсе, была переведена на туркменский язык. Позже она шла в других театрах Туркмении, а также в Узбекистане, Таджикистане, Казахстане.

М. Симашко заметили, пригласили в Ашхабад. Он стал работать в республиканской русскоязычной газете «Туркменская искра». Был великолепным публицистом, писал острые злободневные статьи. Именно в те годы он активно начал заниматься и литературой.

Последнее прости

В 1999 году М. Симашко уехал в Израиль к детям и внуку. Ему было 75 лет, но прожил он на земле обетованной всего один год.

– Он очень скучал по Казахстану, – рассказывал мне Л. Гирш, – и умер, можно сказать, на ходу. Как написала в письме его дочь Римма. Случилось это накануне XXI века. У него в гостях был Марк Кабаков, известный российский литератор, который приехал из Москвы. С Морисом они были близкими друзьями по писательскому цеху. Они долго сидели, потом М. Кабаков предложил сходить к жившему неподалеку художнику, тоже эмигрировавшему из России еврею.

Прошло несколько часов... Дома уже забеспокоились и решили пойти за ним. Подошли к дому художника, а тут как раз из

подъезда вышли Морис Давидович с М. Кабаковым, попрощались. Морис пошел с дочерью и сыном Юрием домой, весело рассказывал о встрече с художником, но, как вспоминала Римма, шел он как-то тяжеловато, трудно дышал. Они уже почти пришли, когда Морис Давидович остановился, по-военному выпрямился и сказал: «Дети, дальше идти я не могу». Упал и умер.

...Когда из жизни уходит человек, с ним уходит и его человеческий бранный мир. Но когда уходит писатель такого масштаба как М. Симашко, нам остаются его книги, сотворенные им художественные миры – миры М. Симашко, которые будут привлекать всё новых и новых читателей и исследователей тающимися в них неизведанными тайнами и открытиями.

Литература:

1. Барон А., Ананьева С. История и время. Предисловие // Морис Шамис (Симашко). Первые Международные литературные чтения, посвященные творчеству Народного писателя Казахстана / Отв. редактор С. Ананьева. – Алматы: Мицва, 2021. – С.6-11
2. Шайкемелев М.С. Образ комиссара Джангильдина в романе Мориса Симашко: уроки исторической памяти // Морис Шамис (Симашко). Первые Международные литературные чтения, посвященные творчеству Народного писателя Казахстана / Отв. редактор С. Ананьева. – Алматы: Мицва, 2021. – С.147-153
3. Ананьева С. Морис Симашко. Опыт филологического прочтения. – Караганда: Ekozhan, 2014. – 220 с.
4. Мамраев Б. Философия как искусство: проблема познания в творчестве Мориса Симашко // Морис Шамис (Симашко). Третьи Международные литературные чтения, посвященные творчеству Народного писателя Казахстана / Отв. редактор С. Ананьева. – Алматы: Мицва, 2023. – С.15-17

Простор. – 2024. – №3

Феномен Мориса Симашко.

К 100-летию писателя...

Народный писатель Казахстана, лауреат Президентской премии Мира и Духовного согласия, лауреат премий имени Абая и имени И. Шухова, Государственной премии Республики Казахстан и премии журнала «Дружба народов», член Национального совета по государственной политике при Президенте Республики Казахстан и Ассамблеи народа Казахстана Морис Симашко был убежден: «...Ни для кого нет какого-то особого пути. Только соединение народов, никак не теряющих своего национального имени, своей души, в единую человеческую общность...» [1, с.85].

Его влекли времена древние, ибо, по глубокому убеждению Мурата Ауэзова, он «из истории пришел в наш мир» и обладал редчайшим даром «входить в иные миры, через горький запах полыни просто и убедительно рассказывал нашу историю. Отсюда – абсолютная достоверность характеров от времен Бейбарса и персидского средневековья до современности» [2, с.3]. Великие ученые, мыслители, правители, поэты, «люди пера» – любимые герои и персонажи его исторических повествований.

Казахстан – страна, вобравшая в себя народы, лишенные своего дома. Такой образ создал М. Симашко: «Так принято здесь от века, что не позволит казах умереть с голоду находящемуся рядом с его юртой человеку, какого бы роду-племени тот не был. Благим делом всегда считалось воспитать сироту из другого народа» [1, с.91]. Великолепный переводчик на русский язык произведений Ильясa Есенберлина, Габита Мусрепова, Утебая Канахина, Токена Алимкулова, Дукенбая Досжана и других казахских писателей, он всемерно пропагандировал казахскую историю и культуру, рекомендовал к изданию в Москве книги отечественных авторов. Образные миры казахской и русской литератур обогащались в его творчестве и раскрывались новыми, неизвестными ранее гранями.

Мировое литературоведение как область научного знания изучает художественную словесность в оценке критиков и

литературоведов, исследует взаимодействие и взаимовлияние национальных литератур. Творчество М. Симашко оказало значительное влияние не только на литературы Центрально-Азиатского региона, более того, его считали основателем жанра исторического романа, но и на литературы России, Франции, Польши, Германии.

Центральноазиатский регион издревле служит культурным источником ренессанса. Свобода мысли преобладала в учениях и творчестве Хайяма, Аль-Фараби, Баласагуни. В менталитете проживающих на этой территории народов остался след великих караванных путей, кочевий. «Философией жизни, путем через века и цивилизации» называл Великий Шелковый путь М. Симашко. Не придуман он людьми, а является «продолжением человека как творения Божьего, с назначенными ему помыслами и устремлениями. На этом пути, когда пульсировал он без препятствий, вспыхивали в космической тьме костры человеческого духа. Именно тогда, когда день и ночь двигались по нему караваны, на всем протяжении его являлись имена Авиценны, Бируни, Фирдоуси, Хайяма, Хорезми, Рудаки, Рашидаддина, Улугбека, Саади, Фараби, Яссави, Навои, Фраги и много других, без которых распадается связь времен. Большинство их произошло от названий станций и караван-сараев на этом пути. Имена эти иранские, туранские, арабские, еврейские, индийские, тибетские, китайские и те, о которых не ведаем: белых гуннов – эфталитов, саков, тангутов, кушан. Тут, в непрерывном движении, сохранены были от европейского сумрачного застоя Аристотель, Платон, Гиппократ. Костры разгорались от сквозного, дующего через всю ойкумену ветра и меркли, когда закрывались двери» [3, с.43]. Мусульманский ренессанс, был уверен писатель, происходил на полтысячелетия раньше европейского.

Тема войны и мира была одной из главных в прозе и публицистике М. Симашко. В рецензии на трилогию И. Есенберлина «Кочевники», напечатанной на пишущей машинке и бережно хранящейся в Центральном Государственном архиве Республики Казахстан, на которой рукой М. Симашко указано ««Кочевники» И. Есенберлина. Издательство Жазушы (язык казахский). 1976. Издательство «Советский писатель». 1976», называя

центральными в трилогии И. Есенберлина проблемы войны и мира, М. Симашко пишет: «Гигантской тысячекилометровой подковой охватывают с юго-востока казахскую степь высочайшие в мире горы. Они – естественная граница этого открытого всем добрым и недобрым ветрам края. Трудно проходимы эти горы. Но в одном месте, там, где снижаются, уходят в землю каменные хребты Тянь-Шаня и лишь в туманной дымке проступает Алтай, самой природой оставлены ворота, откуда вместе с ледяным ураганным ветром век за веком, тысячелетие за тысячелетием вырывались на бескрайние евразийские просторы кровавые, всё уничтожающие нашествия. Волна за волной приливали оттуда полчища Атиллы, тумены Чингис-хана, безликие полки великоханьских фангфуров. Большие и малые смерчи обрушивались прежде на тот древний народ, который испокон веков пас свои стада, строил города и возделывал землю у гор, а потом катились дальше, через всю страну казахов, оставляя пепел и кости. Вот почему от века, лишь только загорались сигнальные огни на сопках, все способные держать оружие устремлялись сюда, чтобы телами своими преградить путь врагу» [4].

Морис Симашко был одним из учредителей и вице-президентом Международного Казахского ПЕН-клуба с 6 сентября 1993 года, когда «нас приняли в ряды Лондонского международного сообщества писателей на Мадридском конгрессе, – вспоминал Абдижамил Нурпеисов. – Он был поистине крупным писателем и посему еще при жизни удостаивался завидной высокой чести быть переведенным и изданным во многих странах мира» [2, с.1]. Этому способствовали, безусловно, острота, яркость и глубина исследовательского мышления, глубокие историко-культурные, философские и литературно-критические знания, сочетание исследовательского интереса с анализом богатейшего, разнообразного и захватывающего историко-литературного и историко-культурного материала. Все художественно переплавлялось в его удивительную прозу и публицистику.

Идеи культурной дистанции и культурного трансфера позволяли писателю свободно преодолевать границы между языками, культурными системами, традициями, мировыми

цивилизациями, соединяя страны, миры, континенты. В мировой литературе он многое сделал первым и впервые...

Тема «окоема», ограничивающего человеческий разум, так мощно звучащая у М. Симашко в романе «Колокол» об И. Алтынсарине и у Ч. Айтматова в романах «И дольше века длится день...», «Тавро Кассандры», впервые появляется в повести «Хадж Хайяма». Бабуров, из дня в день ткавших полотно, сидевших за прилавками, переписывавших законы, «пугали откровения рванувшегося в бесконечность разума». Только талантливые и яркие личности могут преодолевать границы и выходить свободными в мир.

Повесть М. Симашко «Искушение Фраги», опубликованная на страницах журнала «Новый мир», стала первой повестью о поэте, философе, классике туркменской литературы Махтумкули.

О коллективизации и голодоморе – в «Литературных сюжетах». В основе «Писания по Бондарю» – детские воспоминания. По словам автора, он стремился передать «не одно лишь увиденное собственными глазами, но и некие отзвуки, сполохи памяти, навеки вошедшие в жизнь. Они не могли появиться из ничего. Все это было...». Концепт *память* на протяжении всего творчества был для М. Симашко определяющим: «Происходившее выстраивалось в памяти много лет спустя из всплесков воспоминаний, обрывков разговоров, неотвратимого осмысления собранных вместе разнородных осколков».

Повесть «Гу-га» – первая о штрафных батальонах во время Великой Отечественной войны. Излюбленный прием автора: ретроспекции, смешение временных пластов; военное прошлое, переходящее в настоящее, и настоящее как предпосылка воспоминаний военных лет. Повесть автобиографична. Война калечит и перемалывает людей. По дороге на фронт закат в степи совсем другой: *красный*, в *черно-синих* тучах. Мы едем теперь прямо в этот закат» [5, с.409]. У М. Симашко особое построение фразы, а эпитеты словно отсылают к названию первой повести «В Черных песках», посвященной Борису Лавреневу. Именно в ней первые подступы к теме древнего Востока. Давно минувшее воскрешено рукой талантливого мастера художественного слова в его исторической прозе.

Истоки противостояния и смертельной ненависти героев повести Чары и Шамурад-хана – в глубокой древности. Прошлое как реальность – одна из форм существования прошедшего в художественном времени произведения. Объявившийся внезапно Шамурад-хан «шакалом петляет по пустыне». Теплый, ласкающий ветерок пустыни «нес с собой пьянящий запах *емшана*, горький дымок от горячей колючки и едва уловимый привкус соли... По всей пустыне разбросаны высохшие за лето озера. На дне тонким сверкающим слоем лежит белая соленая пудра. Ветерок подхватывает легкие невидимые кристаллики, и они гуляют с ним из края в край над тяжелыми песками. Вот почему появляется иногда на обветренных губах привкус соли» [6, с.425]. Это первое объяснение концепта *память* в прозе М. Симашко. Емшан, пуд соли – о которых он будет писать впоследствии.

Тема Востока, его искусства и науки проходит красной нитью через цикл «Повести Красных и Черных песков», объединяющий «Искушение Фраги», «Хадж Хайяма», «Емшан». Если первая повесть повествует о жизни и творчестве классика туркменской поэзии XVIII века Махтумкули Фраги, мужественного и величественного, готового пожертвовать своей жизнью, то в центре внимания последующей – формирование мировоззрения великого мыслителя и астронома, философа, поэта Омара Хайяма, жившего в эпоху императора Санджама из династии сельджукидов, о котором аль-Кефти отзывался следующим образом: «Он подчинил разум своей воле и совершил хадж, побуждаемый боязнью людей, а не страхом перед богом». Омар Хайям вместе с Фирдоуси и Авиценной способствовал иранскому возрождению, которое достигло расцвета четыре века спустя после арабского завоевания.

Известна драматургия М. Симашко, начиная с первой пьесы «На крайнем Юге» (1948). На театральных подмостках Казахстана шел спектакль «Степной комиссар» по пьесе Мориса Симашко, Ануара Алимжанова и Олжаса Сулейменова.

В глубокой, а подчас – и древней истории он находил параллели с настоящим, постоянно подчеркивая, что история, порой, ничему не учит: «Коллективная память человечества –

до сих пор не изученная наукой категория, как дальние птички перелеты к своим гнездовьям...».

Тяжкий жизненный путь султана Бейбарса, правителя Египта, – в центре повести М. Симашко «Емшан». Он сам назвал себя Бейбарсом, чтобы боялись твердости его имени. Мамелюки поклонялись ему беспрекословно, правил жестко и жестоко. Он дал мамелюкам власть в стране Миср.

О султани Бейбарсе размышляют Мухтар Шаханов и Чингиз Айтматов в книге-диалоге «Плач охотника над пропастью (Исповедь на исходе века)». Ему посвящает роман «Мамлюк» Еремек Турсунов.

Увлечение персидской культурой ярко проявилось в романе «Маздак» (IV век), в центре которого история зороастрийского мага-революционера. Основные события периода династии Сасанидов разворачиваются в романе от окрестностей Ктесифона (недалеко от Вавилона) до Самарканда и Константинополя. В центре повествования – реальные исторические личности Маздак, царь Кавад, царский писарь Авраам. Три могущественных государства – Византия, Персия и Туран.

«Языки, как и книги, пахнут по-разному. Одни – травой, другие – теплым молоком или морем. И цвет у каждого свой: синий, красный, золотой. Даже привкус от слов различный остается во рту. Спокойные и беспокойные бывают они...» [7, с.38]. В романе «Маздак» – особое отношение к мировым языкам. Несобственно-прямая речь Авраама, удачно включаемая в ткань повествования, передает и этимологию слов. Это – отличительная черта стиля М. Симашко.

Великолепный переводчик и тонкий стилист прекрасно понимал важность научного подхода к проблемам художественного перевода и продумывал его оптимальные пути. В интеллектуально насыщенной книге публицистики М. Симашко «Дорогая на Святую землю», увидевшей свет в конце 90-х годов прошлого века в Алматы, словно пунктиром намечены многие темы, получившие дальнейшее развитие в «Четвертом Риме». В «Четвертом Риме» предпринята попытка осмысления своего творческого пути и того, что случилось с Родиной, большой и малой, в трагическом XX веке. Автор сам размышляет о жанре: «Просто биографией это все же не назовешь, для исторических заметок

тут слишком много личностного, для политического исследования – мало серьезности, сатиру я тоже не собирался писать, назвать это “Повестью о жизни” – банально. Роман?..».

В новелле «Великий Шелковый путь или анабазис с иностранцами», открывающей «Дорогу...», автор воссоздает историю своих поездок с деятелями культуры, писателями, журналистами Франции по странам Центральной Азии. Усовершенствовала свой русский, слышанный ею от деда, жившего когда-то в Ростове, и сделала перевод своей профессией «парижанка до мозга костей», ко всему относящаяся с серьезностью Лили Дени. Изящная и непреклонная Лили Дени была награждена за участие во французском Сопротивлении. Благодаря переводам Лили Дени французский читательзнакомился с литературой Казахстана и России. М. Симашко открывал для себя Францию и ее историю. Лили Дени перевела на французский язык роман «Маздак», перевела мастерски, сохранив исторический колорит воссоздаваемой эпохи, передав невероятный контраст Персии тех времен: пышность придворного быта и картины голода. Тем ценнее своеобразное соавторство переводчика, поскольку перевод требовал незаурядной эрудиции и утонченного чувства поэзии. Правомерно считает Андре Стиль: немалой доле успеха «Маздак» во французском варианте обязан Лили Дени.

Вместе с Морисом Симашко и Лили Дени в путешествие по Великому Шелковому пути отправились Анн Филип, вдова французского актера, писательница и журналистка, ведущая в газете «Монд» раздел литературы и искусства, и врач, поэт, лауреат премии Аполлинера – Лоран Гаспар. В повествование о настоящем времени вплетаются картины юности писателя: «Меня тянуло в мою юность. Хотелось показать Лили и ее друзьям Джизак, где базировалось когда-то наше училище, долину Санзара с надписями полководцев халифа на скалах». Чередование картин прошлого и настоящего – отличительная особенность стиля автора-повествователя. Гробница Тимура, обсерватория Улугбека, усыпальница Шах-и-Зинда, развалины Афросиаба – столицы полулегендарных царей Турана, которые осматривают гости из Франции, – все это оживает на страницах книг М. Симашко. И сам автор вспоминает юность, перекидывая мостик из настоящего в прошлое.

Путешествуя со своими друзьями по Центральной Азии, так много давшей для его исторической прозы (темы, сюжеты, мифы, предания, легенды и т.д.), М. Симашко описывает древний Мерв, называвшийся в разные исторические эпохи то Маргиана – Александрия, то Маргиана – Антиохия. Из окна вагона виднелись сыпучие барханы величиной с десятиэтажный дом, которые порой обнажали «вытянувшиеся цепочкой верблюжьей и человеческие кости, бронзовую посуду и кипы слипшегося вещества, бывшего некогда шелком. Здесь же находили греческие вазы с рассказами об осаде Трои, китайские секстанты, арабские астролябии, золотые фигурки Будды, иудейские мезузы, несторианские кресты, шахматные доски и просто косточки – альчики для детской игры» [3, с.38]. «Шах городов» древний Мерв «стоит» на серой, с невнятными очертаниями холмов равнине, утопающей в волнах сухого горячего моря.

Воссоздавая путешествие с друзьями по Центральной Азии, М. Симашко остается верен себе, наполняя документальную повесть «Великий Шелковый путь или анабазис с иностранцами» глубокими раздумьями о прошлом, об истории и роли Великого Шелкового пути, его достопримечательностях, о творениях духа и рук человеческих. Описывая Хорезмский оазис, автор размышляет о том, что чудеса света не обязательно должны быть огромными, как Родосский колосс или пирамиды. «Здесь это был небольшой по сравнению с другими куб усыпальницы Саманидов. Но великая соразмерность и отточенность линий, первородная, гениальная скупость средств выражения заставляли вспомнить, что именно тут рождались алгебра и поэзия дари» [3, с.34].

Многопланов, мозаичен роман «Семирамида» о Екатерине Второй, она сама оценивала себя: «Я походила на рыцаря свободы и законности». В аккадской и древнеармянской мифологиях Семирамида (Шамирам, Шаммурамат) – легендарная царица Ассирии. Роман «Семирамида» был выдвинут Казахским ПЕН-клубом на Нобелевскую премию.

Излюбленный прием автора в романе «Семирамида» – раздвигание мглы, пространства, смешение временных пластов. «Какая же связь присутствует между временем, людьми и

событиями в мире? Каково обойтись без лукавства и насильственности?» – пожалуй, главные вопросы, над которыми вместе с героиней размышлял и автор.

В романе М. Симашко «Семирамида» вновь ярко проявляется умение писателя так конструировать сюжет и выстраивать композицию, что чтение становится не только интересным и захватывающим, но и высоко интеллектуальным. Властная, умная правительница, «Семирамида Севера» (Вольтер) целью своей политики провозгласила единение российских земель. Европейски образованная, ведущая переписку со многими известными личностями Европы, Екатерина пытается не только восстановить историю государства Российского («По всему выходило, что некий общий народ с условным именем варягоруcсы обживал эти края в содружестве с финскими народами, и тут же находились родственные им славяноруcсы. Когда пришел Рюрик с братьями, то не были среди славян вовсе чужими. В те времена ни для чего не имелось границы: ни для какого государства, народа и языка. Все еще только собиралось в единый народ, и самые разнородные части составляли его, добавляясь из века в век»), но и объединить народ («Такое понимание необходимо сейчас для империи, когда на новом, высшем размахе повторяется здесь собирание в единую человеческую общность. От калмыков и до обдоров это делается. Таково обыкновенно и происходит история...»). Да и в Константинополе – «некая пуповина древняя, что связывала еще младенческую Русь с цивилизацией».

Цитируемые подлинные исторические документы удачно встроены в текст романа, их вспоминают действующие лица, читают, сами пишут письма, цитируя труды известных ученых, упоминая имена Ломоносова и Сумарокова, Вольтера и многих других. Переписка с Вольтером будет продолжаться на всем пути Екатерины Великой от Казани до Симбирска. Так продолжается диалог культур и цивилизаций в романе М. Симашко «Семирамида», действие в котором разворачивается на пространствах России, бескрайних и бесконечных. Год или два нужно, чтобы доехать до конца государства.

Величиной безусловной называет нашего писателя и переводчика, сценариста и публициста, драматурга лауреат премии

«За духовное возрождение» и «Звезды содружества» (МФГС), председатель Союза писателей Беларуси, директор ИД «Звезда», главный редактор газеты «Звезда» Александр Карлюкевич. «Начинал М. Симашко как журналист, драматург и прозаик в Марах, древнем Мерве, и Ашхабаде, где потом и я жил и работал, но уже в другое время. Когда Народный писатель Туркменской ССР Керим Курбаннепесов увидел в моих руках авторитетный во всем Советском Союзе казахстанский литературный журнал “Простор”, спросил: “А не напечатано ли там что-нибудь Симашко?”. Керим-ага был хорошо знаком с Морисом» [8, с.129]. Морис Симашко, продолжает далее А. Карлюкевич, «моя странная читательская любовь из моей туркменской жизни. Несколько добрых слов о нем из уст народного поэта Туркменистана Керима Курбаннепесова, вкусу которого я бесконечно доверял, сделали свое дело. Меня интересует все то, что он говорил о туркменских своих годах. Что послужило причиной его переезда в Казахстан? С кем из туркменских литераторов он поддерживал связь в казахстанский свой период? С кем переписывался? Не возникала ли в разговорах фамилия Курбаннепесова – поэта Керима Курбаннепесова?».

Заведующий Отделом литератур народов РФ и СНГ Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, лауреат Государственной премии Республики Дагестан, Заслуженный деятель науки Республики Дагестан Казбек Султанов высоко ценит романы М. Симашко «Маздак» и «Емшан», вспоминая, как «в интересных разговорах с Морисом Симашко провел незабываемый месяц в Ялте. М. Симашко знали, конечно, но до сих пор, мне кажется, в полной мере не оценили то, что он сделал в литературе» [9, с.11].

Тепло и искренне вспоминал поэт из Берлина Александр Шмидт во время одной из наших встреч в Москве, в Российско-Немецком Доме свои беседы и дружбу с Морисом Симашко, подчеркивая: «Малые повести его написаны безупречно». Хранит книги с автографами: «Александр Шмидту от Мориса Шмидта» (по фамилии мамы).

На доме в Алматы, где жил писатель, открыта мемориальная доска. Документальный фильм Александра Головинского «Миры Мориса Симашко» – лауреат многих престижных кинофорумов.

Четвертый год в Алматы по инициативе председателя Совета О.Ю.Л. Ассоциации «Мицва», члена Совета Ассамблеи народа Казахстана Александра Барона в библиотеке имени М. Симашко в день рождения писателя – 18 марта состоятся Международные литературные чтения. В этот день М. Симашко исполнилось бы 100 лет. Участники предыдущих Чтений из Казахстана, Беларуси, Венгрии, Германии, Израиля, Кыргызстана и России провели параллели между творчеством Мориса Симашко и Федора Достоевского, Мухтара Ауэзова, Ильяса Есенберлина, Юрия Домбровского, Николая Анова, Абдижамила Нурпеисова, Ивана Шухова, Дмитрия Снегина, Чингиза Айтматова, Ануара Алимжанова, Ермека Турсунова, Ивана Щеголихина, Владимира Короткевича, Рахимжана Отарбаева, Людмилы Лазаревой. Выявлены образы-символы и концепты, интермедийность. Раскрыт взгляд отечественного, белорусского и французского читателя на мир прозы и публицистики Народного писателя Казахстана в контексте мирового литературоведения.

Чтения и впредь, пишет из Минска Александр Карлюкевич, «останутся хорошей международной площадкой, объединяющей литературоведов Казахстана, Беларуси, России, да и многих других стран... Как важно прочитывать, оценивать творчество настоящего писателя и через годы после его ухода. Произведения ведь остаются. Написанное продолжает жить...» [8, с.134]. Интеллектуальная, увлекательная проза писателя прочитывается в оптике филологического ракурса, имеющего давнюю традицию в мировой науке. Транснациональная история и культурный трансфер, магический реализм в прозе и публицистике нашего неповторимого мастера художественного слова «работают» на преодоление границ текста, культур, литератур. Диалог цивилизаций и культур немыслим без знания.

Мировые языки, культуры и книги – в центре повествования Мориса Симашко, который обладал уникальной способностью... Он словно рассказывает о себе, ведет, не прекращая,

диалог с читателем XXI века. Осмысление феномена Мориса Симашко продолжается.

Литература:

1. Симашко М. Прообраз Евразии и искушения Президента // Симашко М. Дорога на Святую Землю. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 1996. – С.83-100
2. ... И писатель, и друг, и учитель // Литературная газета Казахстана. 30 октября 2007 г. С.1-3
3. Симашко М. Великий Шелковый путь или анабазис с иностранцами // Симашко М. Дорога на Святую Землю. – Алматы: ИД «Жибек жолы», 1996. – С.5-58.
4. ЦГА РК. Опись №1. Дело №296.
5. Симашко М. Гу-Га // Симашко М. Семирамида. Гу-Га: Роман, повесть. – Москва: Советский писатель, 1990. – С.373-506
6. Симашко М. В Черных Песках // Симашко М. Маздак. Повести Черных и Красных Песков. – Алма-Ата: Жазушы, 1974. – С.369-429
7. Симашко М. Маздак // Симашко М. Маздак. Повести Черных и Красных Песков. – Алма-Ата: Жазушы, 1974. – С.13-228
8. Карлюкевич А. Читая материалы конференции. Морис Симашко: вторая жизнь Востока // Морис Шамис (Симашко). Третьи Международные литературные чтения, посвященные творчеству Народного писателя Казахстана. – Алматы: VESTA, 2023. – С.128-134
9. Ананьева С. Морис Симашко. Опыт филологического прочтения. – Караганда: Ekozhan, 2014. – 220 с.

Простор. – 2024. – №3. – С.3-10

БРУСИЛОВСКАЯ ЕЛЕНА

История как познание мира

100-летию со дня рождения Народного писателя Казахстана, лауреата Президентской премии мира и духовного согласия, номинанта Международного Казахского ПЕН-клуба на Нобелевскую премию по литературе, прозаика, сценариста, драматурга, переводчика М. Симашко была посвящена Международная научно-практическая конференция «Поэтика литературного текста и художественный перевод», состоявшаяся в Институте литературы и искусства имени М.О. Ауэзова.

Писатель и время

Принято считать, что самый главный судья, определяющий степень таланта писателя – это время. М. Симашко с честью прошел через это испытание. Его романы и повести были востребованы и при жизни писателя, их читают, о них спорят, их изучают и сегодня. Значит, писателю удалось достучаться до сердец, быть актуальным и нужным через годы и через расстояния. А это как раз то, что отличает литературу классического образца.

Не случайно многогранная личность Симашко, его удивительная, не похожая ни на какую другую, проза вот уже многие годы привлекает литературоведов. И не случайно вот уже четвертый год подряд Международные литературные чтения, посвященные его творчеству, собирают так много участников не только из Казахстана, но и ближнего, и дальнего зарубежья. На этот раз их принимал научно-культурный центр «Дом Ауэзова – подразделение Института литературы и искусства, который носит имя классика казахской литературы.

Открывая встречу, модератор конференции, заведующая отделом международных связей и мировой литературы Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова Светлана Ананьева отметила, что дом-музей Мухтара Ауэзова – это знаковое место для проведения Чтений, потому что обоих писателей связывали товарищеские отношения, а их творческие искания, интерес к истории находили много точек соприкосновения.

Как сообщил председатель совета Ассоциации «Мицва», член Совета Ассамблеи народа Казахстана Александр Барон, об этом можно прочитать в трех сборниках научных статей «Морис Симашко (Шамис)», которые изданы по материалам трех предыдущих литературных чтений. Он напомнил, что Симашко – это писательский псевдоним Мориса Давидовича. Он перевернул свою фамилию – Шамис, добавив к ней окончание – ко.

Светлана Ананьева зачитала слова приветствия участникам конференции от заместителя председателя Ассамблеи народа Казахстана, заведующего Секретариатом АНК Администрации Президента РК Марата Азильханова, в котором говорится, что

Морис Симашко основал новую школу исторического романа в Центральной Азии.

Кстати, сам Морис Давидович в одном из своих интервью на вопрос, почему он работает, в основном, с историческим материалом, ответил: «Потому что история повторяется, потому что она учит жить».

Светлана Ананьева озвучила еще два приветствия в адрес участников конференции – Народного писателя Казахстана Смагула Елубая и многолетнего партнера Союза писателей Казахстана – председателя Союза писателей Беларуси, директора – главного редактора издательского дома «Звезда» Алеся Карлюкевича.

– Чем больше мы будем обращаться к творчеству Мориса Симашко, тем больше мы сделаем по существу в деле сохранения гуманистических устремлений казахской, других национальных литератур и вообще мировой литературы в целом, – подчеркивалось в приветствиях.

Одним из лучших русских писателей века XX назвал Мориса Симашко генеральный директор ИЛИ имени М.О. Ауэзова Кенжехан Матыжанов.

У писателя были свои, особые отношения со временем и историей, которую он как бы чувствовал, и которая обступала его со всех сторон. Люди и события в «Повестях Черных и Красных песков», произведениях «Емшан», «Хадж Хайяма», «Искушение Фраги», романах «Колокол», «Маздак», «Комиссар Джангильдин», «Семирамида», в книге «Четвертый Рим» воплощают дух определенной исторической эпохи, – сказал Кенжехан Матыжанов.

Кроме того, он отметил, что проза Мориса Симашко известна далеко за пределами Казахстана, она переведена более чем на сорок языков народов мира. Произведения Мориса Симашко экранизированы, по ним созданы спектакли, которые идут на подмостках театров многих стран.

Как слово наше отзовется

Председатель Правления Союза писателей Казахстана, заслуженный работник культуры Казахстана, лауреат Президентской премии в области СМИ, прозаик, журналист Мереке Кулкенов также считает Мориса Симашко прекрасным писателем и прекрасным переводчиком.

– Есть расхожая фраза о том, что перевод начинается там, где заканчивается словарь. Я бы добавил, что перевод начинается там, где начинается настоящий талант переводчика, не уступающий автору – обязательное желание донести на языке перевода не только смысл произведения, но и всю красоту и мощь языка первоисточника. Для этого нужно не только знать психологию и традиции народа – носителя языка, но и любить его. Именно таким дарованием обладал Морис Симашко, – подчеркнул Мереке Кулкенов. При этом он добавил, что Симашко получил Государственную премию за перевод одного из произведений Есенберлина и таким образом стал первым писателем, получившим Госпремию за литературный перевод.

Да и сам Морис Давидович был самым переводимым казахстанским писателем, не случайно во Франции его называли «Морис Симашко, открывший Восток». Он действительно открыл Восток, и не только Западу, но и нам.

Мало кто знает, что Симашко был фронтовым летчиком, участником Великой Отечественной войны. В своей повести «Гу-га», вспоминая о товарищах по военно-авиационной школе, он повествует о том, как воевал в штрафбате, и что примечательно, повесть эта была первой в советской литературе книгой о штрафных батальонах. Позже она была экранизирована в двух сериях Одесской киностудией.

Режиссер-документалист, руководитель студии «ИКС-Б», заслуженный деятель искусств Республики Казахстан Александр Головинский, снявший о писателе фильм «Миры Мориса Симашко», рассказал о романе «Семирамида», за который Морис Давидович был выдвинут Международным Казахским ПЕН-клубом на соискание Нобелевской премии в области литературы.

– Для написания романа о Екатерине II Симашко пять лет собирал материал не только у нас, но и в библиотеках и архивах Петербурга. Сам Морис Давидович говорил: «Семирамида»– это мой антиПикуль... Важно было опровергнуть подхваченное публикой утверждение о том, что движущей силой русской истории является фаворитизм. Но куда, извините, девалось тогда просвещение?». И он задался целью – проследить его корни от Петра Великого через верную исполнительницу предначертаний преобразователя.

Обидно, что Нобелевский комитет обошел Мориса Давидовича, и я считаю, несправедливо, отдав предпочтение немецкому писателю Гюнтеру Грассу. Но вскоре выяснилось, что Грасс в годы войны служил в войсках СС «мертвая голова». И если бы это стало известно тогда, то его, естественно, никто бы не премировал.

Казахстан - зеркало мира

У Мориса Симашко было особое отношение к своей второй родине - Казахстану. «Казахстан–поистине зеркало мира со всеми его проблемами и надеждами, – писал он. –Представляя из себя сердцевину континента, он волею исторической судьбы вместил в себя, по выражению поэта, “все Бастилии грешной земли”. Мировые религии и сопутствующие им конфессии в той или иной мере представлены здесь и мирно соседствуют» ...

В результате зарубежных поездок писателя появилась прекрасная серия очерковых книг, и остается лишь пожалеть, что его долго не выпускали за границу, потому что уже первая командировка Симашко в Тунис обернулась блистательным очерком «Путешествие в Карфаген», а поездка в Израиль – публицистическим изданием «Дорога на Святую Землю», где Морис Давидович, размышляя о вечных вопросах бытия, рассматривает и идею евразийства.

Об этом также много говорили на конференции, в том числе доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей Казахстана и Исполкома Международного Казахского ПЕН-

клуба Аслан Жаксылыков; главный редактор журнала «Простор», секретарь Союза писателей Казахстана, прозаик, поэт Фархат Тамендаров; народный писатель Казахстана, заместитель главного редактора журнала «Простор», поэт, прозаик, публицист Любовь Шашкова; доктор исторических наук, профессор Казахского национального университета имени Аль-Фараби Лайла Ахметова и другие.

В рамках конференции по традиции были вручены медали «Морис Симашко». В этом году их обладателями стали Президент Международного Казахского ПЕН-клуба Бигельды Габдуллин, доктор филологических наук, прозаик, Председатель Совета по русской литературе и литературным связям СП Казахстана Аслан Жаксылыков, телеведущий Ноэль Шаяхметов, журналист Юрий Каштелюк.

Новым в проведении Чтений стало участие в них школьников алматинской средней школы №95, которые специально для конференции писали доклады и сочинения на тему произведений Мориса Симашко. Благодарственные письма им, а также педагогам школы вручал лично знавший Мориса Симашко старейший казахстанский писатель, поэт, литературный переводчик Адольф Арцишевский.

Главный эксперт управления по деятельности Республиканского дома дружбы РГУ «Қоғамдық келісім» Гульмира Билялова от имени Ассамблеи народа Казахстана вручила благодарственное письмо председателю еврейского этнокультурного объединения «Шалом» Инессе Чугайновой за вклад в укрепление мира и согласия в Казахстане.

*Казахстанская правда
1 апреля 2024 года*

Роман с историей

В Алматы состоялась Международная конференция «Поэтика литературного текста и художественный перевод», посвященная 100-летию народного писателя Казахстана Мориса Симашко.

Один из основателей жанра исторической прозы в Казахстане и во всей Центральной Азии, народный писатель Казахстана Морис Симашко (1924–2000) был литератором многогранного дарования.

В своих произведениях он не только раскрывал сюжеты из различных эпох, но и прокладывал культурные мосты между прошлым и настоящим. Через исторические события богатым и глубоким литературным языком, используя иносказания и метафоры, он говорил с читателем о непреходящих человеческих ценностях, предлагал подумать над темами, волнующими человека во все времена. Мастер исторической прозы, он также вошел в историю литературы как блестящий переводчик, автор публицистических произведений, пьес и киносценариев. Его творческое наследие представляет собой литературную, культурологическую, историческую ценность. Обо всем этом говорилось в ходе Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Народного писателя Казахстана Мориса Симашко (Четвертые Международные литературные чтения).

Организаторами крупной литературоведческой площадки выступили Ассоциация «Мицва», Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, Ассамблея народа Казахстана, Евро-Азиатский еврейский конгресс.

Участниками международной встречи стали крупные казахстанские литераторы и литературные переводчики, руководители Союза писателей Казахстана и Беларуси, Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, еврейской общины Казахстана, историки, журналисты, культурологи, общественные деятели, кинематографисты, эксперты Ассамблеи народа Казахстана, учащиеся алматинских школ. В онлайн-формате предста-

вили доклады ученые из стран ближнего и дальнего зарубежья, представители региональных вузов страны.

Конференция состоялась в Научно-культурном центре «Дом Ауэзова» – подразделении ИЛИ имени М.О. Ауэзова.

Модератором конференции выступила кандидат филологических наук, заведующая отделом международных связей и мировой литературы Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, член Правления Союза писателей Казахстана Светлана Ананьева. Открывая международную встречу, она назвала дом-музей Мухтара Ауэзова знаковым местом для проведения чтений: обоих писателей связывали товарищеские отношения, а их творческие искания, интерес к истории находили много точек соприкосновения. Об этом, напомнила модератор, можно прочесть в сборниках научных статей «Морис Симашко (Шамис)». Эти книги вышли за минувшие три года и включили материалы трех предыдущих Международных Симашкинских чтений.

В связи с этим Светлана Ананьева выразила признательность генеральному директору Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, доктору филологических наук, члену-корреспонденту НАН РК, заслуженному деятелю РК Кенжехану Матыжанову за возможность провести международную встречу в конференц-зале дома-музея.

Модератор поблагодарила литературное и литературоведческое сообщество за большое внимание к творчеству Симашко, к исследованиям его наследия. Как подчеркнула Светлана Ананьева, каждая работа на тему произведений Симашко открывает перед литературоведами новые, очень важные культурологические пласты.

– Хочу выразить слова благодарности главе Ассоциации «Мицва», члену Совета Ассамблеи народа Казахстана Александру Барону за инициативу организации чтений. Ежегодно, готовя конференции, мы перечитываем Симашко и с каждым разом находим в его прозе новые, глубокие смыслы, – подчеркнула она.

Светлана Ананьева зачитала слова приветствия участникам конференции от заместителя председателя Ассамблеи народа

Казахстана, заведующего Секретариатом АНК Администрации Президента РК Марата Азильханова.

«В этом году отмечается 100-летие одного из основателей жанра исторической прозы, мастера литературного перевода, народного писателя Республики Казахстан Мориса Давидовича Симашко. Морис Давидович был удивительным человеком, он был частью истории нашей страны со всеми ее трагедиями, перипетиями. У него был свой, особый путь писателя, который привел его в литературу через историческую науку», – процитировала Светлана Ананьева заместителя председателя АНК.

В приветствии подчеркивается, что Морис Симашко основал новую школу исторического романа в Центральной Азии. Он по-особенному относился к своей второй родине, Казахстану: Симашко говорил, что Казахстан – это центр мира. Здесь в той или иной степени представлены все мировые религии и конфессии.

«Нам остается великая и добрая память о нем как об историке-романисте, сценаристе, наследие которого составляет большую духовную ценность для молодого поколения и читателей его таланта», – зачитала модератор встречи.

В своем слове генеральный директор ИЛИ имени М.О. Ауэзова Кенжехан Матыжанов подчеркнул особую значимость творчества Мориса Симашко в развитии литературоведения – его произведения стали культурным явлением, они важны для понимания отечественной культуры, литературы, истории. Раскрыть многогранность творчества писателя помогают Международные литературные чтения.

– Четвертый год в Алматы, в городе, где жил и создавал художественные и публицистические произведения лауреат Премии мира и духовного согласия, номинант на Нобелевскую премию в области литературы за роман «Семирамида» Морис Симашко, мы проводим Международные литературные чтения, посвященные его творчеству. Многие интересные сюжеты о далекой и не столь отдаленной истории воплотились в литературных текстах, – подчеркнул Кенжехан Матыжанов.

По словам Генерального директора ИЛИ, ставший родным для Мориса Симашко Казахстан явился местом его вдохновения, реализации творческой мысли, задумок, планов. Признанный переводчик на русский язык произведений Ильяса Есенберлина, Габита Мусрепова, Утебая Канахина, Токена Алимкулова, Дукенбая Досжана и тонкий стилист Морис Симашко прекрасно понимал важность научного подхода к проблемам художественного перевода и продумывал оптимальные пути его развития, а проза Мориса Симашко известна далеко за пределами Казахстана, переведена более чем на сорок языков народов мира.

– У писателя были свои, особые отношения со временем и историей, которую он как бы чувствовал, и которая обступала его со всех сторон. Люди и события в «Повестях Черных и Красных песков», произведениях «Емшан», «Хадж Хайяма», «Искушение Фраги», романах «Колокол», «Маздак», «Комиссар Джангильдин», «Семирамида», в книге «Четвертый Рим» воплощают дух определенной исторической эпохи. Жанры произведений разнообразны: пьесы, повести, романы, очерки, этюды, орнаментальная проза, публицистика, – продолжил Кенжехан Матыжанов.

Генеральный директор ИЛИ имени М.О. Ауэзова напомнил, что произведения Мориса Симашко экранизированы, по ним созданы спектакли, которые идут на подмостках театров многих стран.

– Литература – сложный процесс, тысячами нитей связанный с состоянием общества. «В литературе не бывает других путей, кроме прямого», – был убежден казахстанский писатель Морис Симашко, который продолжает свой диалог с читателями и исследователями своего творчества уже XXI века, оставаясь одним из лучших русских писателей века XX, – особо отметил Кенжехан Матыжанов, пожелав исследователям новых научных открытий в результате современного прочтения художественных произведений Мориса Симашко.

Председатель правления Союза писателей Казахстана, Заслуженный работник культуры Казахстана, лауреат Президентской премии в области СМИ, прозаик, журналист Мереке Кулкенов назвал Мориса Симашко прекрасным писателем и прекрасным переводчиком.

– Есть расхожая фраза о том, что перевод начинается там, где заканчивается словарь. Я бы добавил, что перевод начинается там, где начинается настоящий талант переводчика, не уступающий автору – обязательное желание донести на языке перевода не только смысл произведения, но и всю красоту и мощь языка первоисточника. Для этого нужно не только знать психологию и традиции народа – носителя языка, но и любить его. Именно таким дарованием обладал Морис Симашко, – подчеркнул Мереке Кулкенов. При этом он добавил, что Симашко получил Государственную премию за перевод одного из произведений Есенберлина и таким образом стал первым писателем, получившим Госпремию за литературный перевод.

Эту тему поддержал президент Международного Казахского ПЕН-клуба, секретарь Союза писателей Казахстана, писатель, публицист Бигельды Габдуллин. Он также подчеркнул открытость и дипломатичность Симашко в общении. Это стало залогом его товарищеских и дружеских отношений с коллегами – представителями литературного сообщества страны. Во многом именно благодаря этим замечательным качествам основатель Международного Казахского ПЕН-клуба, Народный писатель Казахстана, впоследствии Герой Труда Казахстана Абдижамил Нурпеисов пригласил Симашко войти в состав руководства ПЕН-клуба.

Также в ходе открытия международной конференции Светлана Ананьева озвучила слова приветствия Народного писателя Казахстана Смагула Елюбая.

«Помню первое впечатление от чтения “Емшана”, который впервые поведал об истории кипчака султана Бейбарс. До этого мы почти ничего не знали об этом великом полководце – нашем предке, правившем Египтом. Морис Симашко был первопроходцем бейбарсоведения в Казахстане. Это был большой поступок гражданина, писателя. Мы никогда не забудем этот его подвиг!» – процитировала приветствие Светлана Ананьева.

Направил письмо приветствия конференции и многолетний партнер Союза писателей Казахстана – председатель Союза

писателей Беларуси, директор – главный редактор издательского дома «Звезда» Алесь Карлюкевич.

В нем, в частности, отмечается, что историческая проза представляет собой часть мировой культуры. «Не случайно всегда или почти всегда путь настоящих произведений, связанных с рассмотрением истории нашего общества на разных этапах, не просто, со многими сложностями выстраивался в поиске своего читателя. Не случайно литературно-художественная критика, стремящаяся обслужить современный ей литературный процесс, часто оказывалась в растерянности перед большими величинами, перед большими художниками слова, сумевшими создать яркие произведения, показать яркие художественные образы и символы.

Чем больше мы будем обращаться к творчеству Мориса Симашко, тем больше мы сделаем по существу в деле сохранения гуманистических устремлений казахской, других национальных литератур и вообще мировой литературы в целом», – подчеркивается в Приветствии.

В ходе конференции выступили писатели и литературоведы, филологи и кинематографисты. В их числе прозаик, доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей Казахстана и Исполкома Международного казахского ПЕН-клуба Аслан Жаксылыков; главный редактор журнала «Простор», секретарь Союза писателей Казахстана, прозаик, поэт Фархат Тамендаров; Народный писатель Казахстана, заместитель главного редактора журнала «Простор», поэт, прозаик, публицист Любовь Шашкова; заслуженный деятель искусств Республики Казахстан, кинорежиссер, продюсер Александр Головинский; доктор исторических наук, профессор Казахского национального университета имени Аль-Фараби Лайла Ахметова; главный эксперт управления по деятельности Республиканского дома дружбы РГУ «Қоғамдық келісім» Гульмира Билялова, другие эксперты.

В ходе конференции были торжественно вручены медали «Морис Симашко». В этом году их обладателями стали Президент Международного Казахского ПЕН-клуба Бигельды Габдуллин; доктор филологических наук, прозаик, председатель

Совета по русской литературе и литературным связям Союза писателей Казахстана Аслан Жаксылыков; телеведущий Ноэль Шаяхметов; журналист Юрий Каштелюк.

Также были вручены благодарственные письма ученикам и педагогам средней школы №95 за подготовку докладов и сочинений на тему произведений Мориса Симашко. Наряду с учителями наставником школьников выступил лично знавший Мориса Симашко писатель, поэт, публицист, литературный переводчик, киносценарист, ветеран казахстанского литературного сообщества Адольф Арцишевский. В ходе конференции дети выступили со своими материалами, их сообщения вызвали большое внимание.

От имени Ассамблеи народа Казахстана Гульмира Билялова вручила благодарственное письмо председателю еврейского этнокультурного объединения «Шалом» Инессе Чугайновой за вклад в укрепление мира и согласия в РК.

Глава еврейской общины Казахстана, председатель Ассоциации «Мицва», член Совета АНК Александр Барон поблагодарил присутствовавших на конференции экспертов, школьников, педагогов и всех ценителей литературы. Он напомнил, что наряду с Международными литературными чтениями о творчестве М. Симашко Ассоциация «Мицва» продолжает многолетний научно-исследовательский проект «История. Память. Люди». Его задача в том, чтобы через биографии людей рассказать миру о казахстанском обществе как об уникальной модели единства. Александр Барон пригласил всех экспертов Международных литературных чтений к участию в XII конференции «История. Память. Люди», которая запланирована на сентябрь этого года.

jewishkk.asia
22 марта 2024 года

ТҮЙІНДЕМЕ

Өлді деуге бола ма айтыңдаршы, өлмейтұғын артына сөз қалдырған.

Ол өмірді шексіз сүйген адам еді. Ол сынаптай сырғып, қызу қайнап жатқан өмірге бар болмысымен тиесілі еді. Нағыз Одесса тұрғыны ретінде, ол осы экзотикалық сөздің барлық мағынасында ақкөңіл адам болды. Яғни, мінезі ақжарқын, шынайы және бауырмал адам болатын. Адамдардың көңілін лезде көтеретін қара бұлтты жарып шыққан алтын күн іспеттес еді. Бұл біздің жеке пікіріміз емес, бүкіл интернеттегі ақпаратта жазылған пікір. Бұл жай ғана харизмасы жоғары адам емес, харизмасы басқа да керемет адами қасиеттерімен бірге тұтасып кеткен адам еді. Ақкөңіл адам деген – адамдарды жасына, мәртебесіне немесе кәсібіне қарай бөліп, алаламай әр түрлі адамдармен тез тіл табыса алатын адам. Мұндай адаммен сөйлессең жан сарайың ашылып, қасына топтасқан адамдар жайлылық пен жылулықты сезінетін еді. Ол кісінің кітаптары осы сөздерге дәлел. Кітаптары әлемнің ондаған тіліне аударылған. Керемет әңгімешіл, талғампаз стилист, Алла бере салған тарихшы еді.

Ол соңғы демі қалғанша, бар болмысымен тұтастай өмірге берілген адам еді. Өз шаңырағында ажал құшпады, оның тіпті өлуге де мұршасы жоқ болатын. Жазушы досымен кездесіп, оны шығарып салып тұрғанда, жол үстінде қайтыс болған. Өмірінің соңғы сәтінде олар оның жаңа ғана аяқталған «Төртінші Рим» атты кітабы жайлы әңгімелесіп, оны Гамбургтың ең жоғары ұпайы бойынша бағалап еді. Мұндай ыстық ықыласпен, осындай құмарлықпен тек қана соның кітабы жайлы ғана айтуға болатын. Кенет ол қызу талқының үстінде, қолын бір бұлғап, таң қалған кейіппен: «Ах!» деуге ғана шамасы келіп, бұл жалған фәнимен қоштасып кете барды...

Бұл ширек ғасырға жуық уақыт бұрын болған. Қайғыдан қан жұтып, көңіліміз сенбесе де, ол адамсыз өмір сүруді үйренуге мәжбүр болдық. Ол сенген жоқ. Ол мәңгілікке біздің жадымызда сақталып қалды. Мәңгілік мұра болып кітаптары қалды, оның жігерінді жанитын болмысы әр күнімізге мән беріп, рухымызды көтеріп жүр. Біз Маздақтың қарама-қайшылыққа толы дертті

монологын, «Семирамиданың» қатал нәзік даналығын, «Гу-га!» повесінің соңында түнек тұңғығындағы баянсыз албырт махаббатты ықыласпен тыңдап жүрміз, бізді иілмейтін «Комиссар Жангелдиннің» большевиктік темпераменті, білімге шақырған Алтынсариннің «Қоңырауы», «Емшанның» адамдар онымен бірге туып, бірге өлетін, өмір сүріп, ғайып әлемге сіңіп кететін мәңгілік ақиқаттары жаулап алады.

Ал сіз Қазақстанның халық жазушысы Морис Давидович Симашконың шығармашылығына арналған Халықаралық әдеби оқулардың осы төртінші жинағын оқыңыз. Кез келген бетін ашсаңыз, дана жазушының өлмес прозасымен байланыста болған кезде вольттық доғамен туындайтын, лезде пайда болатын ойлар мен сезімдердің тасқыны басып алады. Бұл сөзді кім оқитыны маңызды емес. Мейлі ол мүйізі қарағайдай Светлана Викторовна Ананьева сияқты масштабтағы әдебиеттанушы ғалым, мәдениеттану классигі Мұрат Мұхтарұлы Әуезов, Александр Шмидт немесе Надежда Чернова сынды ақындар болсын. Бұл Елена Брусиловская немесе Юрий Каштелюк сынды журналистер, оқушыларды аналитикалық ойлау жұмысының негіздерімен таныстыруға талпынып жүрген тіл мен әдебиет пәндерінің мұғалімдері Ирина Бобко мен Светлана Цой болуы мүмкін. Немесе өмірінде алғаш рет ғасырлар мен дәуірлермен тікелей диалог жүргізетін үлкен жазушының мәтінінің түпсіз тереңдігіне алғаш рет еніп отырған оқушылардың өздері болуы мүмкін. Кездейсоқ болса да, оның мәтіндерін түсінуге тырысқандарды оқудың бұл болжанып болмайтын жолына аяқ басқан кезде, сіз оның кітаптары соған арналған оқиғалардың жанып тұрған, сырлы мәніне тұтастай еніп кетесіз. Бұл олардың, егер қаласаңыз, тұрақты құндылығы, жазушының шығармашылық нақышының сиқырлы мәні.

Төрт жыл бұрын, бірінші жинаққа материалдар жинап жүрген кезде, бізді екінші жинаққа арналған мәтіндерді қайдан аламыз деген ой мазалады. Бірақ енді төртінші жинақ дүниеге келмекші, ал жазушы Симашконың шығармашылығының арнасы біз қадам басқан сайын тереңдеп бара жатыр, ал оның прозасынан туындаған ойлар мен сезімдер сұрапылы барған сайын шексіз, жылдам және еңсерілмейтіндей боп көрінеді. Ал біздің жанымыз бен жүрегіміз адам болмысының жаңа шыңы мен тереңдігін түсініп, өткір қырағылыққа ие болып бара жатыр.

Как живой с живыми говоря

Он был потрясающе жизнелюбивым человеком. Он весь безраздельно принадлежал быстротекущей и кипучей жизни. Как истинный одессит, он был жовиален во всех смыслах этого почти экзотического слова. То есть – жизнерадостен, искренен и доброжелателен. Он как солнце в облачный день, способное поднять настроение окружающим. Не мы говорим, мы цитирует Интернет. Это не просто харизматичный человек, хотя харизма часто идет в комплекте. Жовиальный – это человек, который легко находит общий язык с разными людьми, несмотря на их возраст, статус или профессию. С таким человеком приятно разговаривать, а его компания легко делает собрание людей теплым и комфортным. Тому подтверждением его книги. Они переведены на десятки языков народов мира. Блистательный рассказчик, изысканный стилист, историограф Божьей милостью.

Он безраздельно весь, до последнего вздоха, принадлежал жизни. Смерть не могла застать его дома, ему было недосуг встречаться с ней. Он и умер-то буквально на ходу, после дружеского застолья провожая сотоварища по перу на самолёт. В тот последний миг его жизни они говорили о только что законченной им книге «Четвёртый Рим», говорили, оценивая её по высшему гамбургскому счёту. Говорили горячо и страстно, лишь только так можно было говорить о его книгах. И вдруг он замер посреди движения, взмахнул руками, произнёс удивлённое «Ах!» и... умер.

Было это почти четверть века назад. Мы, оглушённые горем, вынуждены были поверить этому, вынуждены были приноравливаться к жизни без него. Он - не поверил. Он остался с нами. Остались его книги, их животворное дыхание осеняет наши дни. Мы вслушиваемся в противоречивый страстный монолог Маздака, в суровую нежную мудрость «Семирамиды», в нерассуждающую пылкую любовь у бездны мрачной на краю повести «Гу-га!», нас покоряют большевистский темперамент негибает

мого «Комиссара Джангильдина», зовущий к знаниям «Колокол» Алтынсарина, нас покоряют вечные истины «Емшана», с которыми человек рождается, живёт и уходит в небытие.

А вы откройте вот этот вот теперь уже четвёртый сборник Международных литературных чтений, посвящённых творчеству Народного писателя Казахстана Мориса Давидовича Симашко. Откройте на любой странице, и вас захватит половодье мыслей и чувств, что возникают, вспыхивают вольтовой дугой от соприкосновения с бессмертной прозой большого проникновенно мудрого писателя. И не суть важно, кто берёт слово. Будь то маститый учёный-литературовед масштаба Светланы Викторовны Ананьевой, классик культурологии Мурат Мухтарович Ауэзов, поэты Александр Шмидт или Надежда Чернова. То могут быть журналисты Елена Брусиловская или Юрий Каштелюк, учителя-словесники Ирина Бобко и Светлана Цой, озабоченные стремлением приобщить учеников к азам аналитической работы мысли. Или сами школяры, впервые в жизни, приникшие к головокружительным глубинам текста большого писателя, ведущего прямой диалог с веками и эпохами. Ступив, пусть даже невзначай, на эту непредсказуемую стезю чтения тех, кто пытается осмыслить его тексты, вы будете безраздельно вовлечены в обжигающую, сокровенную суть событий, которым посвящены его книги. В этом их, если хотите, непреходящая ценность, магическая суть творческой манеры писателя.

Четыре года назад, собирая материалы для первого сборника, мы не без тревоги думали, где же будем брать тексты для сборника второго. Но вот уже рождается сборник четвертый, а ощущение такое, что русло творчества писателя Симашко с каждым шагом нашим всё глубже, а стихия мыслей и чувств, порождаемых его прозой, всё необъятнее, стремительней и неодоливей. А души наши и сердца обретают пронизательную зоркость, постигая новые высоты и глубины человеческого бытия.

SUMMARY

As Alive With the Living Speaking

He was an amazingly life-loving man. He belonged indiscriminately to the fast-flowing and boiling life. As a true Odessite, he was jovial in every sense of this almost exotic word. That is - cheerful, sincere and friendly. He was like the sun on a cloudy day, able to lift the mood of those around him. Not we say, we quote the Internet. This is not just a charismatic person, although charisma often comes with the package. Jovial is a person who easily finds common language with different people, despite their age, status or profession. Such a person is pleasant to talk to, and his company easily makes a gathering of people warm and comfortable. His books are proof of this. They have been translated into dozens of languages around the world. A brilliant storyteller, an exquisite stylist, a historiographer by the grace of God.

He indiscriminately all, until his last breath, belonged to life. Death could not catch him at home, he had no time to meet her. He died literally on the move, after a friendly feast, seeing a fellow writer off to his plane. In that last moment of his life, they talked about the book "The Fourth Rome", which he had just finished, talking, evaluating it on the highest Hamburg score. They spoke passionately and fervently, the only way to talk about his books. And suddenly he froze in the middle of the movement, waved his hands, uttered a surprised "Ah!" and... died.

That was almost a quarter of a century ago. We, stunned by grief, had to believe it, had to adjust to life without him. He didn't. He stayed with us. His books remain, their life-giving breath illuminating our days. We listen to the contradictory passionate monologue of Mazdak, to the stern gentle wisdom of "Semiramis", to the unreasoning ardour of love at the abyss of gloomy on the edge of the story "Gu-ga! "We are conquered by the Bolshevik temperament of the unbending "Commissar Dzhangildin", by the call to knowledge in "The Bell" by Altynsarin, by the eternal truths of "Emshan", with which man is born, lives and goes into oblivion.

And you open this now fourth collection of the International Literary Readings dedicated to the works of the People's Writer of Kazakhstan Maurice Davidovich Simashko. Open on any page, and you will be seized by a flood of thoughts and feelings that arise, flash voltaic arc from contact with immortal prose of the big penetratingly wise writer. And it does not matter who takes the floor. Whether it is a venerable scholar of literature on the scale of Svetlana Viktorovna Ananyeva, a classic of cultural studies Murat Mukhtarovich Auezov, poets Alexander Schmidt or Nadezhda Chernova. These may be journalists Elena Brusilovskaya or Yuriy Kashteluk, word teachers Iryna Bobko and Svitlana Tsoi, concerned with the desire to introduce their pupils to the basics of analytical thought. Or schoolchildren themselves, who for the first time in their lives have plumbed the dizzying depths of the text of a great writer who is in direct dialogue with centuries and epochs. Stepping, even if unintentionally, on this unpredictable path of reading those who are trying to comprehend his texts, you will be indiscriminately involved in the burning, intimate essence of the events to which his books are dedicated. This is their enduring value, if you will, the magical essence of the writer's creative style.

Four years ago, collecting materials for the first collection, we not without anxiety thought where we would take the texts for the second collection. But now the fourth collection is born, and the feeling is that the course of the writer Simashko's creativity is getting deeper with each step, and the element of thoughts and feelings, generated by his prose, is becoming more immense, more rapid and irresistible. And our souls and hearts are acquiring a penetrating vision, comprehending new heights and depths of human existence.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Барон Александр Иосифович – председатель Совета О.Ю.Л. Ассоциации «Мицва», член Совета АНК (Алматы, Казахстан)
e-mail: baron@mitsva.kz

Азильханов Марат Алмасович – заместитель Председателя Ассамблеи народа Казахстана – заведующий Секретариатом Ассамблеи народа Казахстана Администрации Президента Республики Казахстан (Астана, Казахстан)

Сулейменов Олжас Омарович – директор Международного Центра сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, Герой Труда Казахстана, Народный писатель (Алматы, Казахстан)
e-mail: info.crc-kz@mail.ru

Ауэзов Мурат Мухтарович – культуролог (Алматы, Казахстан)
e-mail: fond@mukhtarauezov.kz

Матыжанов Кенжехан Слямжанұлы – Генеральный директор Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, доктор филологических наук, член-корреспондент НАН РК, Заслуженный деятель РК (Алматы, Казахстан)
e-mail: kmatyghanov@gmail.com

Кулкенов Мереке Абдешұлы – председатель Правления Союза писателей Казахстана, писатель, журналист, редактор, общественный деятель, лауреат Президентской премии в области СМИ, Заслуженный работник культуры Казахстана (Алматы, Казахстан)
e-mail:

Габдуллин Бигельды Кайырдосович – президент Международного Казахского ПЕН-клуба, секретарь СП Казахстана, писатель (Алматы, Казахстан)
e-mail: bigeldin@bk.ru

Елубай Смагул Абатович – писатель, драматург, член Союза писателей Казахстана и Международного Казахского ПЕН-клуба, Заслуженный деятель РК, Народный писатель Казахстана, Лауреат литературной премии тюркского мира, профессор Казахской национальной академии искусств имени Т. Жургенова (Алматы, Казахстан)
e-mail:

Мамраев Бейбут Баймагамбетович – политический и общественный деятель, дипломат, доктор филологических наук, профессор, действительный член Международной Экономической Академии Евразии и Академии педагогических наук Казахстана (Астана, Казахстан)
e-mail: b.mamrayev@gmail.com

Карлюкевич Александр Николаевич – председатель Союза писателей Беларуси, директор – главный редактор Издательского дома «Звезда», главный редактор правительственной и парламентской газеты «Звезда» (Минск, Республика Беларусь)
e-mail: karlykevich@yandex.by

Тамендаров Фархат Фаритович – главный редактор литературно-художественного журнала «Простор», секретарь СП Казахстана, член Союза писателей Казахстана и Международного Казахского ПЕН-клуба, Лауреат литературных премий, писатель, поэт (Алматы, Казахстан)
e-mail: farkhat_tame@mail.ru

Прокопенко Леонид Андреевич – заместитель Заведующего Секретариатом Ассамблеи народа Казахстана Администрации Президента Республики Казахстан (Астана, Казахстан)
e-mail:

Астанькович Дмитрий Валерьевич – председатель Ассоциации белорусских культурных центров Республики Казахстан «Родны кут», член Совета АНК, декан факультета «Музыковедение и фортепиано» Казахского национального университета искусств (Астана, Казахстан)
e-mail: Dmost_75@mail.ru

Әлмұхан Риза Тасқынғалиқызы – редактор научного отдела Казахского национального университета искусств, доктор филологических наук, преподаватель (Астана, Казахстан)
e-mail: riza_almuhanova@mail.ru

Ананьева Светлана Викторовна – заведующая отделом международных связей и мировой литературы Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, кфн, ассоциированный профессор, член Правления СП Казахстана и исполкома Международного Казахского ПЕН-клуба
e-mail: svananyeva@gmail.com

Баянбаева Жадыра Амангельдиевна – заместитель декана филологического факультета Казахского национального университета имени аль-Фараби, кандидат филологических наук (Алматы, Казахстан)
e-mail: bayanbaevazhadra@mail.ru

Брусиловская Елена Федоровна – академик Академии журналистики РК, лауреат премии Союза журналистов Казахстана
e-mail: viktor.brus@inbox.ru

Бурцева Алина Николаевна – магистрант Восточно-Казахстанского университета имени С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан)
e-mail: koltsova-alina2002@mail.ru

Арцишевский Адольф Альфонсович – член Союза писателей Казахстана и Международного Казахского ПЕН-клуба, Союза журналистов Республики Казахстан, Союза театральных деятелей и Союза кинематографистов Казахстана, поэт, прозаик (Алматы, Казахстан)
e-mail: adolf38@mail.ru

Ахметова Лайла Сейсембековна – профессор КазНУ им. аль-Фараби, доктор исторических наук, председатель комиссии по сохранению исторической памяти Ассамблеи народов Евразии (Алматы, Казахстан)
e-mail: laila_akhmetova@mail.ru

Багоцкий Сергей Владимирович – кандидат биологических наук, доцент Московского института открытого образования, ученый секретарь Московского общества испытателей природы, член Координационного Совета движения «В защиту детства» (Москва, Россия)

Вегвари Валентина Васильевна – профессор, доктор, руководитель Русского центра Печского университета (Печ, Венгрия)
e-mail: valjav@gmail.com

Весоловски Томаш – профессор биологии Wrocław University (Вроцлав, Польша)

Винник Розалинда – старший преподаватель кафедры русской филологии Западно-Казахстанского государственного университета имени М.Утемисова (Уральск, Казахстан)

Галай Карина Назировна – доцент кафедры русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (Москва, Россия), кандидат филологических наук
e-mail: galay_karina@mail.ru

Демченко Лариса Николаевна – кандидат филологических наук, ассоциированный профессор кафедры казахской, русской филологии и журналистики Восточно-Казахстанского университета имени С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан)
e-mail: dln1968@bk.ru

Демченко Алена Сергеевна – и.о. доцента кафедры русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета имени аль-Фараби, PhD (Алматы, Казахстан)
e-mail: alenchika@mail.ru

Джолдасбекова Баян Умирбековна – декан филологического факультета Казахского национального университета имени аль-Фараби, член-корреспондент НАН РК, доктор филологических наук, профессор (Алматы, Казахстан)
e-mail: baiyan.zholdasbekova@kaznu.kz

Джумагалиева Узим Зинешовна – заведующая кафедрой русской филологии Атырауского университета имени Халела Досмухамедова, магистр педагогических наук (Атырау, Казахстан)
e-mail: uzima8282@mail.ru

Джумагельдинова Дария Туkenовна – детский писатель, поэт (Астана, Казахстан)
e-mail: dariya777@list.ru

Долгушева Татьяна Владимировна – доцент УО «Alikhan Bukeikhan University», кандидат филологических наук (Семей, Казахстан)
e-mail: Aspasiya1971@mail.ru

Жаксылыков Аслан Жамелевич – член Международного Казахского ПЕН-клуба и Союза писателей Казахстана, председатель Совета по русской литературе и литературным связям, доктор филологических наук, профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан)
e-mail: aslanj54@mail.ru

Қалиасқарова Айнұр Тоқтарбайқызы – магистр педагогических наук, научный сотрудник Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК
e-mail: ainur_kali@inbox.ru

Калиева Альмира Кайыртаевна – заместитель Генерального директора по науке Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, академик МАИН, кандидат филологических наук (Алматы, Казахстан)
e-mail: Almira_kalieva.8@mail.ru

Козыбаев Сагымбай Кабашевич – профессор, Президент Академии журналистики Казахстана, доктор исторических наук, профессор КазНУ им. Аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан)

Маткеримова Раушан Ажарбековна – докторант Казахского национального университета имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан)
e-mail: raushan_2003@mail.ru

Мурадов Руслан – главный редактор «Вестника Международного института центральноазиатских исследований» (г. Самарканд, Узбекистан)

Кацев Александр Самуилович – литературовед, публицист, критик, специалист в области русской и кыргызской литературы; профессор, доктор филологических наук, академик Академии педагогических и социальных наук, академик Международной академии наук педагогического образования. С 2000 года заведовал кафедрой Международной журналистики Кыргызско-Российского Славянского университета (Бишкек, Кыргызстан)
e-mail: kacev@mail.ru

Кацман Юлия Николаевна – магистр гуманитарных наук Казахского национального университета имени аль-Фараби
e-mail: katsmanyulya@yahoo.com

Каשתелюк Юрий Исакович – редактор отдела информации и новостей газеты «Вечерний Алматы», прозаик, журналист (Алматы, Казахстан)
e-mail: k_regnum73@mail.ru

Кемельбаева Назгуль Лунашаровна – магистр Восточно-Казахстанского университета имени С. Аманжолова (Усть-Каменогорск, Казахстан)
e-mail: Kemelbaevan@mail.ru

Кривошапова Татьяна Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры филологии Казахстанского филиала МГУ имени М.В. Ломоносова (Астана, Казахстан)
e-mail: krivoshapova-t@yandex.Ru

Мукан Амангельды Оразбаевич – заведующий отделом театрального и киноискусства Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, член Союза писателей и Союза театральных деятелей Казахстана, кандидат искусствоведения (Алматы, Казахстан)
e-mail: amankeldi.mukan@gmail.com

Мун Ольга Александровна – докторант университета Оксфорд (Оксфорд, Великобритания)
e-mail: olya.mun@gmail.com

Оразбекова Зейне Скендировна – кандидат филологических наук, PhD, преподаватель отделения русского языка и литературы Сельджуковского университета (Конья, Турция)
e-mail:

Жанабаева Айнур Бериковна – докторант Стамбульского университета, Научно-исследовательский институт тюркологии (Стамбул, Турция)
e-mail: ainurzhanabayeva183@gmail.com

Оразбекова Фатима – педагог, член Союза журналистов РК (Карагатау, Казахстан)
e-mail: zerainura67@mail.ru

Орда Гүлжаһан Жұмабердіқызы – главный научный сотрудник Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, заведующая отделом казахской литературы и художественной публицистики периода Независимости, доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей Казахстана (Алматы, Казахстан)
e-mail: orda_68@mail.ru

Рақыш Жұмашай Сайлауқызы – директор Центра рукописи и текстологии Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, кандидат филологических наук (Алматы, Казахстан)
e-mail: zhumashay19@mail.ru

Рыбченко-Демьяненко Евгения Станиславовна – специалист сектора экскурсионно-массовой работы «Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского» (Семей, Казахстан)
e-mail: Zhenya.rybchenko@bk.ru

Сабыржанова Мереке Сабыржановна – докторант Казахского национального университета имени аль-Фараби, магистр гуманитарных наук (Алматы, Казахстан)
e-mail: merekesabyrzhankyzy@gmail.com

Сагинтаев Эмиль Борисович – магистр педагогических наук, преподаватель Казахского национального университета имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан)
e-mail: sagintajev@gmail.com

Таттимбетова Куралай Омирлановна – заведующая кафедрой русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета имени аль-Фараби, PhD(Алматы, Казахстан)
e-mail:tattimbetovak@gmail.com

Садвокасова Айгуль Какимбековна – председатель Научно-экспертного совета Ассамблеи народа Казахстан, заместитель директора Института прикладных этнополитических исследований (Астана, Казахстан)
e-mail:aigul-kaz@yandex.ru

Салыкова Эльмира Рахимжановна – руководитель международного отдела Национальной академической библиотеки Республики Казахстан (Астана, Казахстан)
e-mail:salykova-elmira@mail.ru

Хамраев Алимжан Тиликович – главный научный сотрудник Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК, доктор филологических наук (Алматы, Казахстан)
e-mail:alik182009@yahoo.com

Нурахунова Гунчам Майдановна – кандидат филологических наук, SDU university (Алматы, Казахстан)
e-mail:ethnic18@mail.ru

Нурахунова Гунчан – кандидат филологических наук, Университет Сулеймана Демиреля (Алматы, Казахстан)
e-mail:

Чернова Надежда Михайловна – поэт, прозаик, переводчик, критик. Член Союза писателей Казахстана, Совета по русской литературе и литературным связям СП Казахстана. Лауреат Международной литературной премии Алаш (Алматы, Казахстан)
e-mail:

Шагимолдина Маржан Омиркановна – магистр гуманитарных наук, научный сотрудник Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова КН МНВО РК (Семей, Казахстан)
e-mail: marzhanshagimoldina@gmail.com

Шашкина Гульжан Зеиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан)
e-mail: gulzhan-zein@mail.ru

Шашкова Любовь Константиновна – член Правления Союза писателей Казахстана, заместитель главного редактора литературно-художественного журнала «Простор», член Совета по русской литературе и литературным связям СП Казахстана. Народный писатель Казахстана, Заслуженный деятель Казахстана (Алматы, Казахстан)
e-mail: lubashashkova2010@mail.ru

Шмидт Александр Русланович – поэт, прозаик, издатель (Берлин, Германия)
e-mail: schmidt49@mail.ru

Щеголева Людмила Михайловна – председатель еврейского Этнокультурного общества «Бэяхад» (Экибастуз, Казахстан)
e-mail: lyudmila_schyogoleva@mail.ru

Информационное письмо

Приглашаем Вас
принять участие в **V ежегодных Международных чтениях**,
посвященных творчеству Народного писателя Казахстана, лауреата
Президентской премии Мира и духовного согласия, литературных премий
имени Абая и Беймбета Майлина, вице президента
Международного ПЕН клуба. Прозаика, сценариста, драматурга,
переводчика Мориса Симашко

Мероприятие состоится в 18 марта 2025 года.

Возможны следующие варианты участия: онлайн (Zoom, Skype, WhatsApp, Teams) и офлайн выступления с докладом, стендовый доклад, видео выступления в любом формате, презентации, отправленные заранее организатору конференции по почте (необходимо прислать текст статьи в электронном варианте или по почте). Доклады не выступающих авторов представляют как стендовые и включают для публикации в сборнике.

Число публикации от одного автора не ограничено. Организаторы оставляют за собой право выбирать и редактировать материалы для публикации. Приветствуются иллюстрации, полученные отдельным файлом (формат jpg).

Организационный взнос с участников конференции не взимается.

Требования к оформлению текста: шрифт Times Roman 14, интервал 1,5, поля 2 см. Сноски в тексте на источник литературы указываются в квадратных скобках в порядке упоминания их в тексте. Список литературы текста доклада приводится в конце.

К текстам прилагается информация об авторе: фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание, должность и место работы, контактные данные.

Рабочие языки конференции: казахский, русский, английский.

Пожалуйста, по всем вопросам обращайтесь по тел. +7 (727) 2734208, 2735449, а также по указанным адресам электронной почты.

Просим высылать тексты статей **до 1 февраля 2025 г. включительно** на адреса электронной почты: **baron@mitsva.kz, contact@mitsva.kz** и/или в печатном формате по адресу: **050004, г. Алматы, ул. Макатаева 88, кв. 22.**

Оргкомитет

*...Оставил я свое «я» там, в
Казахстане, в Азии. Там остались
зримые и видимые только мне призраки.
Тысячи призраков из моих книг.
Они уже послужили мне на славу,
теперь им служить людям. Дай Бог,
много лет многим людям, что хотят
знать историю и не повторять своих
вечных ошибок. А я... я пойду дальше.
Ведь нет края у человека ищущего, это
я понял за свою короткую длинную
жизнь. И нет смерти. Есть усталость
тела.
И перемена. И вечное движение...*

Шришмакко

Данный сборник издается в рамках общинного проекта
ОЮЛ Ассоциации «Мицва» Республики Казахстан
«История. Память. Люди»

Руководитель проекта Александр Барон

Алматы, 2024 г.

